

**В редакцию
не вернулся...**

**Вспомним всех поименно,
горем**

**вспомним своим...
Это нужно —**

не мертвым!

**Это надо —
живым!**

Роберт Рождественский

В редакцию **не вернулся...**

КНИГА ТРЕТЬЯ

Издание второе

**Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва • 1973

002

B11

Редактор-составитель
П. Д. КОРЗИНКИН

Константин Симонов О ТЕХ, КТО НЕ ВЕРНУЛСЯ

Чем дальше идет поиск, обращенный в прошлое, в годы войны, тем больше все новых и новых журналистских судеб встает перед нашими глазами. На всех этих судьбах безвременно поставила точку война. Ведь речь идет только о тех, кто не вернулся...

Но оборванные войной пути журналистов говорят о жизненной силе и мужестве, о душевной стойкости и о глубоком понимании своего гражданского долга, далеко уходящем за пределы выполнения профессиональных обязанностей.

Эта черта становится, пожалуй, особенно очевидной именно здесь, в третьей книге. Чуть ли не половина рассказанных в ней судеб — это судьбы людей, до войны влюбленных в свою журналистскую профессию, но во время войны выполнявших свой долг перед Родиной там, куда их привели военные обстоятельства и собственное желание непременно быть в бою, на передовой линии борьбы, даже если эта передовая проходит где-то в глубоком тылу врага.

В этой книге рассказаны судьбы сержантов и замполитруков, командиров батарей и рот, судьбы журналистов, ставших командирами полков и начальниками артиллерии дивизий, партизанами, диверсантами, подпольщиками,

наборщиками и печатниками тайных типографий в тылу врага, членами антифашистских организаций в гитлеровских лагерях и тюрьмах.

Довоенные предыстории этих людей очень похожи на предыстории других героев этой книги, тех журналистов, которые и на войне остались журналистами и погибли, исполняя свой прямой журналистский долг.

Истоки почти у всех схожи — районная или областная газета, иногда молодежная, иногда многотиражка, часто рядом с журналистикой — молодая тяга к стихам. А потом, во время войны, — самые разные военные пути-дороги, продиктованные воспитанным смолodu общим для всех чувством долга, дороги, на которых каждого из тех, о ком я говорю, так или иначе подстерегала смерть — одних в сорок первом, других — в сорок пятом.

В первой и второй книгах «В редакцию не вернулся...», особенно в первой, вышедшей шесть лет тому назад, были даны воспоминания о людях, широко известных в нашей литературе и журналистике. И это не удивительно. Тех, кого больше знали, чьи статьи и книги оставались у всех на памяти, — о тех прежде всего и вспоминали. О них было легче написать, легче выяснить обстоятельства их гибели.

Дальше, со второй книги, началась более трудная, кропотливая работа, которая нашла свое продолжение в третьем томе.

Очень многие из тех, о ком мы теперь вспоминаем, уходя на войну, были еще очень молоды как журналисты. То, что они успели сделать как штатские люди, осталось только в довоенных подшивках газет. А потом военный путь огромного большинства из них прошел не через полосы центральных газет, а через комплекты, часто разрозненных самой войной «дивизионок», страницы армейской и партизанской печати. И не так-то легко было проследить этот путь.

Порой еще труднее было разыскивать следы тех журналистов, которые воевали в строю, были партизанами

и подпольщиками. Даже сражавшиеся с ними бок о бок люди далеко не всегда знали про них, что они в прошлом были газетчиками.

И иногда выходило так, как вышло с Петром Назаренко. В селе Чертовец, на Украине, называли пионерский отряд и колхоз именем погибшего в этих краях Героя Советского Союза полковника Назаренко, и лишь потом, когда юные сельские следопыты стали собирать сведения о его биографии, выяснилось, что это тот самый Назаренко, который работал до войны корреспондентом «Красной звезды» в Средней Азии и след которого потерялся на войне.

В третьей книге «В редакцию не вернулся...» немало удивительных журналистских биографий, особенно связанных с партизанской и подпольной деятельностью. В ней много биографических материалов, собранных буквально по крупицам, в течение многих лет поисков, и, открывая эту книгу своим предисловием, мне хочется отметить не только кропотливый труд ее составителя, но и столь же самоотверженный, терпеливый, отнявший много времени и усилий труд авторов этого сборника, тех, кто восстанавливал и военные и довоенные биографии своих товарищей по журналистской профессии.

В некоторых случаях в этом сборнике предоставлено слово и близким людям ушедших. О невозвратимых потерях всегда трудно говорить. Но когда человек погибает за Родину и когда его жизненное поведение может служить образцом для других, то воспоминания близких о таком человеке — не только дань его памяти, но и выполнение общественного долга.

Мне кажется, что читатели этой книги испытают то же чувство, что и я. Мне было трудно без волнения читать человеческие документы того времени, отрывки из дневниковых записей, страницы фронтовых писем, стихи и песни, в которых рядом с поэтическими несовершенствами присутствуют пронзительная искренность и берущая за душу чистота чувств.

В некоторых письмах читателей, присланных в Издательство политической литературы после выхода первых двух сборников «В редакцию не вернулся...», были высказаны пожелания, чтобы в следующих сборниках рядом с воспоминаниями о погибших журналистах были напечатаны хотя бы некоторые их фронтовые очерки, корреспонденции, репортажи.

Желание понятное. Но если пойти по этому пути, то наше издание разрослось бы до слишком больших объемов и не выполнило бы своего основного назначения.

Итак, вы сейчас открываете новую, третью книгу, посвященную памяти журналистов, погибших за свободу и независимость нашей Родины.

**Всем, что есть у тебя живого,
Чем страшна и прекрасна жизнь —
Кровью, пламенем, сталью,
словом,—
Задержи врага. Задержи!**

Ольга Берггольц

Юлий Зельвенский

**ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ
ОБЯЗАННОСТЕЙ...**

Короткая справка Центрального военно-морского архива: «9 апреля 1942 года приказом НКВМФ № 0701 капитан Шереметьев М. Р. исключен из списков командного состава ВМФ, как погибший при исполнении служебных обязанностей». И больше ничего. Ни точного места, ни обстоятельств гибели.

Мы можем добавить: место гибели — Финский залив Балтийского моря, на берегах которого прошла почти вся флотская служба Михаила Романовича. Обстоятельства... А так ли важны эти обстоятельства? Осколок бомбы с пикирующего бомбардировщика «Ю-87», или торпеда с фашистской подводной лодки, или мина, разворотившая борт корабля? Разве в этом дело? Погиб Шереметьев на боевом посту при исполнении служебных обязанностей военного корреспондента газеты «Красный Флот»...

Мое знакомство с Михаилом Романовичем началось так.

В предвоенные годы бурно рос флот. Вступали в строй новые корабли, создавались укрепленные районы, усложнялись задачи боевой подготовки. Усиливалась роль командиров отделений, старшин групп. В середине 1939 года в редакции «Красного Флота» решили регулярно публиковать «Страницу младшего командира». Поскольку я незадолго перед этим сам был старшиной на крейсере «Красный Кавказ», возложили дело на меня. Стал подбирать авторов, которые и службу флотскую знали и могли бы живо и интересно писать о такой на первый взгляд сухой материи, как

методика обучения и воспитания матросов. Опубликовали одну «Страницу», другую. Приток материалов усилился.

В очередной почте нахожу корреспонденцию с одной из батарей береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота. Несколько тетрадных листков, исписанных твердым убористым почерком, сразу привлекли внимание. И по теме, и по содержанию, и по литературной форме корреспонденция резко отличалась от обычного редакционного «самотека». Внизу подпись: капитан М. Шереметьев и адрес с номером воинской части. Выясню, кто же автор? Оказалось, командир 311-й батареи 31-го отдельного артиллерийского дивизиона Южного укрепленного района КБФ. Совсем обрадовался, признаться, не так уж часто писали нам по собственной инициативе строевые командиры.

Корреспонденцию Михаила Шереметьева с очень небольшой правкой напечатали в очередной «Странице младшего командира». Завязалась переписка с автором. Дали ему одно задание, другое. Выполнял он их аккуратно и добросовестно. Его статьи привлекали глубоким знанием воинской жизни. Автор умел передать такие ее детали, такие тонкости, которые обычно ускользали от внимания профессиональных журналистов. И не просто передать, а раскрыть перед читателем ярко, впечатляюще.

В то время у нас в редакции, да и в других военных газетах, ходила поговорка: «Устав на оперу не переложить». Ее придумали те, кто не утруждал себя поисками, кто переносил на страницы газеты язык военных инструкций и наставлений. Своими корреспонденциями Михаил Шереметьев сразу проголосовал за творческое освещение вопросов боевой подготовки. Писал ли он о тренировке огневого взвода или об умении старшины использовать индивидуальные качества матросов, все строилось у него на интересных, поучительных фактах, содержало то новое, что рождалось в практике повседневной жизни. Было заметно, как с каждым выступлением в газете крепло журналистское перо Шереметьева.

Естественно, возникло предложение о переводе Михаила Романовича на службу в редакцию. Получили его согласие. Велись переговоры с начальством, кадровиками. Но тут началась война с белофиннами. Балтийские артиллеристы принимали самое активное участие в боях, об уходе в это время командира батареи со своего поста не могло быть и речи.

Но и в тяжелую военную пору не забывал Шереметьев о газете. Очевидно, писать стало для него уже органической

потребностью. И он прислал нам материалы, в которых чувствовалось дыхание боя. Это были до предела лаконичные рассказы о людях на войне. Об артиллерийских разведчиках, наводчиках, заряжающих, их мужестве, воле и самоотверженности.

Окончилась финская кампания. Однако прошло немало времени, прежде чем был разрешен перевод Шереметьева в редакцию. Кому охота отпускать командира с боевым опытом! Может быть, настойчивые ходатайства редакционного руководства и не увенчались бы успехом, не окажись в служебной аттестации Михаила Романовича строчки, внесенной рукой внимательного начальника: «Имеет склонность к литературному труду». Возможно, она и перетянула чашу весов. Так или иначе, но 10 сентября 1940 года капитан Шереметьев был назначен заместителем начальника отдела боевой подготовки редакции газеты «Красный Флот».

Вот тогда и состоялось наше личное знакомство. Читая корреспонденции Михаила Романовича, я всегда представлял высокого, атлетически сложенного человека с громким «командирским» голосом и порывистыми движениями. На самом деле это был среднего роста спокойный человек, на первый взгляд даже несколько медлительный. Привлекали внимание его глаза. Светлые, глубокие, они в упор доброжелательно смотрели на собеседника. На Шереметьеве ладно сидел флотский китель, правда без особой лихости, свойственной корабельным офицерам. На груди блестела медаль «За боевые заслуги», редкая в то время награда среди журналистов.

Михаил Романович был немногим старше самых молодых сотрудников редакции. Но жизнь с малолетства вела его не по ровной дороге, а по ухабам. Поэтому обладал он значительно большим жизненным опытом, чем любой из нас.

Рос Шереметьев в селе Еленовка Донецкой области. Край этот особенно пострадал в годы гражданской войны и разрухи. Трудно приходилось — было холодно и голодно, потому, еще не успев набраться сил, подростки уходили на заработки. Такая доля выпала и Михаилу. С двенадцати лет батрачил он у кулака, потом бегал рассыльным на телеграфе и в сельсовете, пока не удалось поступить в железнодорожную школу станции Дебальцево. Окончил ее, работал радистом на Северо-Донецкой железной дороге, а осенью 1928 года комсомол направил его в Одесскую артиллерийскую школу имени Фрунзе.

...Сочетание десятилетнего опыта флотской службы и недюжинных литературных способностей помогло Шереметьеву быстро освоиться в редакции. Он хорошо знал читателей газеты, их интересы, и поэтому предлагаемые им темы всегда были актуальны, написанные или организованные им корреспонденции били точно в цель. Михаил Романович внимательно присматривался к работе опытных журналистов, жадно впитывал все ценное из их практики.

Меньше года прошло с момента его прихода в редакцию, а Михаил Шереметьев уже занял место в ряду ведущих журналистов «Красного Флота». И естественно, что в первые же дни Великой Отечественной войны он выехал на родной Краснознаменный Балтийский флот.

Там, на северо-западе, у Финского залива, сразу же сложилась очень трудная обстановка. Фашисты рвались к Таллину. Флот, береговые батареи побережья и островов, прилегающих к городу, закрывали вход вражеским кораблям в Финский залив. Кроме того, эти оборонительные сооружения прикрывали наши передовые морские позиции, откуда активно действовали балтийские катера и подводные лодки. Там же находились и аэродромы, с которых советские летчики наносили первые бомбовые удары по столице фашистской Германии — Берлину. Вот почему гитлеровцы с особым ожесточением, не считаясь с потерями, стремились возможно скорее захватить столицу Советской Эстонии. В их планы входило занять Таллин в первую неделю войны. Отвага и мужество советских воинов сорвали этот замысел.

Среди героических защитников Таллина и провел первые месяцы войны Михаил Шереметьев. Это не совсем точно — «провел» среди защитников Таллина. Он был одним из них.

Считанные минуты проводил Шереметьев на «Виронии», где располагалась оперативная группа штаба Краснознаменного Балтийского флота и где корреспонденты получали информацию о ходе событий. А потом отправлялся на самые горячие участки. В редакцию поступали его корреспонденции о том, как наши торпедные катера потопили в Ирбенском проливе группу фашистских транспортов с войсками, боевой техникой и горючим. Он сообщал о действиях кораблей, помогавших сухопутным войскам огнем своих орудий сдерживать врага, изматывать его силы.

В одно из подразделений Шереметьев попал, когда от дивизиона осталось всего три боеспособных орудия. Шел бой с самоходными пушками противника. Для него, в недавнем

прошлом командира батареи, ослепительные вспышки и грохот залпов, свист ответных снарядов, разрывающихся поблизости, — привычная обстановка.

А когда самоходные орудия подошли совсем близко и пришлось вести огонь прямой наводкой, Шереметьев просто забыл, что он корреспондент. Он снова стал артиллеристом. Только когда запылали две вражеские машины, а остальные повернули обратно, Михаил Романович вернулся к своим журналистским обязанностям. Тут же на огневых позициях он набросал корреспонденцию о героях-артиллеристах.

Два месяца продолжались ожесточенные бои в этом районе. Трагическая и мужественная страница в огромной книге войны. Только в самом конце августа начался отход наших войск на восток. Гитлеровцы хвастливо заявляли, что Балтийский флот окружен и ни один корабль не вырвется из Таллинской гавани. Героическая эпопея прорыва фронта и драматический переход из Таллина в Кронштадт уже неоднократно описаны. Около двухсот кораблей и транспортов преодолели все преграды. Но часть кораблей погибла. Многие из участников прорыва не увидели родной земли. Не увидел ее и военный корреспондент газеты «Красный Флот» Михаил Романович Шереметьев.

Лев Самойлов

ПЕСНЯ ОСТАЕТСЯ В СТРОЮ

Писать мне о нем трудно. Трудно потому, что стоит лишь погрузиться в воспоминания, и встает передо мной совсем молоденький стриженный паренек с задумчивым взглядом серых глаз — взглядом, идущим из далекого далека. Пареньку не дано было постареть...

Писать мне о нем легко. Легко потому, что четверть века назад мы были почти ровесниками и были друзьями.

В редакцию газеты «Красный Балтийский флот» Василий Скрылев пришел в 1940 году из 94-го отдельного артдивизиона. Брюки из грубого сукна, новенький, еще ни разу не стиранный воротник, новая бескозырка — все его обмундирование буквально кричало: «Внимание — новичок!» Говорил Вася тихо, слегка заикаясь. Смущаясь, не краснел, как иные, а, наоборот, бледнел. Обычно спокойный, несуетливый, он решительно вставал на защиту товарища, если видел по отношению к нему несправедливость.

Вася писал стихи. Большей частью это была лирика. Сначала о родном доме, о речке, о любимой девушке. Газета внесла в его поэзию новые мотивы: Балтику, курсантскую учебу, флотскую службу, штормовые походы, верность Родине.

Забушает Балтика
в день штормовой,
Запоет,
загремит волной,

и на фотографиях, принесенных братом, но отнюдь не то, которое помнилось мне. А ведь я художник, и у меня профессиональная зрительная память. Что же получается? Выходит, память моя, которой я до сих пор доверял, начинает сдавать. Печально, но факт. Прошло более четверти века, и, возможно, чьи-то другие черты понемногу заслонили образ друга.

А редакция деликатно торопит. Материал о Скрылеве нужен. И все же я делаю еще одну проверку. Посылаю уже готовый очерк товарищу, хорошо знавшему Скрылева, ныне работающему в «Ленинградской правде». Прошу его прочесть и высказать свое мнение. К очерку я приложил копию фотографии, присланной из архива. Правда, о фотографии я не обмолвился ни словом. Ответ из Ленинграда пришел быстро. Товарищ высказал ряд своих соображений и замечаний но очерк одобрил. О фотографии же ничего не написал.

А ровно через десять дней случилось неожиданное. В Москве я встретил бывшего военного корреспондента и старшину нашей редакционной команды. С ним мы вместе служили, вместе пережили трагический Таллинский переход и с того времени не виделись. У него сохранилась фотография Скрылева. И едва я взял ее в руки, как понял — произошла путаница. С этого снимка на меня смотрел настоящий Василий Скрылев! Именно тот Скрылев, которого я помнил. Выходит, на снимке, отправленном вместе с очерком в газету, был изображен кто-то другой. Выходит, напрасно я не доверял собственной памяти...

Немедленно звоню в редакцию, но, увы, поздно: материал опубликован, вместе с ним и фотография. Снова пишу в архив и спрашиваю, как могло такое случиться? Ответ гласил:

«...Как это ни прискорбно, а приходится признать, что с биографией Василия Скрылева произошла досадная ошибка... Путаница эта началась с ошибки, сделанной в свое время писарем Управления по формированию КБФ, который в списке потерь по редакции газеты «КБФ» за период с 28 по 31 августа... сделал исправление отчества Скрылева с Андреевича на Петровича.

...В карточку потерь на Скрылева Василия Андреевича занесено лишь его имя, отчество, звание и место службы».

В конце письма сообщалось: единственное, что удалось найти о Скрылеве В. А., — это его комсомольскую карточку, из которой следует, что родился он в 1917 году, призван Московским горвоенкоматом, до призыва работал счетоводом в совхозе «Бодрое».

Снова начинаю поиск почти затерявшихся следов, который приводит меня в подмосковный совхоз «Красный луч», некогда носивший название «Бодрое». Встречаюсь с людьми, знавшими Скрылева. Выуживаю из их памяти детали его жизни.

Короткая, внешне малопримечательная, жизнь нашего Скрылева в чем-то совпадает с жизнью того, другого Скрылева. Была и семилетка, и учеба в техникуме, была и самодеятельность, и увлечение русскими былинами, и гитарой, и небольшой, но приятный голос. В совхозе Василий Скрылев работал счетоводом. Откуда приехал — никто теперь уже не помнит, а установить трудно, не сохранились документы. Был он добрым, отзывчивым товарищем. Он хорошо пел, лихо плясал на клубных вечерах, играл на гитаре. Но главное — писал стихи.

И сейчас, когда я показал его фотографию парторгу В. К. Кириллову, тот как-то сразу просветлел, расправил глубокие морщины на лбу и сказал: «Как же, как же, помню! Вася Скрылев! Наш поэт!»

«Наш поэт!» — так его называли когда-то в «Бодром». Стихи Скрылева нередко появлялись в совхозной многотиражке, а однажды были помещены даже в «Комсомольской правде». Бывало, запершись после работы в бухгалтерии, Василий подолгу ходил из угла в угол, и за дверью слышались то невнятное бормотание, то восторженные восклицания. Он сочинял новые стихи о своем совхозе, о труде, о дружбе, о Родине, о юности, о любви...

На областном смотре художественной самодеятельности, проходившем в московском саду «Эрмитаж», Василий Скрылев был отмечен жюри. А когда композиторы братья Покрасс написали песню на его стихи — это стало радостным событием для всего совхоза. «Наш поэт!» — с гордостью и уважением говорили о нем товарищи.

Пришла пора служить в армии. Василия Скрылева тепло и ласково провожали всем совхозом.

...Случайная ошибка писаря. Но не случайно во многом схожи судьбы двух, не знавших друг друга пареньков, двух Василиев Скрылевых. Они родились и выросли в одно время, в одной стране, на одной земле, дышали одним воздухом и жили одними идеалами. За нее, за эту страну, они отдали свои молодые жизни.

И снова, и снова встает все тот же скорбный вопрос: сколько же их было — молодых, светлоглазых, коротко остриженных ребят, которым не дано было постареть...

Собрав по крупицам все, что сохранили в памяти люди, некогда знавшие моего друга, я снова возвращаюсь к очерку, напечатанному в газете «Страж Балтики».

«ПОЛУНДРА»

В тот период, когда Василий Скрылев пришел в нашу газету, в ней наряду с профессиональными, опытными писателями систематически печаталось много поэтов-моряков. В их числе и высокоталантливый Алексей Лебедев, чье имя навечно вписано в героическую летопись Краснознаменной Балтики. И в то время, когда со страниц газеты стих Лебедева уже звучал «свободно и раскованно», Скрылев лишь пробовал свой, еще не окрепший, ломкий, но чистый поэтический голос:

Пускай в шеренге запевал
Мой голос слаб еще и мал,
Я сердцем преданным пою
Отчизну милую свою!

Начало июня 1941 года было на редкость безоблачным и погожим. По прогнозам синоптиков лето обещало быть славным. Но международная обстановка была назлектризована до предела. В тягостном свинцовом предгрозые проходили учения Балтфлота. Чутко улавливая эту скрытую тревогу, Скрылев писал:

Победим, и все пройдем,
И врага раздавим.
Уважать Балтийский флот
Каждого заставим.

Это из стихотворения, напечатанного в номере от 17 июня 1941 года. А на второй день после начала войны в стихотворении «Вперед!» поэт призывал:

«Вставай, народ, вставай в последний бой!»

Если в мирные дни сорокового стихи Скрылева появлялись не очень часто и звучали не совсем уверенно, то с первой недели Великой Отечественной войны редкий номер

газеты обходился без них. Сняв, оборвав ученический период, естественный для каждого начинающего поэта в мирных условиях, война призвала Скрылева к активным боевым действиям, потребовала от него мобилизации всех сил и способностей. И в голосе молодого поэта появляются твердость и сила:

За счастье на земле,
За будущность веков
Вперед! Вперед, щетиною штыков!..

И как же радовался он, когда кто-то из корреспондентов газеты рассказал, что видел в кубрике одного корабля эти строки, написанные на кумаче как лозунг.

В мирные дни сатирический раздел газеты «Полундра» если и привлекал внимание Скрылева, то разве как читателя. Теперь же, отбросив неуверенность и сомнения, он предложил свои силы «Полундре». Делал подписи к карикатурам, писал стихотворные тексты к плакатам, пробовал себя в новом для него жанре — сатирической эпиграмме.

В «Полундру» пришли тогда уже известные писатели — Азаров, Браун, Инге и многие другие. Из периодической газетной рубрики «Полундра» превратилась в ежедневно действующее боевое подразделение газеты, с собственным, хорошо сработавшимся отрядом авторов. Равным среди равных был поэт-краснофлотец Василий Скрылев.

Вместе с моряками Краснознаменной Балтики, вместе с бойцами Красной Армии на защиту Таллина встали трудящиеся Советской Эстонии. Они возводили укрепления на подступах к своей столице, рыли траншеи, ставили надолбы.

Мы старались, чтобы сатирические залпы «Полундры» были слышны не только на боевых кораблях и в воинских частях флота. С газетных полос «Полундре» нужно было переходить на стены домов, бросаться в уличные атаки.

Решили выпускать в виде приложения большие многокрасочные плакаты — лубки на русском и эстонском языках. Название родилось из строк популярной в предвоенные годы песни: «Мы врага встречаем просто: били, бьем и будем бить!» И мы называли наш плакат коротко: «Бьем!» Я рисовал, стихи писали Всеволод Азаров, Юрий Инге, Николай Браун, Василий Скрылев.

Привыкшие к легким, бескровным победам, гитлеровские полчища натолкнулись на ожесточенное сопротивление. Геббельс сочинил легенду о якобы существующей мощной укрепленной «линии Сталина». На вздорную выдумку врага Скрылев ответил стихами.

От океана
до пенистых вод
Моря Балтийского,
Черного
Железобетоном могучим встает
Линия фронта упорного.
Знайте, фашисты,
снаряд не пробьет
То, что свободой спаяно!
Армия,
Флот,
Весь советский народ —
Вот она,
линия Сталина!

Используя численное и техническое превосходство, неся огромные потери, враг все же постепенно сжимал кровавую лапу на горле эстонской столицы. 24 августа в газете было опубликовано обращение Военного совета КБФ:

«Товарищи краснофлотцы, красноармейцы, командиры, комиссары и политработники!

Главная база нашего флота под серьезной угрозой вторжения врага... Настал грозный, решительный и ответственный момент в обороне Таллина».

В передовой статье, написанной Всеволодом Вишневским, говорилось, что Таллин — это «наша морская столица, аванпост на подступах к Ленинграду со стороны Балтийского моря».

Шапка на второй странице подчеркнута жирной красной полосой: «Товарищи балтийцы! Грудью защищайте подступы к Таллину! Бейте смертным боем наглого врага!»

На четвертой полосе, как всегда, «Полундра» — стихи Юрия Инге и Василия Скрылева.

В тот же день Вася подал редактору рапорт с просьбой послать его на передовую. Единственное, что следует сделать, считал он, — это взять в руки автомат и, если придется, встретить в бою свой смертный час.

Рапорт Скрылева редактор оставил без ответа...

Двадцать восьмое августа. Грохот боя не смолкает ни днем, ни ночью. Фашисты подступили к городской черте. Все виды пропусков для хождения по городу отменены. Всеволод Вишневский с небольшим отрядом моряков патрулирует по опустевшим улицам, охраняя порядок. Совсем еще недавно уютная и тихая улица Рауа, где размещалась наша редакция, оказалась в непосредственной близости от переднего края обороны. Приказано перебраться на улицу Пикк, расположенную на километр-полтора дальше от места боя.

Древние городские стены сплошь оклеены листовками с обращением Военного совета КБФ, командования армии, плакатами. Среди них наш «Бьем!» со стихами Скрылева на русском и эстонском языках.

Иду в типографию газеты «Коммунист», где печатается очередной, шестой выпуск. Стихи к нему написал Орест Цехновицер, серьезный ученый-журналист, до этого, как будто, никогда стихами «не баловавшийся». Нужно поторопить цинкографов: дорога каждая минута. Сейчас уже совершенно ясно, что Таллин вот-вот падет. Уходя, мы оставим на стенах этот наш последний плакат. На нем будет изображена гнусная, кровавая харя бесноватого фюрера. Стихи, переведенные на немецкий язык самим Цехновицером, кончаются словами:

Настанет день, когда уroda
 Ни черт, ни Геббельс не спасут.
 И распаленный гнев народа
 Над ним свершит свой правый суд!

Помню, вначале у Цехновицера было: «Ни черт, ни дьявол не спасут!» Скрылев невесело пошутил: «Черт и дьявол в общем одно и то же. Что они смогут! Его и Геббельс не выручит...»

И Цехновицер охотно внес поправку.

В типографии строгая, спокойная сосредоточенность. Печатники, наборщики, линотиписты заняты своим делом. Все, что происходит за толстыми стенами типографии, кажется каким-то тягостным наваждением. Здесь все как в мирное время. Разве что на столе нашего корректора лежит автомат, а на стуле висит сумка с противогазом. На небольшом кожаном диванчике, покрывшись газетой, кто-то спит. Тоже с противогазом через плечо.

— Скрылев,— тихо говорит мне корректор.— Зашел прочитать в полосе свои стихи и вот заснул в ожидании.

Я знаю, что Вася не спал уже несколько суток. Утром — погрузка свежих газет для отправки в части, днем — командировки на корабли, в боевые подразделения, вечером — редакционная работа, обязательно стихи, а ночью — вахта. Мы с Васей по очереди несем вахту у входа в редакцию. Иногда нас сменяют другие краснофлотцы. Ребят, занятых на выпуске газеты, ставить на вахту запрещено.

Услышав наш негромкий разговор, Вася вскакивает и смущенно улыбается. «Надо же! Разоспался...»

Шестой выпуск «Бьем!» готов.

Рядом печатается очередной номер нашей газеты. Последний номер в осажденном Таллине. Через всю первую полосу — красная, крупно набранная фраза: «Мы еще вернемся к тебе, Таллин!»

«ВАЛЬДЕМАРАС» ПОКИДАЕТ ГАВАНЬ

В третьем часу дня по приказу командования редакция переходит на «Вальдемарас». Это небольшой ледокол, недавно прорвавшийся в Таллин. Вместе с остальными Скрылев участвует в погрузке. Настроение у всех тягостное, подавленное, трудно смотреть друг другу в глаза...

Фашисты установили орудия возле «Русалки» и прямой наводкой бьют по гавани. В пятом часу вечера прорываемся в залив. Отсюда открывается ужасное зрелище: прекрасный древний Таллин сплошь окутан дымом пожаров. Беспрерывно грохочут взрывы. То тут, то там тяжело взлетают на воздух целые строения. Море зловеще-багровое, дышит затрудненно и тяжело. «Вальдемарас» медленно уходит от эстонского берега.

Мы с Васей спустились в матросский кубрик, где рябой, курносый матрос уступил нам свою койку. Ему все равно в походе не спать. Тревожные ночи, усталость, огромное напряжение дали себя знать, и Вася заснул первым. Я тоже почувствовал приближение тяжелой, томительной дремы. Но уснуть не успел. Страшный взрыв потряс наш маленький ледокол. Я вскочил и принялся тормошить друга. Не без труда мне удалось его разбудить.

— Пойдем, посмотрим, что случилось.

Вася только замотал головой, но вставать отказался. Слишком велика была, по-видимому, усталость. И он остался в матросском кубрике.

Я выскочил на верхнюю палубу и увидел, как битком набитое ранеными огромное госпитальное судно, шедшее впереди нас, погружается в воду. На ветру в последних конвульсиях бился белоснежный флаг с красным крестом.

Вторая торпеда взорвалась в носовой части нашего «Вальдемараса», там, где три минуты тому назад я оставил своего друга. Я видел, как прыгали в море люди. В последний раз видел Юрия Инге. Он спрыгнул с палубы, как был: в шинели, с противогазом через плечо...

РАВНЯЙТЕСЬ, ЗАПЕВАЛЫ

Василий Скрылев погиб 28 августа 1941 года в 6 часов вечера.

Перед памятью павших не лицемерят. Как поэт и журналист Скрылев только начинался. Но поэзия жила в нем органически, естественно, с самой юности. В свои двадцать три года он сделал самое важное, ради чего, пожалуй, только и стоило в те легендарные годы быть поэтом: он пел героике военных дней. Каждое его стихотворение шло к сердцам балтийских моряков, как страстный призыв к беспощадной схватке с заклятым врагом. Строки его стихов входили лозунгами в матросские кубрики. И лозунги эти стреляли, разили врага.

В 1961 году в Таллине на эстонском языке вышел сборник стихов и песен, созданных поэтами — защитниками города многовековой эстонской культуры. Среди них и стихи Василия Скрылева. Сборник называется «Стихи возвращаются в Таллин».

Радостно и торжественно становится на душе, когда видишь, как недопетая песня снова становится в строй.

Пусть на нее с уважением равняются сегодняшние молодые запевалы нашей родной, могучей Краснознаменной Балтики!

И заветом для них должны стать слова Василия Скрылева:

Лишь тот поэт флота быть достоин,
Кто в каждом слове,
в каждой строчке — воин!

Николай Кружков
НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДРУГ

Обычно редакционное утро начиналось у нас словами Бориса Светланова:
— Есть идея!

И он развивал перед товарищами эту идею.

В свою работу мы были влюблены с юношеской страстью, и нашу «Рабочую Москву» считали лучшей газетой в мире. Под ее сенью собралось в ту пору полтора десятка очень молодых парней. Исключение составлял редактор — старый большевик Дмитрий Васильевич Антошкин. Ему в то время было за сорок. Он учил нас жить и работать и с большой охотой прощал нам наши выходы.

В шуточной поэме, сочиненной коллективом местных авторов, о Борисе Светланове говорилось:

Светланов самый «импузантный»
Из всей семьи. И очень мил.
Свои газетные таланты
В «Московском дне» он применил.

Он действительно был полноват. Приветливый и добродушный, он злился только тогда, когда кто-нибудь допускал «ляп» в своей работе. В этом случае Борис был беспощаден. Он долгое время занимался «Московским днем», то есть отделом информации, но это вовсе не означало, что хроника и событийный репортаж были его профессией. Как и многие журналисты его поколения, он умел в газете делать все: верстать, писать передовые, очерки, фельетоны, корреспонден-

ции, быть организатором, агитатором, пропагандистом — словом, мастером журналистского цеха на все руки.

Перо у Бориса было острое, легкое, веселое. Писал он, помню, как тогда было принято, на длинных, похожих на обои, листах бумаги, мог писать в любой обстановке — в редакционной толчее, под шум разговоров, под стрекот машинок. Кабинеты в ту пору были редкостью, полагались только редактору и заместителю. Все остальные работники редакции сидели вместе в двух-трех комнатах.

В партию Борис вступил очень рано, подростком. Как рассказывал впоследствии бывший секретарь Липовецкого укома Борис Финкельштейн, к ним однажды пришел молодой розовощекий парнишка (лет 14—15) и сказал, что хочет быть большевиком и отдать жизнь за революцию. Он уже работал в подполье и помогал старшему брату-революционеру. Ему дали в руки винтовку и отправили в отряд по борьбе с бандитами, которых в ту пору — шел 1919 год — на Украине было полным-полно. А через месяц вручили партийный билет.

Партийный стаж для возраста Бориса был так неправдоподобно велик, что во время проверок документов Борису Финкельштейну, ставшему в Москве крупным издательским работником, приходилось не раз подтверждать, что рассказанное Светлановым — правда.

До того как придти в «Рабочую Москву», Борис Светланов редактировал газету в Богородске (Ногинске), заведовал отделом печати Рогожско-Симоновского райкома партии.

Борису всегда поручали самые боевые задания. В 1929 году во время конфликта на КВЖД он был фронтовым корреспондентом «Рабочей газеты» и массового журнала «Экран».

В ту пору Борис неоднократно встречался с командармом Блюхером, писал о нем. 24-летний журналист, понюхав пороку, заметно повзрослел.

Юность кончилась.

Всюду — на газетной и партийной работе — Борис Светланов всегда оставался самим собой: журналистом, глубоко заинтересованным общенародными делами, бесконечно любящим свою профессию... Он не окончил высшего учебного заведения: пора была трудная и ему пришлось начать работать очень рано. Но Борис был по-настоящему образованным человеком, многосторонним и талантливым. Говорить с ним было интересно, наши беседы длились часами, а дружили мы почти два десятка лет.

Журналистика была для Бориса одновременно и школой жизни и своеобразным университетом.

...Надвигалась большая война.

В беседах с друзьями, близкими людьми Борис Светланов выражал спокойствие и уверенность, обычный оптимизм ни на минуту не покидал его. Только маленькому сыну и крошечной дочке он стал уделять больше внимания, зная, что разлука близка. Сын, наслушавшись разговоров взрослых, катался по комнатам на игрушечном коне и махал игрушечной саблей — «готовился» к войне. Отца он называл «Львович».

Война застала Бориса в Риге. Он поехал туда, чтобы написать несколько очерков о жизни молодой Латвийской Советской республики.

Командировку пришлось прервать.

Ата Бельская

ТАКИМ ОН БЫЛ

Поздно вечером 24 июня 1941 года Борис Светланов прибежал ко мне в редакцию «Красного Флота» прямо с поезда. В Москву мужу удалось вернуться с трудом — состав бомбили фашисты. Он сказал, что едет на дачу к ребятам — дочке было десять месяцев, сыну — шесть лет.

— Отдохни, поедem завтра утром, — уговаривала я.

— Что ты! Завтра с утра я хочу быть в военкомате.

Утром Борис явился в военкомат и получил назначение в дивизионную газету Юго-Западного фронта. Пока дивизия народного ополчения формировалась в Калуге, Борис приезжал два-три раза в Москву за оборудованием для походной типографии, за литературой, бумагой, комплектами «Красной звезды». Он был энергичен, бодр, полон творческих планов. С увлечением рассказывал о своей маленькой редакции. В победу он верил непоколебимо, ни на минуту не сомневался, что увидит ее.

...Передо мной небольшая стопка уже пожелтевших от времени листков — письма Бориса. Часть из них написана в Калуге. И всего несколько открыток с обратным адресом: «Действующая армия, полевая почта 941, литер «Б»».

Фронтовая жизнь Бориса была недолгой — всего месяц.

Последняя открытка помечена датой «6 сентября 1941 г.». Он писал: «Жив, здоров. Почта уходит. Будь молодцом, не падай духом. У кого крепче нервы, тот победит. Пишу тебе большое письмо. Целую крепко. Твой Борис». Это было написано после прорыва немцев на Десне, когда дивизия понесла тяжелейшие потери.

Затем молчание. Долгие месяцы ожиданий, тревог, надежд. Узнала, что товарищ, правдист, работавший с Борисом в одной дивизионной газете, ранен и находится в госпитале в Лисичанске. Пока туда дошел мой запрос, госпиталь перебросили в Пятигорск, потом в Чарджоу. Наконец на имя нашего друга, ныне покойного Якова Зиновьевича Викторова, пришел ответ: «К сожалению, ничего утешительного о судьбе Светланова сообщить не могу. Он был ранен в ногу в районе деревни Карпиловки, Пирятинского района, Черниговской области. Мы уложили его на санитарную повозку, которая вышла из села. Это было утром 15 или 16 сентября. Вот все, что я могу сказать. Остается только добавить, что обстановка сложилась в те дни очень тяжелая. Наши части, вырываясь из одного окружения, попадали в другое, и вполне возможно, что где-нибудь повозка попала в фашистские лапы. Не исключен и другой вариант — Светланава, как это часто бывало с другими ранеными, оказавшимися в подобном положении, подобрали колхозники и приютили у себя до лучших времен. Но все это — предположения, так как с того момента, как санитарка выехала из деревни, я Светланава больше не видел и через три дня был ранен, но не в ногу, а в руку, мог с трудом ходить, и это меня спасло...»

И потом — извещение из военкомата. «Ваш муж, старший политрук Борис Светланава пропал без вести. Вашим детям назначена пенсия».

Борис Светланава не возвратился в свою редакцию, ему не суждено было дожить до победы. Но в одном я была уверена. И если можно говорить об утешении, то в минуты отчаяния я вспоминала, как он мне сказал, прощаясь: «Не бойся, живым я им в руки не дамся. Ведь оружие при мне».

Он был сильным, волевым человеком.

Это я знала.

Письма Бориса, которые мы — я и дети — бережно храним, лучше всего расскажут о нем — настоящем коммунисте, настоящем человеке.

«Калуга, 30 июля. У меня дела идут хорошо. Работы прибавляется с каждым днем. Газета, окрещенная военкомдивом

«В бой за Родину», выйдет 1—2 августа. Если будет возможно, я тебе ее оказией вышлю. Пока выпускаем сводки, отдельные статьи из «Красной звезды». Газета прекрасная, я ее читаю взапас, она дает великолепный, интересный для всех и в то же время чрезвычайно поучительный для армии материал. Если у вас появился какой-либо интересный материал — вырежь и пришли. Пришли, что ты написала. Дорогой мой ученичок! С каким бы удовольствием я помог тебе, как встарь. Я вспоминаю об этом времени, как о золотых наших днях. Обо мне не беспокойся. В общем, я буду в такой же опасности, как ты, мой малыш. А пока ты на передовых позициях, а я в тылу... Да, надо будет драться всеми возможными силами. Другого выхода для нас физически нет. Без Советской власти — мы трупы. Отсюда надо сделать все выводы...»

«Калуга, 1 августа. Здесь дела постепенно налаживаются. Сейчас мы готовим первый номер газеты — он должен выйти завтра. Пока выпускаем сводки, да и то вчера наш приемник не работал и выбил нас из графика. Газетка маленькая, в две полоски, фабрично-заводского типа, но возни с ней порядочно. Народ пока в частях сырой, связи еще не налажены, части разбросаны на десяток километров в окружности, своего транспорта нет. Вчера весь день ходили по прикалужским лесам, искали части. Хорошо, что погода солнечная, да и леса под пока еще мирным здесь небом чудесные... Народ и обстановка очень интересны: большинство из областей фронтовых и прифронтовых или занятых немцами — люди немолодые, оставившие там семьи, имущество. Говорят о Гитлере с ненавистью, вспоминают о колхозной жизни, как о счастливых днях, перечисляют во всех подробностях колхозное добро, которым владели. Я задал одному бойцу вопрос: «Что сделают крестьяне, если враги предложат разделить колхозную землю и вернуться к единоличному хозяйствованию?» Он ответил: «Трудно это нам. Мы уже кучей привыкли. Так способнее. У многих семей все мужчины на фронте». Все это говорится без пафоса, как должное, спокойно. Немецкие насилия над Родиной и родными вызывают у простых людей один безусловный рефлекс — бить... Да, война подняла огромные людские массы, народ. Личная твоя судьба после этих разговоров кажется такой малозначащей...»

«Калуга, 5 августа. Вот и опять подвернулся случай написать тебе письмо. Боюсь, что этот случай последний, ибо идут упорные слухи, что мы на днях выезжаем на новое ме-

сто. Это не означает, что мы уже едем на фронт, ибо, к сожалению, мы к тому еще совершенно не готовы со всех точек зрения... Сегодня дождь, осенний, мелкий. Вот и катится к концу это лето, так печально начавшееся и не очень весело кончающееся. Как обычно, в облачные дни радиостанции Москвы работают с перебоями. Сводок не имеем. В такое время очень сумрачно на душе. Чувствуешь, как никогда, роль Москвы — сердца нашей страны. Знаешь, я стал в эти недели «чувствительным патриотом». Прежде это чувство было скрыто где-то глубоко и я не любил, избегал его внешних проявлений. Теперь оно вылезло наружу. Так бывает, когда любимое существо в опасности: все затаенные чувства к нему пробиваются на поверхность».

И еще одно письмо, перед самой отправкой на фронт:

«Калуга, 11 августа. Через несколько дней мне минет 36 лет. Странная вещь, но часто мои «юбилеи» застают меня вне дома. Вспоминается 14 августа 1919 года. Я приехал в Липовец с шифром из губкома для коммунистов, остающихся в подполье. Тогда наступали с одной стороны денкинцы, с другой — петлюровцы, где-то наседали поляки. Я был 14-летним парнишкой, но понимал положение и все же совершенно иначе его переживал. Прошло 22 года. И снова в сводке я читаю названия родных мест: Умань, Белая Церковь. Тогда мы были во много раз слабее нынешнего, весь мир был против нас, хотя непосредственный враг во много раз слабее теперешнего. Мы победили. 14 августа 1942 г. мы с тобой отпразднуем по-настоящему. Верно? Главное, крепкие нервы. Они нам не раз еще пригодятся...»

Борис погиб в 36 лет. Когда мы познакомились, Борису было 29 лет, и он уже редактировал «Авиационную газету» — орган ГВФ. А до этого работал в «Рабочей Москве», «Рабочей газете», «Правде».

Борис был старше меня всего на пять лет. Но он был не только моим мужем, отцом моих детей, но и терпеливым, вдумчивым учителем. Жизненный опыт по сравнению со мной у него был огромный. Он учил меня нелегкому ремеслу журналиста, строго относился к каждому написанному мною слову. И не только мне он отдавал свои знания — многие товарищи приходили к нему за советом. Да и сам он непрерывно учился. Уже взрослым и очень занятым человеком Борис изучил английский язык.

Журналисты 30-х годов, старшее поколение читателей помнят его острые, боевые выступления в «Правде», «Кроко-

дилье», «Большевиcтской печати». Перед войной, работая в издательстве «Москау ньюс», он редактировал журнал «Советленд», который выходил на английском языке и рассказывал о достижениях нашей страны,— Борис увлекся опытом зарубежной печати. Он изучал постановку дела в крупных английских и американских газетах, выписывал специальную литературу, писал о газетных монополиях Запада.

Борис Светланов был живым, подвижным, быстрым человеком. И в то же время удивительно усидчивым, ненавидевшим поверхность и верхоглядство. Я сохранила его картотеку, вырезки, папки — это удивительная журналистская лаборатория, где все продумано и рационально.

Прошло почти три десятка лет с тех пор, как война отняла у меня Бориса. Невысокий, коренастый, сероглазый, веселый и добрый человек...

Сын Бориса вырос. И у него уже родился сын.

Назвали его, как и деда, Борис Светланов. И хотелось бы, чтобы внук был таким же настоящим человеком, как тот, чье имя он носит.

Анатолий Щелоков В СТЕПИ ПОД ПИРЯТИНОМ

В центре села Богодуховка, Чернобаевского района, Черкасской области, стоит высокий гранитный памятник. Пятиконечная звезда, под ней портрет в золотой рамке, а ниже слова: «Писатель — воин Юрий Крымов. Погиб смертью храбрых в бою за Советскую Родину 20 сентября 1941 года».

У памятника часто бывают люди. Приходят труженики колхоза имени Петровского, учащиеся окрестных школ. Приезжают гости из Киева, Одессы, Ленинграда, Москвы и других городов страны, чтобы почтить память автора любимых книг — «Танкер Дербент» и «Инженер». Люди всматриваются в фотографию Крымова и бережно кладут букеты живых цветов к подножию памятника.

Каждый год в день гибели писателя здесь, у могилы Крымова, собираются его боевые друзья, бывшие работники газеты «Советский патриот». И тогда часто слышится: «А помнишь?», «А помнишь?»

Уже на пятый день войны Юрий Крымов ушел на фронт и стал литературным сотрудником газеты 26-й армии Юго-Западного фронта «Советский патриот». В этой редакции он и работал в июне — сентябре 1941 года.

Я хорошо помню день, когда Крымов появился в редакции. Высокий, широколобый, с васьиковыми глазами, в новеньком, с иголочки, военном обмундировании, с вещевым мешком за плечами, он вошел в палатку и протянул редактору

газеты «Советский патриот» батальонному комиссару Георгию Рыбину свои документы.

— Принимайте меня в семью фронтовых журналистов,— сказал он.

Все обрадовались приезду писателя, жали ему руку, а редактор, обратившись к Коле Викулову, сказал:

— Нашего полку прибыло,— вот тебе, секретарь, хороший помощник.

Но Крымов тут же попросил направить его в оперативную бригаду, которая все время находилась на передовых позициях.

В те дни наша 26-я армия вела кровопролитные бои на территории Западной Украины. Гитлеровцы уже хозяйничали в Стрые, Дрогобыче, Львове и продвигались к Киеву. Сдерживая натиск противника, советские войска перемалывали его живую силу и технику.

Несколько дней наша 26-я армия удерживала пограничный город Перемышль, на реке Сан, а потом сильным контрударом вышибла немцев из города, восстановила государственную границу и удерживала ее до тех пор, пока не получила приказ — отойти на запасные рубежи. В боях за Перемышль немцы в первый же день войны потеряли тысячи солдат и офицеров, сотни танков, автомобилей и другой техники.

Бои шли за каждый выгодный рубеж, каждую водную преграду. Юрий Крымов все время находился на передовых позициях, а по вечерам устраивался в наспех вырытом окопе или командирской землянке и писал в газету короткие очерки и зарисовки о героях боев, и посылал их в редакцию то со связными, то с первой попутной машиной.

Крымов своими глазами видел, как самоотверженно сражаются бойцы, его товарищи по фронту.

— Какие основные впечатления вынес я из первых дней пребывания на фронте? — говорил он на одной из редакционных летучек. — Во-первых, об армии. Она прекрасна в самом высоком смысле этого слова. Она прекрасна своей человечностью, своей волей к победе, своим неподдельным скромным бесстрашием. Люди жертвуют жизнью во имя Родины каждый час, каждую минуту. Иногда бойцы плачут, если приходится отступать от рубежа, который долго и упорно обороняли. Один командир сказал мне: «Я каждый вершок земли выкраиваю из своего сердца». Дивизия, в которой я пробыл четыре дня, дралась изумительно храбро. Она дважды от-

бывала у врага укрепленный район, уничтожила целиком две дивизии фашистов.

— Мы должны искать своих героев, показывать их в бою, раскрывать их характеры,— часто говорил Крымов. Страницы его блокнота были полны кратких биографий бойцов, набросков будущих статей и очерков.

По фронту гремела тогда слава о ленинградце лейтенанте Федоре Пастушенко. Это был парень невероятной храбрости и дерзости, выдержки и хладнокровия. Юрий Крымов во что бы то ни стало хотел познакомиться с ним и, как только представилась возможность, поехал на передовую. Писатель прибыл в роту Пастушенко на рассвете, а вскоре немцы начали первую атаку. Лейтенант Пастушенко, опасаясь за жизнь Крымова, несколько раз просил его уйти в тыл, но журналист отказался. Посматривая на Пастушенко сверху вниз — он был на целую голову выше командира стрелковой роты,— Крымов строго говорил:

— Я такой же солдат, как и вы. Покажите мне место, откуда можно вести прицельный огонь по фашистам.

Пастушенко указал ему огневую позицию на высотке, недалеко от артиллеристов, бивших по врагу прямой наводкой.

— Вот вам запасные диски к пулемету,— сказал лейтенант.— И наденьте каску.

На высоту шли четыре танка, за ними — пехота. И когда раздалась команда отсечь пехоту от танков, Крымов первым открыл огонь. Потеряв десятки убитых и раненых, оставив на поле боя два танка, гитлеровцы откатились на прежние позиции.

Несколько раз в течение дня враги предпринимали атаки, но бойцы Пастушенко встречали их метким огнем. В конце концов гитлеровцы переменили направление удара и атаковали соседнюю роту. Тогда Пастушенко поднял бойцов в контратаку, ударил гитлеровцам во фланг, и те едва унесли ноги. Крымов находился в рядах атакующих, убил нескольких фашистов, а когда вернулся в окопы, сказал:

— Какой молодец этот Пастушенко!

Несколько раз выезжал Крымов в роту Пастушенко и наконец написал очерк о нем.

— Будет судьба — напишу книгу о Пастушенко,— сказал Юрий редактору.

Но вскоре лейтенант Пастушенко геройски погиб в бою. Эту смерть Крымов переживал тяжело. Целую неделю ходил сам не свой, был неразговорчив и хмур. Жене писал:

«Ни одна смерть не ранила меня так, как эта. А в его полку ребята просто зубами скрипят от бешенства. Не одна сотня бойцов поклялась отомстить за смерть Пастушенко, и кое-кто уже сдержал свое обещание. Поклялся и я при случае рассчитаться с коричневой чумой».

И случай вскоре представился. Бои шли в районе Канева, рядом с могилой великого кобзаря Тараса Шевченко. Юрий Крымов, заметив, что наводчик станкового пулемета убит, сам лег у пулемета и встретил наступающего противника шквалом огня. Более 30 гитлеровцев осталось лежать на поле.

А бои принимали все более ожесточенный характер. Уже двадцать дней войска сражались в окружении. Бойцы пробивали себе путь огнем и штыком. Юрий Крымов не покидал пехоты, но как бы ни было трудно, никогда не забывал о своих журналистских обязанностях, и то с посыльным, то сам доставлял материалы в редакцию.

...Как-то во двор, где помещалась наша редакция, въехала легковая машина. Из нее вышел высокий грузный человек. Широко улыбаясь, он спросил у дежурного, здесь ли располагается армейская газета «Советский патриот».

— Здесь, — ответил дежурный.

— Тогда здравствуйте, — сказал он.

Это был Аркадий Гайдар.

Все сразу пришло в движение. Мы обступили Гайдара, а он, не переставая улыбаться, осматривал нас внимательно, будто искал кого-то.

— Не вижу своего друга, — сказал он. — Юрий Крымов у вас работает?

— У нас, Аркадий Петрович. Только его сейчас нет — на передовых. К вечеру, возможно, вернется.

— Ну тогда ведите меня к вашему редактору.

Но Рыбин уже сам шел навстречу Гайдару.

— Слышал ваш разговор, — сказал он. — Помогите мне, Аркадий Петрович, повлияйте на вашего друга. Никак не удержу его в редакции. Все время на передовой пропадает, а тут без него как без рук.

— Не могу помочь вам, комиссар, — ответил Гайдар. — Знаю Крымова давно. Не любит он сидеть в кабинетах. И правильно делает. Ну что он сможет написать, если будет сидеть в редакции?

— Ну вот, — обиженно ответил Рыбин, — выходит, и у вас я не нашел поддержки. Боюсь за Крымова. Того и гляди, голову сложит, тянет его в самые опасные места.

— Письмо у меня Крымову от его жены,— переменял тему разговора Гайдар.— Велено вручить в собственные руки. Придется подождать. А пока дайте, комиссар, почитать вашу армейскую.

Гайдар взял подшивку, ушел в сад и углубился в чтение. Часа три он добросовестно изучал газету, что-то записывал в блокнот, подчеркивал, ставил какие-то знаки на полях и наконец пришел в палатку редактора, куда на очередную летучку уже собрались работники редакции.

— Хорошо делаете газету, молодцы,— сказал Аркадий Петрович, когда ему предоставили слово.— Мне понравились статьи, рисунки вашего художника Рудакова, очерки, зарисовки. Но почему вы забываете о таком грозном оружии, как смех?..

— Правильно, Аркадий Петрович,— сказал Рыбин,— но где взять сатирика? Пришлите нам из Москвы, и мы заведем у себя отдел сатиры.

— Зачем из Москвы, у вас есть собственные юмористы.— Гайдар перелистал подшивку и начал читать:

Он в Польше был,
Париж бомбил.
В один прыжок
Манчестер сжег,
И Лондон им
Окутан в дым.
На нем за Брест
Железный крест,
Летал на Крит,
А в Луцке сбит.

— Кто написал эти стихи?

— Юрий Крымов,— ответил Рыбин.

— Ну вот, ему и перо в руки.

В эту минуту кто-то крикнул в окно: «Крымов приехал!», и Гайдар поспешил во двор редакции. Вышли вслед за ним и мы.

— Юрка! Гусар! Только сабли и не хватает. Давно на фронте?

— С первых дней.

— А как настроение, самочувствие? — сыпал вопросами Гайдар, обнимая Крымова.

— Самое боевое. Вот только с передовых вернулся.

— Ваш комиссар жаловался, что ты никакой дисциплине не подчиняешься, лезешь в самое пекло.

— Тут везде пекло. Как там моя Анка?

— Письмо тебе от нее. А ну, танцуй! — И Гайдар вытащил из планшета конверт.

Крымов не заставил себя долго уговаривать. Выбросив вперед правую руку, пошел по кругу.

— На, получай, честно заработал. Анка твоя жива и здорова, работает на оборонительных сооружениях.

Крымов разорвал конверт и углубился в чтение, а Гайдар отправился к машине и вернулся, прижимая к груди какие-то кульки и пакеты.

— Ужинать будем, товарищи. Я голоден как волк. Вот прихватил кое-что в военторге.

После ужина работники редакции ушли спать на сеновал, но мало кто заснул в эту ночь. Аркадий Гайдар рассказывал о Москве, о положении на других фронтах, а когда забрезжил рассвет, первым подхватился с плащ-палатки и заторопился к машине.

— Мы еще увидимся, товарищи, — сказал он.

Все вышли проводить Гайдара.

Печальный, задумчивый стоял Юрий Крымов и, когда машина скрылась из глаз, сказал:

— Вряд ли увидимся...

Через несколько дней связной привез Крымову записку от Гайдара. Крымов прочел вслух: «Юрочка! Будешь в Москве, передай — я в партизанском отряде. Вернусь, когда разобьем врага. Твой Аркадий».

Крымов бережно свернул записку и спрятал в планшет:

— Иначе Гайдар поступить не мог, — сказал он.

...А кольцо окружения продолжало сжиматься. Уже оставалось всего несколько деревень, не занятых врагом. По ночам в степи под Пирятином не затихало зарево пожаров.

В одну из таких ночей в редакции состоялось партийное собрание. Принимали в партию писателя Юрия Крымова. Принимали как воина, отличившегося в боях. Коммунисты собрались в густых зарослях кукурузы. Были выставлены дозорные на случай внезапного появления противника. Секретарь партийной организации политрук Алексей Царук зачитал заявление Юрия Крымова.

Потом Алексей Иванович Царук спросил, кто желает выступить, и почти все подняли руки. Говорили о храбрости Крымова, о его трудолюбии и вере в победу. А когда коммунисты единодушно проголосовали за то, чтобы принять его в партию, Крымов от волнения не мог сказать ни слова.

На этом собрании батальонный комиссар Рыбин доложил, что связь со штабом армии прервана и рано утром в деревню могут нагрянуть фашисты.

— Я принял решение пробиваться из окружения своими силами,— сказал в заключение редактор.— Ночью будем ехать, а дни пережидать в лесу.

Своими силами! Эти слова заставили задуматься... «Свои силы» насчитывали несколько офицеров, шесть девушек-наборщиц, двух корректоров и шесть шоферов. Кое-кто засомневался: пробьемся ли? Юрий Крымов сказал тогда:

— Я думаю, Георгий Георгиевич прав, колонна машин у нас небольшая. Все дело в дисциплине, да и полиграфические машины мы должны сохранить. Не оставлять же немцам линотип, ротацию и стереотипный станок.

— Можно уничтожить,— сказал кто-то.

— Это никогда не поздно,— ответил Крымов.— Туго придется — сожжем. А ночи — вон какие темные. Только ехать.

И вот колонна двинулась по дороге на Полтаву. На предельной скорости проскакивали мы села, уже давно занятые противником, изредка останавливались, чтобы уточнить маршрут, и снова трогались в путь.

Так удалось нам миновать четырнадцать деревень. Чувствуя приближение линии фронта, газетчики приободрились, повеселели. Юрий Крымов напевал вполголоса свою любимую песню, написанную Эрнстом Бушем:

Эх, раз, два, три,
Эх, раз, два, три,
Ты иди-ка, товарищ, к нам,
Ты иди к нам в единый рабочий стан
Потому, что рабочий сам.

Притихли, приумолкли села. Молчаливо стояли темные хаты, в которых спали немцы, возомнившие себя победителями. А машины неслись и неслись вперед, к линии фронта, к Полтаве и Краснограду, где залегли в обороне дивизии 26-й армии...

И вдруг остановка. Шепотом от человека к человеку передается приказ батальонного комиссара Рыбина — собраться у головной машины. Редактор, секретарь партийной организации Алексей Царук, Юрий Крымов и другие работники редакции все с автоматами в руках, готовые к бою.

— Впереди село Богодуховка, Чернобаевского района, — говорит редактор. — Проскочим его — считайте, что спасены. Еще раз предупреждаю: огня не открывать и в бой без необходимости не ввязываться. На всякий случай приготовьте канистры с бензином. Если придется драться, первая наша задача — уничтожить оборудование. Но это только в том случае, если придется драться, если мы будем обнаружены. А сейчас — по машинам!

И вот колонна понеслась по улицам села, утопающего в зелени садов и огородов. Впереди в сером рассвете раскинулась какая-то площадь. Вдруг по колонне ударили немецкие орудия.

— Уничтожить машины! — услышали мы приказ редактора.

Юрий Крымов, шофер Плахотный и я выскочили из автобуса на дорогу. Крымов открыл капот, я вылил на мотор канистру бензина, Плахотный поднес спичку, и огромное пламя взметнулось к небу. Запылали и другие машины. Стена огня нависла над дорогой. А немцы уже бежали к колонне, на ходу стреляя из автоматов. Нам ничего не оставалось, как отходить к кукурузным полям, раскинувшимся справа и слева от дороги. Отстреливаясь от фашистов, скрылись в кукурузных зарослях. Крымов вел огонь из ручного пулемета, а когда патроны в диске кончились, выхватил из кармана пистолет.

— Живым меня не возьмут!

В этот момент кто-то крикнул, что Крымова ищет редактор, и Юрий побежал куда-то вправо. Ко мне подполз Царук.

— Где все наши? — спросил он.

— Дерутся, — ответил я.

— Что будем делать?

— Будем драться.

— Чем? В моем пистолете осталось три патрона.

— У меня — два.

Алексей Иванович лег рядом со мной, и мы стали прислушиваться к трескотне выстрелов. Они гремели справа, слева и наконец замолкли. До слуха доносился только шорох листьев кукурузы.

— Все, — прошептал Царук. — Погибла наша редакция.

— Немцам машины не достались, не достались бы теперь люди.

— Не должны. Вон какое поле кукурузы, тут словно в лесу.

До самой ночи молча лежали мы на земле. А когда деревню окутала тьма, к нам подошла маленькая старушка с кувшином молока и хлебом.

— Поешьте, родимые. Ваших-то кого немцы забрали в плен, кого поубивали, а которые переоделись и ушли к линии фронта. Спрячьтесь у нас на сеновале, а утром пойдете до своих...

Почти до утра мы просидели на сеновале Матрены Ивановны Гаврющенко. Две ее дочери, Галина и Полина, рассказали нам о том, что происходит в селе. Из их рассказа мы поняли, что почти все работники редакции благополучно выбрались из Богодуховки. На душе стало легче.

Подвергать опасности этих добрых людей мы не имели права и попросили Галю и Полину достать нам гражданское платье. Часа через два девушки опять появились на сеновале. Они принесли пиджаки и брюки. Они же сообщили печальную весть — убит комиссар с орденом Трудового Красного Знамени на груди.

— Крымов! — воскликнул Царук. — Где он убит? Как? — закидали мы вопросами девушек, но те ничего не могли сказать.

На рассвете 21 сентября мы покинули Богодуховку, а через семнадцать дней в районе Краснограда перешли линию фронта и оказались в резерве Юго-Западного фронта, на станции Валуйки. Из окружения действительно вышли почти все работники редакции. Не хватало нескольких товарищей. И среди них — Юрия Крымова...

* * *

После освобождения Богодуховки было точно установлено, что Юрий Крымов погиб 20 сентября 1941 года. Труп его нашел и похоронил колхозник Алексей Яковлевич Коваленко. «Герой боролся с немцами до последней капли крови, пока коварный враг своим острым штыком не пронзил его грудь», — писал он в военкомат.

Коваленко нашел в кармане убитого военный билет, неоконченное письмо и открытку на имя Ю. Крымова.

Вот что писал Крымов своей жене за день до смерти:

«...Пылит дорога. Вереницы грузовиков и подвод. Тылы стягиваются к центру кольца. Строевые части отходят, перегруппировываются для решительного, прорывного удара. Кольцо сжалось чрезвычайно. Больше двигаться некуда.

В ближайшие часы надо ожидать решительного боя. Нет никакого сомнения в том, что соединение прорвется из окружения. Но как это будет? Какой ценой? Вот что не выходит из головы каждого командира.

И в этой грозной обстановке произошло одно событие, которое имеет для меня огромное значение... Ты понимаешь, я всегда чувствовал, что буду вступать в партию в обстановке жестокой борьбы. Но действительность превзошла все мои предчувствия. Я вступил в партию в тот момент, когда все соединение находится в окружении, то есть накануне решающего смертельного боя для меня и моих товарищей. На душе у меня удивительно спокойно и хорошо. В боевой обстановке я и вообще спокоен, а теперь к этой всегдашней уравновешенности прибавилось еще новое чувство. Гордость. Сознание того, что я прожил свою жизнь недаром, и если придется умирать, то недаром умру. И на тебя я надеюсь. Если ты останешься одна, то это тебя не сломит».

Но как же все-таки погиб Юрий Крымов? Каким был последний час его жизни?

Вот что рассказали мне четверть века спустя жители Богодуховки.

Колхозник Николай Алексеевич Коваленко:

— Перед вступлением немцев в Богодуховку меня вместе с другими ребятами решили эвакуировать на Урал. Но фашисты уже перерезали дорогу на Лубны, и пришлось возвратиться в деревню. Дома у нас были две лошади. Чтобы не сидеть сложа руки, я начал ломать и возить домой кукурузу. Однажды еду по краю поля. Меня кто-то окликнул. Пошел на голос и вскоре увидел среди снопов пятерых военных. Все они сидели на плащ-палатке, у каждого был пистолет.

— Не можешь ли ты достать нам гражданскую одежду? — спросил один из них.

— Могу, — ответил я.

— Постарайся, пожалуйста. И побыстрее, сам понимаешь, оставаться в селе нам нельзя.

Я поехал домой, собрал что было из старья, заехал к соседке Мотре Слуцкой. Она дала мне три пары старых брюк, и я снова вернулся к военным. Четверо тут же стали переодеваться, а пятый, самый высокий, с орденом на груди и двумя шпалами в петлицах, переодеваться наотрез отказался. Он все что-то писал. Как ни уговаривали его осталь-

ные, он не только не взял в руки, но даже не посмотрел на гражданские пиджак и брюки. Забрав сброшенное обмундирование, я поехал в деревню. В ту же ночь мой отец, Алексей Яковлевич, пошел в поле хоронить убитого немцами советского офицера. Когда я взглянул на убитого, то узнал того человека, который отказался переодеваться...

Механик колхоза имени Петровского Михаил Коваленко:

— В то время я был еще совсем пацаном. Однажды днем я услышал за кладбищем выстрелы и побежал туда. Схоронился за ветлами, стал наблюдать. На дороге стоял обоз. Немецкие солдаты кого-то увидели среди снопов скошенного хлеба и открыли огонь из автоматов. Из-за снопов послышались редкие выстрелы. Тогда немцы стали окружать поле. Несколько гитлеровцев упали на землю, остальные с автоматами наперевес бросились на кого-то и вскоре вернулись к обозу. Один из них нес в руках офицерскую планшетку, другой сапоги.

Когда наступила тишина и немецкий обоз отправился дальше, я вышел на дорогу и увидел сына Алексея Яковлевича Коваленко, Ваську. Он пас корову.

— Беги домой, скажи матери — немцы кого-то убили в снопах, — крикнул я.

Василий побежал к дому.

Софья Титовна Коваленко:

— Когда мой сын, Вася, прибежал домой и сказал, что в снопах лежит убитый советский офицер, моего старика дома не было. Еще несколько дней назад немцы арестовали его и погнали куда-то под Харьков. Но ему удалось бежать, и он вернулся в деревню. Вася повторил ему свой рассказ.

Всю ночь старик не мог уснуть. Утром, чуть свет, он и Василий взяли лопаты, рядно, платочек, чтобы закрыть лицо убитому и пошли к тому месту, где он лежал. Мой муж и сын выкопали могилу, завернули тело в шинель, накрыли лицо платком и рядом и зарыли. Документы Крымова они принесли домой, положили в железный ящик и закопали в огороде. Как только наше село было освобождено от гитлеровцев, мой муж отнес их в Чернобаевский райвоенкомат, откуда они затем были переправлены в Москву.

Вскоре после этого из Москвы прибыла комиссия. Могилу Крымова вскрыли, останки его перенесли в центр села и поставили памятник...

Всеволод Азаров

ЗАВЕЩАНИЕ

того жизнерадостного человека любили все, кто его близко знал. Веселый одессит, рабочий сахарного завода имени Благоева, Иоганн Зельцер с юношеских лет пристрастился к журналистике, был непременным участником заводской самодеятельности, активным рабкором.

Он родился в 1905 году в семье рабочего и белошвейки, с детских лет узнал, что такое нужда и голод.

Иоганн вырос в городе славных революционных традиций — городе, в котором рабочий класс мужал в борьбе с интервентами, контрреволюцией.

И характер свой, бурный и непосредственный, молодой рабкор тоже унаследовал от своего темпераментного неунывающего города.

В комсомол Иоганн вступил в год смерти Ильича.

А в 1927 году молодой одесский рабочий был призван в ряды Советского Военно-Морского Флота.

Иоганну повезло: из черноморского города он прибыл в Ленинград, оттуда в Кронштадт, был зачислен в Машинную школу Балтийского флота.

Кронштадт, редакция старейшей нашей военно-морской газеты «Красный Балтийский флот» стали для Зельцера не только военной, но и литературной школой.

Краснознаменный Балтийский флот с первых лет своего существования растил для себя и для страны опытных бойцов печатного слова. Воинская служба и участие в военной печати были для них неразрывно связаны.

Мне, приобщившемуся к морскому братству несколькими годами позднее, довелось встретить в Кронштадте уже сложившуюся журналистскую, литературную среду с хорошими традициями, с большими заслугами в воспитании молодого поколения военных моряков.

Запевалами, застрельщиками этого пропагандистского, литературного движения на Балтике были Всеволод Вишневский, Леонид Соболев и младший их товарищ Иоганн Зельцер.

Мне хочется здесь привести текст удостоверения, хранимого семьей Иоганна Зельцера. Документ датирован 14 сентября 1929 года:

«С.С.С.Р.

Редакция и контора

газеты

«КРАСНЫЙ

БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ»

Орган

Политического управления
морских сил Балтморя.

Настоящим удостоверяется, что предъявитель сего краснофлотец Зельцер Иоганн, сотрудник редакции газеты «Красный Балтийский флот», командировается на корабли и в части Береговой обороны Балтфлота для сбора материалов.

Редакция просит должностных лиц флота и гражданских учреждений оказывать тов. Зельцеру содействие в предоставлении ему необходимых для газеты сведений и материалов.

Зам. редактора (Липатов)

Зам. секретаря (Ликстанов)»

Небезынтересно, что и заместитель секретаря стал позднее известным детским писателем, на всю жизнь благодарным газете за профессиональную школу, которую она ему дала.

К тому времени Зельцер уже успел проплавать кампанию 1928 года на крейсере «Профинтерн» учеником-турбинистом. С весны 1929 года он был зачислен в штат газеты «Красный Балтийский флот».

Принятый в 1929 году на флоте в ряды Коммунистической партии, Зельцер, как пишет он в автобиографии,

«проработал в редакции газеты до дня демобилизации, т. е. до августа 1931 года, в разных должностях — секретарем редакции, ведал литературной страницей, был выпускающим».

В марте 1929 года газете «Красный Балтийский флот» исполнилось десять лет. Среди активных военкоров, поздравивших свою газету, был и краснофлотец Зельцер. Он писал:

«Я не могу похвастаться большим морским стажем. Я еще сравнительно молодой краснофлотец. Но чем я могу похвастаться перед своими одногодками, да и перед многими старыми краснофлотцами — это крепкой связью с газетой. Мою службу на флоте я делю между учебой и газетой. Учеба дает мне материал для газеты, газета дает мне силы для упорной учебы, заставляет меня как военкора быть в первых рядах краснофлотцев, быть примерным во всем: почетное звание военкора налагает на носящего его чрезвычайно большие обязательства.

Газета — вторая половина моей жизни. Работу в газете я считаю такой же важной своей обязанностью, как и учебу, как работу по специальности.

Приветствую родную газету, желаю ей многократно умножать ряды военкоровской рати».

Зельцер любил и флот и газету. Они не остались в долгу. Они дали Иоганну знания, профессиональные навыки; здесь, на флоте, он обрел настоящих друзей. Самым дорогим из них был для Зельцера Всеволод Вишневский.

Вишневский обладал удивительной способностью находить талантливых людей, помогать росту их дарования. А Иоганн Зельцер, или, как Вишневский его ласково звал, Ванюшка, принадлежал именно к их числу.

Между ними была небольшая возрастная разница — пять лет. Но эти годы пришлось на первую мировую войну, на октябрьскую пору. Юный Вишневский успел «сбежать» на войну, участвовать в боях за революцию. Иоганн Зельцер тогда только подрастал.

Еще в ту пору, когда Зельцер служил действительную, Вишневский втянул его в ленинградскую литературную среду. Он радовался успехам товарища, его дебютам в области театра и кино.

Приведу выдержку из рукописного отзыва Всеволода Вишневского о своем товарище.

«На моих глазах вошел в литературу т. И. Зельцер, бывший рабкор и моряк Балтфлота. Это было в 1927—1928 гг. Он писал заметки.

И вот теперь, в 1936 г., я вижу фильм И. Зельцера «Искатели счастья», душевный, прочувствованный, продуманный фильм».

В письме, адресованном заведующему литчастью театра Революции драматургу А. М. Файко, Вишневский представлял театру Зельцера-драматурга:

«Его пьеса своеобразная, интересная комедия о гражданской войне... Работать с Зельцером театру Революции стоит».

За предвоенные годы И. Зельцер помимо «Искателей счастья», получивших широкую известность у нас и за рубежом, написал сценарии фильмов «Совершеннолетие», «Дочь родины», «Моряки», пьесы «Естественная история», «Когда цветет сирень», либретто оперы «Семья».

Все, что рассказано выше, я воссоздавал по архивным материалам, письмам, газетам одесского и кронштадтского периода военковской, журналистской, писательской работы Иоганна Зельцера. Многое рассказала мне о муже Клара Моисеевна Зельцер.

Сам я познакомился с Иоганном в начале 30-х годов в редакции оборонного литературно-художественного журнала «Залп», где Зельцер работал заместителем главного редактора...

Редактором журнала был критик старый пограничник Николай Свирин, ответственным секретарем — писатель-моряк Леонид Соболев, тогда еще только заканчивавший свой «Капитальный ремонт».

«Залп», как и журнал литературного объединения Красной Армии и Флота «ЛОКАФ» (позднее переименованный в «Знамя»), был центром оборонной воспитательной работы среди писателей.

Редакция «Залпа» помещалась на Невском, 2, в том же здании, что и газета Ленинградского военного округа «Красная звезда» (позднее «На страже Родины»). Отсюда писатели часто выезжали в воинские части, училища, на корабли, к пограничникам. Помню автора «Бригадной рожи» Семена Михайлова, автора «Эскадрона комиссаров» Василия Ганибесова, высокого латыша прозаика Яна Калныня, критика, публициста Ореста Цехновицера, Льва Канторовича, участника арктической экспедиции на «Сибирякове», вечно пропадавшего на дальних заставах у своих боевых друзей-пограничников. И, конечно же, Иоганна Зельцера...

Коренастый, широкоплечий, высоколобый, с шапкой курчавых темных волос...

Стоял декабрь 1939 года.

...В маленькой нашей каюте на линкоре «Марат», где помещалась редакция корабельной многотиражной газеты «Маратовец», весь день толпились матросы, командиры. То были добровольные наши помощники, актив многотиражки. Мы готовили номер, посвященный первому бою маратовцев. Все для меня, стажера (так тогда именовали литераторов-добровольцев, пришедших в краснофлотскую печать в дни боев с белофиннами), казалось в диковинку.

Сигналы боевой тревоги, топот сотен ног по броневой палубе, томительная тишина ожидания и потом оглушительный грохот орудий главного калибра.

Драматург Алексей Тихонович Зиновьев, старый «морской волк», участник гражданской войны, только посмеивался, наблюдая мое нетерпение. Скорее бы в бой, почему линкор еще не выходит? Ведь «Октябрина» (линкор «Октябрьская Революция») уже ходила на обстрел белофинской крепости Биорке.

Настало время и для нас... И рассказываю я об этом здесь лишь потому, что позднее, когда меня перевели в другую воинскую часть, на «Марате» меня сменил Зельцер.

Был у всех нас в Политуправлении Балтийского флота боевой шеф, инструктор по делам печати Константин Бусыгин. Для меня он тогда был «царь и бог». Для Вишневского да и для Зельцера — вряд ли. Просто славный товарищ.

Но и Зельцеру приятно было читать в статье батальонного комиссара Бусыгина, напечатанной в газете «Красный Балтийский флот» 20 февраля 1940 г., такие строки: «Писатель Зельцер повседневно принимает участие в работе многотиражной газеты «Маратовец»».

А двумя месяцами позднее в газете «Красный Флот» от 23 апреля 1940 года в Указе Президиума Верховного Совета Союза ССР о награждении краснофлотцев, красноармейцев и начальствующего состава Военно-Морского Флота за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество мы прочли в списке награжденных орденом Красной Звезды имя Зельцера.

Тогда боевые ордена писателям вручались редко. Их вручали сражавшимся на Халхин-Голе, побывавшим в Испании...

До войны — большой, тяжелой — оставалось немногим более года.

Мы не знали точных сроков, но думали о будущей войне, писали о ней.

И где бы мы ни работали, каждый из нас старался отразить эти предчувствия в своем творчестве. В то время и вышел на Одесской киностудии фильм «Моряки» по сценарию Зельцера. Картина эта правдиво рассказывала о нелегком ратном труде защитников Родины. Ведь Зельцер хорошо знал тех, о ком он писал, стремился показать воинскую службу без лакировки и упрощенчества.

11 марта 1941 года Всеволод Вишневский писал Иоганну: «...Оборонной комиссией занят много, охотно. И «Знаменем»... На лето планы не ясны. Подождем, как события. Они близятся».

И война пришла. Когда Иоганн Зельцер уходил на свою последнюю войну, он чувствовал, подобно всем нам, как много еще недописано, не сделано.

В первые же дни войны мы встретились с Зельцером в Таллине, в редакции газеты «Красный Балтийский флот».

Вместе с Александром Штейном он проводил все время на кораблях, у подводников, с которыми свел боевую дружбу еще в финскую кампанию.

В июле старший политрук Зельцер был назначен редактором газеты линейного корабля «Марат».

Когда орудия линкора открывали огонь во время налетов фашистской авиации, место комиссара линкоровских зенитчиков, редактора «Маратовца» было рядом со своими бойцами.

В редакционной каютке, в типографии, помещавшейся в нижних отсеках корабля, писались, правились, набирались боевые заметки, накаленные ненавистью к врагу. Редактор газеты любил маратовцев, свой военкоровский фронтовой актив, и они отвечали ему тем же.

В те трудные и тревожные дни Иоганн писал своей семье, эвакуированной на Урал, о безмерной любви к Родине, о том, что принесла Советская власть каждому из нас, что она сделала для нашего народа и человечества. Он писал, что ради ее идеалов нет ничего, что бы не дано было человеку совершить.

«Родная моя! Как будет со всеми, так будет и со мной...

Когда я во время воздушной тревоги стою на пулеметном мостике и знаю, что вот эти ребята, молодые, здоровые, прекрасные, видящие во мне своего комиссара, по первому моему зову ринутся в бой, и будут верить мне, и слушаться,

и стойко стоять, не боясь падающих бомб,— как я могу думать иначе, чем они? Ты не представляешь себе, какое чувство гордости испытывает человек от сознания, что он может победить в себе гадливенькое чувство самосохранения, отрешиться от всего и думать только о том, как бы скрутить голову врагу, уничтожить его, стереть с лица земли».

...На другой день, после того как было отослано это письмо, редактор «Маратовца» узнал о том, что корабли Краснознаменного Балтийского флота с боем прорываются через Финский залив из Таллина в Кронштадт. На этих кораблях его друзья, там самый дорогой друг — Всеволод Вишневский.

Ценой больших потерь ядро Балтийского флота со своими командирами на борту вырвалось из цепких рук врага, объявившего всему миру, что ни один корабль Балтийского флота не вернется в Ленинград.

Корабли прорвались в Кронштадт, чтобы защищать осажденный город Ленина. На одном из миноносцев был и Вишневский. Друзья встретились, и Вишневский рассказал Иоганну о героическом переходе.

Многих не досчитались мы тогда. Погибли Юрий Инге, Орест Цехновицер, Филипп Князев, Костя Бусыгин, другие храбрые газетчики из редакции «Красного Балтийского флота».

Вишневский приводил потрясающие примеры мужества балтийцев, шестью, голыми руками отодвигавших от бортов корабля черные рогатые шары мин. Голос его дрожал от боли и волнения.

Они не могли наговориться. Всеволод с любовью смотрел на исхудавшего Иоганна. Тот радовался, видя живого Всеволода.

Вскоре после возвращения из Таллина Вишневский обратился в Военный совет КБФ с докладной запиской, в которой доказывал целесообразность концентрации всех имевшихся на Балтике литературных сил в оперативной группе, тесно связанной с частями и подразделениями. Предложение было принято, и мы стали применять свои силы в более широком масштабе, не ограничиваясь маленькими листками многотиражных газет. Теперь мы часто выступали в общefлотской, фронтовой, центральной печати, по ленинградскому и Всесоюзному радио.

В сентябре 1941 года фашисты, захватившие южный берег Финского залива, вплоть до Старого Петергофа,

предприняли в связи с готовившимся штурмом Ленинграда ряд налетов на Кронштадт, базу Краснознаменного Балтийского флота. Особо ожесточенным бомбардировкам подверглись линкоры «Октябрьская Революция» и «Марат».

17 сентября 1941 года в газете «Красный Балтийский флот» в очерке «Без пощады» Иоганн Зельцер писал:

«До боли знакомые места полыхали пожарищем, огненные языки, окутанные черным дымом, подымались к небу. Краснофлотцы выходили на верхнюю палубу, молча стояли у борта, всматриваясь в разрушительную работу гитлеровских головорезов. Никто не разговаривал. Постоит боец несколько минут и уходит вниз. Но и сюда, даже сквозь броню, доносились раскаты орудийных залпов.

...Придет час, он приближается с каждой минутой, и расплата будет неумолимой. Сполна заплатят фашистские убийцы за кровь лучших людей, за насилия над неповинными людьми, за издевательства и пытки!

Все мы им припомним, все! И зловещие языки пламени над любимым Ленинградом. И поваленные, разбитые в щепы села и деревни, и звезды, вырезанные на груди пленных краснофлотцев».

И далее Иоганн описывал боевые дни маратовцев.

«Горнист сыграл боевую тревогу. Опустела верхняя палуба. От борта корабля отошли катера. Артиллеристы сняли с орудий надульники.

На главный командный пункт по телефону и по переговорным трубам понеслись донесения: личный состав к бою готов! Орудийные башни развернулись и замерли. Зенитчики зорко наблюдали за воздухом. Вдали, над южным берегом, показались вражеские самолеты. Они шли вне пределов досягаемости наших зениток, они кружились, высматривали, куда сбросить свой груз... Поднялись наши соколы. Завязался воздушный бой... В снарядных погребах все готово к подаче, перегрузка боезапаса с нижних зарядников на перегрузочные столы и досылка его на верхние зарядники протекает спокойно и точно.

На многопудовых снарядах бойцы мелом пишут: «За Родину! За Ленинград! За наших жен и матерей!»...

Залп! Горячая волна воздуха хлынула на зенитчиков, стоящих на автоматном мостике. Еще залп!»

Я перечитываю эти точные и простые строки. Сегодня они воспринимаются, как страница боевой истории линкора «Марат».

...Двадцать первого сентября фашисты произвели на Кронштадт массированный звездный налет. Мы видели, как отовсюду на остров шли «юнкерсы» и «мессершмитты». Шапка багрового зенитного огня встала над Кронштадтом. Главная сила удара была обрушена на корабли. Против сотен фашистских машин вылетали немногочисленные наши летчики. Но их мужество и работа зенитчиков флота и крепости были так слаженны, что осуществить основной замысел гитлеровцам не удалось.

Были разрушения, были жертвы... Волны самолетов следовали одна за другой. Объявленную рано утром тревогу не прекращали до вечера.

И был еще один день — двадцать третье сентября, еще один звездный налет.

Пикирующий бомбардировщик с воем неся к «Марату».

Взрыв чудовищной силы потряс залив, пирсы, город. Огненный столб вырвался из глубины корабля, и черные фигурки людей вместе с рухнувшими надстройками упали в кипящие волны. Фашистский самолет не ушел от возмездия. Он был сбит молодым балтийским летчиком тут же, на глазах у всех, и сброшен в залив. Однако и наши потери были велики.

Много маратовцев погибло. Их похоронили с почестями. Но среди погибших тела комиссара зенитчиков Зельцера не нашли. Не оказалось Зельцера и в госпитале, куда привезли раненых. Не было комиссара и на корабле, продолжавшем, несмотря на тяжкую рану, оставаться в строю.

Через три дня, 26 сентября, как запоздалый свет сгоревшей звезды, в газете «Красный Балтийский флот» появилась еще одна заметка — «Агитатор», подписанная фамилией Зельцера. Все мы читали ее, как завещание друга. Я не знаю, остался ли в живых герой очерка старшина второй статьи Мурашко. Боюсь, что нет. Ведь и он, как автор статьи, был в рядах зенитчиков.

И было еще одно обращение Иоганна — его письмо к жене и детям. Я не знаю, как это случилось, но копия его оказалась почти у каждого из нас, фронтовых товарищей Зельцера. Сейчас я думаю, что Вишне夫斯基, получивший оригинал от жены друга, попросил размножить для нас это письмо. Обращаясь к жене, Иоганн писал о своих детях. «Завещаю им быть преданными нашей Родине, нашей Советской власти, нашей Коммунистической партии. Пусть всю жизнь борются против общества, порождающего войну, против ка-

питализма — очага всех народных бедствий. И тебе завещаю, мой дорогой, верный друг и товарищ, воспитай наших детей так, чтобы ненависть к капитализму была у них в крови всю их жизнь, чтобы она пылала неугасимым огнем! Воспитай их так, чтобы любовь к Родине, к нашим идеям превышала у них все остальное.

...Целую тебя крепко, крепко, прижимаю тебя и детей к своей груди и желаю вам, дорогие, хорошей жизни. Помните меня, я вас очень любил.

Иоганн.

Военно-морское почтовое отделение 1101. Почтовый ящик 336. Ст. политрук И. Зельцер».

...В сверкающий от зимнего солнца день в заледенелое окошко дома в селе Шарташ, на Урале, постучала почтальонша. Друзья уже написали Кларе Моисеевне о страшном. Но и тогда и теперь, читая строки извещения, она не хотела, не могла ему верить.

«...погиб в бою за социалистическое Отечество, верный военной присяге, проявив героизм и мужество. Убит 23.IX 41 г. в бою с германским фашизмом. Похоронен в г. Кронштадте».

Нам, в Кронштадте, тоже не хотелось в это верить... Тело Иоганна нашли позднее. В момент взрыва он находился в подъемнике, направляясь по боевой тревоге на пулеметный мостик. Взрывная волна опустила его в стальном гробу лифта на глубину.

Зельцер был похоронен со своими друзьями-маратовцами в братской могиле. В кармане его кителя сохранился подписанный Горьким членский билет Союза писателей.

В годы войны, уже после гибели Иоганна, на экраны вышел созданный по сценарию Зельцера фильм о мужестве советских подводников — «Подводная лодка Т-9». Мы, друзья Иоганна, восприняли эту картину как его завет всегда и беспрдельно любить свою Родину.

Есть день, когда в Кронштадт съезжаются близкие, боевые товарищи погибших на «Марате».

Уже нет славного линкора, отслужившего с честью и достоинством всю войну. На смену ему пришли другие корабли.

Но братство маратовцев живо, живы и его традиции.

Вместе с маратовцами отдать почест павшим приезжает в Кронштадт и семья писателя-коммуниста.

Леонид Гурунц
**«Я КОРОТКИЙ ВЕК
ПРОВЕДУ В БОЯХ...»**

Сергей Иванов... Нет, ему не пятьдесят пять лет, сколько было бы сейчас, а всего двадцать шесть — столько, сколько ему было, когда мы его видели в последний раз накануне войны. Ушедшие от нас навсегда остаются такими, какими они были в день последнего свидания с нами.

Мне, старому товарищу Сергея, хотелось бы сказать о нем много добрых, теплых слов. Но это уже хорошо сделал до меня поэт и журналист Иосиф Оратовский, ответственный секретарь редакции журнала «Литературный Азербайджан», который сам теперь уже больше ничего не скажет. Майор Оратовский перенес тяготы многих боев: он сражался под Керчью, воевал на других фронтах до самого конца Великой Отечественной войны.

Теперь Оратовского тоже нет в живых: он скончался на рабочем посту, во время заседания в Союзе писателей Азербайджана. Это случилось 18 января 1963 года. Отдавая дань памяти и этого, ушедшего от нас друга, мы воспроизводим его краткие воспоминания о Сергее Иванове, написанные в 1961 году. К этим воспоминаниям я добавлю от себя лишь несколько абзацев. Вот эти воспоминания:

«В мае 1941 года в Москве проводилась конференция русских писателей союзных и автономных республик. Проводилась такая конференция впервые и, к сожалению, больше не повторялась. Май месяц был тревожный, каждый мог почувствовать и предсказать надвигающуюся грозу.

Один из дней конференции был посвящен творчеству бакинского поэта Сергея Иванова. Из-за стола поднялся смуглый, широкоплечий красавец. Сергей волновался. Первый раз выступал он перед признанными мастерами советской поэзии. В зале клуба писателей были Смеляков, Щипачев, Липкин, Шервинский, Сельвинский, Луговской, Тарловский и другие.

Иванов читал поэму. Она была посвящена трагической судьбе азербайджанского поэта XV века Несими.

На конференции читалось и обсуждалось разное — своеобразное и обычное, захватывающее и совсем малоинтересное. Может быть, слушатели в те дни и устали немного от бесконечного звучания стихов, но тут все встрепенулись. Все слушали Сергея не только внимательно, но даже напряженно. Поэма его действительно была хороша. И необычный сюжет, и удивительная судьба героя, и многокрасочность стиха взволновали весь зал. Отличную оценку поэме дали Щипачев, Смеляков, Тарловский. Заклучая обсуждение, Луговской говорил:

— Я согласен со Смеляковым, который сказал, что вещь стоит на уровне поэзии, как мы ее понимаем. Достоинствами ее я считаю хороший замысел, чувство Востока и чувство большой философской темы, яркость пейзажа, сильные краски и темперамент в изображении человеческих страстей: горя, любви, радости...

Я намеренно с такими подробностями говорю об этом эпизоде, потому что несколько дней, проведенных Сергеем Ивановым в предвоенной Москве в мае 1941 года, были самыми счастливыми в его творческой жизни.

Вскоре после возвращения в Баку Иванов был взят в армию на переподготовку. А когда началась война, дивизионное начальство перевело рядового артиллерийской части С. Иванова в дивизионную газету.

В ноябре дивизия была направлена под Ростов... Я виделся с Ивановым как раз накануне отправки. Мы долго бродили по затемненным улицам Махачкалы, спотыкаясь в крошечном мраке и поддерживая друг друга. И вели долгий разговор о том, что было, и о том, что предстоит. Нам так хотелось посидеть где-нибудь вдвоем по старой памяти, где-нибудь в тишине, чтобы никто не мешал беседе. Но это было невозможно, в казарме — шумно, в ресторане — неудобно, оба мы рядовые, а коменданты суровы...

Это была наша последняя встреча... В первых же тяжелых, трагически сложившихся боях Сергей Иванов погиб. Он оставил три книги стихотворений, много переводов с азербайджанского и поэму о Несими, которую так и не успел увидеть в печати.

Мы дружили с ним с детства. Вместе кончали школу, вместе начинали литературную работу. Со всеми радостями и огорчениями спешили друг к другу.

Человек доброй и открытой души, он быстро располагал к себе людей; друзей у него было много. Впрочем, и недругов имел он немало: Сергей не умел скрывать свои чувства.

Он жадно впитывал в себя все, что открывала ему жизнь, словно боялся не успеть.

Он был легок на подъем и непоседлив. Вероятно, главной чертой его характера было неумение оставаться в стороне. Стоило прикоснуться ему к какому-нибудь делу, как он лез уже в самую гущу и, часто сам того не желая, становился центром разных событий.

Едва окончив среднюю школу, он поехал на Среднюю Волгу — просто так, к родным на побывку. Прожив там зиму, уехал в Оренбургский край. Сергей пошел работать в политотдельскую газету. Работая в газете, он становится одним из комсомольских вожаков, активно участвует в организации колхозов...

В Баку Сергей вернулся в 1934 году и сразу же пришел в редакцию газеты «Бакинский рабочий». Вскоре стал он необходимым человеком. Частенько в отделе или в секретариате происходил такой разговор:

— Кому бы это поручить?

— Дело-то трудное. Давайте поручим Иванову.

Если называли другую фамилию, Сергей искренне огорчался. Но чаще всего труднейшие задания получал он.

Так, когда в одну из весен воды Куры, прорвав укрепления, начали заливать прибрежные поля и селения, Иванов оказался на самом тяжелом участке прорыва. Он ворочал камни наряду с колхозниками, таскал носилки, всласть поработал лопатой. Вернулся и привез с собой блокноты, полные записей и стихотворных отрывков...

А когда части горнострелковой дивизии, проводя учения, отправились штурмовать снежные вершины Эльбруса, он оказался среди солдат и вместе с ними перенес все трудности похода.

Собственно, обо всем этом можно узнать и по стихам поэта. Творческая биография Иванова полностью совпадает с его жизнью. Начал он писать стихи очень рано, и уже в 1929 году в комсомольской газете «Молодой рабочий» появилось его стихотворение «Нефтепровод».

Он никогда не становился в позу, никогда не пытался проповедовать, провозглашать, поучать. Стихи его прежде всего подкупают искренностью, непосредственностью интонации, чистотой звучания. Они, как и всякая подлинная лирика, носят исповедный характер. И главное их достоинство — вера. Вера в друга, в земляка и согражданина, делающего вместе с ним одно славное дело. Поэтому, когда он говорит от имени своего поколения, в его словах нет ни излишне подчеркнутого жеста, ни наигранного пафоса.

Сергей написал немало стихотворений, связанных с его службой в рядах Красной Армии. Стихи эти написаны в 1936—1937 годах. Естественно, что в них явственно отразилось тревожное предчувствие надвигающихся бед. В них читатель сразу ощутит настороженность сильного и знающего свою силу человека. Характерно в этом отношении стихотворение «Наутро после боя», начинающееся так:

Бой завершился ночью. Поутру
Едва заметно багровели дали.
Бил барабан. В луженых глотках труб,
Как водопады, марши клекотали.

Это стихи об учебном бое. Но дальше в несложном сюжете рассказывается о том, что воин должен готовить себя к любой случайности...

«Наутро после боя» вошло в книжку стихов «Клятва», вышедшую в 1939 году и объединившую стихи, связанные с военной службой...

С. Иванов много ездил по Азербайджану, любил народные песни, записывал их и переводил на русский язык, бережно сохраняя их сложную и своеобразную форму.

Иванов прожил короткую, но яркую и честную жизнь и не опозорил, как он говорил, «свои красноармейские петлицы». Он мало успел сделать, главное было впереди. Он жизнью подтвердил свои ранние стихи:

Я короткий век проведу в боях...

...Перед нами пожелтевшие страницы, бережно хранимые матерью и женой поэта. Он часто писал домой. Письма его были полны уверенности в нашей победе:

Мы рождены в боях недаром:
Судьба фашизма коротка.
Бомбежкой, танковым ударом,
Обстрелом, голодом, пожаром
Громи проклятого врага!

С первых же дней пребывания на фронте Сергей жаловался в своих письмах, что их, работников дивизионной газеты, не всегда пускают на передовые позиции: «Одно жаль — отпускают на передовые, в дерущиеся подразделения, только по специальному разрешению начальства. Понятно, что берегут, но и досадно: хочется все самому, главное — несколько гадов изничтожить...»

Это свое неумное желание Сергей Иванов осуществил: он участвовал в боях.

Его товарищ по работе в газете младший политрук Андрей Щирый рассказывает в письме к жене Иванова, как Сергей вышел 17 ноября 1941 года из редакции в штаб и больше в редакцию не вернулся:

«С первого дня совместной работы ни один из нас шага не ступил без другого. Вместе жили, работали, ходили по частям, вместе делили и радости и неудачи в нашей тревожной фронтовой жизни. Так было до 17 ноября. В этот день мы делали газету. Часов в 10 утра Сережа вдруг вспомнил, что несколько дней назад его просил зайти к себе (в штаб) один политрук — он обещал дать стихи. И Сережа ушел в штаб, разместившийся в другом конце селения, метрах в 800 от нас. Прошло несколько часов после его ухода, мы получаем приказ срочно выезжать в другой населенный пункт. Я побежал в штаб, к Сергею. Отвечают — был, но ушел. Обошел я кругом, везде оставлял наш маршрут, чтобы ему сообщили, когда придет, вернулся к машинам — Сережи нет. Мы выехали, надеясь, что он найдет нас в этот же день. Но вот в этом мучительном ожидании прошло уже полтора месяца».

А в письме от 4 марта 1942 года Андрей Щирый пишет: «Я писал вам, что Сережа ушел буквально на несколько минут в штаб. Ни я, ни он не могли знать, что в этот день быть

большому бою. Не знали мы, что, поднявшись утром 17 ноября по обыкновению с веселыми шутками, мы встречаем день, ставший роковым для одного из нас... Велико горе, ничем его не утешить. Война. Сам я с потерей Сережи потерял последнего родного человека. Нет семьи, нет брата, никого нет. Но прочь эти мысли, проглотить комок, застрявший в горле! Драться, громить врага словом и оружием, уничтожать фашистскую падаль пачками, табунами. За Сергея, за семью, за мою Украину!..»

Главное управление кадров Красной Армии сообщило, что «младший политрук Иванов Сергей Степанович погиб 17. XI 41 г.».

...В Ереване живет мать поэта — Александра Тимофеевна Иванова с внучкой Ольгой Сергеевной и правнучкой Мариам. Каждый год 20 мая к ним домой приходят друзья и родные поэта, чтобы отметить день рождения Сергея. В этот день на его письменном столе много цветов — он любил цветы. Со стола смотрит на нас рослый юноша, с сильным и хорошо вылепленным лицом. Вечер проходит в воспоминаниях. Маленькая Мариам с жаром декламирует книжку-малышку Сергея «Сигналист Петро» и говорит, указывая рукой на портрет: «Это написал мой дедушка Сережа».

Николай Тихонов

ВОСХОЖДЕНИЕ

Летом 1936 года на подступах к Эльбрусу я встречал много молодых людей, впервые идущих в горы или уже закаленных, опаленных горным солнцем, отведавших и ветра высот и неповторимого ощущения взятых вершин.

Иные встречи стерлись в памяти, иные сохранились как бы в эскизных очертаниях, когда трудно назвать день или обстановку, но можно восстановить сущность встречи, ее основное содержание.

Такой встречей и была моя встреча в Баксанском ущелье с молодыми военными альпинистами, среди которых был и совсем юный поэт Сергей Иванов. В облике его не было ничего, что бы выделяло его из группы товарищей. Такой же, как они, загорелый, обветренный (они возвращались со

снежных полей Эльбруса), в такой же альпинистской форме, как и его товарищи. Он — живой и веселый — читал стихи, свои собственные, про горы и восхождения.

Я не помню этих стихов, я только запомнил, что этот юноша уже вкусил прелести горного очарования, и горы проникли ему в сердце и в его стихи. Мне понравилось, что он, житель приморского Баку, стал поклонником снежных вершин и ледяных скал. Ему нравилась жизнь альпиниста, трудная, требующая сноровки, умения, храбрости.

Ни он, ни я не знали, что скоро огромное испытание войны потребует полного напряжения сил, героического подвига в защиту Родины. Вот тогда, наверное,годились ему горные навыки, пригодилась воля и умение переносить трудности. В тот яркий день своей молодости он не мог знать о будущем, но он смело смотрел вперед, и это чувство жило в нем и в его стихах. Он шел в битву, как шел на восхождение, веря в жизнь и победу...

Эта короткая моя встреча с ним сказала мне многое. Позже в жизни нам встретиться не удалось...

Леонид Макеев
ЗА СТРАНУ, ЧТО ЗОВУТ
РОССИЕЙ

Еще в конце августа 1941 года на марше от станции Боровичи до городка Крестцы, Ленинградской области, мне стало известно, что с нашей 316-й стрелковой дивизией пошли на фронт многие алма-тинские журналисты и писатели: Дмитрий Снегин и Малик Габдуллин, Арсений Петрашко и Абдулла Джумагалиев, Александр Мартынов и журналист из «Ленинской смены» Степан Васильев, не говоря уже о нас — газетчиках из дивизионной редакции.

На этом пятидневном марше я повстречал среди бойцов 1077-го стрелкового полка бывшего «ленсменовца», заместителя политрука 9-й роты Александра Ивановича Мартынова. Он шел, прихрамывая, опираясь на большую суковатую палку. Над лесами и проселочной дорогой нависла сплошная завеса дождя. Солдаты по колено в грязи, с подоткнутыми за ремни полами шинелей медленно двигались сквозь туман по жухлой осенней траве. На болотистых топях и крутых подъемах, когда лошади выбивались из сил, артиллеристы на плечах вытаскивали орудия, зарядные ящики, обозные повозки...

Сашу Мартынова я признал сразу. Бросились мы друг к другу, обнялись, расцеловались. Заговорили о друзьях по «Ленинской смене», о своих теперешних делах.

— Обо мне толковать нечего,— говорил Саша.— Если и случится что со мной — не беда: я одинокий человек. А вот у Степана Васильева двое детей... Он сейчас в нашем полку — тоже замполитрука в минометной роте. Загляни к нему,

побеседуйте. Собратья по перу — для него это радость. Постарайся встретиться!

Васильева я знал по его выступлениям в республиканской газете «Ленинская смена», а лично не был знаком. Но Саша Мартынов работал с ним, и о нем и его семье говорил с большой озабоченностью.

Но встретить Степана Васильева мне удалось не сразу. 1077-й стрелковый полк находился вдали от нас, в районе Усть-Волмы, с 31 августа по 10 сентября проводил инженерные работы, укреплял оборонительный рубеж, занимался тактическими учениями в прифронтовой обстановке. А 10 сентября он получил приказ — сосредоточиться вблизи южной окраины города Крестцы, в густых лесах, почти прилегающих к городу. От него лесные массивы уходили к поселку Мокрый Остров и далее — на запад. Оттуда доносился чуть слышный грохот орудий, стрекотание пулеметов — шли схватки с противником, прорывавшимся к Ленинграду...

В районе Крестцы — Мокрый Остров проводились все учебные стрельбы 1077-го стрелкового полка с участием минометов и поддерживающей артиллерии — второго дивизиона артполка, где командиром 4-й батареи был мой брат по перу и коллега по казахстанскому литературному журналу лейтенант Дмитрий Федорович Снегин.

Вскоре я пришел на 4-ю батарею. Снегин решил доставить мне удовольствие: дал коня, шашку, и мы выехали на рубку лозы к лесной опушке.

Когда тренировка была закончена, командир батареи предложил:

— Поедем к минометчикам? Они здесь на учениях вместе с полком.

— Едем! — сразу согласился я, вспомнив о Степане Васильеве.

Встретил нас командир минометной роты лейтенант Василий Григорьев. Разговорились. Узнав, что я из редакции дивизионной газеты, Григорьев сказал:

— А у нас, минометчиков, свой писатель есть — замполитрука Степан Васильев. Все пишет, все пишет — и о нас, минометчиках, и о солдатах соседних подразделений. Жаль, Васильева нет сейчас в роте, ушел он в штаб полка. Если обождете немного, встретитесь.

Дмитрий Снегин не дождался замполитрука, уехал к себе на батарею. Вскоре появился Васильев. Это был невысокий молодой человек, с мягкой русой шевелюрой. В разгово-

ре он был сдержан, даже застенчив. А когда узнал, что я из редакции дивизионной газеты «За Родину», сразу оживился:

— А вы, кстати, возьмите вот: написал я о наших полковых саперах. Они отличились на прокладке гати по болоту. Хотел по почте послать. Но лучше, если вы сами возьмете...

Это произошло в канун переброски нашей дивизии с Северо-Западного фронта на Волоколамское направление, под Москву. И только там, на новом месте, нам удалось опубликовать зарисовку «Саперы» Ст. Васильева, как он обычно подписывался. В ней рассказывалось о взводе саперов младшего лейтенанта комсомольца Петра Ивановича Фирстова. Взвод этот отличился в боевой учебе и на прокладке бревенчатой дороги — настила в болотистых местах Ленинградской области. Может, под Москвой, в иных природных условиях, опыт такого строительства уже и не требовался, но важно было рассказать о лучших саперах. Вскоре, уже на Волоколамском направлении, они отличились в чрезвычайно тяжелых боях под селом Строково. Прикрывая отход своего полка на новые позиции, саперы отбили атаку двадцати танков. Все 11 саперов погибли в неравной схватке, но не пропустили врага.

Посмертно они были награждены орденом Ленина.

Под Москвой буквально накануне боев мне еще раз удалось встретиться со Степаном Васильевым. Это было 12 октября 1941 года на лесной опушке, где находились огневые позиции минометной роты лейтенанта Григорьева. Мы условились, что Васильев при малейшей возможности будет писать в редакцию о всех важных событиях на линии огня. Отважный журналист сдержал свое слово: он часто информировал дивизионную газету о том, что происходило не только на огневых позициях минометчиков, но и в других подразделениях полка, где ему приходилось бывать.

О Панфиловской дивизии написано много, и теперь уже широкие круги читателей знают, что немцы обрушили свои самые сильные удары на левый ее фланг, где оборонялся 1075-й стрелковый полк. Это произошло 14 октября. А через неделю вступил в бой находившийся на правом фланге дивизии 1077-й стрелковый полк, в котором служил Степан Васильев.

21 октября 1941 года. Хмурое дождливое утро. Напряженная тишина.

Командир полка майор З. С. Шехтман, комиссар А. М. Корсаков и отсекр партбюро Л. Н. Курганов, в почер-

невших от дождя плащ-палатках, переходили от одного мюнхета к другому, беседовали с красноармейцами, предупреждали младших командиров:

— Будьте начеку. Наблюдение ведите не только за передним краем, но и по флангам и позади себя! Есть предположение: противник сегодня пойдет в атаку...

Тем временем где-то в укрытии за лесом с машин сошла вражеская пехота, приняли боевой порядок танки. А в 12 часов, когда дождь утих, немцы вслед за танками пошли в «психическую» атаку. Они шли нагло, во весь рост, плечом к плечу, наступая на деревню Новинки, где оборонялся первый стрелковый батальон под командованием капитана С. А. Булатова.

Подпустив гитлеровцев на дистанцию действительного огня, бойцы из окопов открыли залповую стрельбу. Винтовочные выстрелы слились с дробным стуком пулемета. Там, где немцы пытались залечь, их настигал беглый и меткий огонь наших минометов.

Не знаю, в какое время и при каком свете успел Степан Васильев описать этот бой, но когда я вернулся в редакцию, его заметка о первом бое 1077-го стрелкового полка уже лежала на столе редактора.

За десять дней почти непрерывных сражений трудно было бы определить, какой по счету бой ведет минометная рота лейтенанта В. Григорьева. Перемалывая живую силу противника, уничтожая его технику, 1077-й стрелковый полк вынужден был оставлять одну позицию за другой. Уже оставлены села Алферово, Путятино, Щекино, Калистово, Волоколамская фабрика имени В. И. Ленина и сам город Волоколамск.

31 октября фашисты внезапно навязали полку новый тяжелый бой. На 3-й стрелковый батальон этого полка обрушился получасовой артиллерийский налет, а затем вражеские автоматчики под прикрытием танков начали обтекать батальон, создавая угрозу окружения.

В бой вступила минометная рота полка. Степан Васильев, теперь уже в звании политрука, одетый в белый полушубок, перетянутый офицерским ремнем, находился на наблюдательном пункте и смотрел на развернувшуюся панораму боя: на танки, которые, взмывая с холма на холм, вели с ходу огонь из пушек и пулеметов, на вражеских автоматчиков, делавших стремительные перебежки рассредоточенным строем, избегая больших скоплений. А как хотелось, чтобы

В ПЕРВЫЕ ДНИ

Младший политрук Григорий Романович Лоб — первая, точно к настоящему времени установленная жертва, понесенная журналистским корпусом в Великой Отечественной войне. Он погиб на рассвете 28 июня 1941 года в бою против фашистских диверсантов, успев застрелить одного из них.

На Гришу Лоба, чернобрового украинского парубка, заглядывалась не одна дивчина, но сердце свое он отдал полоцкой девушке Ане. Порывистый и горячий, он успел о многом переговорить с ней в долгие летние вечера 1940 года, когда, бесконечно счастливые, они бродили по аллеям полоцких парков. Анна Иосифовна Лоб, переплетчица типографии имени Георгия Скорины, до сих пор помнит его слова:

— Мама наказывала мне, и я тебе, Аня, скажу: у человека должна быть одна Родина и одна любовь. Я на всю жизнь сохраню верность Родине и тебе.

Эти слова звучали клятвой.

К началу войны Лоб имел уже немалый газетный опыт. В 1936 году он окончил Всеукраинский институт журналистики, два года работал ответственным секретарем редакции нехворощанской районной газеты «Ленинским путем», служил в авиации, закончил курсы политработников и был назначен инструктором в редакцию газеты 209-й моторизованной дивизии «За боевой опыт».

Дивизия начала формироваться в марте 1941 года в Белоруссии. Штаб стоял в небольшом местечке, а полки располагались в окрестных городках. Собственно, это были пока не полки, а лишь номера: новобранцы только еще прибывали. И вот сюда в апреле 1941 года к Грише приехала молодая жена, которой вскоре предстояло стать матерью.

В день начала войны редактор газеты находился в Смоленске. Его замещал Григорий Лоб. Вместе с Иваном Стаднюком, секретарем «дивизионки», он выехал под город Лида, где части дивизии заняли оборону. Но пришел приказ об отходе: немецкие танки, прорываясь севернее и южнее Лиды, далеко обошли соединения 17-го мехкорпуса, в который входила дивизия. Героически сопротивляясь врагу, соединения 17-го мехкорпуса отходили к городу Дзержинску. Здесь в бою под деревней Боровая и погиб Гриша.

Он погиб, так и не узнав о том, что пошли уже четвертые сутки, как стал отцом: 25 июня в тяжелых условиях эвакуации Аня родила сына...

Нет, не перевелся род Григория Лоба! Своего сына Аня назвала тоже Гришей. А теперь это имя носит и внук. Вдова, сын и внук Григория Лоба, первого журналиста, павшего в битвах Великой Отечественной войны, живут в Полоцке.

...Место гибели — Финский залив, на берегах которого прошла почти вся флотская служба Михаила Романовича Шереметьева.

**Василий Скрылев, поэт и воин.
— Я сердцем преданным пою
Отчизну милую свою,—
писал он и отдал Родине все.**

Борис Светланов всегда оставался самим собой — журналистом, бесконечно любящим свое дело...

Замечательный писатель и бесстрашный солдат Юрий Крымов погиб 20 сентября 1941 года.

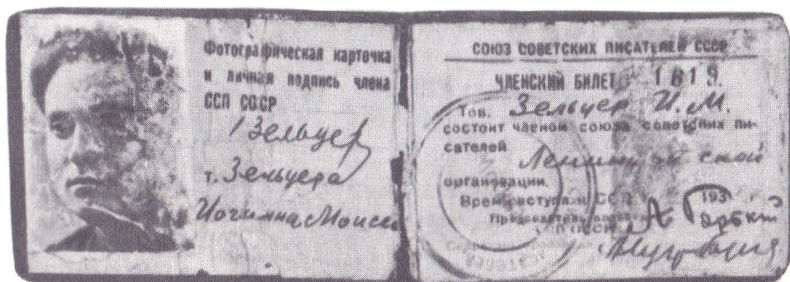
Таким стремительным и юным вошел он в нашу литературу.

Памятник Юрию Крымову в селе Богодуховка Черкасской области.

Иоганн Зельцер писал жене:
«Воспитай наших детей так, чтобы любовь к Родине, к нашим идеям превышала у них все остальное... Помни-те меня, я вас очень любил».

В кармане погибшего Иоганна Зельцера сохранился членский билет Союза советских писателей, подписанный Максимом Горьким.

«В тот яркий день
своей молодости он не
мог знать о будущем, но
смело смотрел вперед, и
это чувство жило в нем
и в его стихах»,— пишет
о Сергее Ивановиче Нико-
лай Семенович Тихонов.

Нет, сюда меня не просили,
Сам пошел в минометную рать.
Так держись же теперь, Васильев,—
Нам два раза не умирать.
За страну, что зовут Россией,
Будем насмерть мы здесь стоять...—
писал младший политрук панфилов-
ской дивизии поэт и газетчик из Алма-
Аты Степан Васильев. Он погиб 18 но-
ября 1941 года, защищая подмосков-
ную деревню Строково.

ПЛОХО СПИТСЯ ГАДАМ В НАШИХ ДЕРЕВНЯХ!

Прочитайте, товарищи на этой страничке о том, как наши славные бойцы-разведчики подразделения командира т. Шехтмана разгромили фашистский штаб.

Приказ выполнен точно

Разведка шла по знакомому пути. Уже на опушке бойцы подошли к станции III. Занятую немцами и доносившие ценные сведения о движении фашистских войск, их численности, боевом оснащении. На этот раз разведчики имели и другое важное задание — разгромить штаб.

Ирак окутывал дома и улицы, когда разведка подошла к поселку. В тени, на задворках остановились. Три человека оторвались от колонны и скрылись в переулке. Вскоре они вернулись с человеком, который и повел разведку к штабу противника.

— Вот на этом углу, — сказал он и удалился.

Разведчики тихо вдоль забора подползли к исходному рубежу и залегли. Вперед были выставлены два броневика и грузовая автомашина.

— Ага, хорошо, — сказал командир разведки ст. лейтенант Вороненкин.

Вдруг из темноты вынырнул немецкий часовой и выкрикнул:

— Халт, стой, халт, халт! Но было поздно, меткая пуля, посланная старшиной Линчуком, насмерть сразила фашистского молодчика. Грохнула граната, другая, третья. Это бойцы Кисилев, Тюряк, Рандукин и другие взорвали броневики и автомашину.

Из дома посыпались перепуганные немцы и открыли беспорядочный огонь из автоматов. Загорели немецкий миномет, установленный в огороде. С вы-

— Лезет немец на Москву. Встретить крепко можем. А свою то "трын-трану" На Берлин положим.

гом рухнули мины, но это продолжалось недолго. Наши разведчики гранатами уничтожили миномет с его расчетом. Полегли гранаты в окна штаба...

Когда разведка вышла из боя и остановилась на окраине поселка, мы увидели, как по направлению к штабу мчался новый броневик.

— На помощь пошли, — сказал кто-то с усмешкой. — Поздно, не поможет!

Действительно, немецкий броневик ничем не мог уже помочь — штаб был разгромлен. В этом бою наши бойцы проявили свою храбрость и выносливость, мужество и отвагу.

Младший политрук
Ст. ВАСИЛЬЕВ.

НАШИ ГЕРОИ

Боевые подвиги санитаров

Звено санитаров т. Киреева Анатолия Ивановича, в составе четырех человек, вынесло с поля боя 35 раненов и командиров и все их погрузило.

Боевыми подвигами в подразделении т. Мухомедьярова отличается так же санитаров т. Пятков Александр Иванович. За время боевых действий он один вынес с поля боя 6 раненов вооружением и эвакуировал в тыл 35 бойцов и командиров.

Этих боевых товарищей хорошо знают все красноармейцы и командиры, они не только санитарные работники, но и бойцы, которые в оживленной степи владут в бою и бивтом и винтовкой.

Восникор П. ЛАРИОНОВ.

МАСТЕР КОНТР-АТАК

Уия т. Кешукова широко известно в подразделении т. Капрва.

Старший сержант комсомолец Дмитрий Егорович Кешуков, страдая ятскими немцами под селом Б., дважды переходил со своим подразделением в контратаки против врага.

В ожесточенных схватках подразделение т. Кешукова уничтожило около 100 немецких солдат и офицеров.

Восникор П. ИВАНОВ.

Дмитрий Бакулин служил в 6-й бригаде морской пехоты и был редактором бригадной многотиражки «За Ленинград!»...

Уходя на фронт, уже с вещевым мешком за плечами, остановился Костя на пороге и сказал:

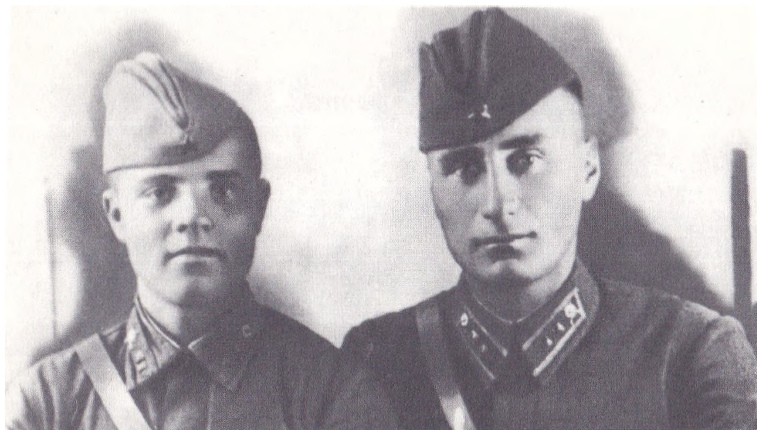
— Хорошо, что я успел много повидать и как-никак прожил тридцать два года...

На снимке: журналист и войсковой разведчик Константин Шишов.

— Если бы Гукель не погиб, он был бы сейчас выдающимся, с мировым именем мастером шахматной композиции.— Эти слова принадлежат доктору технических наук председателю Центральной комиссии по шахматной композиции Б. А. Сахарову.

На снимке: Лев Николаевич Гукель. 1940 год.

«Сердце мое крепкое...» — писал жене с фронта абхазский журналист Николай Керцивадзе (на снимке — справа). Перед отправкой на фронт он сфотографировался вместе с лучшим своим другом лейтенантом Владимиром Савиным.

Поэт и журналист Сергей Матюшин в душе всегда оставался летчиком. Еще на Халхин-Голе он сбил три вражеских самолета...

Военный корреспондент, он и погиб, как гибнут пилоты: самолет-разведчик, на котором вместе с пилотом летел Матюшин, был сбит фашистами. Это случилось 19 марта 1942 года.

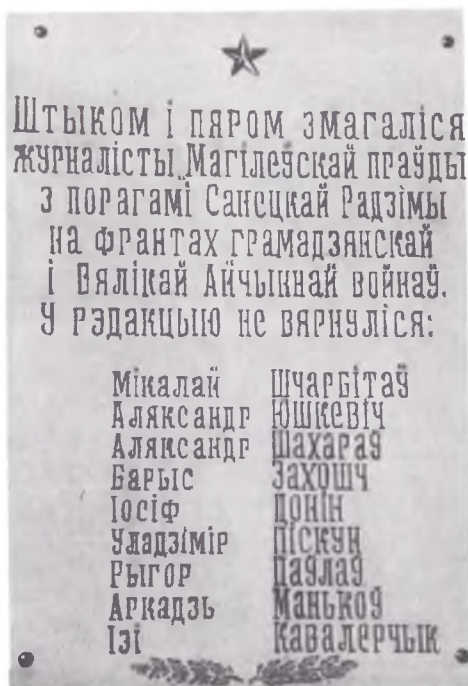

Корреспондент «Комсомольской правды» по Одесской, Херсонской и Николаевской областям Иван Наганов в шутку называл себя «директором Черного моря».

Вот таким — молодым, веселым, жизнерадостным — помнят Ивана ветераны «Комсомолки»...

Разведчик 620-го партизанского
отряда имени Чапаева, редактор под-
польной районной газеты «Голос пар-
тизана» журналист Аркадий Маньков.

Мемориальная доска в
редакции газеты «Могилев-
ская правда». Только в одну
эту редакцию с войны не
вернулись девять ее работ-
ников...

Пусть мы не знаем последних часов его жизни, мы знаем главное: политрук Красной Армии журналист Николай Кондратьев сражался до конца и погиб за нашу Советскую Родину...

Ефрем Арсеньевич Кустов — редактор партизанской газеты. Он погиб в бою с фашистами, прикрывая отход товарищей.

Корреспондент армейской газеты «Сын Отечества» политрук Михаил Соловьев (на снимке — справа) с фотокорреспондентом Леонидом Яблонским. 1942 год.

Филипп Рудь — поэт и журналист, редактор газеты, издававшейся в партизанском соединении С. А. Ковпака.

«Свинцовый взвод» за работой. «Свинцовым взводом» ковпаковцы называли работников своей походной типографии.

И чувствуешь тогда, как неизбежность,
Как волю нашу побеждать и жить,
Что рядом с гневом притаилась нежность,
Которую ничем не заглушить...—

писал Константин Герасименко своей жене. Он был добрым, улы-
чивым и очень талантливым человеком...

Он мечтал написать «Берлинские заметки» и погиб под Ливнами в октябре 1942 года, старший политрук Абрам Ришин...

Александр Димеев любил слова «солдат революции» и был таким солдатом. Несмотря на болезнь, он добровольцем пошел на фронт и погиб под городом Великие Луки 25 ноября 1942 года.

В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ

Впервые мы встретились на Карельском перешейке в дни войны с белофиннами в редакции газеты «Боевая красноармейская». В одной редакции с нами работали Евгений Петров, Евгений Долматовский, Борис Бялик. Коллектив был боевой, дружный.

Особенно полюбили мы Ивана Пепеляева, обладавшего неистощимым добродушием. Это был опытный журналист, имевший немалые военные знания, всегда готовый сменить перо на автомат. Мы часто выезжали или, вернее сказать, выходили вместе с ним в командировки в батальоны и роты — от редакции до частей были считанные километры... Веселый, ровный характер, прекрасное знание обстановки, выдержка и дисциплинированность делали его особенно надежным товарищем во всяких сложных переделках. Это очень сказалось при прорыве «линии Маннергейма». Пепеляев был всегда сердечен, скромен, пуще всего ненавидел позу. Кажется, первый из нашего коллектива он был награжден медалью «За отвагу».

А вскоре мы встретились с Иваном и в дни Великой Отечественной войны в редакции газеты Северо-Западного фронта «За Родину».

Неутомимый и смелый, он почти всегда находился на линии огня. Кроме того, он был единственным среди нас, по-настоящему знающим военное дело и уже давно стремившимся на командную работу. Позднее это желание Пепеляева было удовлетворено, и ему, опытному журналисту и офицеру, поручили командование полком. И мы приезжали к нему в полк, которым он достойно командовал.

Погиб Пепеляев под Сталинградом.

Героический облик Ивана Ивановича Пепеляева, настоящего воина, истинного друга, навсегда сохранится в памяти его друзей и однополчан.

На снимке: фронтовые журналисты, сотрудники газеты «За Родину», прощаются с Иваном Пепеляевым, уезжающим к себе в полк. Слева направо: Н. С. Ракита, И. И. Пепеляев, М. С. Гроссман, А. А. Исбах и П. Б. Бернштейн.

Александр Исбах

собралось гитлеровцев в группе побольше, да тогда и ударить по ним сразу из нескольких минометов!..

Нет, сюда меня не просили,
Сам пошел в минометную рать.
Так держись же теперь, Васильев,—
Нам два раза не умирать.
За страну, что зовут Россией,
Будем насмерть мы здесь стоять...

Торопливо, косыми карандашными строками набросал Васильев на отдельном листе эти строки и, сунув листок в планшет вместе с тетрадью, продолжал корректировать огонь своих минометов.

После, когда в редакцию «За Родину» полевой почтой была доставлена заметка об этом бое минометчиков, на обороте листка с заметкой мы нашли и стихотворные строки. Почему-то тогда мы не напечатали их в газете, но они сохранились в моем журналистском блокноте.

В этом бою минометчики лейтенанта Григорьева показали образцы исключительной отваги и мужества. Они самыми последними оставили окраину деревни Поповкино и темной ночью вместе со всей материальной частью перешли в район деревни Авдотьино, где уже находились солдаты первого батальона.

Позже, во время небольшой передышки между боями, политрук Степан Васильев пишет очерк «Приказ выполнен точно» (напечатан в нашей дивизионной газете «За Родину» 6 ноября 1941 года). В нем рассказывалось, как действовала небольшая группа полковых разведчиков, пробравшихся под командованием старшего лейтенанта Воронежского на станцию Шаховская, занятую противником. Вот о чем рассказывалось в очерке.

Вечерний мрак окутывал дома и улицы, когда разведчики подошли к железнодорожному поселку. На задворках остановились. Три разведчика отделились от основной группы и скрылись в переулке. Вскоре они вернулись с человеком, который повел их дальше по поселку, к штабу фашистов.

— Вон, видите, на том углу дом? Там немецкий штаб,— прошептал человек и тут же скрылся.

Разведчики осторожно пробирались вдоль заборов. К исходному рубежу они уже ползли и залегли только для того, чтобы осмотреться. Впереди увидели два броневика и грузовую автомашину.

— Тут есть где поразмяться,— прошептал Воронежский. Но в это время из темноты вынырнул немецкий часовой и крикнул:

— Хальт!

Меткая пуля, посланная старшиной Пинчуком, навсегда заставила умолкнуть фашиста. В то же время грохнули взрывы гранат. Это бойцы Киселев, Тюрин, Равдугин взорвали броневики и автомашину. Из штаба начали выскакивать перепуганные гитлеровцы и открыли беспорядочный огонь из автоматов. С огорода стал бить вражеский миномет. Мины с визгом рвались во дворе штаба. Но и с минометным расчетом быстро расправились наши разведчики. Теперь гранаты летели в окно штаба. Когда и в нем все затихло, разведчики проникли в дом, захватили документы, вышли на окраину пристанционного поселка и вдруг услышали гул мотора: по направлению к штабу мчался на выручку немецкий броневик.

В бою на станции Шаховская разведчики проявили исключительные мужество и отвагу. Обо всем этом и рассказал Степан Васильев в своем очерке. Умолчал лишь о том, что сам был участником этих событий.

Как-то на огневую позицию минометчиков приехали на двух повозках комиссар полка старший политрук Андрей Михайлович Корсаков и отсекр партбюро Леонид Николаевич Курганов. В таком «повозочном» приезде было что-то необычное, и минометчики начали шептаться, а затем и переговариваться между собой: «В чем же дело?»

Между тем ящики с одной из повозок были сгружены. Бойцы минометной роты построились в глубине леса рядом с огневыми позициями. Ящики начали вскрывать. И там оказалось то, что политрук Степан Васильев назвал в своей корреспонденции: «Забота Родины». Из ящиков комиссар полка и секретарь партбюро вытаскивали любовно уложенные теплые вещи: шерстяные носки, шарфы, теплые портянки, перчатки, мыло, носовые платки и такие, тоже очень важные подарки, как бритвы, складные ножи, маленькие зеркальца...

Под шуточные возгласы началось вручение подарков минометчикам. Потом были зачитаны два коротеньких, но волнующих письма, найденных в посылках. Одно написали пионеры московской школы № 6 Лида Романова и Валя Сорокина, а другое «дяде на фронт» — Гена Коновалов из Караганды. Гена писал: «Наш папа тоже вместе с вами

защищает Родину. Если его увидите — передайте привет. Я уже большой — скоро пойду в школу».

— Обязательно увидим твоего папку, — сказал кто-то из солдат. — Нас тут, почитай, миллионы, и каждый друг друга знает: на то мы и фронтовые друзья!

Последние две корреспонденции Степана Васильева относятся ко второй половине ноября 1941 года. В те трудные дни противник скопил в Волоколамске большие силы, выдвинулся острым клином к Волоколамскому шоссе и решил во что бы то ни стало, не заглушая моторов танков, прорваться к Москве.

Фашисты бросили в бой части, переформированные, пополненные и вновь прибывшие из Германии. Начав наступление сразу большой группой танков — до сорока штук и двумя батальонами пехоты, после получасовой бомбежки и артподготовки противник прорвал оборону в районе Ядрово, просочился в тыл приданного дивизии 690-го стрелкового полка и левого фланга 1077-го стрелкового полка и двадцатью танками занял деревни Рождествено, Лысчево и Голубцово. Затем от села Ефремова ринулся на Ченцы и Авдотьино.

Исключительную храбрость в боях на этом участке проявили бойцы и командиры минометной роты, в том числе политрук Степан Васильев. Ведя непрерывный огонь, меняя огневые позиции, они ускользали от вражеских наблюдателей и так, сохраняя свою материальную часть, нанесли большой урон вражеской пехоте и технике.

Но вот вражеский танкист, заметив вспышки минометных выстрелов возле стога снега, на большой скорости направил туда свой танк с расчетом смять отважных воинов. Однако и наши минометчики не зевали: сняли минометы и укрылись в отрытой щели. Танк приблизился к стогу, видимо, не замечая окопа, дал несколько очередей из пулемета и повернул было восвояси. Но один из минометчиков бросил ему в ходовую часть связку гранат, и танк закрутился на месте. Бутылки с горючим завершили победу: танк вспыхнул...

Оставаться дальше здесь нельзя. Минометчики подхватили разобранные минометы и стали отходить к деревне Авдотьино. Но эта деревня уже пылала. По ее улицам и переулкам двигались танки противника, обстреливали из пулеметов зажигательными пулями дома, сарай, разные хозяйственные постройки, мастерские... Тогда в обход

Авдотьино минометчики вышли к деревне Веригино, куда успел уже отойти третий батальон.

Вскоре весь узел боев собрался в селе Строково.

Приближался вечер 18 ноября 1941 года. В этот день бойцы и командиры, в том числе и минометчики лейтенанта В. Григорьева, узнали, что их 316-я стрелковая стала 3-й гвардейской дивизией. Что командир дивизии гвардии генерал-майор Иван Васильевич Панфилов награжден третьим орденом Красного Знамени. Высокими правительственными наградами отмечены еще около 200 гвардейцев. Но уже во второй половине дня тревога покатила по всем подразделениям:

- Панфилов тяжело ранен!
- Погиб комдив!
- Отомстим врагу за нашего генерала!

К вечеру этого дня особенно тяжелое положение создалось под Строково: противник угрожал окружением всего 1077-го стрелкового полка. Заняв Авдотьино, немцы все силы бросили на Строково. В лоб, с фланга и с тыла направили они удары пехоты под прикрытием двадцати танков.

Над 2-м батальоном нависла угроза полного окружения. Штаб полка тоже оказался в зоне огня вражеских автоматчиков. И тогда начальник артиллерии полка Панов отдал приказ: командиру батареи 76-миллиметровок Коновалову — выкатить все орудия на прямую наводку; лейтенанту Григорьеву — вести из минометов неустанный огонь по вражеским автоматчикам; командиру саперного взвода младшему лейтенанту Фирстову и политруку Павлову — выдвинуться на окраину Строково и отражать танковую атаку врага до полной эвакуации из этого села всех частей полка...

Прихватив большой запас противотанковых мин и гранат, 11 отважных саперов пробрались в Строково. Мужественные защитники Родины на широком фронте заминировали предпольный участок, а потом и сами, не дрогнув, приняли неравный бой с врагом.

Когда в Строково шел бой, немецкий снаряд разорвался и на огневой позиции минометчиков. Степан Васильев упал. Подбежал лейтенант Василий Григорьев, склонился над Степаном и горестно прошептал:

— Как же так, писатель? Степа! Вернись, мы еще повоюем...

В бою под Строково прервался репортаж Степана Васильева с огневых позиций.

ПАМЯТЬ И БОЛЬ

Бакулина я впервые встретил в Политуправлении Балтфлота. Он приехал за каким-то немудреным типографским добром — то ли за шрифтом, то ли за красками. Он очень спешил: где-то у моста Лейтенанта Шмидта его ждала автомашина, а мне было по пути, в Адмиралтейство, там находился корреспондентский пункт центральной военно-морской газеты «Красный Флот». Так и не успев ни о чем нужном переговорить, мы оказались у грузовика.

— Приезжайте к нам, обо всем поговорим в более спокойной обстановке.

Крепко пожав друг другу руки, мы расстались. Я обещал непременно приехать в бригаду морской пехоты. Но такая возможность никак не представлялась: надо было поспеть то на один, то на другой участок фронта. Бакулин, очевидно, решил своеобразно напоминать о моем обещании: с любой оказией он присылал последние выпуски своей газеты. Я ему был только благодарен и внимательно прочитывал каждый номер.

Две небольшие полосы с заголовком «За Ленинград!». Газета вышла после первого боя, который приняла у стен великого города 6-я бригада морской пехоты. С той поры она стала неразлучным другом краснофлотцев.

«За город Ленина не пожалею своей жизни! Балтийские моряки! Разгромим фашистские орды!» — неустанно призвала газета. Ее слова находили горячий отклик в сердцах

читателей: бойцов, командиров, политработников. Это чувствовалось в каждой строке.

Когда я изучил газету, то проникся уважением к ее редактору: он знал свое дело и умел привлекать актив. «Теперь-то немедленно поеду»,— решил твердо. Но обстановка сложилась так, что пришлось отправляться в противоположную сторону, к Пулковским высотам, где тогда начались тяжелые бои.

А вернувшись из-под Пулкова, увидел новую пачку газет.

Наконец я решил все оставить и съездить в бригаду морской пехоты. Вечером я сел в трамвай и отправился в путь. Минут через 20 — конечная остановка, а там — пешком до Автово — линия фронта.

Редакция газеты «За Ленинград» помещалась в одной из опустевших квартир большого жилого дома. Бакулина я застал за версткой номера. «О, наконец-то приехали,— сказал он и рассмеялся,— значит, мои напоминания действительны». Редактор, оказывается, был и метранпажем, и корректором, и литправщиком, и, конечно, автором. А второй сотрудник редакции — краснофлотец Никитин — поэт и неутомимый собиратель материала.

Время моего приезда оказалось не самым подходящим: гитлеровцы третий день проявляли бешеную активность. Через 2 часа все работники политотдела должны были отправиться в окопы.

Мое желание пойти вместе с политотдельцами пришлось редактору явно не по душе.

— Я рассчитывал на вашу помощь,— сказал он,— а вы думаете только о своем блокноте...

Бакулин попросил меня остаться в редакции и помочь: вычитать полосы, написать статью о приближающейся первой военной Октябрьской годовщине...

— А я,— добавил он,— подольше побуду на передовой.

Отказать в такой просьбе я не мог и остался, как он радостно сказал, «старшим на рейде».

Я добросовестно выполнил все поручения Бакулина и, устав, решил прилечь. Меня разбудил громкий голос: «Редактора привезли». Еще не поняв, что произошло, я мгновенно очутился на пороге. У самого крыльца, на подводе, прикрытый бушлатом, лежал Дмитрий Бакулин.

А случилось так. В предрассветный час на окопы батальона, где были журналисты, двинулись немцы. Бой был коротким, но жестоким. Наши отбили натиск и сами перешли

в контратаку. В рядах наступающих с винтовками наперевес шли редактор Бакулин и литсотрудник Никитин.

Осколок мины сразил редактора. Никитин бросился к нему, но сам упал возле Бакулина, раненный. Он снял с Бакулина полевую сумку и передал подбежавшему бойцу: «Блокноты редактора, передайте в политотдел».

Я видел эти блокноты, исписанные мелким почерком и залитые кровью.

...Всего четыре месяца пробыл Дмитрий Бакулин редактором газеты бригады морской пехоты. Но какие это сто двадцать дней! Что значили они для великого города на Неве, сколько нужно было мужества, отваги и журналистской хватки, чтобы ни разу не оставить воинов без своей газеты...

Я навсегда запомнил встречи с Бакулиным.

До самого отъезда с Ленинградского фронта мне не удалось снова побывать в морской бригаде, подробнее узнать о редакторе, выпускавшем газету в самое трудное время.

Много лет спустя я узнал, что Дмитрий Бакулин всего 22 дня не дожил до 25 лет. Родом он из села Козеевка, Мордовской республики. 19-летним комсомольцем в 1935 году пришел Дмитрий в газету «Колхозная стройка», затем работал в «Красной Мордовии», учился в областной газетной школе в Пензе, а потом — действительная военная служба. Радист. Но ненадолго его разлучили с газетой. Скоро он стал редактором многотиражки морских погранчастей. А с начала Великой Отечественной войны — доблестная морская пехота, в рядах которой воевал и погиб журналист Дмитрий Бакулин.

Антонина Целикова
**ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ
КОСТИ ШИШОВА**

Каждый раз, когда нужно подняться на шестой этаж здания «Правды», меня тянет хоть минутку постоять возле черной стены вестибюля, где всегда горят огоньки живых цветов. На мемориале отсвечивает золотом острие пера, перекрещенное со штыком винтовки. И вписаны такие родные имена...

В коридорах «Комсомолки», как всегда, шумно. Откуда-то доносится яростный спор. Вихрем проносятся модные девчата и подчеркнуто элегантные парни.

А мне в этом веселом шуме, который отличает, наверное, только редакции молодежных газет, слышатся другие голоса. Память воскрешает заразительный смех Лили Карастояновой, влажный блеск ее глаз-вишен, неокрепший басок и белозубую улыбку Саши Слепянова, рассудительный говор Володи Чеснокова. Кажется, вот-вот из секретариата выбежит взъерошенный после очередной словесной баталии Иван Меньшиков, а из отдела местной сети, щеголяя матросским бушлатом, прошествует невозмутимый крепыш Ваня Наганов.

Это их имена вызывают ко всем живущим и пишущим:

— Ты понял? Ты не забыл? Перо приравняли к штыку! Рази им все негодное, что отравляет жизнь людям. Расчищай путь тому светлому, ради чего мы сложили свои головы...

В который раз я перечитываю фамилии на мемориале в «Комсомольской правде» и всегда мысленно присоединяю

имена еще двух журналистов, работавших в этой редакции,— Василия Муханова и Константина Шишова.

Они стоят перед глазами как живые. Один — немного угловатый крестьянский парень, постоянно увлеченный очерком или рассказом, «который висит буквально на кончике пера». Другой — ладный, спокойный, корректный, никогда не вылезавший вперед. А вот тянет к нему людей. Он всегда окружен ими.

Так и кажется, подойдет незаметно Василий Муханов, отбросит со лба всегда нависавшую прядь волос и скажет:

— Послушай, знаешь, с чем я приехал из командировки? Это, брат, такая темочка, Черненко с руками оторвет.

А Костя помнится мне в обществе Володи Пронина, искрометного остряка Мули Виноградова, снисходительно поглядывающей на «мальчишек», но очень дружной с ними Галины Плеско.

Перед войной Шишов и Муханов работали в литературно-художественном журнале для сельской молодежи, в издательстве «Молодая гвардия». Но это ничего не значит. Где бы ни трудился человек до и после «Комсомолки», он в душе на всю жизнь оставался комсомольским журналистом.

Костя Шишов начинал пробу пера после Высших литературных курсов в архангельской «Правде Севера», приобретал журналистскую сноровку в «Гудке», но главным университетом был для него талантливый, боевой коллектив «Комсомольской правды». Здесь шлифовались качества, нужные газетчику, здесь он получил запас энергии на всю свою недолгую жизнь.

...Передо мной старые-престарые фотографии. На одной — ребята из «Комсомолки» сбились кружком возле Семена Михайловича Буденного. И Костя с ними. На другой — одетые по-зимнему, молодые газетчики сняты у вагона: Юра Жуков, Паша Коган, Соня Лаписова, Эдя Волчонок, Костя Шишов.

Еще группа — выездная редакция на какой-то московской партконференции. Вот Костя берет интервью у известной на всю страну комсомолки снайпера Сентюриной. На обороте фотографии скупая надпись: «Мы — в выездной «Комс. правды» «За боевой резерв»». На другой фотографии — черноволосый, серьезный, еще совсем юный Юра Жуков. Примогнулся к краешке стола возле допотопного каганца и пишет. Из-за его спины вглядывается в текст Костя. На обороте — три слова: «Мы — в Горловке. Донбасс».

Я долго не знала истории этих фотографий. Костя Шишов терпеть не мог «охотничьих» рассказов о заслугах, удалстве газетчиков.

Он пришел в «Комсомолку» в 1931 году. Тогда еще только создавались первые заводы-гиганты, закладывался фундамент новых отраслей промышленности. В деревне только-только вставляли на ноги колхозы.

Это было сложное время. Вся страна пришла в движение. Крестьянская масса двинулась на стройки. И в городе и в селе давала себя знать напряженная классовая борьба. «Комсомолка» помогала партии на самых трудных участках. Ее «полпреды» всегда оказывались там, где требовалось дать бой бюрократизму, научить молодежь смело браться за дела государственной важности.

Как раз в то время при редакции был создан Совет содействия строительству Урало-Кузбасса. За один только 1931 год «Комсомолка» послала 28 выездных редакций на новостройки.

Костя сразу нашел свое место в этой «кипучке буден». Благодатная атмосфера творчества, вдохновенного дружного труда была той почвой, на которой быстро мужали и закалялись люди, полюбившие свою беспокойную профессию. А для Кости Шишова она стала главным делом жизни.

...Было первое декабря 1932 года. В Горловку на шахту № 1 прибыл вагон-редакция «Комсомольской правды» и остановился на втором запасном пути. Донбасс — в долгу у страны. Он не добывал угля, предусмотренного планом. На шахте № 1 запущена комсомольская работа, низка дисциплина труда.

Костя Шишов — один из пяти молодых журналистов, прибывших с выездной редакцией. Он собран, деловит. Пишет короткие, суровые заметки, предъявляет решительные требования к администрации, мирволящей прогульщикам.

Это была пора, когда на всю страну гремел трудовой подвиг забойщика Никиты Изотова. Он своим обушком добывал неслыханное по тем временам количество угля. Выполнял месячную норму в первую неделю. Никита Изотов пришел в вагон-редакцию. Он готов передать молодым забойщикам свой опыт, в котором нет чудес, а только любовь к шахте и сноровка. Костя знакомится с Изотовым. И высокий, сильный, веселый человек занимает прочное место

в его журналистской памяти. Комсомольский участок, над которым шефствовал Изотов, взят под пристальный контроль Константина.

Спокойный, рассудительный парень, Шишов мог быть очень гневным, когда сталкивался с людьми, попирающими интересы рабочих. Как кормят шахтеров, что получают они на обед? В четвертый раз Шишов выступает в листовке против негодяев, обкрадывающих рабочих. Ведь тогда было трудно с питанием. Продукты получали по карточкам. С педантичностью бухгалтера Костя подсчитывал, что не попало в котел, придирчиво судил за унылое однообразие меню. За месяц, что выездная провела на шахте, от руководства столовыми отстранили бесчестных людей, питание горняков заметно улучшилось.

Костя никогда не писал с чужих слов. Он хотел все видеть своими глазами. И вот на нем уже брезентовая спецовка и широкополая шляпа. Гремящая клеть спускает его вниз, в шахту. Он с любопытством вглядывается в мокрый блеск штреков. Но больше всего его интересуют дела в подземных конюшнях. До выездной дошел слух: там неблагополучно, падают кони. Это одна из причин отставания шахты.

Редакция приглашает к себе коногонов. Объявлен конкурс на звание лучшего конюха и коногона. Теперь все знают имена тех, кому дорога шахта, и тех, для которых она — проходной двор. Заметно улучшился уход за лошадьми, а вслед за этим поднялись и темпы вывоза угля.

Под новый год в Горловском Дворце культуры выездная редакция организует веселый вечер — встречу второй пятилетки. Шишов вместе с другими — во дворце. Непрерывно звонит телефон в редакции. «Собственные» корреспонденты передают из дворца новости. Юрий Жуков сверхскоростными темпами создает печатную листовку «Подзатыльник».

В 8 часов 31 декабря выходит уже второй ее номер, а в нем зарифмованные Шишовым юмористические происшествия на вечере. Через час — еще один номер «Подзатыльника». Листовки мелькают среди гостей. Всюду взрывы смеха. «Героями» становятся участники вечера, которые и не подозревали, что попали на острое журналистское перо. В полночь вышел пятый номер «Подзатыльника» и по редакционному телефону принята последняя информация специального корреспондента выездной К. Шишова.

Вагон-редакция «Комсомольской правды» закончила работу в Горловке. Молодые журналисты возвращались в Мо-

скву с радостным сознанием, что внесли свой вклад в добычу угля, организовали дело, которое послужило примером для других.

Горловка — только одна ступень на журналистском пути Константина Шишова. А их было много. Вот он на Нижнеднепровском железнодорожном узле, через который проходит вся руда Запорожья, уголь Донбасса и хлеб Крыма, в выездной редакции, которую возглавляет Семен Нариньяни. Журналисты придирчиво проверяют, как выполняется постановление ЦК партии о перестройке на транспорте... Вот Шишов в других выездных — с Галиной Плеско, с Владимиром Вельминым.

Костя был умный и честный человек, серьезный газетчик. Может быть, поэтому его чаще других посылали туда, где нужно было разобраться в запутанных ситуациях, докопаться до корней сложных явлений.

С тех пор прошло тридцать с лишним лет. Уже сами газетные листы постарели, но какую Костину корреспонденцию ни прочти, за ясной, четкой строкой, за логикой мысли угадывается человек, умеющий добираться до глубинной сути вещей, увидеть причину зла и так убедительно доказать свою правоту, что виновник оказывается припертым к стенке.

Толковая, острая корреспонденция, интересный репортаж — эти жанры преобладали у Кости. Ими он разил недостатки, пропагандировал новое в жизни. Писать он умел, был готов в любое время дня и ночи побежать, поехать по звонку из редакции хоть на край света.

Не раз бывало, лежит Костя простуженный, стонет, головы не может поднять. Вдруг вкатится целая команда из редакции, во главе с фотокорреспондентом Бобом Иваницким. Тот изобразит на круглом флегматичном лице крайнюю степень удивления и картинно всплеснет короткими руками:

— Как, ты валяешься? А нам такое дело поручили!.. Представь, ты тоже в бригаде...

Костя торопится прикрыть газетой стул, на котором разложены лекарства, и, сконфуженно поглядывая на ребят, начинает одеваться:

— А когда ехать? Завтра? Ладно, я готов!

А вскоре из Мариуполя или Нижнего Тагила звонок:

— Не беспокойтесь, я только весь желтый. Но это ничего, не опасно. Зато, знаете, как было интересно!

Вернется из командировки — одни глаза, как озерки, сияют на похудевшем лице. И уже с порога:

— Материалец привез — во! Ребята обзавидуются...

Спуститься в шахту, отмерить в лютую стужу в одних ботинках пятнадцать — двадцать километров, забраться на самый верх строящегося объекта, а случалось, и провалиться во время паводка чуть не по пояс в ледяную воду — это он считал в порядке вещей и об этом разглагольствовать не любил.

— Нужно было. Не срывать же задание, — только и услышишь от него.

В те времена журналистам было труднее, чем нынче. Когда нельзя было достать подводу, газетчики шли пешком. Нет мест в Доме колхозника — ночевали в промерзших клубах, на вокзалах, где придется. Но шли, шли, как солдаты. А в голове только одна мысль: в редакции ждут, как бы не опоздать. Никому и не думалось, что когда-нибудь наградят и журналистов, напишут и о них — о подвижническом их труде, не признающем праздников, непогоды, смены суток, даже болезни.

Запомнилась кампания, которую вела в начале 40-х годов «Комсомолка». Она зорко следила за тем, чтобы промышленные и продовольственные товары, которых было еще мало, не растекались на сторону, а попадали на село, в руки передовиков-колхозников.

И вот — выездная редакция в Центросоюзе. Костя Шишов проверяет, как учтены в планах этой организации потребности села. В газете появляется острейшая корреспонденция, в которой критика сочетается с деловым советом.

Затем Шишов прослеживает и описывает в газете тернистый путь и злоключения одной кипы текстиля, вышедшей из стен фабрики. Предметная критика не только бьет. Она вооружает комсомол опытом первых постов сквозного контроля.

Но вот товар выгружен на конечной станции. «Полпреды» «Комсомолки» настигают его и здесь и идут по цепочке: крайпотребсоюз, район, село, идут с колхозной лавкой на поля, где пашут. Получилось не только интересно. По этим корреспонденциям были приняты очень серьезные меры.

В активе Кости и успешная борьба за продвижение книги на село.

Книга была дефицитна. Книг не хватало. В селах почти не видели новых художественных произведений. Заведую-

щая отделом культуры «Комсомолки» Галина Плеско едет в 1934 году с Костей Шишовым в Саратов. Они проводят рейд под девизом: «Все книги — на прилавок». Страстный книголюб, он с азартом и знанием дела ведет комсомольцев от организации к организации, обнаруживая ручейки, по которым из коллектора утекают новые книги, яростно нападает на тех, кто не желает продвигать литературу в массы.

В газете появляется яркое, написанное со знанием дела, с душой выступление. Это сигнал к перестройке дела всем книготоргам.

Газетчики тех лет учились не только интересно и содержательно писать. Они стремились быть организаторами живых дел, ценного почина, пропагандистами этих дел.

Помню, в 1935 году на весенний сев в Днепропетровскую область выехал очередной вагон-редакция «Комсомолки» под руководством отличного журналиста Владимира Ивановича Вельмина. Одновременно редакции поручили испытать первую в Советском Союзе звуковую кинопередвижку и показать селу еще не вышедший на экраны фильм «Крестьяне».

Задумали смело: демонстрировать фильм в хате отличившегося на севе комсомольца. Выбор пал на ближайший от станции хутор, а в нем нет электричества и находится он в семи километрах от электролинии.

Владимир Иванович поручил «обмозговать» это нелегкое дело Косте Шишову. Тот постоял немного в задумчивости, поворошил копну густых пепельных волос, одернул куцый пиджачок и решительно шагнул к лошади, которую прикомандировали редакции для связи. Раза два свалился с нее. Заметив ехидные усмешки, густо покраснел, кое-как взгромоздился в седло и куда-то уехал. (Месяца через два он все же искупил этот свой конфуз: вместе с Юрой Жуковым, Лешей Коробовым и другими энтузиастами прыгнул с парашютом и получил свидетельство за номером один.)

Шишов пропадал дня три. Приехал загорелый, довольный, улыбка — во все лицо. Оказывается, раздобыл и провод, и трактор, и столбы для проводки электричества.

В последующие дни, после выхода газеты, работники выездной брали в руки лопаты и шли рыть ямы и вкапывать столбы.

Конечно, было не просто выкопать эти ямы на расстоянии семи километров, а тем более установить столбы, но Костя Шишов привлек много помощников из ближайших сел.

И вот 13 марта люди прочли в «Комсомолке» и в украинских газетах, что в колхозе «Червона зірка», Красноармейского района, состоялся первый общественный колхозный просмотр нового фильма. Первая советская звуковая кинопередвижка открыла возможность показывать звуковые фильмы в самых отдаленных сельских районах.

Так Константин Васильевич Шишов и жил, проводя по восемь-девять месяцев в году в поездках.

Ничего не изменилось и после женитьбы. Один разбирал, другая укладывала в чемодан дорожные вещи. Но в сырой комнатухе с окном, что упиралось в стену, всегда было весело. Возвратившись часа в два ночи из редакции, пили чай, крутили патефон, танцевали. Костя часто читал наизусть Багрицкого, Маяковского, Блока. А порой мы всю ночь напролет работали, помогая друг другу готовить срочные статьи.

Самой большой отрадой для Кости были книги. Он любил их, черпал в них силу, убежденность. Не дай бог не вернет кто-нибудь книгу — не будет тому житья от доброго Кости.

Читал запоем, каждую свободную минуту.

Парень из семьи вологодского слесаря прекрасно знал русских и зарубежных классиков, современную советскую и западную литературу, следил за философской литературой. И когда в нашу комнату в коммунальной квартире набивалась газетная братва, разгорались, как на летучке, споры о новых произведениях.

И еще была страсть у Кости — шахматы. Они привлекали в наш дом инженеров Колю Шарапова, Жоржа Короткевича и других друзей школьных лет, журналистов Володю Черносвитова, Сашу Слепянова, писателя Вадима Сафонова. Бывали и люди, о которых Костя писал.

Товарищи высоко ценили в нем жадный интерес к людям, трезвый ум и спокойствие. А главное, его содержательность, личное обаяние. С ним интересно было говорить, он много знал, был тонким ценителем картин, музыки.

Но свободное время выпадало редко. Чаще на письменном столе сталкивались записки: «Не волнуйся, я укатил в Сибирь», «А я — в Белоруссию», «Дорогая, меня послали на Азовсталь», «А меня — в Калмыкию».

Года за два до войны Костя решил «подбить» итоги своим корреспондентским маршрутам. Считал: Казахстан, Украина, Татария, Северный Кавказ... Ставил на карте кружочки

и крестики, насчитал сто пунктов и сбился. Не случайно, уходя на фронт, уже с рюкзаком за плечами, остановился Костя на пороге и задумчиво сказал:

— Хорошо, что я успел много повидать и как-никак прожил тридцать два года...

...В 1936 году Эммануил Борисович Вишняков (Чутко), новый редактор всесоюзной газеты рабочих строительной индустрии «Постройка», переманил Шишова к себе.

Предшественница нынешней «Строительной газеты» была газетой широкого диапазона, деловая, зубастая. Очень скоро ее коллектив признал в Косте серьезного газетчика.

Подкупала исключительная добросовестность Шишова. Перед каждой поездкой он читал книги по нужному вопросу, консультировался в наркомате, беседовал со специалистами.

Писал много, с жаром души. Дела на стройках, быт, учеба, отдых, дерзания строителей стали как бы его личным делом. В зарисовках, очерках избегал вычурности слога, ценил точность.

Два года спустя Шишов перешел в газету «Красный Флот» в качестве начальника отдела информации. С тех пор увлекся военно-патриотической темой. В доме появились военные уставы, началось жадное изучение специальной военной литературы.

Перед Великой Отечественной войной Костя вел в журнале «Молодой колхозник» военный отдел. Литературно-художественный журнал очень заботился о военно-патриотическом воспитании молодежи. В 1939 году была в нем даже анкета: «Что ты будешь делать, если завтра война?».

Ни один номер журнала не выходил без рассказов о летчиках, танкистах — героях хасанских событий, финской войны, о беспредельном мужестве, о любви к Родине советских людей. Им сопутствовала серия бесед о тактике боя, военной тайне, методах разведки.

Это было делом рук Кости Шишова. Привлечению авторов, редактированию материалов он отдавал столько времени и сил, словно одновременно спешил восполнить пробелы и в своей военной подготовке.

...В памятное воскресенье мы включили радио и поняли: война! Правая туфля почему-то оказывается на левой ноге, платье никак не застегивается — руки не слушаются. Это у меня. А Костя уже стоит в дверях, готовый бежать в редакцию.

Один за другим уходили на фронт его товарищи, а ему все не было вызова. Находя по утрам почтовый ящик пустым, Костя мрачнел и, не скрывая раздражения, говорил:

— Что за несчастье жить с фамилией чуть не на последнюю букву алфавита: неужели, как и в финскую, заставят только разносить повестки?

Вечерами жадно расспрашивал, что делают ребята в «Комсомолке». И страшно завидовал, услышав: «Пишем по два материала в день».

Ждать мобилизации не стал, не мог. И вот звонок. Костин голос:

— У нас записывали в ополчение. Я тоже записался!

Человек дела и долга, он пошел на фронт рядовым солдатом с одной-единственной целью: бить, уничтожать, гнать с родной земли гадов, которые угрожали самому дорогому — свободе и независимости Отчизны.

...Поздние летние сумерки. У школы № 613 в Большом Казенном переулке, неподалеку от Главного почтамта, строились боевые ряды. Куйбышевская дивизия народного ополчения уходила из Москвы. В ней были десятки журналистов из «Молодой гвардии». Костя успел подпоясать ремнем коричневый пиджак, но мало походил на военного. Был, как всегда, спокоен, бодр, подшучивал надо мной. Раздалась команда, и мы расстались. Расстались навсегда...

Письма приходили редко, и было их немного. Костя просил не удивляться. Второй стрелковый полк, артбатарея 76 — этот адрес скоро сменился другим: 754-я полевая почта, отдельная моторазведывательная рота, второй взвод. Так ценимые в журналисте наблюдательность, самообладание и выдержка стали оружием разведчика.

Письма Константина были полны бодрости. В одном из первых, между прочим, такие строчки:

«У нас записывали журналистов. На какой предмет — не знаю. Я записываться не стал. Думаю, что перо теперь — малоубедительное оружие для фашистов.

Р. С. Спроси у Гуляева, Золина и Власова, дадут ли рекомендацию в партию...»

Московские ополченцы после нескольких недель подготовки сразу попали в труднейшую обстановку. Враг рвался к Москве. Под Селигером, Вязьмой, Можайском, и вот уже совсем рядом — в Наро-Фоминске идут жестокие бои. В эти дни солдат-разведчик пишет:

«...Начал, начал войну, открыл счет. Мог бы сделать больше, опыта не хватает. Ничего, учтем. А воевать будем, пока не побываем в Берлине. Самое хорошее — твердо знаю, что не дрогну ни под пулями, ни при каких обстоятельствах. В роте на хорошем счету, оказался более способным к военной жизни, чем думал».

А в конце приписка:

«Хочу поработать над несколькими рассказами. Они будут интересны».

Журналист в Константине Шишове шел рука об руку с разведчиком.

2 октября 1941 года Костя писал: «У нас в роте получено письмо начальника политотдела дивизии, в котором за храбрость и еще за что-то весьма лестно отмечаются четыре наших бойца, в том числе и твой муж. Ей богу, как-никак восемь раз был в тылу у немцев, знаю, что такое огонь автоматов, пулеметный обстрел с самолета, минные «подарки».

Много у меня накопилось на сердце, многое испытал. Хотелось бы многое тебе порассказать. Если встретимся когда-нибудь, увидишь, что... я оставался самим собой, какие трудные моменты ни встречались бы. Без этого нельзя воевать, нельзя ходить в разведку».

Это была последняя весточка от Кости.

Зимой 1941 года пришло сообщение с фронта: «Пропал без вести». Пришло в редакцию, мне его не показали: была в выездной, которая называлась «Все — для фронта!».

Редактор «Комсомолки» Б. С. Бурков поручил военным корреспондентам искать Шишова. Они искали терпеливо и услышали: «Был такой в дивизионной разведке. Воевал отважно, разведчик хладнокровный, всегда рвался вперед».

Я узнала об этом только весной 1942 года. Все следы были потеряны. После войны из 120 работников «Молодой гвардии», ушедших в народное ополчение, вернулось лишь несколько человек. Но я ни на минуту не сомневаюсь: сын и внук рабочих, которые помогали ссыльным революционерам бежать из тюрем, выполнил свой долг до конца. Недаром в одном из солдатских треугольничков есть строчки:

«Если бы ты знала, как выглядит враг, когда ему приходит конец. Твердо уверен, если придется умирать, умру лучше, крепче, мужественнее».

Костя Шишов останется в памяти всех, кто его знал, верным сыном Родины, коммунистом.

**У храбрых есть только бессмертье,
Смерти у храбрых нет.**

Константин Симонов

Борис Котельников
МАТ В ДВА ХОДА

Погожим воскресным утром по заданию «Правды» я отправился с колонной Московского туристского автоклуба на один из бывших старых рубежей обороны столицы. Надо было написать репортаж к слету участников походов по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа.

Широкое Киевское шоссе привело нас к Наро-Фоминску. В первую военную зиму тут создалось, пожалуй, одно из самых опасных для Москвы положений.

Город на Наре. Здесь, в 70 километрах от Москвы, был враг! Та часть города, где высятся сейчас новые многоэтажные дома, оказалась в руках гитлеровцев. Полгорода, до Нары, — у них, полгорода — у нас.

Район Наро-Фоминска обороняла 33-я армия. На ее левом фланге сражались две ополченческие дивизии. В «Истории Великой Отечественной войны» они увековечены следующими строками: «Под Наро-Фоминском бок о бок с кадровыми соединениями Красной Армии стойко сражались 4-я дивизия народного ополчения Куйбышевского района (110-я стрелковая дивизия) и 5-я дивизия народного ополчения Фрунзенского района (113-я стрелковая дивизия) Москвы. Они сыграли важную роль в обороне рубежа на реке Наре и в ликвидации прорыва немецко-фашистских войск на этом направлении».

Такая стыковка кадровых и ополченческих дивизий символизировала дух и суть войны, которую вела наша Родина.

Шла «война народная, священная война». Отличившаяся затем при взятии Вязьмы 110-я дивизия удостоилась наименования 84-й гвардейской.

...Машины медленно идут вдоль левого берега Нары. Проезжаем Горчухино, Атепцево, Слизнево. Небольшие деревни, каких сотни в Подмоскowie. Но их вид волнует ветеранов 84-й гвардейской дивизии, участвующих в нашем походе. Им есть что вспомнить.

Туристы слушают ветеранов-гвардейцев, задают вопросы, уточняют. Они не замечают безоблачного неба над головой, не чувствуют вспаханного поля под ногами, позабыли про плавно текущую под откосом Нару. Юноши и девушки перенесли в студеную зиму сорок первого. Они идут фронтовыми дорогами отцов и старших братьев. Я иду рядом и молчу. Она знакома мне, эта дорога.

...Повзводно, строем шагали мы по притихшей, тревожной Москве, распевая:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Песню про Катюшу затем пели мы близ станции Сычевка, в совхозе Дугино, на Валдае. Пели, идя навстречу войне, навстречу судьбе.

В начале июля сорок первого столичная партийная организация формировала дивизии народного ополчения. В их ряды вступали добровольцы. Брели только тех, кто по каким-либо причинам не состоял на воинском учете. Командный состав прислали военные академии и училища. Райвоенкоматы выделили запасников — младших командиров. Наша дивизия формировалась в Куйбышевском районе. На его территории преобладали наркоматы и другие учреждения. Много было издательств, редакций. В ту пору я редактировал журнал «На суше и на море», выходивший в издательстве «Физкультура и спорт». Размещалось оно в Большом Черкасском переулке. Около нас, близ станции метро Дзержинская, располагались издательства Художественной литературы, «Молодая гвардия», Детской книги и ряд других. И все они дали бойцов 4-й дивизии народного ополчения.

К фронту выехали вечером 13 июля, едва успев сменить гражданскую одежду на старенькое армейское обмундирование. Вооружение — лопаты. На Смоленщине рыли противотанковый ров. Потом получили вооружение. И стали мы воинами 110-й стрелковой дивизии.

У меня сохранилась от того времени небольшая потрепанная записная книжка. На одной из страничек — список бойцов нашего отделения первой пулеметной роты 3-го стрелкового полка (потом 1291-й). Самому старшему — 56 лет. Воевал еще в гражданскую. Слесарь. Снят с воинского учета рядового состава по возрасту. Самому молодому только-только сравнялось 18, в армию его еще не призывали. Остальным от 26 до 30 лет. Об одном из них, моим другом и сослуживце Леве Гугеле, я и расскажу.

В мирной жизни мы были «белобилетниками» из-за слабого зрения. В пулеметной роте оба стали подносчиками патронов. Походная жизнь Леве давалась трудно. У меня за плечами туристские походы, альпинистские восхождения, хоккейные баталии. Мой же приятель — представитель самого тихого, так сказать, настольного вида спорта — шахмат. Мало того, и среди шахматистов он не боец: в списках участников чемпионатов и турниров его фамилии не сыщешь. Он был мастером шахматной композиции. Причем буквально со школьной скамьи. В конце 1927 года, когда Леве минуло 13 лет, «Пионерская правда» опубликовала его первую двухходовую задачу. Последующие двухходовки привлекли внимание любителей шахматного искусства новизной тематики, смелостью мысли. Через год — полтора Гугель занял видное место среди молодых проблемистов. Он становится участником конкурсов на лучшие двухходовые задачи не только в стране, но и за рубежом и неизменно занимает призовые места.

Лев Гугель успел опубликовать без малого 200 двухходовых задач. Несколько десятков из них вошли в золотой фонд шахматного искусства. Они и ныне восхищают любителей древней игры, публикуются в сборниках и учебных пособиях по шахматной композиции.

Гугелю принадлежит приоритет открытия и разработки идеи продолженной защиты в двухходовой задаче. Он показал, какими богатыми возможностями обладает эта идея, чтобы дать черным мат в два хода.

В числе не вернувшихся с фронта был писатель, военный корреспондент С. С. Левман. Свою литературную деятельность он увлеченно сочетал с шахматной композицией. Семен Семенович завоевал на международных и всесоюзных конкурсах свыше 70 призов, из них около 30 — первые. В 20-х годах Левман выпустил двухтомник «Современные шахматные задачи», вел шахматные отделы в «Правде»

и «Труде». В 1939 году журнал «Шахматы в СССР» напечатал его статью о Л. Н. Гугеле. Ветеран советского шахматного искусства писал:

«Л. Гугель пришел в шахматную композицию не только с новыми самобытными идеями, но и с установившимися художественными вкусами и симпатиями. Он является одним из немногих наших проблемистов, придающих огромное значение художественной форме задачи. Для самых трудных и сложных замыслов он находит легкое, экономичное построение. Он обладает редким умением создавать живописный рисунок задачи. Именно в силу того, что в лучших задачах Гугеля мы находим сочетание глубокой идеи и прекрасной формы, эти произведения заняли по праву видное место в сокровищнице шахматной композиции».

Далее автор статьи отмечал, что по инициативе Льва Николаевича проводились первые массовые конкурсы решений, которые привлекли тысячи участников. Руководя отделами в «Пионерской правде», «Смене» и других изданиях, Гугель воспитал большую группу способных проблемистов.

Недавно при встрече с председателем Центральной комиссии по шахматной композиции, доктором технических наук, профессором Б. А. Сахаровым я упомянул Гугеля.

— Очень даже хорошо его знал! — воскликнул ученый. — Он-то и «совратил» меня на путь шахматных проблемистов.

Познакомились они в начале 30-х годов на шахматной базе Центрального парка культуры и отдыха имени М. Горького. Юноши-одногодки одинаково горячо увлекались шахматами, но в разных направлениях: один — игрой, другой — композицией. Однажды Борис Сахаров пожаловался товарищу, что нигде не может купить шахматной литературы.

— Поищи-ка на развале у Китайгородской стены, — посоветовал Лева. — Там все, что хочешь, найти можно.

И действительно, у одного из многочисленных продавцов старой и подержанной книги Сахарову попался восьмой выпуск «Задач и этюдов». В сборнике публиковались результаты 7-го Всесоюзного конкурса двухходовок. Каково же было изумление юноши, когда он прочитал под одной из задач: «Первое место, Л. Гугель»!

На бурную радость Бориса Лева ответил:

— Попробуй и ты заняться композицией. Чертовски увлекательное дело! И в игре помогает как лучшее лекарство

от шаблонного мышления. Не понравятся задачи — займись этюдами.

Борис Сахаров «попробовал» и... увлекся этюдами.

Некоторое время спустя Лева Гугель разыскал Бориса:

— Вот, специально для тебя,— протянул он газету «Труд», в которой был объявлен конкурс на лучший шахматный этюд.— Выбери что-нибудь из своих этюдов и отошли на конкурс. Укажи, что ты начинающий.

Борис выбрал. Отослал. И забыл, ведь результаты конкурса подводились почти через год. Только Лева не забыл. Он никогда не забывал начатого дела. Раньше других он поздравил удивленного Бориса, который на конкурсе «Труда» завоевал первый приз по разделу начинающих композиторов.

— Так я и стал шахматным проблемистом. Этюды — мое пожизненное увлечение,— закончил Борис Андреевич. Помолчав, с горечью добавил:

— Если бы Гугель не погиб, он был бы сейчас выдающимся, с мировым именем мастером. Поверьте, для такого вывода у меня есть основания. Как вице-президенту Международной комиссии по шахматной композиции мне приходится встречаться с видными международными проблемистами — и ветеранами, и молодыми. Я внимательно слежу за их творчеством...

В 1929 году, окончив московскую школу-семилетку № 57, Гугель поступил в дорожно-строительный техникум, но вскоре перешел в областной газетный техникум. Получив диплом, Лева Гугель стал работать в солнечногорской районной газете «Путь Ильича». Был заведующим отделом, ответственным секретарем, заместителем редактора. Позже стал литературным сотрудником «Лесной промышленности». Потом перешел в шахматную газету «64». Заведовал отделом. Тогда-то мы и познакомились.

Несколько лет меня избирали секретарем комсомольской организации издательства «Физкультура и спорт». Комсомольская работа нас особенно сблизила. Я убедился, что этот немногословный юноша очень серьезно относится и к работе и к любому поручению. И когда в 1938 году в журнале «Физкультура и спорт» потребовался заместитель редактора, по предложению комсомольцев на эту должность назначили Леву Гугеля. Перед самой войной ему пришлось исполнять обязанности редактора.

В ту пору при райкомах ВЛКСМ были созданы общественные военно-физкультурные комиссии. Куйбышевский райком поручил возглавить такую комиссию мне. Естественно, к работе я привлек и Лева. Мы организовали массовую сдачу норм комплекса ГТО, проводили лыжные кроссы и пешие походы в противогазах. В канун войны ЦК ВЛКСМ наградил Л. Гугеля значком «Активист комсомольского кросса 1941 года».

...Со Смоленщины нашу дивизию перебросили на Селигер. Как ни тяжелы были походы по горбатым лесным дорогам Валдая, как ни пробирал сырой холод в окопах возле прославленного озера, Лева Гугель переносил невзгоды мужественно. Мы ни разу не слышали от него даже намека на жалобу. Его письма домой, которые мне довелось прочитать уже после войны, полны оптимизма, уверенности в нашей победе.

— Белые всегда побеждают черных. Мат в два хода! — сказал Лева, когда мы на марше узнали о контрударе советских войск под Ельней.

Это было, пожалуй, его единственное на фронте упоминание вслух о шахматах. В ту осень Лева, как и всех нас, заботило другое: как выстоять перед лютым и сильным врагом, ответить на его удары еще более мощными ударами.

Первый бой мы вели у поселка совхоза «Коммуна», расположенного на возвышенности. Совместно с остатками кадровой части, отошедшей сюда с границы, мы обороняли перешеек между Селигером и другим озером, севернее его. Вся же дивизия развернулась вдоль восточного берега Селигера: напротив местность была в руках противника. В ночь на 27 сентября 1941 года на траншеи, занятые стрелками, и поселок, где в ячейках скрыто стояли наши «максимы», гитлеровцы обрушили огонь минометных батарей. В небе повисли немецкие осветительные ракеты. На вражеских позициях замелькали фигуры начавших перебежку солдат.

Гитлеровцы не могли не заметить подошедшей новой дивизии. Поэтому они и повели разведку боем. Естественно, их интересовали огневые точки. Мы не должны были выдавать расположения станковых пулеметов. Поэтому врагу отвечали только стрелки из траншей.

Гугеля и меня в ту ночь оставили связными при командире взвода лейтенанте Тинтулове. Как только начался бой, он скомандовал:

— Котельников, бегом в первое и второе отделения... Гугель — в остальные. Передайте приказ: без команды огня не открывать!

«Остальные» — это два «максима», установленные не в поселке, а на берегу Селигера, в топкой местности.

Немецкие минометы усилили обстрел. Противник понимал, что высота у переднего края не может быть без гарнизона. И он вызывал его на ответный огонь...

До моих пулеметов было рукой подать, и я быстро вернулся с докладом к командиру. А вот Левы долго нет. Вдруг, потеряв очки, сбился с пути? Или мина зацепила? Но вот и он.

— Товарищ лейтенант, задание выполнено!

...В разгар осеннего наступления фашистских войск на Москву, когда Гитлер раструбил на весь мир, что 7 ноября будет на Красной площади принимать парад победы, 110-ю стрелковую дивизию спешно перебросили к Боровску. Батальоны выгружались на станции Балабаново и с ходу вводились в дело.

Утром 20 октября у деревни Инютино подразделения 1291-го стрелкового полка неожиданно были атакованы противником. Вчерашние финансисты и журналисты, плановики и торговые работники смело приняли бой. Но силы были неравными.

Теряя друзей-товарищей, ополченцы медленно отходили...

Неделю, целых семь суток понадобилось кадровым частям гитлеровцев, чтобы преодолеть от Боровска 30 километров и выйти к берегам Нары. Дальше оккупанты не прошли!

...Боец очнулся от боли, застонал. Он лежал на кровати, втиснутый в закуток за печкой. Качнулась цветастая занавеска, появилась женщина.

— Лежите тихо, — сказала она и, предупреждая вопросы, добавила: — Вы ранены. Я сейчас...

Вернулась с кружкой:

— Попейте вот молочка...

Потом заглянул бородатый, средних лет мужчина.

— Полегче? — спросил он. — Значит, перевязку вроде сделали справную.

— Кто вы?

— Колхозники мы. Инютинские. А тебя как звать-то?

— Лева.

Утром бородатый пришел угрюмый. Помолчав, не глядя на раненого, сказал:

— Беда, Лева. Проклятые собираются наших раненых увозить в Боровск. Если есть документы или еще что, давай спрячу.

— У меня комсомольский билет. Только я его не оставлю.

— Дело это святое. Тебе и решать,— согласился колхозник.

— Просьба у меня к вам. Когда придут наши, напишите моему отцу. Вот адрес...

— Не беспокойся, сообщу,— проговорил колхозник, пряча в карман листок с адресом.

В избу ввалились немецкие солдаты. Когда Леву клали на крестьянскую подводу, хозяин шепнул:

— Вещевой мешок твой у нас. Схороним до времени.

В боровской больнице, превращенной в госпиталь, немцы выделили один корпус для раненых советских бойцов. Ни медикаментов, ни продуктов для них не было. Русский врач и медицинские сестры добывали все это у населения. Лева Гугель лежал рядом с тяжело раненным бойцом Николаем Жидяевым. За ними ухаживала 16-летняя школьница Клава Грибова. Она делала все, чтобы облегчить страдания раненых, помочь им встать на ноги.

— Лев Николаевич, я вас порадуя,— сказала как-то Клава.— Доктор говорит, что осколок у вас из спины должен сам выйти. Скоро. Значит, на поправку идете.

— Спасибо, Клава,— приподнялся на локте Гугель.— Раз о моей поправке заговорили, то нужно и о другом подумать. Ты поможешь мне?

— Постараюсь...

— Раздобудь для меня лыжи,— зашептал Гугель.— И парнишку найди, чтобы местность хорошо знал. Только никому ни слова...

Клава не приходила в госпиталь несколько дней, а когда появилась, Левы уже не было. Его перевели в Юхнов, в лагерь для военнопленных.

— А я ему хорошие лыжи добыла,— горестно поделилась девушка с матерью, больничной поварихой.

Случилось так, что после разгрома гитлеровцев под Москвой мне в составе 133-й сибирской стрелковой дивизии (впоследствии 18-й гвардейской) привелось участвовать в освобождении Юхнова. Произошло это 5 марта 1942 года. Город был в руинах. При въезде, около Варшавского шоссе,

мы увидели большое кладбище погибших в лагере военнопленных. Один из спасшихся узников рассказал, что из лагерного госпиталя, кажется, в январе 1942 года бежал на лыжах ополченец, но где-то у линии фронта его настигла пуля немецкого часового. Вероятно, это был Лева Гугель.

...В последние годы большой жилой район Москвы вырос вдоль Хорошевского шоссе на месте нескольких деревень. Многие новые улицы тут носят имена героев Великой Отечественной войны. Одна названа улицей Народного ополчения. Недалеко от нее, на Карамышевской набережной, живет сестра Левы.

Пожилая женщина показывает дорогие реликвии — письма Левы с фронта, его фотографии, различные документы, письмо Клавы из Боровска. А вот и мои три письма к отцу Левы. Будучи в Юхнове, я пытался выяснить судьбу друга.

— Когда пришло письмо из освобожденного Инютина, — вспоминает Ревекка Николаевна, — отец сразу же туда отправился. Встретился с колхозником, который подобрал раненого брата. Отец все надеялся Леву живым отыскать. Был он мужественный человек, коммунист с 1919 года, участвовал в разгроме Колчака. А вот гибель Левы его подкосила. Еще раньше умерла мама...

Мы перечитываем письма Левы, и кажется нам, что слышим его голос, наказ родным: «Займитесь воспитанием дочки. Нашей Олюшке придется жить и работать в то время, когда уже не будет проклятого Гитлера, фашистов, войн. Надо, значит, воспитать из нее очень хорошего человека, достойного того замечательного времени».

Это из последнего письма с фронта. Оно датировано 2 октября 1941 года.

— Брат очень любил мою дочку, — говорит хозяйка. — Охотно играл с ней, брал на прогулки.

— А где она сейчас?

— Здесь. Оля, иди к нам.

В комнату входит невысокая худенькая женщина. Вот какой стала Олюшка! Она, как и мать, выбрала профессию геолога. Искала нефть в Азербайджане, Казахстане, Иркутской области. Из-за двери появляется малыш. За веревочку он тянет желтую машину с красной ракетой. Оля Виноградова говорит:

— Вот такой была и я, когда дядя Лева уходил на фронт...

Мартын Мержанов
«СЕРДЦЕ МОЕ КРЕПКОЕ...»

то в те годы не знал в Сухуми Николая Карцивадзе, по прозвищу Бутули! Это был веселый, общительный парень, молодой журналист, спортсмен. Он — типичный житель Абхазии: высокий, гибкий, ловкий, темпераментный человек. Николай с детства привык к солнцу, к морю, к ветрам, хорошо плавал, лазил по горам, был отличным футболистом местного «Динамо». Но главной его страстью была журналистика. Николай заведовал отделом информации в грузинской газете «Сабчота Абхазети», и сослуживцы до сих пор вспоминают его способность ловить новости, узнавать о событиях раньше, чем это могли сделать другие. Помогали ему, конечно, широкие связи, дружба и личное обаяние. Один из сухумских журналистов сказал мне, что его улыбка «видна была за километр».

Рожденный в канун первой мировой войны, Карцивадзе стал участником Великой Отечественной войны.

В августе 1941 года, успешно окончив Ижевское военное училище, Карцивадзе получил звание лейтенанта. Уже почти два месяца шли тяжелейшие бои. В те дни Николай писал жене: «Получил назначение — командир пулеметного взвода. Через несколько дней поеду на фронт бить немцев. Буду драться до последней капли крови, не щадя жизни. Отдам все, что могу отдать, своей Родине, для защиты ее от нашествия фашистских варваров. Ты обо мне не беспокойся. Мой характер тебе хорошо известен, сердце мое крепкое, оно не дрогнет в бою. Унывать мне не к лицу.

Если меня убьют, выходи замуж, но обязательно за человека, который будет любить тебя так же, как люблю я...»

Воинская часть прибыла под Ленинград и расположилась в лесах. Это были дни, когда гитлеровские войска обкладывали город со всех сторон. Бои шли западнее, южнее, восточнее Ленинграда. Кольцо сжималось. Но росло и сопротивление наших войск. Полк, в котором служил Карцивадзе, вступил в бой сразу же. Вскоре Карцивадзе стал уже старшим лейтенантом. Теперь он командовал пулеметной ротой.

Однажды, после сильной контратаки, один из наших полков, поддержанный огнем пулеметной роты Карцивадзе, ворвался в деревню, которую неделю назад оставили советские войска. Фашисты сожгли деревню, убили жителей. В тот мухой февральский день 1942 года Бутули писал домой:

«Нахожусь в ста километрах от Ленинграда, за безопасность которого мы боремся. За два месяца я не раз побывал в деревнях, отбитых у врагов, и видел страшные картины: следы разбоя, разрушения, изнасилованных и убитых женщин, сожженные дома...»

В огне, в дыму, в грохоте стрельбы рождался и проходил каждый новый день войны. Фронт постепенно приближался к Ленинграду. Петляющие снежные дороги уходили в лес, где располагалась рота Карцивадзе. По этим тихим дорогам, привыкшим к скрипу телег да беспечному пению птиц, шла война, с танками, пулеметной дробью, автоматными очередями и предсмертными криками гитлеровских солдат. В лесу гремели выстрелы, стократ повторенные эхом. Стояли очень сильные морозы.

Николай, привыкший к абхазскому солнцу, писал домой, ежеминутно поднося руку ко рту и обдавая ее теплым дыханием.

«...Пишу редко. Нет времени. Переживаем трудные дни. Никогда не думал, что мой организм перенесет такие холода. Ни разу не болел. Очень часто приходится бывать в лесу. Чтобы упрятаться от больших морозов, зарываемся в снег. Спал в снегу, но чувствую себя хорошо...»

Время было тяжелое. Нужно было иметь стойкий характер, сильную волю; нужно было очень любить Родину, чтобы с таким упорством и самопожертвованием сражаться на подступах к городу, в котором никогда не был и видел его только на киноэкране да на открытках.

Иной раз Бутули сидел и подолгу смотрел вдаль.

— Бутули, что ты не отвечаешь на вопросы?

— Извини, я сейчас был далеко, далеко от тебя...

— Где?

— В Сухуми...

Фронт подошел к самому Ленинграду. Продукты и снаряды подвозили к передовым позициям на трамвае. Но все попытки врага ворваться в город были бесплодны. Пламя священной ненависти горело в сердцах советских воинов, и оно помогало воевать, помогало выносить то, что казалось невыносимым.

Шесть месяцев гитлеровцы шагали по нашей земле, жгли деревни, убивали мирных жителей. Теперь их остановили. Они больше не продвинутся ни на шаг. Эта уверенность, которая сквозила в действиях взводов, рот, батальонов, уверенность, которая царила у солдат, офицеров, в штабах, являлась самой характерной чертой борьбы за Ленинград.

В упорном зимнем бою рота Николая Карцивадзе вела огонь по цепи противника. Один из пулеметчиков был убит, другой тяжело ранен. Тогда Николай сам лег за пулемет и поливал огнем цепи фашистских автоматчиков, которым, казалось, не будет конца. Бутули стрелял и стрелял.

Бой длился несколько часов. В нем и погиб Николай Карцивадзе.

Через некоторое время в Сухуми было получено известие о смерти Бутули.

А друг его, Николай Кучин, писал:

«Ваш муж Николай Карцивадзе погиб смертью героя. Я еще не встречал более веселого, жизнерадостного человека, столь неутомимого и отважного...».

Макс Поляновский ВСЕГО ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА

на лежит передо мной аккуратно переплетенная, изрядно пожелтевшая от времени, наша «Боевая красноармейская». Так называлась рожденная на Волховском фронте газета 52-й армии.

Тогда, в 1941 году, я начал ее комплектовать: каждый номер газеты втискивал в свой вещевой мешок. Когда накапливалось много экземпляров, пересылал с кем-нибудь в Москву плотный сверток и на нем писал:

«Хранить до моего возвращения».

Рассматриваю теперь фронтовые комплекты и вижу сделанные над заголовком газеты карандашные пометки: «Окуловка», «Крестцы», «Новоселицы»... Здесь редакция выпускала газету.

Я листаю комплект, останавливаюсь на развороте одного из номеров, где напечатаны три крупных материала. Автор первой корреспонденции — Юрий Севрук. Другой — Сергей Матюшин. Под третьей моя подпись.

Мы прибыли в редакцию «Боевой красноармейской» вместе в октябре 1941 года.

В первые месяцы войны Севрук и я не были призваны в армию. На обложке моего военного билета красовался якорь.

— Вы числитесь за Военно-Морским Флотом. Там без вас хватает журналистов, — сказали мне. — Нужны будете — позовем.

Севрук уехал глубокой ночью вместе с эвакуировавшей-ся из Москвы редакцией журнала «Знамя», где он работал. Мы простились на вокзале, погруженном во тьму.

На пятые сутки после его отъезда в моей опустевшей квартире зазвонил телефон.

— Здравствуйте, Макс Леонидович!

Знакомый голос. Да и интонацию, с которой не первый год произносилось это обращение ко мне, я узнал мгновенно.

— Вы, Юрий? Откуда звоните? — спросил я.

— Вернулся, понимаете, обратно в Москву. На четвертые сутки наш поезд доплелся до Ярославля и застрял. Я сбежал. Увидел, идут грузовые машины на Москву, попросился. Московский паспорт вынул...

Утром Юрий появился у меня. Мы вышли на улицу. Шли по центру, с оклеенными накрест бумагой окнами, проходили мимо витрин, заложенных снизу доверху мешками с песком.

И тут, в центре города, произошла встреча, решившая нашу дальнейшую судьбу.

Юрий Севрук, давно связанный с военной печатью (журнал «Знамя» был литературным рупором армии и флота), повстречал военного товарища, поздоровался с ним. Тот подошел к нам, остановился, познакомился со мной, спросил, где мы работаем.

Севрук коротко рассказал полковнику В. Панову о наших мытарствах, о своем бегстве из эшелона с эвакуированными, о моем военном билете с якорем на обложке.

— У меня работа для вас найдется. На фронт в армейскую газету поедете? — спросил Панов.

— Готовы, хоть завтра, — в один голос ответили мы.

Панов (он был представителем Главного политуправления) записал наши координаты. Назавтра раздался звонок.

— Приезжайте в Орликов переулок, где издательство. Мы не заставили себя долго ждать.

Панов встретил нас приветливо. Пошутил насчет того, что на ловца и зверь бежит. Он, оказывается, искал журналистов для армейской газеты.

Передо мной лежало назначение в армейскую газету. Тем же приказом в нее был назначен ликовавший Юрий Севрук.

В огромной полупустой комнате, где принимал нас полковник Панов, сидели еще трое в военной форме, двое из них — с винтовками.

Панов познакомил нас.

— Вам предстоит отправиться на фронт всем вместе, в одну редакцию. Это — старший политрук Сергей Павлович Матюшин. Будет литературным сотрудником газеты. Старый кадровик, хотя годами молод. А это — наборщики, по званию — красноармейцы: Кулмуратов и Сайко. Вы впятером могли бы выпускать дивизионную газету. Только печатника добавить... Эти товарищи уже экипированы. А вы поедете в штатском. Обмундирование получите на месте.

Панов выдал нам командировочные предписания. Продаттестат на всех пятерых вручил Матюшину.

— Вы будете получать паек на все свое «подразделение». На другой день мы покинули Москву.

Четверо суток мы добирались до Загорска. Несколько раз над нашим эшелоном появлялись фашистские бомбардировщики, сбрасывали свой груз, к счастью, неточно.

После нескольких пересадок на случайные поезда мы добрались наконец до Ярославля. Сергей сказал, что недалеко его родной дом:

— Я — рыбинский, сын волгаря-матроса. Батка мой по воде шлепал, я летчиком стал. Начал неплохо, да пришлось воротиться на землю...

Матюшин раскрывался не сразу. О себе говорил скудно, и то лишь когда приходилось к слову. Он рассказал, что в 1937 году, будучи на военной службе, уже в звании воентехника второго ранга, стал инструктором Иркутского военного авиационного технического училища, увлекся парашютным спортом и к началу войны успел совершить ряд самостоятельных вылетов и более пятидесяти прыжков с парашютом. А о том, что он участвовал в боях на Халхин-Голе, сбил там три вражеских самолета, мы узнали позднее и совсем случайно. Он лишь сказал нам и таким тоном, словно это произошло по его вине, что незадолго до начала Великой Отечественной войны списали его из авиации по состоянию здоровья.

— А вы оба все время в печати работаете? — спросил Матюшин. И тотчас уточнил: — Это основная ваша профессия?

— Да, основная.

— А я недавно стал журналистом. Хотя в конце 1937 года и был редактором нашей многотиражки. Называлась — «За технику». Это, когда я инструктором Иркутского военного авиационного технического училища числился. Я тогда

больше авиацией интересовался. И еще... поэзией. Было время, в городской своей газете печатался, в «Рыбинском рабочем». Стихи всякие... А однажды в сборнике стихов и мои тиснули. Назывался он — «Право на взлет». Вышел в свет лет за пять до войны.

— Почитайте что-нибудь, — попросил Севрук, всегда готовый послушать поэта.

— Сейчас не стану. В другой раз...

Наутро подвернулся эшелон, ухотивший в нужном нам направлении. Мы простились с Ярославлем. Путь на фронт продолжался. Он был длинным, изобиловал пересадками. Шел уже ноябрь. Приближалась 24-я годовщина Октябрьской революции.

Хотелось прибыть на место назначения хотя бы за несколько дней до этой даты, принять участие в работе над праздничным номером газеты.

Нам повезло под конец: попали в старый пассажирский вагон. Он не отапливался и, конечно, не освещался. Пассажиров было немного, и каждому из нас досталась отдельная полка. Борясь с холодом, мы с головой залезли под свои пальто и шинели, а когда уснули, Матюшин растолкал нас:

— Братцы, вылезайте... Приехали!

Было совсем темно, но привыкший, очевидно, к отсутствию всякого освещения народ толкался и безошибочно находил нужные вагоны, вокзальные двери, выход в город, если станцию Окуловка, куда мы доехали, можно было называть городом. В этой темени Сергей Матюшин успел найти военного коменданта, узнать, где находится редакция нашей газеты...

Мы сразу втянулись в редакционную работу, приняли самое близкое участие в выпуске праздничного номера. Матюшин, с которым за время путешествия мы основательно сдружились, едва лишь приехали, стал выяснять обстановку на нашем участке фронта. Она была напряженной.

Фашисты форсировали реку Волхов в районе города Чудово и повели наступление вдоль Октябрьской железной дороги на Малую Вишеру.

В полевой сумке Сергея появилась потрепанная карта местности. Он выяснил, где расположены части 52-й армии, сделал на карте пометки, затем повел нас — четверых вновь прибывших — в столовую.

Севрук и я в своих черных пальто выглядели очень странно в окружении серых шинелей. Поставив нас на довольствие, Сергей, облегченно вздохнув, сказал:

— Сложил с себя ответственность за доставку пополнения. Дальше будете действовать сами...

Дня через два или три Матюшин исчез из редакции. Редактор сказал, что Сергей отказался отдохнуть после долгой дороги, взял командировку в расположенную неподалеку часть и срочно уехал. Даже не попрощался.

По правде говоря, мы с Севруком немного обиделись. Почему Матюшин отправился на редакционное фронтовое задание раньше нас?

Это соображение мы высказали редактору.

— Дойдет и до вас очередь. Отправим поближе к передовым, не беспокойтесь... Вам придется повременить. В ваших пальто и брюках далеко не уедете. Сразу задержат, примут за шпионов, потом доказывай, что вы не вражеская агентура. Я уже звонил на склад. Сказали, что на днях будет обмундирование. Экипируетесь, тогда и пошлем в действующие части...

Севрук и я с завистью глядели на отправлявшихся в части и прибывавших оттуда с материалом сотрудников газеты. А сами тем временем выполняли «тыловую» газетную работу: писали статьи, фельетоны, правили заметки. Я когда-то работал выпускающим, и теперь по ночам уходил в типографию верстать газету.

Сергей Матюшин вскоре вернулся и привез первую корреспонденцию. Она появилась в номере от 17 ноября. Спустя день газета поместила его стихи про автоматчиков, навеянные впечатлениями от поездки на фронт.

Результатом его следующей поездки была целая полоса — «Боевые дела саперов». В ней рассказывалось о фронтовом дне одной роты, но не простом дне. Рота лейтенанта Кочуры вместе со своим командиром вступила в схватку с противником, ведущим сильный огонь с крыш домов, с чердаков и из блиндажей.

В очерке так реально и точно рассказывалось о саперах, которые, невзирая на бешеное сопротивление, прорвались вперед и уничтожили неприятеля, что невольно возник вопрос к автору:

— Ты что, сам наблюдал всю эту баталию?

— Да, пришлось, — лаконично ответил Сергей Матюшин. И понес редактору «на усмотрение» вдобавок к своей

корреспонденции еще и стихи, посвященные им роте лейтенанта Кочуры. Они назывались «Лучшая пехота» и были напечатаны на той же полосе.

Не сказал Сергей, что в этом жарком бою он сражался вместе с саперами.

...Шли обыкновенные редакционные будни. Но они не были однообразными. Настроение каждого, в тылу и на фронте, зависело от содержания сводок Советского информационного бюро. Разгромили фашистов под Москвой, вернули обратно Ростов-на-Дону, на нашем участке фронта освободили от гитлеровцев Малую Вишеру. Фронт двинулся. Значит, и редакции вскоре предстояло перебазироваться.

Оживление на фронте, непрерывные боевые действия на нашем направлении сделали Сергея Матюшина почти гостем в редакции. От него то и дело прибывали пакеты с материалом. Он подписывал их по-разному, чтобы не создалось впечатление, будто один автор заполняет газету своим материалом. Если в одном номере печатались его очерки, заметки и злободневные стихи, они подписывались «М. Сергеев», «М. Павлов». В номере от 17 декабря заголовок торжественно сообщал: «Наши войска заняли Большую Вишеру».

При проведении этой операции, от начала до победного конца, присутствовал наш корреспондент Сергей Матюшин.

...В газете «Боевая красноармейская» раз в неделю, по субботам, появлялась сатирическая страничка ««Крокодил» на войне». Делать ее было нелегко. Однажды я посетовал на нехватку материалов для «Крокодила» и попросил всех наших корреспондентов помнить о существовании этого отдела.

Матюшин оказался тогда в стенах редакции. И мой призыв упал на благодатную почву. Спустя несколько дней я получил от него с оказией всякие смешные мелочи, записанные непосредственно на передовой. С тех пор он и Юрий Севрук стали активными сотрудниками сатирической странички.

Наступил 1942 год. В январе Сергей после длительной отлучки появился в редакции. Встретили его торжественным: «С тебя причитается»...

В редакции все, кроме самого Матюшина, знали, что ему присвоено звание батальонного комиссара. Его поздравили и преподнесли новые знаки различия — «шпалы».

Новый год Сергей начал очерком «Горячая схватка», а в конце января появился за его подписью большой мате-

риал — «Комиссар Вашуркин». В нем сообщалось об артиллеристах, которые, несмотря на сильный вражеский огонь и глубокий снег, стремительным броском ворвались в деревню Некрасово, освободили ее от фашистов. Когда возбуждение, вызванное успешной атакой, улеглось, комиссар позвал Матюшина в блиндаж.

«Мы входим в пространный блиндаж, где несколько минут назад был немецкий штаб», — написал в своем очерке Сергей Матюшин.

Нетрудно понять из этой короткой фразы, что корреспондент не свалился с неба на место происшествия. Позднее мы узнали, что Матюшин сам участвовал в бою за Некрасово, находился в гуще событий, затем описал все, что видел, слышал, прочувствовал.

Его влекла авиация. Врачи не разрешали Сергею садиться за штурвал самолета и летать. Но подниматься в военное небо вместе с боевыми соколами — этого права у неистового корреспондента никто не мог отнять. И Матюшин зачастил к летчикам.

В душе он оставался пилотом, даже когда писал об истребителях танков:

Они у нас есть и в полках, и в ротах.
Зовут их — бесстрашные смельчаки.
Они взрывают и танки, и доты
И грозно идут на врага в штыки.
Бутылки с горючим, подруга-граната,
И ружья грозные, и острый штык —
Всем привыкли владеть, как надо,
Как летчик штурвалом
Владеть привык...

В марте Сергей отправился в полк ночных бомбардировщиков. Он решил написать о тысячном боевом вылете, который предстояло совершить летчикам капитана Заплетняка. Написать о таком полете, оставаясь на земле, чтобы потом расспросить, что было, как было, — нет, это не в манере Матюшина. Он должен быть участником вылета.

И 15 марта в газете появляется очерк С. Матюшина «Боевая ночь».

«Самолет плавно оторвался от заснеженной земли. Летчик Макеев плотно надвинул на глаза очки и, развернув самолет, направил его на боевой курс. Вот и Волхов. Линия фронта резко обозначилась то и дело вспыхивающими ракетами.

Макеев вывел самолет на цель. Внизу по дороге мчались вражеские машины. Они хорошо были заметны по огням полуфар.

Небольшой доворот, и бомбы, сброшенные Макеевым, взрываются в самом центре автоколонны. Движение по дороге приостановилось. Летчик сделал еще разворот и похозяйски осмотрел свою работу. На дороге огонь освещал перевернутые и изуродованные машины.

Сброшены листовки на немецком языке. Облегченный самолет возвратился на свой аэродром, чтобы через несколько минут снова уйти громить врага».

...Итак, самолет вернулся, военный корреспондент Матюшин немедленно приступил к работе. Написал свой очерк о тысячном вылете, позаботился о скорейшей доставке его в редакцию и остался в полку добывать новый материал для газеты.

Назавтра ему принесли свежий номер газеты с очерком «Боевая ночь». Сергей в это время писал письмо своей жене Лидии и двум сыновьям, которых неизменно называл «орлами». Разговаривать с родными было для него наслаждением. Поэтому писал он часто, иногда ежедневно. Иной раз вкладывал в письмо газетную вырезку — свой очерк, заметку с переднего края, стихок.

И на этот раз он вложил в письмо свой очерк. Пусть «орлы» узнают про дела их отца на войне. Они будут гордиться, особенно маленький Санька. А Лида, она, конечно, встревожится, узнав, что он летает, да еще в таком беспокойном небе.

Ни мы, его товарищи, ни сам Сергей Матюшин, конечно, не знали, что эта корреспонденция окажется последней в его короткой жизни. Ему шел всего лишь тридцать второй год. В этой книге публикуется фотография Сергея, сделанная за год до войны. На ней Сергей совсем еще молодой парень, вихрастый, пухлогубый. К нам он пришел несколько иным, похудевшим, выглядевшим старше своего возраста.

Всего четыре месяца проработал в нашей армейской газете Матюшин.

19 марта 1942 года Сергей вместе с летчиком полетел на разведку противника к Волхову.

На обратном пути их самолет — это был «У-2» — атаковал фашистский стервятник. Наш воздушный разведчик загорелся, потерял управление и рухнул.

Это произошло вблизи деревни Новоселицы, где находилась наша редакция. Сергея доставили в больницу сильно обгоревшим, раненым, изувеченным при падении. Две недели врачи боролись за его жизнь. Бывали дни, когда возникали проблески надежды, хотелось верить, что Сережа выживет.

Помню, однажды сотрудник нашей газеты Петр Мигушов принес радостную весть.

— Сегодня был у Матюшина. К нему вернулось сознание. Сережа узнал меня, попросил дать ему закурить...

Мы поочередно навещали его, по-репортерски допрашивали всех врачей, искали в их словах нотки надежды, рассказывали им его трудную биографию. А она действительно была трудной: к десяти годам Сережа лишился матери. Был юнцом, когда утонул его отец. Бедствовал. В девятнадцать лет окончил школу ФЗУ, стал автогенщиком. Комсомолец с пятнадцати лет, Матюшин в 1929 году был избран секретарем комитета комсомола на Рыбинском судостроительном заводе. На двадцать первом году жизни Сергей становится членом Коммунистической партии. Затем по путевке ЦК комсомола автогенщик Матюшин отправляется на Дальний Восток. Там, в городе Лесозаводске, заведует военным отделом райкома ВЛКСМ, отсюда же уходит в ряды армии. Становится летчиком, участвует в боях на Халхин-Голе.

...Спустя две мучительные недели после трагического полета Сергея не стало. Ушел от нас летчик, храбрый военный журналист, влюбленный в поэзию славный человек, отец двоих «орлов» и верный товарищ.

Владимир Лясковский

СТРЕЛЯЮЩАЯ ФАМИЛИЯ

Однажды, это случилось после войны, я шел по Пушкинской улице Одессы. Навстречу вприпрыжку бежал мальчуган. Его лицо показалось мне очень знакомым. Я остановил мальчика.

— Постой! — невольно вырвалось у меня. — Ты живешь в Одессе?

— А то где же?

— Послушай, — допытывался я. — А как твоя фамилия?

— А зачем вам, дядя, моя фамилия? — хитро прищутив серые глаза, вопросом на вопрос, чисто по-одесски, ответил он.

— Понимаешь, у меня на фронте товарищ был. Он очень похож на тебя. Вернее, ты похож на него.

— Наганов моя фамилия, — буркнул он. — А вашего товарища на фронте какая?

Я оторопел, услышав эту фамилию. Пристально взглянул на круглое лицо мальчугана, с ямкой на подбородке, на пухлые розоватые губы, на чуть вздернутый нос. До чего же поразительное сходство: вылитый отец!

— Володька! Володька Наганов — сын Ивана Наганова...

Мальчик, насупив брови, смотрел на меня. Он быстро заморгал, услышав мое восклицание, стал нервно одергивать клетчатую ковбойку.

И тут на меня посыпался град вопросов: когда я последний раз видел отца, не знаю ли я, где его могила, не сохра-

нились ли у меня отцовские фотографии, не оставлял ли отец письма...

— На фронте он рассказывал мне про тебя,— сказал я.— Славный, говорил, у меня растёт «старик» Володька.

— Почему «старик»? — удивился мальчик.

— Иван Наганов всех, кого уважал, всегда называл «стариками».

— А вас тоже называл «стариком»? — вскинул он вихрастую голову.

— Бывало,— улыбнулся я.— Это у нас давняя журналистская привычка друг друга «стариками» называть. На это, дружок, никто не обижается. И фамилией своей твой папа очень гордился. «У меня,— говорил,— стреляющая фамилия».

— Это как же стреляющая? — серьёзно спросил мальчик.

— Эх ты, герой! — укорил я его.— Из чего стреляют? Ну? Забыл?

— Из пушки,— ответил он.

Подумав, добавил:

— Пулемет, автомат, пистолет...

— Так,— подбодрил я его.— А ещё?

— Наган! — выпалил он.

— Воинственная у тебя фамилия, братец,— потрепал я его по плечу.— На-га-нов!..

Разговаривая, мы незаметно дошли до Приморского бульвара, задержались у бронзового памятника Пушкину.

— Твой отец очень любил этого поэта,— сказал я мальчику.

— Любил?

— Он любил его стихи.

И я негромко прочитал ему:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

— Мне мама этот стих тоже читала,— заметил мальчуган.— А вы это не придумали? Правда, что папа любил этот стих?

Я не ответил мальчику. Я вспоминал...

В одной из корреспонденций, переданной по телефону из Одессы в первые недели войны, Иван Наганов рассказывал

о волнующем эпизоде: к памятнику Пушкину подошла группа моряков. Сняв бескозырки, матросы, словно клятву, произнесли именно эти строчки поэта и отправились за город, где уже грохотала война.

Эти пушкинские строки можно взять эпиграфом и к очень короткой, но яркой и честной жизни Ивана Павловича Наганова.

Время мчится стремительно. Из кладовой памяти, к сожалению, теряется немало такого, что попадалось на житейских путях-дорогах, стирается острота минувших встреч, забываются имена и черты людей, которых знал раньше. Но образ этого человека крепко запечатлелся в моей памяти, хотя встречались мы и не так уж часто. Мы работали собственными корреспондентами газеты «Комсомольская правда», он — по Одессе, а я — по Армении. Раз или два в год редакция собирала «вольных сынов» на совещания, семинары и творческие отчеты.

— Как дела, старик? — белозубо улыбался Иван Наганов. — Еще не отыскал на Арарате обломки Ноева ковчега?

Он был остроумным собеседником, жизнерадостным и наблюдательным человеком, писал живо, интересно, оригинально, умел всегда находить самые злободневные темы. Как всякий щедро одаренный человек, Наганов отличался бескорыстием, добротой, охотно делился своими творческими планами и задумками, не опасаясь, что кто-то перехватит тему.

В «Комсомолку» он пришел, уже имея за плечами немалый трудовой стаж.

Судьба не баловала Ивана. Детство было горькое, рос без родителей, скитался по чужим людям, воспитывался в детских домах. Закончив строительный техникум, работал прорабом в Саратовской области, пристрастился к рабкорской деятельности, посылал заметки в газету. В 1933 году его взяли в редакцию калужской комсомольской газеты.

Первый журналистский университет Иван Наганов всегда вспоминал с гордостью. Рассказывал, как ему довелось побывать в домике Циолковского и брать интервью для молодежной газеты у гениального ученого. Вскоре Наганов поступил в Коммунистический институт журналистики, терпеливо и настойчиво учился, увлекался спортом. Сильно огорчился, когда медицинская комиссия при военкомате выдала ему «белый билет» из-за перелома руки и сняла с военного учета.

С 1939 года Иван Наганов работал корреспондентом «Комсомолки» по Одесской, Херсонской и Николаевской областям, в шутку он называл себя «директором Черного моря». Не хочу утверждать, что он был пророком, но мне кажется, что он, как никто, остро чувствовал приближение военной угрозы и был глубоко озабочен постановкой оборонной работы среди молодежи. У меня есть убедительное основание думать так. Ровно за день до начала Отечественной войны в Голубом зале редакции «Комсомольской правды» проходило совещание собственных корреспондентов. Это было в субботу, 21 июня сорок первого года. Иван Наганов критиковал свою газету за то, что «Комсомолка» мало уделяет внимания будням армейской молодежи, слабо освещает оборонную работу на заводах и в колхозах, взволнованно говорил о том, что молодежь надо учить по-суворовски, закалять ее, прививать ей солдатские навыки...

А на другой день в наш дом ворвалась война. Мы были тогда молоды, и не все здраво понимали серьезность и тревожность наступивших событий. Выступая на митинге в том же Голубом зале, иные из моих собратьев по перу искренне заверяли в том, что через несколько дней они «из Берлина передадут в «Комсомолку» свой репортаж».

Мы прощались.

— До встречи в Берлине, старик! — крепко пожав руку, бросил Наганов.

— Ты же белобилетник, — сказал я ему.

Он задумался и ответил:

— С моей фамилией грешно по тылам околачиваться.

Через три дня «белобилетника» уже видели на улицах Одессы в хлопчатобумажной гимнастерке, перетянутой ремнем, в пилотке, с наганом на боку. Он выглядел бравым воином. Другьям из редакции областной комсомольской газеты «Молодая гвардия» он признавался:

— Под гимнастеркой у меня — тельняшка, «рябчик». Наверняка придется мне бывать на кораблях. Хорошо бы раздобыть робу, бушлат, а то моряки — народ ушлый, могут и отправить восвояси — мол, давай, пыли, пехота. Одесса все-таки!..

Он облачился в солдатское обмундирование, еще не имея на то разрешения. Редакция «Комсомолки» по его просьбе хлопотала, чтобы ему выдали командировочное предписание Главного политического управления Красной Армии.

Короче, он стал добровольцем, на формальности махнул рукой — ему не терпелось сразу же отправиться туда, где гремели бои. Фашистские румынские войска, подкрепленные гитлеровскими дивизиями, пришли в молдавские степи, переправившись через Прут и Дунай. Вражеские орды натолкнулись на упорное сопротивление. Самое напряженное положение было в те дни на участке, где натиск врага сдерживала знаменитая 25-я Чапаевская дивизия, которой командовал тогда генерал-майор Иван Ефимович Петров. Это был крупный и умный военачальник, он затем стал командовать Приморской армией и был вместе с контр-адмиралом Гавриилом Васильевичем Жуковым душой обороны города-героя. Во время войны мне, военному корреспонденту «Комсомольской правды», не раз приходилось брать у генерала Петрова интервью для своей газеты. Обладая цепкой памятью, генерал вспоминал и свою встречу с Иваном Нагановым:

— Противник не любил и боялся ночных контратак. А мы ему постоянно навязывали ночные бои, путая его оперативные планы. Как-то ночью приводят на КП человека в военной форме, но без знаков различия на петлицах. Рекомендуется: корреспондент «Комсомольской правды». Откровенно, мне было не до беседы, но первым же вопросом журналист подкупил меня:

«Товарищ генерал, интересно, как чапаевские традиции проявляются в боях? Чувствуется ли дух Чапаса в ваших полках?»

Бои шли жестокие, мы несли немалые потери. Я ответил ему:

«Оставайтесь в дивизии, сами убедитесь, оправдываем ли мы имя чапаевцев. Кстати, вы видели когда-нибудь ночной бой?...» Наганов с мальчишеской непосредственностью ответил:

«А я еще и дневного боя не видел, товарищ генерал».

— Я не мог не рассмеяться, честное слово. За время войны мне не раз приходилось встречаться с журналистами, но этот товарищ из «Комсомолки» запомнился мне крепко...

Здесь, в Чапаевской дивизии, Иван Наганов прошел боевое крещение. Чтобы понять и постигнуть, как он говорил потом, «азбуку боя», он вместе с бойцами-чапаевцами ползал по ходам сообщения, траншеям, побывал на КП полка, батальона, видел, как взводы и роты подымались в атаку...

С Чапаевской дивизией Иван и отходил к Черному морю.

Морская тема по-прежнему волновала его, ему хотелось попасть на подводные лодки, на миноносец, на торпедные катера, но пока это не удавалось осуществить. Правда, услышав краешком уха, что моряки Дунайской флотилии где-то на румынских берегах высадили дерзкие десанты, он тут же ринулся в Измаил, в зарослях камыша нашел пограничные катера и собрал материал о героизме десантников, наводивших на врага панику вдоль всего дунайского берега.

— Я был у моряков! — вернувшись в Одессу, сообщил он своим друзьям из местной молодежной газеты.

Особенную привязанность он испытывал к журналисту Ивану Гайдаенко. И вот почему. Этот голубоглазый паренек в 1936 году, когда шла гражданская война в Испании, плывал на теплоходе «Комсомол» в Средиземном море. Теплоход фашисты потопили, экипаж «Комсомола» бросили в секретную тюрьму «Санта-Мария», Иван Гайдаенко, как и другие члены экипажа, был приговорен к смертной казни.

Иван Гайдаенко живет ныне в Одессе, стал писателем, выпустил большой роман «Санта-Мария». На мой вопрос, помнит ли он Наганова, Гайдаенко сказал:

— Такие люди, как Иван Наганов, не забываются. Помню августовский день... Одесса уже осаждена врагом, бомбы рвутся на улицах, из дальнобойных орудий враг обстреливает порт и кварталы города. В бомбоубежище, где раньше был склад бумаги типографии, идет партийное собрание редакции «Молодая гвардия». Коммунисты принимают в партию Ивана Наганова. Накануне он попал под бомбежку, его слегка контузило, он плохо слышал. Глаза красные, воспаленные. О чем говорил тогда Наганов коммунистам? О том, что с журналиста на фронте спрос больше, чем раньше... И все это коротко, просто, без позы и рисовки.

Наганов, мечтавший встретиться с моряками-черноморцами, наконец увидел их. Но не на палубе корабля. Для моряков теперь земля стала палубой.

Над Одессой нависла непосредственная опасность. Гитлер назначил на 10 августа 41 года парад своих войск в Одессе. Из-под Берлина самолетом был доставлен духовой оркестр в двести труб, который должен был исполнять на Приморском бульваре любимый марш Гитлера. Но эти трубы не успели взять ни одной ноты: батальон морской пехоты захватил в плен музыкантов, а изрядно помятые

медные трубы провезли на арбах, запряженных волами, по Дерибасовской, вызвав немалое ликование одесситов.

— Узнаю свою Одессу-маму! — говорил Иван Наганов.

Каждый день он буквально охотился за морскими пехотинцами.

Услышит, что корабль бросил якорь в порту, чтобы посадить новый отряд моряков, и мчится в гавань.

На Одесской телестудии сейчас работает старейший фоторепортер Черноморья Василий Андреевич Колосов, активный участник обороны Одессы и Севастополя. Я записал его воспоминания о Наганове.

— Мы звали его Яном, — рассказал Василий Андреевич. — Сидел в нем, ей-богу, какой-то бес. Огненная дуга вокруг Одессы простиралась почти на 60 километров. И везде он стремился побывать. Примкнул он к нашей редакции газеты «За Родину», она выпускалась в Приморской армии. Связь с Москвой была тогда невероятно трудной — ни телеграфа, ни телефона. Случайным самолетом Ян отправлял в Москву свои статьи, но чаще печатал материалы, собранные на передовой линии, в нашей газете. И мы его считали своим корреспондентом. Он мне покоя не давал: «Сними, старик, для «Комсомолки» морячков». И тащил меня в порт, где было жарко от снарядов и бомб. Как-то на причал сошел отряд морских курсантов. Что было с Нагановым, когда он узнал, что эти ребята — ровесники Октября, все 1917 года рождения! «Щелкай, старик! — кричит мне. — Доставай лейку, черт полосатый, это же исторический кадр».

Командир обратился к морякам: «Желающие идти на оборону Одессы, шаг вперед!»

И шагнул весь строй.

Потом член Военного совета Одесского оборонительного района дивизионный комиссар И. И. Азаров обратился к морским пехотинцам:

— Положение, не скрою, очень тяжелое. Говорю вам, как моряк морякам. Вы молоды. Не каждому удастся уцелеть. Вы — ровесники Октября. Но сейчас речь идет о жизни и смерти вашей великой ровесницы — Советской Родины. Она верит вам, надеется на вас, ждет от вас подвига.

«Есть уже заголовок для очерка, — сказал мне Ян, — «Ровесники». Сними их в порту, а потом мы их снимем в атаке. Согласен?» Попробуй с ним не согласиться! Бросили

этот отряд под деревню Гниляково. Кромешный ад. Головы нельзя оторвать от земли. А Ян все свое: «Проползем вперед, тут пахнет рукопашной схваткой. Знаменитый кадр получится». Он вел себя в бою, как морской пехотинец.

А однажды, чуть свет, спали мы еще в окопе, тормозит меня: «Вставай,—говорит,—король фотообъектива, отпразднуем день моего рождения, стукнуло мне ровно тридцать»...

Наганов подсказывал сюжеты съемок:

«Видел танки одесской марки «НИ»? — спросил он однажды.— Эх, старик, не зевай! Есть такие танки. Их выпустили рабочие завода имени Январского восстания. Я уже побывал в цехах. Под бомбами люди работают. А марка «НИ» — это значит: «На испуг». А разве тебя не волнуют «бронетрамваи»? Это же одесское чудо военной техники: трамвай, покрытый броней, а на нем — корабельное орудие, шесть пулеметов и надпись: «Смерть фашизму!». Хотел бы я на таком трамвайчике в Берлин въехать. А ты?..»

— Или вот еще... — продолжал рассказывать Василий Андреевич... — Одесса осталась без воды. Жара. Пекло. Воду выдают, как хлеб, по карточкам. Фашисты захватили на Днестре водокачку. Жажда мучит большой город. «Посмотри,—говорит мне Наганов.— Что это за очередь у паровоза?» Батюшки! С котелками, банками, бутылками стоят старики, женщины и отдают машинисту свой паек питьевой воды: вода нужна для парового котла, чтобы паровоз двигался с эшелоном боеприпасов. «Никогда и никому не победить наш народ!» — посмотрев на эту очередь у паровоза, сказал Иван Наганов...

Корреспондент «Комсомолки» находился в эти дни везде, где было трудно. Он побывал на стареньком пароходике «Курс», доставившем боеприпасы в порт; в корпусе судна — 180 осколочных пробоин. Беглая запись в блокноте — и статья под названием «180 пробоин».

У секретаря горкома партии Наганов берет интервью, как рабочие в осажденной Одессе готовили свой арсенал: из консервных банок делали мины, из водопроводных труб — гвоздеметы, а артель, выпускавшая раньше крем для обуви, стала делать запалы для бутылок с горючей смесью. От записей пухнут блокноты. Он складывает записные книжки в вещевой мешок рядом с сухарями.

Теперь уже за Нагановым охотятся в редакциях областных газет и в Радиокомитете. На всю страну из осажден-

ного города звучал голос: «Слушай нас, любимая Родина! Говорит Одесса».

Начальник фронтового вещания Леонид Банита (ныне он редактирует многотиражку на одесском судоремонтном заводе) дополняет своим рассказом фронтовой портрет Ивана Наганова:

— Мы радовались, когда с передовых позиций возвращался Наганов, и приглашали его к микрофону. Из уст Наганова радиослушатели страны узнали тогда о подвиге лейтенанта Якова Бреуса, которому вскоре было присвоено звание Героя Советского Союза. Теперь Яков Бреус — почетный гражданин Одессы. И он помнит, как в его батальон, сражавшийся под станцией Раздельная, приезжал военный корреспондент «Комсомолки». Он по-солдатски и отзывается об Иване:

— Правильный парень, пулям и минам не кланялся.

«Как-то без стука открывается дверь, — рассказывает Банита. — На пороге появляется девушка в гимнастерке, в кирзовых сапогах, ворот расстегнут, виднеется полосатая тельняшка, на каштановых, коротко, по-мальчишески стриженных волосах лихо сидит бескозырка. А из-за ее плеча озорно выглядывает полпред «Комсомолки».

— Прошу любить и жаловать, — представляет он нам девушку, — Нина Онилова. Начинала воевать санитаркой, стала пулеметчицей, скосила целый взвод фашистов. Пусть узнают девчата страны, как их подруга воюет. Готов идти на пари, что скоро она получит Героя.

Защитники Одессы, как известно, посылали письма, полные злого сарказма, в адрес Гитлера и его румынского холуя — Антонеску. Письма эти составлялись в духе послания запорожцев турецкому султану, с крепкой солдатской солью. Иван Наганов был привлечен к составлению этих посланий, читая которые смеялся весь фронт.

Письма печатались отдельными листовками. Их разбрасывали с самолетов над окопами, над селами и городами, захваченными фашистами.

В послании к Антонеску говорилось, например:

«Не тебе с дурною головою выступать против нас войною.

Огнем и мечом расправимся с тобою... Запомни, что наша Одесса, как и вся Украина, будет только советской, а не твоей боярской.

Об этом ты, фашистский холуй, и Гитлеру отрапортуй!..»

Настал день, когда наши войска получили приказ Ставки оставить Одессу и срочно эвакуироваться в Севастополь.

Василий Андреевич Колосов вспоминает, как прошел последний вечер, когда армейская редакция и типография грузились в порту на пароход, чтобы морем следовать в Севастополь.

— Ян до последнего момента не верил, что мы покидаем Одессу. Был хмур, неразговорчив, почернел, осунулся. Вдруг он позвал меня с трапа парохода: «Пойдем, старик, до отхода успеем». — «Куда? Патрули не пропустят». — «Я знаю пароль». Мы поднялись вверх на Приморский бульвар. Город был затемнен. Дул холодный октябрьский ветер, срывая листья с кленов и платанов. Я, чтоб не огорчать товарища, согласился сопровождать его. Он шагал молча. Остановился у памятника Пушкину. В темноте я не видел выражения его лица. Потом он вытащил из кобуры наган и три раза подряд выстрелил в воздух. А затем сдержанно произнес: «Мы вернемся к тебе, старина!»

Эта фраза относилась к Пушкину.

...Потом был Севастополь, первый Керченский десант, Новороссийск, Туапсе, Северный Донец.

У Наганова кончился запас блокнотов. Он наспех делает записи в тетрадках, на случайных листках бумаги. И все это складывает в вещевой мешок.

Я видел этот вещевой мешок, выгоревший от солнца, просоленный морем.

Северный Донец был широк и полноводен в ту весну сорок второго года. Буйно цвела сирень. Пели соловьи в рощах. Там в конце мая, в селе Банное, неподалеку от Святогорска, я и встретил своего редакционного товарища. На нем был потертый морской китель, на голове — выдавшая виды мичманка, виски совсем седые, у задумчивых глаз четко выделялась гармошка морщин, лицо худое. Он пытался шутить, как прежде.

Но его шутки на этот раз не смешили. Кто-то закурил «козью ножку», кто-то вздохнул. А на резном крылечке полуразбитой хатенки, со снесенной снарядом крышей, вели беседу поэт Джек Алтаузен, король довоенных репортеров Михаил Розенфельд и пожилой, в очках с железной оправой, фотокорреспондент «Комсомолки» Борис Иваницкий. Никто из нас в тот день и не подозревал, что совсем рядом, за рекой, собирается мощный бронированный вражеский кулак,

который массивным ударом отбросит наши дивизии в знойную степь, к Дону.

Криво усмехнувшись, Наганов негромко заметил:

— А помнишь, старик, Голубой зал в «Комсомолке»? «Через неделю ждите от нас репортаж из Берлина...» Не такая это простая штука — война. И, кажется, до Берлина долгий путь.

Он окинул всех нас внимательным взглядом и добавил:

— То, что мы дошагаем до Берлина, это точно. Но вот кто из нас из Берлина корреспонденции будет передавать?

Мы звали его в кавалерийскую бригаду. Он упрямился, и это легко было понять. Почти год, день и ночь, он жил и воевал бок о бок с моряками и в полном смысле оморачился. Он ответил:

— Моряки покажут пример вашей пехоте, как нужно немецкие танки встречать. Вы уж меня не отрывайте от морской пехоты. Мы тут поделим сферы влияния. Вы строчите о конниках, а я дам материал о «полосатых дьяволах» — так немцы наших морячков окрестили. И еще называют «черной смертью» и «трижды коммунистами».

Он попрощался с нами, взвалил вещевой мешок за плечи и вскарабкался в кузов грузовика, ехавшего в сторону Изюма...

...Ивана Наганова видели в последний раз под Харьковом. Он бежал, держась за броню шедшего на прорыв танка.

Иван Крисковец

АРКАДИЙ МАНЬКОВ, ГАЗЕТЧИК

юль 1941 года. Могилев в огненном кольце, в дыму пожаров. Части 172-й дивизии генерала Михаила Тимофеевича Романова, батальон милиции, подразделения народного ополчения двадцать три дня отражали бешеные атаки гитлеровских танковых и пехотных соединений. Город, а вернее, его развалины день и ночь бомбили десятки вражеских самолетов.

Казалось, ничего живого уже не может быть в этих руинах, но стоило немцам сунуться в город со стороны Луполова, Пашкова, Тишовки, Салатановки, Николаевки, вокзала — и дымящиеся камни начинали стрелять, стрелять точно.

Дни и ночи, ночи и дни... Тяжело ранен генерал Романов, убит командир батальона милиции капитан Владимиров, погиб председатель городского Совета Астров, пало большинство защитников города, а камни продолжали стрелять. И только после того, как был получен приказ командующего армией оставить город, остатки 172-й дивизии с боями пошли к фронту. В городе наступила зловещая тишина.

Активным участником боев был 24-летний литературный сотрудник областной газеты «Коммунар Могилевщины» Аркадий Матвеевич Маньков. В Могилеве он принял боевое крещение и к нам в Кличевский партизанский район уже прибыл обстрелянным.

Журналистский блокнот Аркадия был полон записей, и все это искало выхода на газетную полосу. А газеты уже не было.

Дорога в Кличевский район не близкая. Больше ста километров по земле, занятой врагом. В пути блокнот пришлось зарыть. После Аркадий говорил нам:

— Там у меня записей на добрую книгу.

Шел три дня. На пути — многочисленные вражеские посты и заслоны. В кармане — документ осужденного советским судом и освобожденного из тюрьмы. Эта «липовая» справка в первые дни войны была надежным пропуском. В голову навязчиво лезли давно знакомые слова песни:

Шел я и в ночь, и средь белого дня,
Близ городов я поглядывал зорко;
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой...

Справка справкой, но чтобы не искушать судьбу, немецкие заставы обходил стороной. Так пришел в свой район. Возле села Долгое на опушке леса стояли вооруженные люди с белыми повязками на рукавах. Полиция. Это было опасно. В Кличевском районе Аркадий рос, пять лет работал в редакции районной газеты, его здесь знали многие.

— Стой! Кто такой? Откуда и куда идешь? — прохрипел черномазый верзила с лицом, опухшим от пьянства.

— Иду в Кличев из могилевской тюрьмы. Домой иду.

— Документ есть?

— Есть и документ, теперь без документа нельзя, — спокойно ответил Маньков, подавая полицая справку.

Верзила долго, подозрительно рассматривал справку, и наконец его лицо прояснилось.

— И правда, арестант! Так ты из могилевской? Бывал я и там. А по последней судимости сидел уже в Орше. Свой, значит. Давай к нам, такие у нас на вес золота.

— Спасибо, начальник. Может, позже и к вам, а пока мне надо домой.

— Ну, раз так, валяй. Да ушами не хлопай; вокруг Кличева полно партизан, попадешь им — шкуру сомут. В Кличеве давай к Пашкевичу, он таких собирает.

Предатель и не подозревал, как его слова о партизанах обрадовали Аркадия. Неясно было только, почему полицейский рекомендует идти к Пашкевичу. Уточнять было небезопасно. И только добравшись до поселка, где жили его

родные, он узнал, кем стал Пашкевич в оккупированном немцами Кличеве.

Пашкевича Маньков знал давно. Когда-то тот работал директором Кличевского райпромкомбината. В 1936 году был арестован. Года за два до войны его освободили и даже восстановили в должности. В партии не восстановили, отказала первичная парторганизация. Теперь Пашкевич — старший полицейский, самый лютей в этом сборище палачей.

— Растолкуй мне, Аркадий, — просил сосед, — почему этого выродка выпустили? Все ведь знали, что это гад. Честных людей он всегда ненавидел. Теперь он в силе, мстит коммунистам, партизанам, истребляет их семьи.

— Значит, ошиблись, когда выпускали...

— Что думаешь делать?

Аркадий пожал плечами, ничего не ответив. Он знал, что будет делать. Но можно ли говорить об этом?

Помолчали, присматриваясь друг к другу, и потом снова начал сосед.

— Знаю, что не пойдешь к Пашкевичу, но рано или поздно он узнает, что ты здесь, и пожелает встретиться. Он тебя хорошо помнит, помнит твои выступления в районной и областной газетах. Только за один твой фельетон «Вельможный холуй» он тебя запросто вздернет.

...Это было еще в 1939 году. В редакцию районной газеты поступало много жалоб на работу промкомбината. Работники школ, клубов, больниц писали, что комбинат не удовлетворяет их самые насущные нужды в мебели, инвентаре, что материалы, предназначенные для этих целей, Пашкевич расходует не по назначению.

Проверить сигналы поручили Манькову. Он установил, что Пашкевич использует мастерские комбината для личной наживы, а чтобы обеспечить себе поддержку, умело подкупает некоторых руководителей. Директор комбината сам обходил дома ответственных работников и предлагал на очень выгодных условиях обставить квартиру. И некоторые клевали на эту приманку.

С помощью рабочих Маньков все это вскрыл. Люди рассказали и о том, что, угождая начальству, директор издевается над подчиненными. За глаза рабочие называли его «вельможным паном». Так появился фельетон «Вельможный холуй». Основываясь на неопровержимых фактах и документах, Аркадий буквально пригвоздил делягу к позорному столбу.

Около пяти лет проработал Аркадий Маньков в редакции кличевской районной газеты. Его журналистский почерк хорошо знали читатели. В 1939 году Манькова пригласили работать в редакцию областной газеты.

...Вечером сосед зашел снова. Вызвав Аркадия во двор, он, оглянувшись, заговорил:

— Я тебя сведу с хорошими парнями. Они у Мокея, совету и тебе туда. Хороший командир, боевой отряд.

Утром Маньков вошел в тихую лесную деревню Великая Старина. На окраине села партизанская застава. Его задержали и доставили к командиру 620-го партизанского отряда Мокею Савостьяновичу Михолапу.

Мокей брился и молча указал на стул. Маньков сел и стал осторожно присматриваться к этому молодому, лет двадцати шести, человеку. Гроза местной полиции, Мокей был высок и строен. Лицо испорчено следами оспы. Серые умные глаза глядели испытывающе.

— Давайте знакомиться, товарищ журналист,— сказал Мокей, закончив бриться.— Я — командир отряда лейтенант Михолап. О тебе мне кое-что рассказали. Скажи, ты знаешь эти места?

— Каждую тропку пешком выходил. Знаю места, знаю и людей.

— Войну нюхал?

Аркадий рассказал о Могилеве, о героической обороне города. Мокей слушал, не перебивая.

— Так, так. Знаешь места, людей, чуть-чуть обстрелянный. Такие нам очень нужны.

Мокей на минуту задумался и подвел итог разговору:

— Пойдешь, золотой, в разведчики, а чтобы не забыл своей профессии, начнем выпускать журнал отряда.

На том и порешили. Аркадий Маньков стал разведчиком 620-го партизанского отряда имени Чапаева.

Среди партизан и подпольщиков было немало журналистов, но никто из них не занимался только газетной работой. Редактор осиповичской подпольной районной газеты Павел Трацевский «по совместительству» возглавлял разведку бригады Королева, редактор бобруйской подпольной газеты Сергей Кремнев был и начальником штаба бригады Ливенцева, сотрудник областной подпольной газеты Дмитрий Юферев вел большую работу в присланной из-за фронта разведгруппе. Разведчиками были и журналисты Александр Юшкевич, Володя Пискун, Миша Белобородый.

Нетрудно догадаться, что привлекало журналистов в разведку. Именно в разведке мог сочетать Маньков выполнение боевого долга со своим любимым делом — журналистикой. И сочетал блестяще.

Летом 1942 года в подполье начала выходить кличевская районная газета «Голос партизана». Небольшая по размеру, газета печатала в каждом номере десятки кратких информационных и зарисовок о боевых делах народных мстителей. «Разгромили вражеский батальон», «Разложение в стане врага», «Подвиг патриотов», «Удачная засада», «Бьем в рукопашной», «Подарок матери-Родине», «Не даем врагу покоя» — заголовки говорят о содержании партизанской газеты. Автором многих материалов и участником событий, о которых рассказывала газета, был журналист-разведчик Аркадий Маньков.

Как-то в деревне Городец остановилось на ночь крупное подразделение фашистских карателей. Недалеко в лесу стоял отряд Мокея Михолапа. За ночь Маньков и его товарищи узнали о противнике многое. Стало известно даже то, что днем на окраине села состоится построение немцев. Перед строем будет объявлен приказ о награждении офицеров и солдат, отличившихся в борьбе с партизанами, а точнее — в истреблении мирного населения.

Все это разведчики доложили командиру, и перед рассветом партизаны залегли на опушке леса, в 150 метрах от предполагаемого места построения. Руководил засадой сам Мокей. Тщательно замаскировались и стали ждать. Ждали больше восьми часов, не курили, не шевелились. Ребята устали и зло косились на разведчиков. Нервничал и Мокей. Подозвав к себе Манькова, он спросил:

— Что, золотой, твои сведения по данным «агентства ОБС»? ¹

— Не ОБС, а ОХДС,— поправил Маньков и пояснил: — Это значит: «Одна хорошая девушка сказала». А мама этой девушки всю ночь угощала гитлеровцев денатуратом, спиртом с бобруйского гидролизного завода. Пили за награжденных, за фюрера.

— Черт знает что! Очень уж красиво у тебя получается, и потому не верится... Хотя похоже на правду. Ладно, жду еще сорок минут,— сказал Мокей и закрыл глаза, как бы желая вздремнуть.

¹ «Агентство ОБС» — «одна баба сказала». Так называли партизаны сомнительные разведданные.

Волновался и Аркадий. Но не прошло и десяти минут, как улица села ожила. Из дворов выходили солдаты и спешили на площадь. Быстро построились. Подъехавший на «опеле» майор после краткого рапорта начал что-то читать.

Опушка леса ожила внезапно, грозно заговорили десятки партизанских автоматов и ручных пулеметов. Цель была идеальной, строй карателей ломался и таял, как вырубленный. Первым, не дочитав приказа, упал майор. Только отдельные гитлеровцы смогли уползти через огороды, даже не отстреливаясь. Разведчики ликовали, и когда бой затих, Маньков спросил:

— Ну как, командир, агентство стбящее?

— Расцеловать надо такое агентство. Спасибо, золотой, всем хлопцам спасибо. А о девушке этой мне напомни, она стоит многого.

Вскоре в газете был напечатан красочный рассказ об этой засаде. Обо всем и обо всех рассказал Маньков, только о разведчиках — ни слова. Как готовились такие операции, было тайной.

Несколько позже в небольшой информации — «Разгромили вражеский батальон» говорилось о том, что в деревню Марковщина прибыл батальон немцев и предателей. Они отбирали у крестьян ближайших деревень хлеб, угоняли скот, ловили молодежь для отправки в Германию.

Ночью партизаны напали на грабителей и разгромили их. Десятки гитлеровцев были уничтожены, 22 предателя захвачены в плен, остальные бежали, бросив своих убитых и раненых, тяжелое вооружение, обозы.

Все награбленное возвращено населению, освобождены попавшие в лапы фашистам девушки.

«Так был сорван злодейский план фашистов», — сообщала газета. И здесь о разведчиках, готовивших эту операцию, газета умолчала.

Листовки со сводками Советского информбюро, с обращениями подпольных партийных органов к населению мы выпускали ежедневно. В первый период партизанской войны и партийного подполья газеты и листовки размножались на самодельных и печатных станках, на пишущих машинках и от руки. Для нас, работников подпольной печати, самой сложной проблемой была организация доставки печатной продукции читателю.

Первыми помощниками редакций подпольных газет, корреспондентами и распространителями печати были развед-

чики и подрывники. Проникая во все уголки области, они доставляли правдивое слово партии и Родины в Могилев, Бобруйск, во все оккупированные врагом города и села. Тысячи подпольных газет и листовок распространил Маньков. Он и сам писал листовки, сам их размножал, и сам распространял их.

В начале июня 1942 года стало известно, что немцы готовят крупную карательную операцию против партизан. Кличевский район в марте был освобожден партизанами от вражеских гарнизонов и объявлен советским. Здесь были восстановлены и работали все партийные и советские органы, действовали советские законы.

Ясно, что немцы не могли потерпеть этого в своем глубоком тылу, на земле, которую они объявили завоеванной и покоренной. Против партизан одного только Кличевского района гитлеровское командование бросило все близлежащие гарнизоны и две фронтовые дивизии. Вторжение в партизанскую зону планировалось одновременно со стороны Могилева, Березино, Осиповичей, Бобруйска, Рогачева, Быхова. В эти тревожные дни и ночи партизанская разведка была поднята на ноги.

После короткого, но жаркого боя отряд Мокея Михолапа отдыхал в деревне Заречье. Вечером Манькова пригласили к командиру. Явившись по вызову, Аркадий понял, что Мокей чем-то серьезно озабочен.

— Такие вот дела, Аркадий Матвеевич,— сказал командир, думая о чем-то ему уже известном и решенном.

— Не понял. Какие дела, Мокей Савостьянович?

— Такие дела, что побьют нас, если не подготовимся серьезно. Против нас уже не полиция, а фронтовые части с артиллерией, танками, авиацией. И это бы еще не беда. Можно кружить по лесам, маневрировать, отбиваться. Но чем отбиваться? Людей мы набрали, а половина их без оружия, патроны на исходе, в ротах по пять — десять зарядов на винтовку.

— Оружие можно найти,— вставил слово Аркадий.

— Не только можно, а нужно,— поправил Мокей,— иначе всем нам труба. Как-то ты мне говорил, что в Березине затоплено много оружия и боеприпасов. Это проверено?

— Это абсолютно точно, товарищ командир, здешние люди показали даже место. Дайте мне пять человек, умеющих плавать, и лошадь с повозкой. Через три дня оружие будет здесь.

— Бери, Маньков, людей сколько надо и не одну лошадь, а весь обоз бери и действуй. Это тебе боевой приказ, от исполнения которого зависит жизнь сотен, а может, тысяч людей. Помни, Аркадий, я на тебя надеюсь. Желаю успеха, дорогой мой журналист,— сказал на прощание командир.

— Приказ понят и будет выполнен! — отчеканил Маньков и вышел.

За день доехали до Березины. С помощью жителей деревни Старый Остров переправились через реку и потом всю ночь ныряли, плавали, таскали на левый берег оружие. Утром целый обоз, нагруженный винтовками, ручными пулеметами и оцинкованными ящиками с патронами, отправился в обратный путь. Теперь отряду было чем встретить врага.

Маньков с разведчиками остался за Березиной. Эта река была границей советского района, и на том, правом, берегу было много фашистских гарнизонов, их стоило разведать. Кроме того, надо было встретиться со своими людьми в Старом Острове, Притерпе. Это были наши связные и «почтовые ящики», через которые партизанские газеты и листовки проникали во все села. Но встретиться можно было только ночью.

Передневать решили в небольшом леске на правом берегу реки. После тяжелой ночи не хотелось снова лезть в воду, переплывать на свой берег. Это было роковой ошибкой. Кто-то донес, и днем на небольшую группу партизан напали каратели, прижали к крутому берегу. Отступить было некуда, отстреливались до последнего патрона.

Здесь и погиб журналист Аркадий Матвеевич Маньков. Это случилось 9 июня 1942 года. Ему было тогда 25 лет. Коротким был его жизненный путь, коротким, но славным.

Жители Притерпы вспоминают, что у убитого Манькова каратели нашли пачки партизанских газет и листовок. Эти небольшие, зажигающие сердца листки уже ходили по рукам в деревнях Старый Остров, Закорки, Кобылянка, Басин, Запрудье и везде, где накануне прошли партизанские разведчики.

...На крутом берегу Березины, возле села Притерпа, Осиповичского района, Могилевской области, есть братская могила. В ней похоронены Аркадий Маньков и четыре его товарища.

Май Бабушкин ЕГО ДОБРОЕ ИМЯ

В извещении, полученном Екатериной Александровной Кондратьевой, сказано, что ее муж, политрук Николай Федорович Кондратьев, пропал без вести в июле 1942 года. Так ли это?

Мало кто уцелел из очевидцев — тех, кто бы мог ответить на этот вопрос. Но обратимся к жизни Николая Кондратьева. Восстановим известные ее страницы, попытаемся воссоздать те, что ушли в прошлое, растворились в дыму и грохоте Отечественной войны.

...Кто из нас в детстве не зачитывался «Школой» Аркадия Гайдара? Уездный городишко Арзамас, разбуженный революцией. В ту пору у Аркадия Голикова имелось немало друзей по реальному училищу, в их числе Саша Плеско и Коля Кондратьев, сын почтальона, маленький, подвижной. Бурное время переживали друзья. Свершился Октябрь, шла гражданская война. Хотелось взять в руки винтовку, идти сражаться за Советы. И было очень обидно, что по молодости лет не брали. Только Аркадию повезло: ушел в Красную Армию.

Но фронт проходил везде. Повсюду революции нужны были пылкие сердца, верные бойцы. Когда в июне 1919 года в Арзамасе возникла комсомольская организация, в числе первых в нее вступил Николай Кондратьев. А несколько

месяцев спустя его избрали председателем уездного комитета комсомола.

Романтика суровых лет! Коля Кондратьев — оратор. Его пылкие выступления и доклады с вниманием слушают в холодном, нетопленном комсомольском клубе, на фабриках и в окрестных деревнях, на митингах-концертах. Коля Кондратьев — организатор. Его видят на субботниках и литературных вечерах. С кипой брошюр он едет в село проводить «неделю красной молодежи». Везде надо успеть побывать, непременно вмешаться, подбодрить, помочь лучше наладить работу.

Чего только не приходилось делать арзамасским комсомольцам и их задорному вожаку! Заготавливали дрова и ставили спектакли, обследовали больницы и школы, поднимали на улицах больных тифом и отправляли в бараки, а потом носили туда молоко.

Все пришлось испытать: голод, болезни, холод. Питались кипятком да супом «карие глазки», сваренным из селедочных голов. Валились с ног от усталости. Но не унывали. Жизнь кипела. Старый друг Аркадий, побывав в Арзамасе, с хорошей завистью писал потом с фронта: «Я далеко. Мне часто вспоминается ваш союз, его дружная жизнь».

Сохранились отчеты уездкома, написанные Кондратьевым. Немногословные, с категорическими оценками. Так и видишь его перед собой: упрямый, большелобый, он склонился над бумагой при свете керосиновой лампы. Он нетерпелив, хмурится... Быстрее. Короче. Только самое главное.

Впрочем, писать приходилось не только отчеты. В молодежной газете «Авангард», которую редактировал Саша Плеско, впоследствии 27 лет посвятивший военной журналистике, 1 апреля 1920 года публикуется статья Николая Кондратьева, острая и критическая, об участии интеллигенции в культпросветработе. Мог ли думать Кондратьев, что она станет началом его журналистской деятельности? Едва ли. Другие мысли занимали тогда председателя уездного комитета.

Снова и снова просился на фронт. Не отпускали. В сентябре 20 года состоялся второй уездный съезд комсомола. Докладчик говорил, что обстановка усложнилась, призывал молодежь стать на защиту республики. От члена укома Володи Макридова Кондратьеву в президиум передали записку. «Вместо всякой резолюции я первым записываюсь добровольцем». Первым? Володя, как всегда, спешит...

«Нет, Володя,— ответил товарищу Николай,— первым буду записываться я».

На этот раз уездный комитет партии удовлетворил его просьбу. Через два дня товарищи провожали его на фронт. Немало дорог было пройдено. А в 21-м вновь свела его судьба с Аркадием. Хорошо воевал старый товарищ. В ту пору уже командовал полком. Вместе били антоновских мятежников.

Окончилась война. «Чем же заняться тебе теперь, товарищ Кондратьев? Какое поприще избрать на дальнейшее?» Из Перми шлет письма Саша Плеско, заместитель редактора газеты «Звезда». Советует посвятить себя журналистике, зовет вместе трудиться. Ну что ж. Дело интересное и живое. Почему бы и не попробовать? Пермь так Пермь!

Первые шаги на новом поприще, срывы и удачи. Каждый день приносит открытия, полон лихорадочной, интересной работы. Хорошо! Это по его, Кондратьева, характеру. Новая профессия захватывает все больше. Похоже, что на всю жизнь.

Незабываемые дни молодости! Журналистская коммуна в доме по улице Луначарского. Жизнь в ней шла дружно и весело. Нередко по вечерам здесь собиралась вся редакция. Беседовали, спорили, делились замыслами. В столовой, со стенами, сплошь обклеенными плакатами, раздавались шутки и смех. Коля Кондратьев — участник всех вечеров, всех бесед. Живыми, блестящими глазами следит он за собеседниками, чтобы через какую-нибудь минуту самому ринуться в спор.

Сколько радости было, когда в Пермь приехал и тоже стал работать в «Звезде» Аркадий! Он уже писатель, автор повести о гражданской войне. И материалы свои подписывает по-новому: Гайдар. Пройдут годы, и это имя узнают миллионы читателей.

Они снова вместе, друзья детства и земляки. Но надолго ли? Не очень. Не сидится на одном месте людям с беспокойным характером. Да и как усидеть, когда в стране строятся новые заводы, поднимаются целые города. О многом хочется написать, но для этого надо ездить и ездить, чтобы все увидеть своими глазами. Итак, в путь! Вдвоем с Гайдаром Кондратьев отправляется в путешествие по Средней Азии. Грохочут колеса поезда. Прав Аркадий: нигде не спится так крепко, как на жесткой полке качающегося вагона, никогда

не бываешь так спокоен, как у раскрытого вагонного окна, в которое врывается свежий ночной ветер.

Из одного конца страны в другой бросает Кондратьева беспокойная журналистская судьба. В конце 20-х годов она приводит его в Севастополь. «На память маме и папе от одного близкого им бродяги», — делает он шутиливую надпись на фотокарточке, которую посылает родным, еще не зная о том, что бродячей жизни конец, что влюбится в этот солнечный город и останется в нем навсегда.

Улица Ленина. Редакция «Маяка коммуны». Сюда после нескольких лет работы в «Красном черноморце» переходит в мае 1933 года Кондратьев. Новый литсотрудник быстро становится в коллективе своим. У него отличная хватка, опыт, умение «взять» материал, написать свежо. Словом, качества, которые так ценятся среди журналистов. Способные не остаются незамеченными. Кондратьев — заведующий промышленным, городским отделом, а затем ответственный секретарь.

Секретарская работа! Увлекательная и каторжная. Секретарь творит макеты будущего номера и вычитывает материалы, хвалит или возвращает на доработку. Он знаток авторского самолюбия, утешитель и порицатель. Секретарь без конца требует строки и выкраивает место на полосе там, где, кажется, выкроить уже никак нельзя. Бьется над тем, чтобы «заиграли» заголовки, и вычеркивает в материале самые «шедевральные» куски, заявляя, что статья от этого только выиграла. Его мнение подлежит обжалованию только редактору, да и то не всегда.

Коля, как уважительно и ласково называли его товарищи, — не исключение. Если он говорил: «Твоему материалу нужны ножницы», литсотрудник знал, что сейчас последует внимательный разбор, и слабина, которую автор смутно чувствовал, но не набрался духу устранить, обязательно выявится, и, хочешь не хочешь, придется переделывать. Особенно спорить не имело смысла, потому что секретарь всегда разговаривал по-товарищески, не придирался к мелочам. И просто потому, что Коля был большим умницей и к слову его стоило прислушаться.

В коллективе знали и другое: Коля не скупился на похвалу, особенно если ее заслуживали молодые работники, их удачам умел радоваться, как своим. Читая иной раз свежий номер стенгазеты, молодой сотрудник вдруг обнаруживал, что Кондратьев хвалит его корреспонденцию.

И человеку невольно думалось, что сам-то уже, пожалуй, забыл о ней, а вот секретарь помнит и оценил.

Говорят, для газетчика редакция — второй дом. Для Кондратьева она была едва ли не первым домом. Утром, по привычке, сохранившейся с голодных юношеских лет, он наскоро выпивал стакан чаю и торопился на работу, к своему столу у самого окна, в веселую и напряженную сутолоку редакции, которую любил, без которой не мыслил себе жизни. В вечерние часы Николай Федорович позволял себе немного отдохнуть, сидя с папиросой в зубах за шахматной доской, или принимал участие в общем, обычно шумном разговоре, или просто сидел, положив руки на спинку соседнего стула и прижав к ним подбородок. О чем он думал в такие минуты? О боевой ли юности своей, годах странствий, а может быть, о чем-нибудь другим?

Товарищи знали: Коля не любил хвастунов, не терпел «блата». К вещам, приобретательству относился равнодушно. «Опять щепок накупила», — добродушно говорил он жене, увидя в квартире новый шкаф. А в ответ на ее просьбу сходить в мастерскую примерить костюм, отнекивался и комически жаловался: «Ну что это за жена, если она не может сходить вместо мужа на примерку».

Зато как любил хорошие книги и песни, как радовался, когда получались снимки, сделанные им на коллективных воскресных прогулках! У него возникает мечта о своей книге. Уже начата работа над ней. Но закончить не успел: грянула война.

* *

*

Долго не удавалось установить, как сложилась военная судьба Николая Кондратьева. По рассказам жены, он сражался под Перекопом осенью 1941 года, а затем их дивизия с боями пробилась к Севастополю. Из сохранившихся писем явствовало, что Кондратьев служил в одной из дивизионных газет. Но какой? Длительные поиски позволили ответить на этот вопрос. И вот передо мной фильмокопии документов 172-й дивизии, защищавшей Севастополь. Мужеством и глубокой верой в победу дышат эти строки суровой правды.

...Политдонесение от 29 января 1942 года. Краткий анализ боевой обстановки, факты героизма, патриотические высказывания красноармейцев и командиров. И вдруг сообщение: «Проведено совещание работников политотдела и редакции. Выступившие на совещании тт. Муратов, Фридлинский,

Кондратьев, Гузынин...» Минутку, минутку... Кондратьев?! Не верю своим глазам. Зову работника музея, прошу посмотреть. Да, теперь сомнений быть не может... И залпом дочитываю до конца: «...по-деловому критиковали недостатки газеты и дали ряд предложений по улучшению публикуемого материала».

До чего же просто и буднично! Будто и нет войны...

Но война шла, тяжелая и кровопролитная. К грохоту севастопольской битвы прислушивалась вся страна. В числе самых героических его защитников были воины 172-й дивизии.

В дивизии любили свою газету. Она правдиво рассказывала о подвигах бойцов и командиров, зажигала сердца. Сотрудники «дивизионки» политрука Кондратьева знали во всех полках. В длинной, не по росту, шинели, в чуть сдвинутой на затылок черной ушанке со звездочкой появлялся он в окопах, блиндажах, на артиллерийских позициях.

Нередко под обстрелом, пуще всего оберегая полевую сумку с исписанным блоком, Кондратьев возвращался в редакцию, спешил, чтобы успеть сдать материал в очередной номер. И пусть по площади газета была в несколько раз меньше «Маяка», что из того? И в двадцати строчках можно рассказать о многом, важном, о том, как подбили танк, привели «языка», как вступают в партию лучшие люди.

Какой далекой казалась теперь довоенная жизнь! В эвакуации жена, бомбой разрушена их квартира по улице Ленина. Кондратьев не ведает, где его товарищи по «Маяку коммуны», не знает и никогда не узнает, что нет больше в живых дорогого друга Аркадия Гайдара. Иная жизнь стала привычной: бои, бомбежки, суровые будни осажденного города.

Довоенные друзья, наверное, нашли бы, что их Кондратьев порядком изменился за последние месяцы. С фотографии, сделанной в апреле 1942 года, смотрит осунувшееся, обветренное лицо, с воспаленными от недосыпания глазами. И только короткая стрижка, упрямая мальчишеская прядка волос, стоящая торчком, выдают прежнего Колю Кондратьева.

И хотя многое пришлось пережить, в сущности он остался тем же Колей, немного романтиком, прямодушным и добрым... Вот выдался по случаю затишья свободный вечер. Набросив на плечи шинель, Кондратьев с увлечением читает «Дети капитана Гранта», книгу, полюбившуюся еще

в детстве, и, задумавшись, слушает, как рядом негромко, в два голоса поют «Ох ты, сердце, сердце девичье». А потом пишет письмо жене, коротенькое, ласковое, и заботливо вкладывает в конверт листок для ответа: «Там у них в тылу трудно. Бумаги, вероятно, тоже не хватает».

«В одну из своих поездок на передовую,— пишет Кондратьев жене,— я видел первые цветы крымской весны — подснежники. Порхали мотыльки. Как не вязался этот весенний день с громом, который разносился по долине. Это гитлеровская артиллерия обстреливала нас».

Цвели и в огне подснежники! Жизнь шла наперекор всему. Бои перемежались с относительным затишьем. Вчера он собирал материал на передовой и вместе с ротой принял участие в отражении атаки. Сегодня с увлечением трудится над номером. А к вечеру, быть может, к нему заглянут друзья: веселый, неунывающий Борис Калужский, начальник клуба, а то и «комсомольский бог» Леша Гузынин, если успеет вернуться от артиллеристов. Они будут рассказывать друг другу фронтовые новости, строить прогнозы.

Жизнь шла. 5 мая 1942 года политотдел проводил собрание, посвященное Дню печати. День печати! Совсем как в «доброе старое время». Только обстановка не та. В длинном глинобитном сарае собрались военкоры, редакторы «Боевых листов». У многих из них в руках винтовки. Выступает редактор «дивизионки» батальонный комиссар Муратов, и на лицах появляются улыбки: «Каскин говорит. Иван Каскин». В дивизии редактор был известен под этой фамилией. Ею он подписывал свои короткие стихи, героические и шуточные, появлявшиеся чуть ли не в каждом номере многотиражки.

Когда объявили, что слово для обзора «Боевых листов» имеет политрук Кондратьев, он встал, расправил складки на гимнастерке, оглядел знакомые лица людей, ставших ему такими близкими, и вдруг ощутил чувство волнения, гордости за свою принадлежность к журналистскому полку, за то, что и на фронте, в осажденном городе, партия отмечает День печати. Значит, ценит по-прежнему, значит, в дни испытаний вдвойне считает своим оружием.

Да. Оружием. Когда в конце мая враг начал подготовку к третьему штурму Севастополя, вместе с политотдельцами в части выехали и журналисты «дивизионки», чтобы рассказать о сложившейся обстановке. В полках и батальонах проводились партийные и комсомольские собрания, инструктажи редакторов «Боевых листов». В 747-м полку такой

инструктаж вел политрук Кондратьев. Здесь его хорошо знали, его краткое слово было понятно любому.

Дивизия стойко встретила чудовищный натиск врага. И не было предела ярости, отваги ее воинов. Немцы превосходили численно, без конца бросали в бой танки, авиацию, артиллерию. Атаки следовали одна за другой. Ценой страшных потерь гитлеровцам иногда удавалось занять рубеж, но это происходило после того, как погибали его защитники.

В десятых числах июня начальник политотдела сообщал в политдонесении, что в результате ожесточенных боев погибло большинство личного состава, ранен командир дивизии Ласкин, дважды ранен комиссар Солонцов... Но дивизия продолжала сражаться, упрямая и бессмертная. А вместе с нею жила и сражалась ее газета.

В штольне, переполненной людьми, в штольне, где от недостатка воздуха гасли свечи, рождались все новые номера «дивизионки». Ее огненные шапки звали на смертный бой:

- Сражайтесь стойко! Бейте врага беспощадно!
- Яростней уничтожайте фашистов! Мы победим!

Никогда не ощущал Кондратьев с такой силой ненависть к врагу, как в эти дни, видя пылающие развалины города, страшные картины людского горя. Обычно сдержанный в своих письмах, он дает волю гневу: «Нет, Катюша, таких слов, которыми можно было бы выразить наше возмущение тем, что делают фашистские изверги с мирными домами, с нашим городом».

Никогда еще Кондратьев не работал так вдохновенно, не писал так страстно, как в дни третьего штурма. В номере за 23 июня 1942 года он публикует корреспонденцию о Герое Советского Союза Павле Линнике, которую заканчивает словами: «Наши потомки будут петь песни о Линнике, складывать легенды о его удивительных подвигах». Это сказано не только о Линнике. О всех защитниках Севастополя!

Это было последнее выступление Николая Кондратьева в печати.

24 июня оставшиеся в живых политотдельцы пришли попрощаться с раненым комиссаром дивизии Петром Ефимовичем Солонцовым, которого эвакуировали в тыл. Короткие напутствия, пожелания, просьбы «черкнуть семье, если что...». Когда очередь проститься дошла до Кондратьева, он положил на носилки небольшой сверток.

- Что это? — спросил Солонцов.

— Здесь последние тринадцать номеров нашей газеты, с 1 по 23 июня,— ответил Николай Федорович.— Я очень прошу вас, товарищ бригадный комиссар, передать их на «Большую землю».

Какую-то секунду комиссар помолчал, потом сжал ему руку и сказал:

— Хорошо, товарищ Кондратьев. Будет сделано. Спасибо.

Фотокопии этих газет ныне хранятся в Музее героической обороны и освобождения Севастополя, как живые свидетельства подвигов его защитников.

Политрук Кондратьев был в числе тех, кто сражался в первые дни июля в Херсонесе. Не счесть примеров мужества, величия духа, которые довелось ему увидеть. Не хватило бы никаких блокнотов, чтобы их описать. Но писать уже было некогда. Нужно было стрелять. И он стрелял, бил расчетливо, беспощадно, бросал гранаты, охваченный ненавистью. А когда группа бойцов поднималась в контратаку, в числе первых видели корреспондента из «дивизионки» с красной звездочкой политработника на рукаве гимнастерки...

* * *

*

Нет! Николай Кондратьев не пропал без вести. И пусть мы не знаем последних часов его жизни, мы знаем главное: политрук Красной Армии журналист Кондратьев сражался до конца и погиб за нашу Советскую Родину.

Его доброе имя живет!

Николай Коротков ПО ДОЛГУ КОММУНИСТА

В лесу стояла черная, пронизанная сыростью ночь. Накрапывал дождь. Накануне партизанский отряд перебазировался на другое место. С отрядом ушел заместитель редактора Павел Лучин. Утром должны были переехать и сотрудники подпольной редакции и типографии. А пока все оставшиеся прилегли вздремнуть. Партизанский наряд нес караульную службу.

В эту ночь предатель, знавший, где находится подпольная редакция и типография, привел немцев. Фашисты открыли внезапный огонь и ринулись в атаку. Редактор партизанской газеты Ефрем Арсеньевич Кустов сразу понял всю опасность сложившейся обстановки. Он не растерялся и принял на себя командование боем.

Численность нападавших намного превосходила силы партизан. Гитлеровцы решили замкнуть кольцо окружения и уничтожить оборонявшихся.

Завязался неравный бой.

Защищали партизанскую редакцию и типографию наборщики Петр Федорович Кирюшин, Иван Сергеевич Новиков, несколько партизан из охраны и партизаны из хозяйственной части, не успевшие накануне уехать с отрядом. Защищая подпольную редакцию и типографию, партизаны дрались смело и отважно.

Но вот небольшой гарнизон защитников начал редеть. Были убиты два партизана, ранен в правую руку наборщик Новиков. Взяв автомат, вышел вперед Ефрем Арсеньевич: надо было во что бы то ни стало задержать наступающих

гитлеровцев! Он приказал товарищам уходить в глубь леса, а сам продолжал отбиваться от наседавших оккупантов.

Меткими выстрелами бесстрашный партизанский журналист успел сразить нескольких фашистов. Наступавшие гитлеровцы залегли. В этот момент Кирюшину, Новикову и всем другим товарищам удалось уйти от противника.

Ефрем Арсеньевич решил занять более выгодную позицию. Но только поднялся с земли, как упал, сраженный фашистской пулей.

Так, спасая жизнь своих товарищей, пал смертью героя Ефрем Арсеньевич Кустов.

Это было в ночь на 2 сентября 1942 года.

Больше четверти века прошло с той трагической ночи.

Но Ефрема Арсеньевича помнят товарищи по борьбе против немецко-фашистских оккупантов, знает молодежь по рассказам взрослых. Его помнит Родина. Когда наша страна отмечала 20-летие победы над гитлеровской Германией, журналист-партизан за мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, был посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. А при жизни, еще летом 1942 года, его наградили орденом Красной Звезды.

...Гитлеровцы подходили к Дяткову, и коммунист Ефрем Арсеньевич Кустов был оставлен партийными органами в тылу врага, в партизанском отряде. Этот отряд организовал Дятковский райком партии. В него вошли партийные, комсомольские, советские и хозяйственные работники района. Коммунисты партизанского отряда избрали Ефрема Арсеньевича секретарем партийной организации.

Как только отряд развернул боевые действия, стала очевидной необходимость создания газеты.

Комиссар партизанского отряда Семен Степанович Качалов вызвал Ефрема Арсеньевича и поставил перед ним задачу — наладить издание подпольной партизанской газеты. Опыт партийно-политической работы у Ефрема Арсеньевича был большой. С тех пор как в 1927 году Кустов стал коммунистом, он работал в партийном аппарате в бывшем Каменском районе, Западной области, а в 1931—1935 гг. в Смоленске — инструктором Западного обкома партии.

Теперь Ефрем Арсеньевич взялся за новое дело...

У партизан не было типографии. Пришлось начинать с небольшого. Вспомнил машинистку редакции районной газеты Александру Петровну Хромченкову. Она осталась в оккупированном Дятькове. Александра Петровна сохранила редакционную пишущую машинку и радиоприемник. Вместе с Александром Алексеевым, жившим тоже в Дятькове, в ноябре 1941 года они приняли по радио сводку Советского информбюро о положении на фронтах, размножили ее на пишущей машинке и распространили листовку в Дятькове.

К этим патриотам и пришел Ефрем Арсеньевич. Вместе с бюллетенем, в котором печатались принятые по радио сводки Совинформбюро, теперь стала выпускаться и газета «Патриотический информационный листок». Первый номер его вышел в конце ноября 1941 года.

Партизанский листок печатался на пишущей машинке по частям, а затем склеивался. Подготовленные бюллетени и «Патриотический листок» вначале распространяли Александр Алексеев и Ефрем Арсеньевич Кустов. Затем с помощью партизан была создана сеть распространителей.

Самое активное участие в организации сети распространителей подпольных партизанских листовок и газеты среди населения оккупированных немцами сел и деревень принимали партизан Павел Лучин и секретарь Дятьковского подпольного райкома комсомола Владимир Рябок.

Теперь население Дятьковского района своевременно информировалось о положении на фронтах Великой Отечественной войны. Размноженные на пишущей машинке листовки и партизанская газета «по ниточке» передавались надежными людьми из одной деревни в другую, пока не попадали во все населенные пункты района.

Силы партизан росли с каждым днем. Создавались новые партизанские отряды в рабочих поселках Бытошь, Любохна, Старь. Народные мстители наращивали силу ударов по немецко-фашистским оккупантам и в феврале 1942 года заняли город Дятьково, а затем очистили от фашистских оккупантов большинство населенных пунктов Дятьковского района. В районе были восстановлены и действовали райком партии во главе с секретарем райкома Сергеем Гавриловичем Туркиным, органы Советской власти. Так на большой территории в тылу врага возник советский партизанский район.

Ефрем Арсеньевич с присущей ему напористостью с помощью Павла Лучина и других товарищей восстановил

дятьковскую типографию и приступил к изданию газеты. Райком партии присвоил ей прежнее, довоенное название — «Фокинский рабочий». С выходом первого номера печатной газеты — это было 21 февраля 1942 года — прекратил существование «Патриотический информационный листок». Дело пошло хорошо. Ефрем Арсеньевич с большой ответственностью относился к партийному поручению.

Запасы бумаги были ограничены, поэтому газету часто приходилось печатать на развернутом листе ученической тетради. Небольшим был и тираж: 200—300 экземпляров. Иногда не хватало и ученических тетрадей. И только неутомимая энергия и настойчивость Ефрема Арсеньевича спасали положение. Газета выходила бесперебойно.

Когда бумага кончалась, Ефрем Арсеньевич шел к партизанам, к секретарю Дятьковского райкома комсомола Владимиру Рябку, обращался к жителям Дятькова и окрестных сел. Партизаны — комсомольцы, их помощники, мальчишки и девчонки, собирали тетради, приносили их в редакцию, и газета печаталась. Только с февраля по июнь 1942 года было выпущено 90 номеров «Фокинского рабочего».

Располагая широкой корреспондентской сетью, газета сообщала на своих страницах о боевых действиях и подвигах народных мстителей, широко освещала самоотверженную борьбу советских людей против гитлеровских захватчиков. Газета охватывала своим влиянием не только население Дятьковского района. Партизанские разведчики доставляли ее в оккупированные села соседних с Дятьковским районов — Людиновского, Жиздринского, Жуковского, Дубровского и Рогнединского.

Кроме сообщений из партизанских отрядов, газета постоянно давала сводки с фронтов Великой Отечественной войны, рассказывала о героических делах трудящихся в советском тылу, печатала разоблачительные документы о зверствах, творимых гитлеровскими оккупантами.

Партизанская газета и листовки делали дело огромной важности. Печатное партийное слово поднимало советских людей на вооруженную борьбу с гитлеровскими захватчиками, ряды партизан пополнялись новыми людьми, с каждым месяцем росло и ширилось партизанское движение. Главный призыв, с которым газета обращалась к советским людям, — активнее включаться в вооруженную партизанскую войну против немецко-фашистских оккупантов. «Фокинский рабочий» не раз сообщал, что сотни и сотни новых

советских патриотов поднимались на борьбу против врагов Родины.

Летом 1942 года оккупанты сосредоточили вокруг партизанского района крупные воинские части и под нажимом превосходящих сил противника народные мстители вынуждены были оставить Дятьково. Вместе с партизанами ушел в лес и небольшой коллектив редакционных работников и типографии. Сотрудники редакции и работники типографии не прекращали своей деятельности. И в труднейшей обстановке газета продолжала выходить. Правда, некоторое время ее пришлось печатать на пишущей машинке. Но Ефрем Арсеньевич делал все возможное, чтобы народные мстители своевременно получали свою газету. С уходом партизанских отрядов в лес райком партии переименовал и газету. Она стала называться «Партизанской правдой».

Ефрем Арсеньевич взялся за оборудование типографии. В этом ему помогали наборщики Петр Федорович Кирюшин и Иван Сергеевич Новиков. Они нашли старый тискальный станок, отремонтировали его, доставили на базу шрифт, типографские принадлежности. Типография заработала, и в середине июля «Партизанская правда» увидела свет. И опять Ефрем Арсеньевич заботился о том, чтобы кроме партизанских отрядов газету получали в деревнях, чтобы ее передавали из одного населенного пункта в другой.

Небольшой коллектив сотрудников редакции и типографии был загружен работой круглые сутки. Днем готовили материал для газеты, к вечеру печатали на тискальном станке сверстанные полосы. Причем из-за недостатка типографского шрифта приходилось вначале набирать и печатать одну полосу, потом разбирать и вновь готовить набор для второй полосы. К концу дня Ефрем Арсеньевич налаживал старенький радиоприемник, чтобы ночью принять очередную сводку Советского информбюро.

Гитлеровцы все время охотились за партизанской газетой, причинявшей им немало беспокойства. Но их многочисленные попытки захватить типографию терпели крах.

В конце августа запасы бумаги кончились. По сложившимся тогда условиям связь с «Большой землей» на время была прервана. Все меньше и меньше приносили партизаны ученических тетрадей, которыми их снабжало население.

Ефрем Арсеньевич искал новые возможности, которые бы обеспечили бесперебойное издание газеты. И вот использована последняя возможность, которую можно найти

в партизанских условиях: несколько номеров было напечатано на березовой коре. И газета вновь пошла по партизанским отрядам!

Всякое бывало в трудной партизанской жизни. Но Ефрем Арсеньевич не привык падать духом. Обычно он был весел и полон энергии. Его оптимизм и работоспособность сплачивали коллектив.

Редактор партизанской газеты делился с товарищами последним куском и, не колеблясь, развязывал свой махорочный кисет, чтобы отсыпать на закрутку щепотку табаку партизану, пришедшему в редакционную землянку.

* *
*

Когда в неравном бою Ефрем Арсеньевич погиб, гитлеровцы торжествовали. Они объявили населению Дяткова и района, что с партизанской типографией, печатной газетой и ее редактором коммунистом Кустовым покончено. Но радость фашистов была недолгой. Дятковский райком партии создал новую типографию. Вскоре газета снова начала выходить. Теперь редактировал ее Павел Лучин. «Партизанская правда» продолжала жить, зажитая в сердцах людей ненависть к фашистским захватчикам.

Мария Архарова

РАССКАЖУ ВАМ О ДРУГЕ...

Миша Соловьев. Большой, неуклюжий, медлительный сибиряк с неторопливой речью, иной раз он загорался и рубил сплеча, несмотря ни на что, невзирая на лица. Таким помню его по «Красному Крыму», в котором он начал работать в 1932 году, таким же он был и на фронте.

Помню период строительства колхозов в Крыму. Михаил Иванович работал тогда в сельхозотделе, а я поступила литправщицей в отдел писем. Не раз приходилось забегать в сельхозотдел, я еще плохо разбиралась тогда в газетной работе, а Миша никогда не отказывал в помощи. Случалось, что меня выводила из себя его манера подтрунивать надо мной, а ему это, видимо, доставляло немало веселых минут. Когда же я получала очередную взбучку от моего завотделом Сухиненко и ходила точно в воду опущенная, Миша всегда умел придать мне веры в свои силы. Никогда не забуду, как он первым тепло поздравил меня с удачно написанной зарисовкой, после которой я была переведена на литработу.

Сохранился в памяти такой эпизод. Я написала очерк о девушке-летчице. По отзывам товарищей и редактора, очерк был неплохим. Но наш секретарь Лева Соловейчик, который, как все секретари, был постоянно озабочен тем, что материалы «не влезают» в номер, принял «соломоново» решение: взял строкомер, прикинул, сколько не влезает, и, не потрудившись прочитать, выбросил четыре абзаца. На другое утро я с ужасом обнаружила в номере чудовищную бессмыслицу.

И вот всегда насмешливый Миша Соловьев, обняв меня за плечи, ласково говорил:

— Мурочка, да право же свет от этого не перевернется. Деточка, да не плачьте же так...

До глубины души оскорбленная такой расправой с моим очерком, я продолжала горько всхлипывать. Тогда, лукаво прищурясь, он предложил:

— Хотите, я поколочу за это Соловейчика? Возьму и прихлопну, вот так...— и он взмахнул своей широкой ладонью,— только мокрое место от него останется!

Я невольно улыбнулась, представив себе, как «большой Соловьев» прихлопнет вредного «маленького Соловейчика». От этой шутки мне сразу стало легче.

В дни Отечественной войны мы встретились с Мишей Соловьевым в редакции газеты 51-й армии «Сын Отечества». Меня не раз поражала его редкая душевная чистота. На фронте иной раз бывают такие мелочи, которые могут больше сказать о человеке, чем целые годы работы в мирной обстановке.

Основное, что всегда отличало Мишу Соловьева,— это его любовь к людям, умение отыскивать хорошее в человеке. Он способен был пробираться целыми днями по страшнейшей грязи, переползать под обстрелом из окопа в окоп в поисках нужных для газеты фронтовых эпизодов. И надо было видеть, каким он возвращался из этих походов! По уши забрызганный жидкой глиной, уставший донельзя, продрогший, а подчас в изорванной осколками шинели. Ни минуты не отдохнув, он принимался диктовать машинистке последние новости о бойцах, героях фронта.

Мишу Соловьева знали и любили в окопах. Не раз приходившие в редакцию бойцы-разведчики или танкисты спрашивали военного корреспондента Соловьева; и какими же радостными бывали эти встречи! То были Мишины военкоры, они приносили в редакцию свои заметки.

Как-то, вернувшись поздно вечером, Миша был очень доволен, оживлен; в тот день ему удалось достать очень интересный материал о боевой работе наших разведчиков, притаивших «языка» из немецких блиндажей. Тут же он поделился новостью: оказывается, нашу газету бойцы-разведчики любовно прозвали «Сынок»...

Глядя в его потеплевшие глаза, я подумала, что это от его большого сердца тянутся живые нити к живым людям. Всем нам было хорошо известно, сколько километров

весенних фронтовых дорог, сколько опасностей и ежеминутного риска жизнью скрывается за каждой строкой его корреспонденций.

Возникают в памяти напряженные минуты на палубе сейнера зимой 1941 года в проливе перед высадкой на Керченский полуостров. Прошел слух, что немцы разбомбили и потопили две баржи с бойцами. Десантники жмутся поближе к бортам и чутко прислушиваются к рокоту гудящих самолетов, определяя на слух: наши или фашистские?

И вот в этот тревожный момент вдруг раздается спокойный голос Миши Соловьева. Он пристроился на свернутом канате возле самой многочисленной группы бойцов.

— Наши, наши самолеты летят, друзья... А вон, видите ту большую звезду? Она называется Орионом. Древние греки называли ее так в честь своего великого охотника, который погиб от стрелы богини Дианы. Древние астрономы, как и все греки, чтити охоту и ловких охотников, в их же честь они называли вон те созвездия — Большой Собакой и Малой...

Бойцы сдвигаются плотнее вокруг Миши. В ночном сумраке еле видны стволы винтовок. Тянет холодом от льдин, что шурша трутся о борта сейнера. Плещет внизу черная студеная вода — каждую минуту все рискуют очутиться в ней под обстрелом врага, но неторопливо течет рассказ о звездах, и бойцы забывают об опасности. Потом Миша говорит о другом:

— Война не обходится без жертв, но мы воюем не для того, чтобы умирать. Наша страна, наш народ не в первый раз отражают захватчиков. Победим мы и на этот раз.

Трудно сейчас дословно вспомнить содержание Мишиных бесед с бойцами. Была в них вера в свой народ, в его силы, любовь к России.

Авторитет Соловьева в нашем коллективе был необычайно высок. «Миша Соловьев сказал...» — этого было достаточно. С его мнением считались не только мы, рядовые работники, к нему прислушивались и командиры, стоявшие выше его по занимаемому положению.

Припоминается, как тренировались мы в стрельбе и метании гранат на берегу небольшого залива в деревне Джантара. Инициатором и руководителем этих занятий был Миша Соловьев.

А в начале мая 1942 года он первым взялся за лопату, чтобы отрыть щели возле сараев, где помещалась наша

редакция. Спустя несколько дней немцы начали весеннее наступление на Керченском полуострове, и эти щели всем нам спасли жизнь. Фашистские самолеты звездными заходами с утра и до ночи бомбили деревню Кият, три дня кряду. Во время этих налетов Соловьев и другие работники редакции вели групповую стрельбу по немецким самолетам.

Началось наше второе отступление из Крыма. Тяжелые дни, их невозможно забыть... Возле каменоломен под Керчью мы потеряли редакционное оборудование: «юнкерсы» и «хейнкели» сожгли наши автомашины на дороге возле Семи Колодезей. У нас не осталось ничего, кроме личного оружия да гранат. В коллективе появились раненые и контуженые. Через сутки наш небольшой отряд закрепился на высотках у переправы через Еникале.

В стальном шлеме, в неуклюжей, облепленной комьями глины шинели, с саперной лопаткой на боку и противотанковыми гранатами у пояса, Соловьев подошел ко мне и деловито приказал:

— А вы, Мурочка, проверьте индивидуальные пакеты у бойцов и позаботьтесь о воде для раненых. Да, вот еще что: здесь вокруг много порванных линий связи. Теперь они уже бесполезны. Подберите обрывки проводов и наделайте из них жгутов. Возможно, что кому-либо из нас вы сможете спасти жизнь, остановив кровотечение.

И там, на передовой, Соловьев прежде всего заботился о других.

С тяжелыми, кровопролитными боями отступали части нашей армии на восток. Силы были тогда слишком неравны: на нас катилась танковая лавина немцев, их мотомехчасти. Мы отступали уже по калмыцким степям, знойным и безводным. Вода была роскошью, пили из грязных луж горькую, солоноватую жижу. А случалось, что и ее не было.

...Наша редакция расположилась на берегу Волги, на южном участке Сталинградского фронта. Возле были вырыты глубокие окопы, куда нам приходилось забираться довольно часто — немцы бомбили и обстреливали это место не только ежедневно, но и еженощно.

Ко всему привыкает человек! Мы работали спокойно и очень дружно, а когда со двора доносился крик Вани Тялло, нашего шофера: «Пикироваит!..», что означало появление фашистов на горизонте, бежали в щели.

Залпы наших зениток и очереди спаренных зенитных пулеметов с катеров, стоявших у причала, смешивались

с противным воем фугасок. Содрогалась земля, долго сыпался песок с краев окопа, лез в горло едкий запах разорвавшихся бомб. Брр!.. Отряхнувшись, вылезали из щелей и опять садились за работу до нового сигнала.

Питались мы скудно: доставка боеприпасов и продуктов была сопряжена с большими трудностями. Вражеские самолеты гонялись тогда не только за автомашинами, но даже за отдельными путниками. И не раз наши пайки разлетались по степи под взрывами фашистских авиабомб. Если такая катастрофа обходилась без жертв, все радовались, забывая о пустых желудках.

Приходилось экономить и всячески изворачиваться. Для варки пищи мы с машинисткой Надей приспособили обнаруженный нами в разваленном бомбежкой сарае старый жестяной бак, в котором, судя по всему, его прежняя хозяйка вываривала белье. Тщательно очистив его от ржавчины и грязи, мы на костре варили в нем супы из концентратов, а в лучшие дни даже борщи с мясом. Заложив в бак очищенные овощи, Надя убегала отстукивать очередную корреспонденцию о героях-сталинградцах, а я, устроившись на поваленном бревне, следила за варевом и одновременно правила гранки. У бойцов-наборщиков и офицеров-корреспондентов наша стряпня пользовалась неслыханным успехом.

Но бывали дни, когда продукты достать не удавалось. Тогда на сцену выступал «наш общий друг» — огромный, искривленный и помятый медный самовар, подобранный в том же сарае. Чай с сухарями очень хорошая вещь, даже в том случае, если нет сахара, а на заварку идут сухие стебли какого-то степного растения, найденного нашим радистом Яшей Луцким. Яша утверждал, что это — средство от расстройства желудка, и настойчиво рекомендовал его нам.

Мы очень любили Яшу Луцкого за его веселый нрав, очень уважали за то, что он ни при каких бедах и бомбежках не расставался со своей рацией и никогда не пропустил ни одного сообщения Совинформбюро. Но, увы! В его медицинские способности мы верили слабо.

Миша Соловьев в те голодные дни нашел выход: рядом Волга, а в Волге плавают рыба, значит, надо организовать ловлю. Появились самодельные удочки. На помощь пришли местные мальчуганы-волгари, с которыми у Миши была большая дружба. Они раздобыли у ездовых конский волос

на лески, откуда-то натащили крючков, на грузила пошли патронные гильзы.

Ранними утрами или в редкие свободные часы по вечерам Миша, а с ним и другие, захватив с собой оружие, отправлялись на берег Волги. Если ловлю не срывали фашисты, наши рыболовы возвращались в редакцию с добычей. Лучше всех рыбачил Миша. У него и рыба была всегда крупнее, чем у других.

Как-то вечером после работы мы все, сидя возле редакции, негромко пели Мишину любимую песню:

Как по Волге-реке, с Нижня-Новгорода,
Снаряжен стружок, как стрела, летит...

И вдруг высоко в звездном небе завыл мотор вражеского самолета. Миша в раздумье сказал:

— Мечтаю только об одном: дожить, дожить до великого дня наступления. Своими глазами увидеть, как погоним мы с Волги эту фашистскую нечисть!

Это была заветная мечта всех нас: увидеть своими глазами! И 19 ноября 1942 года она сбылась — началось наше наступление. Но уже без Миши Соловьева.

За два месяца до этой великой даты политрук и военный корреспондент Михаил Иванович Соловьев погиб на линии огня.

80 танков бросили фашисты под Садовое на маленький участок подразделения, куда в тот день отправился Миша за очередной корреспонденцией. Один из штабных работников 51-й армии видел, как Соловьев в окопе беседовал с бойцами и заносил записи в свой блокнот за несколько минут до танкового удара фашистов.

Первые несколько дней мы ничего не знали. Миша, случилось, неделями пропадал на передовой и не раз принимал участие в боевых операциях. Но потом, когда стало известно про бой у Садового, мы заволновались.

Его друзья-корреспонденты Сергей Зыков, Николай Полтораков и другие бросились на розыски. Они были тщетны.

Миша Соловьев погиб. Но жива незабываемая память о нем. На протяжении всего боевого пути в редакции не раз приходилось слышать, как, желая доказать свою правоту в споре, один работник бросал другому:

— А ты спросил себя, как поступил бы в таком случае Миша Соловьев?

Алексей Палажченко

ВСЕГДА НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

июне — июле 1942 года наше партизанское соединение под командованием С. А. Ковпака и комиссара С. В. Руднева, проходя рейдом по северным районам Сумщины, вело ожесточенные бои с фашистами под Путивлем и Конотопом. В один из жарких июльских дней к нам на заставу пришел коренастый молодой человек с истощенным лицом, в потрешанной одежде.

— Принимайте, товарищи, — сказал он. — Из конотопского концлагеря, от самой смерти убежал...

Потом, уже гораздо позже, я узнал, что родом Филипп Рудь из села Быстрик, Кролевецкого района, Сумской области. В родном селе он окончил школу, на пятнадцатом году стал комсомольцем, вожакom сельской молодежи. Тогда же в конотопской окружной газете «Селянські вісті» начали появляться интересные корреспонденции с подписью «Филиппок». В одной из них сообщалось о культурном событии в жизни когда-то глухого полесского села — в центре Быстрика впервые заговорило радио; во второй селькор рассказывал, как комсомольцы борются за новый советский быт; в третьей под названием «Быстрицкие болячки» остро критиковались местные кулаки, срывающие хлебopоставки государству. Так сельский комсомолец-активист Рудь на всю жизнь связал свою судьбу с газетой. Об этом он образно рассказал в статье «Как я стал селькором», напечатанной в одном из номеров «Селянських вістей».

«...Помню осень, хмурую, дождливую. В сельсовете меня остановило объявление, что в Конотопе будет издаваться окружная газета и к участию в ней приглашаются селькоры.

Через некоторое время почтарь принес в избу-читальню газеты, и среди них — «Селянські вісті». Жадно я прочел ее, записал в блокнот адрес, а вечером написал свою первую заметку в редакцию. На третий день крестьяне в селе говорили: «И о Быстрике уже в газетах пишут». Я аж подпрыгнул от радости, увидев свою заметку в газете...

С того времени я начал писать в «Селянські вісті»... Подписался на целый год на журнал «Селькор Украины», потому что без него селькору, как красноармейцу без винтовки. Организовываю кружки селькоров и «друзей газеты», берусь за оживление стеной печати в селе...

Через некоторое время Филиппа Рудя выдвигают в райком комсомола, а потом как одного из лучших селькоров переводят сотрудником редакции «Селянських вістей». С большой энергией берется юноша за дело. Он выезжает в села, пишет стихи, интересные корреспонденции, выступая на самые злободневные темы. Это была первая школа молодого журналиста.

В начале 30-х годов Черниговский обком партии направляет Рудя на Бурынский сахарный завод редактором многотиражки. Рабочие этого завода — уже пенсионеры — и сейчас добрым словом вспоминают неугомонного и общительного журналиста, который всегда находился в водовороте жизни.

Там, в Бурине, молодой журналист ведет большую общественную работу, упорно учится, читает художественную и политическую литературу, поступает на заочное отделение Ленинградского института журналистики. С каждым материалом крепнет его перо, и вот уже статьи, очерки, стихи Филиппа появляются в республиканских газетах и журналах.

То было бурное время, когда Коммунистическая партия, осуществляя ленинский план построения социализма в стране, подымала народные массы на большие свершения. На глазах молодого журналиста неузнаваемо менялось лицо родной земли, формировался новый, советский человек. И Филипп Рудь пишет восторженные стихи о наших достижениях, о строителях социализма, о том новом, что каждый день приносило стремительное время.

Во второй половине 30-х годов молодого коммуниста Рудя переводят в редакцию черниговской областной газеты «Більшовик», а через несколько лет способный журналист уже работает корреспондентом республиканской газеты «Советская Украина» (ныне «Правда Украины») по Черниговской области.

В Чернигове жили и работали украинские писатели Алексей Десняк и Михаил Хазан, подрастали молодые литераторы. В этой обстановке мужал и креп талант Филиппа Рудя.

Днем и ночью буду я трудиться
И растить чудесный урожай,
Чтоб струилась в закрома пшеница,
Чтоб богатым был советский край...
Чтобы мирно спали в доме дети,
Мать спокойно, радостно жила,
Чтоб Отчизна ярче всех на свете
Песнею и славою цвела! ¹ —

пишет Рудь в стихотворении «Радость матери».

Из-под пера Рудя выходят свежие, волнующие строки:

Не страшит нас грозовая туча.
Оттого и счастлив ныне я,
Что непобедима и певуча
Юность комсомольская моя.

Это была действительно непобедимая и певучая юность не только автора стихотворения, но и всех его сверстников, юность строителей социализма.

Черной бурей ворвалась война. В корреспонденциях, печатавшихся в то время на страницах «Советской Украины», Рудь писал о том, как трудящиеся жертвуют свои денежные сбережения в фонд обороны, о хорошем урожае, зреющем на колхозных полях, о подготовке школ к новому учебному году. В газете «Більшовик» он напечатал интересный материал о герое гражданской войны Николае Щорсе, которым восхищался всю жизнь.

С первых же дней войны Рудь решил, что его место в рядах защитников Родины. Филипп идет в горвоенкомат с просьбой послать его в Действующую армию. И в августе 1941 года Филипп Сергеевич Рудь — военный корреспондент на Юго-Западном фронте.

¹ Здесь и далее стихи Филиппа Рудя печатаются в переводе на русский язык поэта Петра Сынгаевского.

В оборонительных боях под Киевом и Черниговом, на тяжелых дорогах отступления степями Полтавщины Филипп Сергеевич всегда находился в войсках. Он воевал в эти грозные дни и пером и винтовкой. Поздней осенью воинская часть, в которой был Рудь, попала в окружение. Рудь вместе с однополчанами вырвался из вражеского кольца и пробился на восток. В одной из ожесточенных схваток с гитлеровцами погибли все его товарищи. Измученному долгими скитаниями Филиппу никак не удавалось перейти линию фронта. Он услышал от крестьян, что на севере Сумщины действуют партизаны. И Филипп пошел туда. Но в родном селе, куда он зашел повидаться с матерью, на его след напали местные полицаи.

...Застенки гестапо, темные сырые камеры конотопской тюрьмы, кошмарные дни и ночи в фашистском концлагере не сломили коммуниста. За несколько часов до казни Рудь с помощью местных подпольщиков убежал из лагеря и присоединился к партизанам.

Смелый и находчивый боец, отзывчивый и добрый товарищ, Рудь быстро завоевал доверие и уважение партизан. Сначала он был рядовым бойцом, а потом стал политруком второй роты Путивльского отряда. Бойцы горячо полюбили своего друга и политического воспитателя, служившего примером и в боях и в походах.

Вскоре партизаны узнали о Филиппе Сергеевиче и как о способном журналисте и талантливом поэте. А случилось это так. Приближалось 8 сентября 1942 года — годовщина со дня организации Путивльского партизанского отряда, ставшего боевым ядром всего соединения.

— Вот было бы хорошо, товарищи, выпустить к нашему празднику печатную партизанскую газету, — высказал как-то вечером у костра свою заветную мечту комиссар Руднев.

— Это идея, Семен Васильевич! — обрадовался Филипп Рудь. — Я охотно возьмусь за это дело.

— И партизанскую песню попробуешь написать, ведь до войны много хороших стихотворений в газетах и журналах напечатал, — заметил секретарь партбюро Яков Григорьевич Панин, знавший Рудю еще в 30-е годы по совместной работе в Буряне.

Здесь же, у костра, коллективно дали и название будущей газете — «Красный партизан». А на завтра на заседании партбюро создали редколлегия, редактором утвердили политрука Рудю.

Опытный газетчик с воодушевлением взялся за любимое дело. Он заказывал статьи, расспрашивал у партизан о прошедших боях и диверсиях, беседовал с отличившимися бойцами и командирами...

Особенно заинтересовал редактора знаменитый Веселовский бой, вошедший в историю ковпаковцев как боевое крепление всего партизанского соединения. Произошел он 28 февраля 1942 года в селе Веселом, Сумской области.

Соединение насчитывало тогда около 700 человек. Мало было пулеметов, не хватало патронов. Даже винтовку не каждый партизан имел. Все это нужно было добыть в боях.

...Противник, во много раз численно превышавший партизан, вот уже несколько дней преследовал соединение, стараясь загнать его в невыгодные для ведения боя условия, окружить и уничтожить. Разгадав намерения и планы гитлеровцев, партизанское командование решило предупредить их удар, взять инициативу в свои руки. Местом оборонительного боя выбрали степное село, расположенное по склонам широкой балки.

Тридцатиградусный мороз. Вокруг, насколько можно окинуть взглядом, белым покрывалом лежит глубокий снег. Партизаны вырыли окопы в сугробах, заняли оборону.

Когда утром на дальних подступах к селу появились колонны противника, комиссар Руднев, осматривая партизанские позиции, воскликнул:

— Товарищи, давайте драться так, чтобы потом о Веселовском бое песни в народе слагали!

Гитлеровцы густой цепью наступали по ровному полю. Их много. Атака следовала за атакой. Но партизаны проявили в этом бою исключительное мужество и храбрость, стойко оборонялись, бросались в контратаки. И фашисты не прошли. Полтысячи гитлеровцев осталось на снегу.

Партизанские батальоны победили. Но кончились боеприпасы. Поэтому, когда на землю опустилась ночь, соединение глубокой балкой незаметно ушло из села, окруженного фашистами, которые на завтра готовили новое наступление.

Шли дни, месяцы героической борьбы в глубоком тылу врага. За это время соединение выросло вдвое, и оружия — трофейного и отечественного — было теперь достаточно. Ковпаковцы провели много больших и малых удачных боев и диверсий, но тот, Веселовский бой запомнился партизанам на всю жизнь.

И вот теперь, готовя газету, Филипп Рудь загорелся желанием написать песню о Веселовском бое.

...Выпуск газеты в условиях рейдовой войны в тылу врага оказался нелегким делом. В типографии не хватало шрифтов, бумаги, краски. Но редактор Филипп Сергеевич Рудь и начальник нашей походной типографии Иосиф Евсеевич Мудрик нашли выход из труднейшего положения. Им помогали многие партизаны. Они вырезали из древесины заглавные буквы, клише, в немецком штабе «взяли взаймы» бумагу.

И вот наконец 8 сентября 1942 года вышел первый номер нашей печатной газеты «Красный партизан». Ее рождение было настоящим праздником для всего личного состава соединения.

В передовой статье «Год героической борьбы» комиссар Руднев, подытоживая боевую деятельность соединения в тылу врага, писал: «...Обстановка нашей борьбы с фашизмом с каждым месяцем все больше усложняется. На хитрость врага надо отвечать удесятеренной хитростью, на удар — во сто крат большим ударом... Нам нужна железная партизанская дисциплина. Бдительность, бдительность и еще раз бдительность от бойца до командира. Каждый партизан должен быть храбрым бойцом, искусным диверсантом и отличным разведчиком. Надо еще больше и теснее связаться с советским населением в оккупированных районах и помогать ему. Надо помнить, что от правильных взаимоотношений с населением зависит успех нашей борьбы и победа над германским фашизмом»...

Это был голос командования, призыв партийной организации соединения, и на него дружно откликнулись все партизаны.

В этой же газете была напечатана и «Партизанская песня» Филиппа Рудя, прославляющая боевые походы и дела народных мстителей. Ребята подобрали к ней мелодию, и она вскоре стала любимой походной песней всего соединения. Ее мужественные и проникновенные слова звенели на полях Сумщины и Приднепровья, в лесах Волыни и Прикарпатья, призывая народ на борьбу против немецко-фашистских поработителей.

Вот эта песня:

Товарищ, сегодня мы песню споем
О трудном, но славном пути боевом,
Как ночью туманной герой-командир

Отряд партизанский на битву водил;
Как хлопцы шагали и в дождь и в пургу
На страх и на лютую гибель врагу;
Как били его богатырской рукой
За древним Путивлем, за Сеймом-рекой.
Приказ был короткий: — Врага не щадить,
Штыком или пулей к земле пригвоздить!
У каждой дороги, у каждой тропы
Валились фашисты, как в поле снопы.
Товарищ, мы вспомним сегодня с тобой
Про этот победный Веселовский бой,
Как мы уничтожили вражеский полк,
Как с честью исполнили воинский долг.
Мы шли, не сгибаясь, в железном строю
За счастье народа, за землю свою,
Чтоб снова на ней, на земле на родной,
Шумели хлеба золотою стеной,
Чтоб яблони снова дымились в цвету,
Чтоб вольная песня неслась в высоту...
О, мать-Украина — родная земля!
Мы вражеской кровью напоим поля,
За все твои раны врагу отомстим,
Живому отсюда уйти не дадим.
Веди ж, командир, свой отряд боевой,
Веди на победный решительный бой!

Свои стихи и песни поэт Рудь писал на родном украинском языке. А «Партизанская песня» была написана на русском. 12 сентября 1943 года, когда советские войска вступили на землю Сумской области, она была напечатана в газете «Правда».

После выхода печатной газеты Рудь еще энергичнее взялся за журналистскую деятельность в тылу врага. Он собирал и обобщал материал о героических делах народных мстителей, посылал корреспонденции в газету «Правда». Много творческих замыслов было у партизанского редактора и поэта. «Дорогая Аннушка! — делился он своими планами в одном из писем жене. — Если бы ты увидела нашего командира Героя Советского Союза товарища Ковпака и комиссара соединения, полкового комиссара товарища Руднева! Какие это чудесные люди! Какие отважные и бескорыстные, какие страстные и задушевные! Это настоящие люди большого сердца. Буду писать о них и, если останусь жив, напишу интересную книгу».

Но не довелось сбыться благородным замыслам партизанского журналиста.

...Осенью 1942 года соединение под командованием С. А. Ковпака и С. В. Руднева, готовясь к большому рейду

на правый берег Днепра вместе с брянскими и орловскими партизанами, вело ожесточенные бои против многочисленных частей врага, блокировавших южную окраину Брянского леса. В ночь с 4 на 5 октября вторая рота путивлян вместе с Шалыгинским партизанским отрядом получила задание: проникнуть в расположение гитлеровцев и нанести удар по укрепленному пункту Лукашенково, в котором располагался штаб крупного вражеского подразделения.

Партизаны произвели разведку, благополучно вернулись на исходные рубежи. Населенный пункт, в котором засели фашисты, был опоясан траншеями, крайние хаты по окнам обнесены бревенчатыми заграждениями. В центре стояла батарея. Однако это не напугало народных мстителей. Ночью, под прикрытием темноты, они смело поднялись на штурм вражеского логова.

Бой был нелегким. Вот уже фашисты выбиты из траншей, захвачены орудия, недалеко и кирпичное здание штаба — последний опорный пункт обороняющихся. Но упал подкошенный пулями командир роты Иван Иванович Замула, и наступление на некоторое время приостановилось. Противник усилил огонь и вот-вот мог перейти в контратаку. Тогда послышался голос Филиппа Рудя:

— Ребята! Я принимаю команду. Не останавливаться! Вперед!

Бойцы дружно бросились за своим политруком. Фашисты не сдержали последнего натиска партизан, дрогнули, начали отступать. Но в час, когда победа была уже рядом, погиб наш редактор. Пуля попала в сердце.

На рассвете мы возвращались с победой. Много хороших боевых друзей потерял отряд в эту ночь. Не было с нами и Филиппа Сергеевича.

Более четверти века минуло с той поры. Но до сих пор стихи Ф. С. Рудя не сходят со страниц украинских газет, журналов, литературных сборников и альманахов. В 1960 году в республиканском издательстве «Молодь» вышла книга стихотворений Рудя «Победная молодость» с предисловием автора этих строк. А через год поэт-воин был посмертно принят в члены Союза писателей Украины. Но разве посмертно? Партизанский поэт и журналист Филипп Сергеевич Рудь и поныне стоит правофланговым в боевом строю на переднем крае.

Дмитрий Холендро ПОД ГРОХОТ ПУШЕК

— К остя, что делаешь?

— Пишу стихи...

Многие писали и пишут стихи. Это говорит о любви к поэзии, но, увы, совсем не о том, что каждый становится поэтом.

Константин Герасименко мыслил стихами о жизни, о ее значительных явлениях и страстях; поэзия была для него жизненной потребностью.

Сельский парнишка с Полтавщины, сын учителя и сам учитель по образованию, он жил в Киеве, бродил по солнечным и тенистым каштановым улицам, над вольным даже в каменном городе Днепром, писал и печатал в украинских газетах и журналах стихи. Одна за другой успели выйти до войны его книги «Сентябрь», «Память», «Дорога», «Портрет». Они обратили на себя внимание признанных мастеров, друзей-ровесников, тоже сочинявших стихи, а главное — читателей. У него уже появился свой читатель. Его стихи стали нужными, стали частью людской жизни. Внимание к нему переходило в любовь.

Так всегда бывает с настоящей поэзией и настоящими поэтами, а он был, как писал о нем позже Максим Рыльский, «поэт в истинном смысле слова, прирожденный поэт».

Был...

Но пока еще в том, сорок первом году он надел шинель и в числе первых двадцати украинских писателей отправился на фронт. Время было тяжелое, шли кровопролитные бои.

Константин Герасименко писал домой: «Вчера возвратился из поездки, о которой вспоминаю, как о сне: три раза мы попадали в полное окружение, один раз спаслись совершенно чудом — все находившиеся невдалеке погибли от взорвавшейся бомбы. Сейчас, когда я уже в штабе армии, намного спокойнее».

Но потом были новые поездки, было новое окружение, когда казалось, что выхода не найти, и рука уже нащупывала пистолет, чтобы застрелиться, если внезапно нападут враги и не хватит сил, чтобы справиться с ними, однако и это миновало. Встретились свои, вышли вместе.

Константин Герасименко попал в 12-ю армию Южного фронта. Формировалась новая редакция армейской газеты «Звезда Советов» (прежний состав редакции погиб под Уманью). Здесь нас и свела судьба. С этих дней началась моя дружба с Костей...

Он носил в петлицах «шпалу», был интендантом 3-го ранга, я — два сержантских треугольничка, завоеванных после отстрелявшей свое гаубицы. Между Костей и мною была не только шеренга воинских званий, но и пятнадцать лет разницы, и все же мы прожили остаток первого года войны и половину нового в душевной близости, в постоянном общении, в совместных поездках на передовую и коротании тревожных ночей за белым клочком бумаги с карандашом в руке. Я писал заметки, а он — куда бы ни забросила его редакционная или попутная машина — стихи...

Слышу его голос:

— Митяй! С Гнединым разругался вдрызг! Конеч! Не будет мне тут жизни, это ясно, уйду в строй, буду спокойно писать свои стихи и складывать в планшетку. Или улечу к партизанам. Что-то надо делать...

Он не забывал при этом, что в строю и у партизан придется держать в руках автомат и гранату чаще, чем карандаш, но считал, что если уж там выдастся спокойная минута, то она будет безраздельно принадлежать стихам, без которых нет жизни. Здесь же ему приходилось писать не только стихи, но и очерки, и статьи, и корреспонденции.

Что делать! Ему хотелось писать стихи, а на стихи не хватало времени. Надо было как-то отвести душу. Старший батальонный комиссар Гнедин, наш редактор, неумолимо требовал от специального корреспондента материалов на газетную страницу. С фактическими данными!

Костя садился за стол, закуривал, унимая нервы, и в табачном дыму просил:

— Не мешайте, я пишу кор-р-респонденцию!

Однажды он что-то долго засиделся за редакционным столом. Сотрудники дивились на этот раз его упорству. А на следующий день, 15 сентября 1941 года, в газете появилась «корреспонденция» Константина Герасименко о командире части, из которой мы только что вернулись, под названием «Наш капитан Браславец».

Десять дней у двух донецких станций,
Минами ломая тонкий лес,
Шли на нас в атаку итальянцы
Вместе с негодяями СС...
Признаюсь, нам приходилось круто,
Был поток свинцовый горьковат,
Но всегда в тяжелые минуты
С нами был наш боевой комбат...
После минометного обстрела
В лоб, во фланги, из ближайших сел
Враг хитро, коварно и умело
Танки в наступление повел.
Капитан скомандовал: «Гранаты!»
И под орудийный гром и звон
По почину смелого комбата
Вышел в контратаку батальон...
Так тогда в районе полустанка,
Не страшась ни выстрелов, ни мин,
Мы подбили 18 танков.
Взяли 96 машин,
Захватили 8 минометов.
Мы дрались все крепче, все сильнее,
Горы трупов вражеской пехоты
Полегли за эти десять дней...

Редактора сразила точность фактов и даже цифр, поставленных в стихотворную строку, подкупила правда боевого настроения. В нашей газете это был первый стихотворный репортаж о контратаке, над стихами витала тень жаркой схватки, в строчках слышалась звонкая радость победы донецкого батальона. Костя доказал свое право на стихи, хотя это было нелегко, потому что газета выходила на русском языке и впервые в жизни он писал по-русски, без переводчика.

Был он очень добрым, улыбчивым, но упрямым. Был он с причудами, наш Костя, никому, правда, не досаждавшими. Любил свой изгрызанный мундштук, в поисках его долго хлопал по карманам, прежде чем сесть писать. Любил под-

стилать под чистый лист бумаги киевскую газету, которую носил в кармане. Когда она изорвалась, истрепалась, он заплакал. А то, бывало, расстелет ее на столе или на снаряжном ящике где-нибудь в батарее и скажет:

— Ну вот... Теперь я как дома, в Киеве... Посидите, братцы, тихо, совсем тихо... Ладно?

И уходит в свое, в стихи...

Так буквально под гул артиллерийской пальбы родились его лучшие военные стихи: «Памяти друга», «Настенька Лукьянова», «Рассказ о песне»... Конечно; он писал и статьи и очерки, те самые корреспонденции, над которыми посмеивался. И писал их хорошо. Но душу свою оставлял стихам.

В 1942 году библиотекой Союза советских писателей Украины был подготовлен к изданию и вышел в свет маленький сборничек написанных по-русски стихотворений Константина Герасименко — «На южном фронте». В нем все — от названия до стоящих под стихами дат — не случайно, все несет на себе следы боевой жизни именно этого фронта. Это стихи фронтовика, стихи журналиста.

...С легкой руки Константина Герасименко начал в нашей «Звезде Советов» процветать уголок юмора, и героями этого уголка стали разведчик Ерофей Семушкин и партизан Довбня, изъяснявшиеся веселым райком. С ними крепко подружились бойцы и командиры армии, читатели газеты.

Когда надо было рядом с серьезными стихами написать что-то в уголок юмора или сочинить едкую сатирическую подпись в стихах под карикатурой своего тезки, нашего фронтового художника Кости Зарубы, то Костя-поэт подписывался К. Иринин.

Ирина — это имя жены Кости Герасименко, дочери композитора Михаила Вериковского, авторы оперы «Наймичка». Либретто оперы написал Костя. Он жил как поэт. Любил как поэт — неподдельно, всей душой. Ирине он писал с фронта каждый день, или почти каждый день.

...Мы сидим с Ириной Михайловной в вечернем Киеве весной 1967 года, а на столе перед нами высокая стопа писем, написанных рукой Кости там, в Серго, где наша редакция жила и работала, в доме, окруженном старым парком, или там, в Луганске, где мы заняли этажи городской газеты, или на подножке машины где-то в пути, или на коленке...

Я беру письмо за письмом, узнаю его почерк, читаю:

«...Иногда лягу и мечтаю о таком случае: весной когда-нибудь или летом мы уже стоим где-то впереди, в освобожденном городе, и вот туда приезжает моя Ируся. Подумаю вот так, и легко становится. И работать хочется...»

«...Сегодня вечером у нас были Борис Горбатов и Борис Галин. Вечер прошел как-то необыкновенно. Может быть, потому, что на нашем фронте за этот день были успехи (может быть, по другому поводу), мы собрались и пели песни. Пели украинскую — казачью, пели журналистскую — задушевную.

Погиб журналист в многодневном бою
От Буга в пути к Приднeпровью,
Послал перед смертью в газету свою
Статью, обогренную кровью.

А затем пели «Думы». Пели долго и «со слезой»... Думаю, что скоро всех нас будет ждать радость побед и постепенное освобождение Украины...»

«...Помимо всего, для летчиков мы с Митькой Холендро сделали новогодние стихи и другой матерьял... А сейчас я сижу и пишу тебе письмо. Как видишь, не совсем лирическое. Но лирика отведена в стихи. Прочти их».

И тут же стихи, которыми он отвечал на просьбу жены рассказать о тягестях войны, воспоминание о крохотной дочурке Маринке, которая лепечет что-то свое в колыбели...

И чувствуешь тогда, как неизбежность,
Как волю нашу побеждать и жить,
Что рядом с гневом притаилась нежность,
Которую ничем не заглушить.

И еще в стихах просьба не утомлять дочку рассказом о войне, а лучше рассказать ей сказочку про зайку.

«...Я бывал в ряде сел, отбитых у фашистов. Без преувеличения скажу, что фашисты хуже зверей. Ужасные вещи я видел: насилия над девушками, разбои, грабежи, виселицы — все это факты. Порой газеты даже не все пишут».

«...Оказывается, что поэзия очень нужна на войне, и не правы те, кто утверждал, что «музы молчат, когда говорят пушки». Конечно, может быть, это не то, что называется настоящей, большой поэзией, но это нужное дело...»

«...Я очень хочу, чтобы ты меня сейчас поняла и была потом всегда со мной. Я обязательно должен буду уйти в неизвестность, работать дни и ночи, писать и писать. Я должен написать большое что-то, хорошее. На это потребуются не месяцы, а годы...»

Ему не пришлось написать своей книги о войне, книги, которая была бы обязательно большой и хорошей. Не пришлось узнать, что дочка Марина вернулась в Киев, училась, стала известной актрисой театра... Не пришлось поговорить с ней. Ничего этого не выпало на долю Кости Герасименко.

Нет, неправда! Поговорить с дочерью он сумел. Пусть заочно, но он всегда говорит с нею. И не только подвигом своей жизни, своими стихами, потому что поэт не забыт на родной Украине, во всей своей большой Родине, и после войны вышли его книги «Избранное», «Стихи», «Рассказ о песне» и многие другие. Он говорит со взрослой дочерью словами, адресованными прямо ей. Они написаны на листке, сверху которого напечатан рисунок красноезвездного автоматчика, кидającego гранату:

«Милая моя, родная моя дочурка Мариночка!

Я пишу тебе первое письмо на войне.

Я очень люблю тебя, моя хорошая, смешная и нежная Тюпочка.— Так прозвали мы тебя с твоей мамой-Ирусей. Было это в далеком теплом Ирпене. Ты тогда была совсем маленькая, и ты очень смешно и приятно улыбалась мне, хоть и не понимала ничего...

Ты моя радость и гордость моя.

Я хочу, чтобы ты прочла это письмо через много лет. Когда ты будешь большая... Тогда, наверное, будет хорошее, счастливое время.

А пока, Мариночка, война, и я тебя не вижу. Я только очень часто думаю о тебе. И я сильно-сильно люблю мою славную Тюпочку».

В начале 42-го мы еще ездили по заснеженным берегам Донца. На рассвете, под треск стрельбы, которую вели приближающиеся гитлеровцы, помогали шоферу редакционной полуторки факелом разогревать застывший мотор. Летом начались самые жестокие бои. Гитлеровцы рвались к Волге и Кавказу...

Служба свела, служба и развела меня с Костей. Я был отправлен в газету новой ударной армии. Попрощавшись с Костей, я не думал, что это совсем, навсегда.

А потом узнал, что в октябре 1942 года где-то у черноморского побережья во время ночной бомбежки Костя — он стоял на подножке редакционной полуторки — был смертельно ранен и вскоре умер в госпитале, оставив нам доброе тепло своей улыбки и стихи.

Михаил Шибалис

БОЙ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

В нашу 132-ю дивизию приехал сотрудник газеты 13-й армии «Сын Родины» старший политрук Ришин. Лет семь-восемь назад мы работали вместе в Курске в газете «Молодая гвардия». Потом несколько раз виделись на фронте, и вот сегодня — он мой гость. Высокий, мешковатый, в очках — в нем все по-старому, кажется, ничего военного, хотя в петлицах «шпала» старшего политрука, на боку — пистолет.

— Слышал, что ты назначен сюда редактором, поздравляю, — говорит он, и я ощущаю крепкое рукопожатие.

— Ну, что в вашей дивизии интересного?

Узнаю Ришина — никаких сентиментов, все чувства на замке. Но это только снаружи, а в душе — мечтатель, романтик. Через полчаса, по дороге в политотдел, он вдруг спрашивает:

— «Зою» читал?

— Ну, читал... — отвечаю я равнодушно.

Он резко останавливается, укоризненно смотрит:

— Да понимаешь ли ты, что это такое? Слушай...

Эти детские губы,
сухие огни,
Своевольно очерчены женскою силой.
Не успели к другим
прикоснуться они,
Никому не сказали:
«люблю»
или «милый»...

Я слушаю, а думается о другом. Вспоминается «Молодая гвардия», веселый коллектив комсомольских журналистов, постоянные шутки над Ришиным — длинным, худым и упрямым. Вот мы идем на занятия школы ворошиловских всадников. Вольтижировка по кругу. Ришин на малорослой гнедой кобыле. «Дон-Кихот. Рыцарь Печального Образа!» — слышатся дружеские шутки, а он свирепо смотрит на нас и, стиснув зубы, делает «ножницы». После занятий он едва передвигается, — мы знаем, что ноги у него в крови, что ему до чертиков больно, но уговаривать его бросить это — не всем же быть всадниками — дело совершенно безнадежное. А потом парашютная школа. Ришин подошел однажды ко мне: «Ты секретарь комсомольского комитета или нет?» — «Секретарь». — «Тогда показывай пример. Открывается парашютная школа». — «Что же я должен делать?» — «Прыгать!» Идем с ним в аэроклуб, Ришин предусмотрительно прячет очки. Как ему удалось обмануть врачей — уму непостижимо, но в парашютную школу он попал. Пока шли теоретические занятия, все было ничего. Но неужели дать ему прыгать? Я по секрету говорю инструктору о ришинской близорукости, о том, чтобы он не позволял ему прыгать. Но разве удержишь Ришина? Он добился, чтобы ему разрешили, и прыгнул!

...И уже почти что над снегами,
Легким телом устремясь вперед,
Босиком, последними шагами
Девочка в бессмертие идет...

Ришин обрывает чтение также внезапно.

— Орлеанскую деву... Нет, тысячу, сто тысяч орлеанских дев не сравню с Зоей!

И совершенно неожиданно:

— Как ты думаешь, нам дадут «капитанов»? Смешно, поразительно смешно — «капитан Абрам Ришин»... Что бы сказал мой отец? Честное слово, мне это нравится. «Берлинские заметки капитана Ришина». Чего смеешься? Напишу! Если не убьют, конечно...

Вспомнилось еще, что любимым героем Ришина был Дзержинский. Ришин, вечно ищущий, придумывающий, беспокойный, долго рылся в архивных материалах, побывал в Орле, в Орловском каторжном центре, где Ф. Э. Дзержинский был в заточении в 1914—1916 годах, и дал серию очерков о жизни и борьбе железного рыцаря революции...

В политотделе узнаем новость: сегодня ночью 1-й батальон 498-го полка будет штурмовать высоту «Огурец», откуда противник просматривает нашу оборону. Захват этой ключевой позиции имеет важное значение для успеха будущих наступательных действий на нашем участке фронта.

— Мы идем с батальоном,— тотчас же решил Ришин.— Репортаж о ночном бое. Заметка на первой полосе. Договорились?

Весь день топчемся в отделах штаба. Знакомлюсь с офицерами, представляюсь начальнику штаба дивизии. Командира дивизии еще не видел...

После обеда собираемся идти в полк. Только вышли за деревню — навстречу шагает комиссар дивизии. Внутренне весь подбираюсь, отдаю честь.

— Куда направляетесь?

Жду, когда начнет Ришин.

— В батальон Соболева, товарищ бригадный комиссар.— Ришин делает нетерпеливое движение.— Разрешите идти?

Комиссар смотрит на меня серыми колючими глазами.

— Я вас спрашиваю, товарищ редактор дивизионной газеты...

Начинаю сбивчиво объяснять, что хочу попасть с батальоном на высоту «Огурец» и описать ночной бой. Комиссар смотрит на меня в упор.

— Вы кончили? Теперь слушайте меня.— Взгляда он все время не отводит.— Вы будете находиться на НП командира 498. Это как раз у подошвы. Все сведения сосредоточатся там. Ясно?

— Товарищ бригадный комиссар...

Но он не дает договорить.

— Вы поняли, что я сказал? Повторите приказание.

— Есть находиться на НП 498!

Теперь комиссар поворачивается в сторону Ришина.

— А вам, товарищ старший политрук, не рекомендую идти на высоту...

— Это почему же?

— В бою нужны бойцы, а не летописцы.

Алые пятна заливают Ришину лицо.

— Вы ошибаетесь, товарищ бригадный комиссар. Летописцы нужны всюду, и прежде всего в бою. Я же военный журналист. С батальоном я пойду. Я корреспондент армейской газеты, мне приказывает мой редактор.

Я ждал, что комиссар взорвется от такого не совсем почтительного тона младшего по званию, но он только махнул рукой.

— О вашем упрямстве знает вся армия.

— Благодарю за комплимент, товарищ бригадный комиссар.

Ришин — он весь в этом ответе, в этом разговоре с комиссаром. Независимый, настойчивый, иронически насмешливый.

— Умница комиссар, — говорит Ришин, когда мы остаемся одни. — Что-то в нем фурмановское.

Уже в сумерках недалеко от штаба полка находим батальон Соболева. Он выведен из окопов, готовится к ночному бою. Бойцам раздают боеприпасы, сухой паек. Ришин куда-то исчез, но вскоре появляется с каской в руках.

— Соболев — славный парень. Только взял слово, чтобы я не пристаивал к нему с расспросами. Интервью — после боя, в немецких блиндажах.

Раздается команда «строиться». Приглушенные голоса, гаснущие огоньки махорочных закуток. Впереди, на переднем крае, редкие всполохи немецких ракет и нечастые, для порядка, то короткие, то длинные, очереди дежурных пулеметов.

Пора прощаться. Ришин протягивает руку. Я бы обнял, но нет, он этого не любит.

— Бывай. Завтра увидимся.

Он прощается словно у трамвайной остановки.

Долго смотрю ему вслед. Увидимся ли? С группой штабных офицеров ходами сообщения пробираемся на НП. Он расположен в неглубоком овражке. В тесной накуренной землянке установлена рация и полевой телефон. Все в напряженном ожидании. Так проходит час-другой. Хочется спать. Кто-то протягивает мне котелок с чаем и кусок сахара.

— Хлебни, редактор. Галету дать? — Это командир полка — плотный, подобранный полковник.

— Куда Ваганова девали? — спрашивает он про прежнего редактора. — Неплохой был мужик. К нам-то откуда пришел?

Рассказываю, что из фронтовой газеты.

— Прощтрафился небось?

Вот тебе раз! Нет, говорю, послали на выдвижение, из рядовых литсотрудников в редакторы.

— Значит, сверху вниз выдвинули? Понятно. Да ты не тужи, с нами не пропадешь. Дивизия — одна семья, куда ни ступил — родной дом, все тебя тут знают. А во фронтовой мотаться приходилось по всем концам, верно? Знаю, встречал вашего брата...

Тут зазуммерил телефон, полковника позвали, и больше говорить с ним не пришлось.

Слышу голоса:

«Все готово, товарищ первый. Есть. Так точно. На моих? Двадцать три ноль-ноль. Понял. Разрешите начинать? Есть!»

Штурм высоты начался тихо, без единого выстрела. Где-то слева и справа от нас сквозь проделанные с вечера проходы в минных полях ползут вслед за саперами и разведчиками бойцы батальона Соболева. Выхожу из землянки, стараюсь взглянуть в темноту, прислушаться. То тут, то там, будто над самой головой, с высоты взлетают ракеты, озаряя фиолетовое небо бледным светом. Но вот ракеты зачастили, нервно, торопливо зацокал немецкий пулемет, за ним еще один, и поднялся, словно собачий лай по деревне, огневой переполох. Значит, наших обнаружили?

В беспорядочную дробь пулеметов и автоматов врывается сухой разрыв снаряда. Один, второй, третий. Снаряды ложатся где-то за спиной, в глубине нашей обороны. А вот и рядом глухо шмякнулась мина. За ней еще и еще. Над головой противно свистят осколки. В ответ начинает работать наша артиллерия.

Наконец артиллерийская дуэль смолкает. Реже вспыхивают ракеты, только время от времени темноту вспарывают ленты трассирующих пуль и снова наступает тишина...

В землянке беспрерывно звонит телефон. Командир полка у рации. По его лицу догадываюсь: докладывает Соболев, все в порядке.

— Закрепляйся, слышишь? Молодцы! Молодцы, говорю!

Радист все время поддерживает связь с высотой. На ее обратных скатах еще продолжаются схватки с остатками зацепившихся там гитлеровцев. Вдруг радист громко спрашивает:

— Кто тут редактор? С высоты спрашивают. Гришин какой-то.

Полковник глазами показывает мне на наушники. Слышу далекий голос Ришина:

— Передашь моим телеграмму. Оформись сам. Запиши фамилии...

Короткие фразы ложатся в мой блокнот.

Итак, высота «Огурец» наша!

Чуть стало светать. Надо идти на телеграф, в редакцию, чтобы завтра об этом смелом ночном штурме узнала вся дивизия, вся 13-я армия.

На дивизионном телеграфе исписываю две странички, знаю, что больше не возьмут. Ставлю подпись: «Старший политрук А. Ришин». Сержант-телеграфист смотрит на меня с изумлением:

— Так я же знаю товарища старшего политрука. Он высокий, в очках... А вы кто, товарищ старший политрук?

Объясняю, что новый редактор дивизионной газеты. Но этого, оказывается, мало. Приходится брать визу у начальника штаба или его помощника — таков порядок. Тем более что меня еще тут не знают.

Пока иду в редакцию, придумываю шапки. Надо позвонче, с настроением. «Высота наша! Слава героям ночного штурма!»...

Вторая страничка уже сверстана, остался уголок для сообщения Совинформбюро. Первую полосу должен занять материал о ночном бое. Сажусь писать. К обеду страничка набрана, сверстана, вычитана.

Свеженький, пахнувший краской оттиск несу начальнику штаба. Он должен визировать каждый номер. Подполковник Беляев встречает меня хмуро. Вслух прочитывает шапку.

— Вы уверены, что высота наша?

Я чувствую, как холодок пробегает по коже.

— Да... Я был ночью на НП 498.

Беляев зло швыряет цветной карандаш на карту, разложенную у него на столе.

— Пока вы шли оттуда и писали все это, немцы приняли три ожесточенных контратаки. Судьба капитана Соболева и других, кто был с ним, неизвестна. Известно лишь, что наши попытки удержать высоту не увенчались успехом. Так-то, товарищ редактор.

Иду назад, и кажется, будто тяжелые гири повисли на ногах. Почему-то все время перед глазами стоит уходящая в ночь, неясно различимая в темноте колонна красноармейцев и догоняющий ее с каской в руке Абрам Ришин...

Первую полосу пришлось переделать. Вместо звонкой «шапки» остались короткий, сдержанный заголовок «Бои на высоте» и редакционная заметка в одну колонку, набранная

жирным шрифтом. «В ночь на 14 октября бойцы подразделения тов. Соболева совершили смелый налет на немецкую оборону...» Дальше шел скупой рассказ о людях, отличившихся в этом бою.

Всякому было понятно, что высота осталась у противника, хотя об этом не сказано ни слова.

Я завалился на койку. Секретарь редакции Родионов уткнулся в какой-то журнал. Наборщики разошлись. В комнате стояла мрачная тишина. Лампа коптила, поправить фитиль не хотелось. Ночью вернулся литсотрудник Шпак. «Ришин, видимо, погиб...»

Шпак рассказал, что с высоты мало кто вернулся — несколько бойцов всего. Остальные сражались до конца. Подкреплению пробиться к ним не удалось.

...Приняли сводку Совинформбюро: «В течение 14 октября на фронтах существенных изменений не произошло».

Ни в Сталинграде, ни в районе Моздока, ни здесь у нас, под Ливнами, никаких изменений... Нет больше батальона Соболева, нет, вероятно, и упрямого военного корреспондента Ришина, и кто знает, скольких еще людей, скольких отцов, сыновей, скольких друзей недосчитались мы в этот день, 14 октября 1942 года, когда на фронтах шли бои местного значения и никаких «существенных изменений не произошло».

В одном из следующих номеров, в заметке красноармейца И. Сахарова, сумевшего выбраться с высоты, рассказывалось об отваге сержанта Федора Охрименко. В заметке есть и такие строчки: «Участвовавший в этом бою военный корреспондент А. Ришин сообщает о ходе боя командованию и, получив ответную радиogramму, подходит к Охрименко, жмет ему руку».

Это была последняя весточка. Позже выяснилось, что бои на высоте продолжались до 16 октября. В тот день и погиб Ришин.

Меня вызвал комиссар дивизии и велел написать представление в политотдел армии о посмертном награждении героически погибшего в бою военного корреспондента Ришина.

Адриан Барышников
«ЧЕСТЬ БЫТЬ УЧАСТНИКОМ
ВЕЛИКОЙ БОРЬБЫ»

Саша Димеев был человеком удивительно цельным. Последние месяцы его бытия на опаленной войной земле, его подвиг логически завершали всю его жизнь.

В Саше было все, присущее дерзновенным мечтателям с их революционным задором и безграничной верой в торжество коммунизма. Даже своим внешним обликом он как-то отвечал сложившемуся о них представлению: среднего роста, худощавый, как принято теперь говорить, спортивного вида юноша, с высоким лбом, тонким носом и темно-кариими с искорками глазами.

Время его было героическим. И все же он искренне сожалел, что родился чуть поздновато. Что там ни говори, а три революции произошли без его участия.

Мы встретились с Сашей весной двадцать третьего года, через полгода после окончания гражданской войны на Дальнем Востоке. Тогда больше ста коммунистов и активных комсомольцев прибыли со всех концов Приморья во Владивосток, в Совпартшколу, овладевать премудростью знаний.

Мы и не подозревали, что большевизм это целая наука. Все представлялось нам до этого элементарно простым: есть трудящиеся, есть эксплуататоры, власть по справедливости должна принадлежать трудящимся. Открывшиеся же перед нами богатства поразили нас. Названия предметов, вроде «истории экономических структур», казались загадочными и вызывали азартное чувство первооткрывателей.

Саша уходил в один из свободных классов, чтобы его ничто не отвлекало, и, закрыв ладонями уши, а локтями опираясь о стол, вчитывался в труднейшие страницы «Капитала».

— Ребята! — говорил он, возвращаясь в общежитие, держа в руках раскрытую книгу. — Слушайте, что Маркс пишет!

Он вслух читал выдержку из «Капитала» и тут же начинал ее комментировать, все время спрашивая:

— Вы понимаете, вы понимаете, как это здорово?

Мы становились умнее. Мы отчетливее видели всю жизнь в ее движении и развитии. Постигая, каким курсом идет наш корабль, что творится вокруг, какие еще бури ждут нас, мы чувствовали себя как бы на капитанском мостике.

В конце двадцать третьего года в партии развернулась широкая и острая дискуссия с троцкистами, стремившимися свалить сложившееся при Ленине руководящее ядро ЦК.

Саша был тогда секретарем нашей комсомольской ячейки. Он внимательно следил за ходом дискуссии. Были опубликованы решения ЦК, статьи и выступления как сторонников, так и противников решений ЦК. Во Владивостоке оппозиционеры одерживали победы одну за другой. Предстояло собрание школы, которая принимала участие в дискуссии целиком, без разделения на коммунистов и комсомольцев.

В нашей комнате жили шесть человек — четыре комсомольца и два партийца. Мы все были молоды. Самому старшему лет двадцать пять. И Саша сказал:

— Товарищи! Все читали материалы дискуссии? И как?.. Нам завтра голосовать придется. Надо, чтобы не вслепую. Может, поговорим? Как смотрите?

Кто-то засомневался:

— Стоит ли?

— Как так — стоит ли? — горячо запротестовал Саша. — Неужели тебе все ясно? Ух, какой ты умный! А я, например, хочу еще раз проверить, правильно ли все понимаю.

В чтении и обсуждении мы провели добрую часть ночи.

К отдельным тезисам мы возвращались по несколько раз, поворачивая их и так и этак. Правильность линии Центрального Комитета партии становилась для нас все более убедительной.

На собрании от оппозиционеров выступал опытный оратор, приехавший из Москвы. Он соблазнял нас, молодежь, броскими революционными фразами, призывал к широкой

демократии, называл нас барометром революции. Некоторые доводы его казались неотразимыми.

Саша сидел рядом со мною. Он подался телом вперед, даже чуточку приподнялся, весь в напряжении, готовый ввязаться в спор.

Большинство совпартшкольцев, в том числе и наша шестерка, голосовали за линию ЦК.

Саша Димеев был целеустремленным человеком, до конца преданным идеям революции. В двадцать шестом году я приехал к нему и застал знакомую картину. На простом деревянном столе, на стуле, на полу лежали газеты, раскрытые журналы, книги. Многие строчки в них, целые абзацы подчеркнуты красным, синим карандашом.

— Ты понимаешь, как тут получается,— встретил он меня так, словно мы расстались вчера.— Вот какие дела у рабочего класса...

И он заговорил о всеобщей забастовке в Англии.

Идейность — это когда идеям ты подчиняешь всего себя, всю свою жизнь. Димеев был по-настоящему идейным. Не было разрыва между его идеями и его поступками. Все было органически слито. Он находил огромное удовлетворение в причастности к общей борьбе за новый мир. Он любил слова «солдат революции» и всегда хотел быть таким солдатом.

В тридцать первом году Саша с воодушевлением пошел учиться на физико-математический факультет МГУ, считая физику самой революционной из всех точных наук, прокладывающей путь в будущее. Но когда в тридцать третьем году партия послала Димеева редактором газеты одного из созданных тогда политотделов совхозов, он был по-мальчишески счастлив, что дело не обошлось без него, что его посылают на решающий участок фронта бороться за столь нужный республике хлеб. Позже, возглавляя редакцию газеты, выходившей в г. Ленинске-Кузнецком, он думал об угле, который до зарезу необходим стране, совершающей индустриальную революцию.

— По предложению Димеева на шахтах начали издаваться многотиражные газеты,— вспоминает один из сотрудников газеты.— Нужно было видеть, как загорелся он, с каким жаром взялся за дело.

В письме матери, рассказывая об успехах шахтеров, он писал: «Шахты дают все больше угля». Но он не писал, что и его нелегкий журналистский труд способствовал этим успехам.

Мы не встречались с Сашей последние предвоенные годы, и его жизнь я знаю только по воспоминаниям и письмам людей, которые его тогда окружали.

Тамара Георгиевна Баклакова, его товарищ по ленинско-кузнецкой городской газете, рассказывает:

— Он приехал к нам в конце 30-х годов. Я редко встречала людей, которые бы так быстро сходились с коллективом и завоевывали доверие. Мы, тогда еще молодежь, поняли его как-то сразу и потянулись к нему. Мы делились с ним самым сокровенным. Только он первым никогда не лез в чужую душу. Был человеком исключительно чутким. Я помню, как перед войной призвали в армию близкого мне человека. От него долго не было писем. Я ходила несчастная, грустная. А вообще-то я была хохотушка. И вот однажды в морозный январский день прибегаю на работу, и первым, кого увидела, был Александр Федорович. Кричу: «Александр Федорович, миленький, на улице пахнет фиалками, скоро весна...» А он сразу угадал. «Письмо получила?» — спрашивает. И я, скрывавшая от других свою любовь, отдала прочитать ему письмо.

— А как он жил скромно! — продолжает свой рассказ Тамара Георгиевна. — Диван, стол, четыре стула, кровать узенькая, всегда аккуратно застеленная, девичья, да во всю стену книжный шкаф. Огромная была у него библиотека. А я — страстный книголюб. Загляну к нему домой, он работает (я не помню, чтобы он когда-нибудь просто отдыхал дома): то пишет, то читает и делает пометки, готовится к лекции. Спрошу: «Не помешаю?» — «Нет, заходи». Он другой раз и не заметит, как я исчезну. Но знаете, мы больше всего оценили в нем все хорошее, когда началась война. Почти все наши мужчины из редакции и типографии ушли на фронт. А газету надо выпускать. И я стала журналистом. В первый же день войны Димеев послал меня в шахту. Наборщицы стали печатниками. А ведь у каждого из нас в те дни было свое личное горе: проводили на фронт мужей, братьев, отцов, друзей. Помню Зину Наместникову, мать двоих детей. Когда муж ушел на фронт, ее днем водой отливали, а вечером после беседы с Димеевым она приняла под свое начало печатный цех. Я не знаю, когда Александр Федорович спал, когда ел. Он здорово похудел, его мучила малярия. Он сидел за столом весь желтый от акрихина, да еще под зеленым абажуром, в защитного цвета военном костюме. Вид страшный. Мне его было жаль будить, когда он прямо за столом

засыпал. И его очень удручало, что он сидел в тылу в такой трудный момент. Он писал во все инстанции, вплоть до ЦК, просился на фронт. И добился своего, ушел с Добровольческой Сибирской дивизией. Я помню, как радовался Александр Федорович, будто шел не на войну, а на праздник...

А ведь был тогда Димеев тяжело болен. Он обманул врачей. Наверное, это первый раз в жизни он обманул кого-то. Ничто не могло удержать его — ни болезнь, ни любимая работа редактора, ни любовь, пламенем вспыхнувшая в этом уже зрелом, почти 40-летнем человеке. Его любимая скажет потом, что «получила такую любовь, о которой и думать не смела».

В 1942 году Саша писал матери:

«За последние дни в моей жизни произошли большие перемены. Я уже не редактор газеты. В начале июля, в связи с формированием в нашей области добровольческой части, подал заявление и ушел добровольцем в Красную Армию. Получил назначение политруком роты. Дней десять назад сдал дела и сейчас уже в лагерях. Часть будет хорошей, сильной. Она продолжит на фронте славные традиции сибиряков, которые неплохо бьют фашистов. И мы будем хорошо драться. Заявление о зачислении меня добровольцем я подал в первые же дни войны, но его не удовлетворили. Хотя я и понимал, что и в тылу нужно работать, но на душе было как-то беспокойно, нехорошо. Я уже почти потерял надежду, а тут подвернулся такой удобный случай попасть на фронт. Теперь на душе спокойно и тихо: в Отечественную войну я буду в первых рядах коммунистов. Конечно, и без меня страна добьется победы, но я хочу иметь честь быть участником великой борьбы. Иначе на всю жизнь останется на душе осадок, будет мучить совесть».

А вот свидетельство женщины, которую любил Александр Димеев:

— Весь этот год Саша мучился тем, что он не там, где решается судьба Родины, где решается судьба всех нас. Нужно было видеть, с какой радостью он пошел добровольцем. Мне все же казалось, что он должен был остаться здесь... Но что я могла сказать?! Я знаю, что его ничто не могло остановить. И когда он говорил мне о своем решении, то так смотрел на меня, что я не могла сказать другого слова, кроме «иди».

Он недолго был политруком. Работники дивизионной газеты, которую редактировал Ф. Г. Кузнецов, быстро заметили

его, грамотного, партийного человека, имеющего журналистский опыт, и добились перевода в редакцию. Надо сказать, Димеев был не особенно этим доволен.

— Ведь на фронт я приехал затем, чтобы бить фашистов,— возражал он.— И политуком роты я чувствовал себя больше на месте.

Он приходил в редакцию, чтобы сдать материал, а затем снова отправлялся в передовые части. Его постоянно видели вместе с бойцами, в окопах, блиндажах. Он беседовал с людьми о жизни и войне, помогал им писать заметки, рассказывал фронтовые новости, иногда читал им дивизионную газету, стремясь понять, уловить, насколько глубоко проникает их газетное слово в сердца. Он хотел, чтобы газета была подлинным помощником, советчиком, другом солдат.

Это было время, когда дивизия готовилась к тяжелым боям.

Матери он в эти дни писал:

«Мамулька, дорогая моя, любимая моя, самая лучшая мать в мире. Знаю, что тебе много беспокойства я прибавил. Будет болеть твое доброе, хорошее, заботливое материнское сердце за твоего сына. Ничего не поделаешь, мое золото. Время тяжелое, и место мое, коммуниста, на фронте. Не горюй, моя любимая. Ведь ты знаешь, что твой сын всегда старался честно относиться к своим обязанностям, а теперь наша самая святая обязанность — защищать Родину. Завещаю тебя, что не буду трусом, буду хорошо, достойно драться в рядах Красной Армии. Тебе не придется за меня краснеть».

И вот наступил этот день — 25 ноября 1942 года. Войска Калининского фронта, расположенные восточнее города Великие Луки, готовились к наступлению.

Саша Димеев был среди пехотинцев, занимавших рубеж атаки. Но он не увидел победы.

«В первом бою, самом тяжелом, когда наши бойцы прорывали укрепленную полосу противника, смертью храбрых пал ваш сын,— писал его матери редактор дивизионной газеты Ф. Г. Кузнецов.— Он погиб как герой, выполняя боевое задание. Он шел впереди вместе с атакующими бойцами. Рядом разорвалась немецкая мина, осколки рассекли ему шею и попали в грудь».

Конечно, он мог бы не идти в первых рядах. Это была его добрая воля, но он не мог быть наблюдателем. Он не мог не быть впереди.

**Мы не ждали посмертной славы,
Мы хотели со славой жить.**

Юлия Друнина

Федор Кондратьев

ЗВЕЗДОЧКА

Лагерь был взбудоражен. Несмотря на послеобеденный «тихий час», никто не спал. Ребята, вожатые и даже работники кухни толпились на берегу озера и что-то возбужденно кричали.

Когда мы с инструктором физкультуры подъехали на велосипедах к лагерю, нас вначале никто не заметил.

— Что у вас случилось? — спрашиваю у старшей вожатой.

— Настя Звездаина опять начудила, — сердито отвечала вожатая. — Заплыла на ту сторону озера, и теперь не знаю, как ее оттуда вызволить.

Озеро было довольно широкое, примерно с полкилометра, и длинное, идти берегом надо было километра четыре по лесу и болоту. А лодки, как назло, не было.

Мы быстренько разобрали велосипед, сняли камеры, надули их и с этими «спасательными кругами» направились на тот берег.

Настя не стала нас дожидаться и поплыла навстречу. Мы дали ей камеры и без дальнейших приключений вернулись в лагерь.

— Чего это тебе вздумалось ставить рекорды на дальность заплыва? — спрашиваю.

— А чего мальчишки смеются? — ответила Настя. — Говорят: «не переплывешь озера». Взяла да и переплыла. Могла бы и дальше плыть.

Насте Звездиной тогда было 14 лет, она только что окончила Мегрегскую школу колхозной молодежи. Была она невысокая, но плотная, крепко сложенная.

Второй раз Настя заставила меня поволноваться зимой, когда училась в девятом классе олонцевской средней школы. Шли лыжные соревнования школьников.

Настя на первом круге обогнала всех соперниц, пошла на второй круг (старшие девушки соревновались на 10-километровой дистанции). Все были уверены, что она, как это бывало всегда, придет к финишу первой. Но вот дистанцию прошли все участницы, а Насти нет и нет. Ждем еще десять минут, отправляемся искать по трассе. Находим в лесу уходящую в сторону лыжню. Она ведет на окраину Олонца, к больнице. Оттуда с горки спускается Настя. Спрашиваю, что случилось?

Оказывается, возле трассы соревнований катались с горки малыши (в Карелии ребята становятся на лыжи с пяти лет). Один мальчишка неудачно прыгнул с самодельного трамплина и повредил ногу. Настя заметила его падение, не долго думая подняла плачущего парнишку на руки и доставила прямо в больницу.

Такой я знал Настю Звездину, когда занимался пионерскими делами в райкоме комсомола. Знал и то, что в школе она училась отлично, была редактором школьной стенгазеты. Позднее, став редактором районной газеты «Колхозник», я пригласил ее к себе литературным сотрудником. Настя хотела стать летчиком, и в газету пришла лишь тогда, когда медицинская комиссия авиационного училища нашла, что у Насти недостаточно острое зрение, чтобы водить самолеты.

Газета наша выходила тогда на трех языках. Часть заметок печаталась на русском, другие — на финском и карельском языках. Это делалось в интересах читателей района, населенного карелами, русскими и финнами. Звездина специализировалась на родном карельском языке, хорошо знала она и финский. Свои корреспонденции, а затем и очерки она подписывала А. Тяхтинен, что в переводе с карельского означает звездочка. Так ее и прозвали.

«Наша Звездочка все ярче светит», — говорили друзья, когда Насте удавался очередной очерк. А очерки ей удавались, ибо писала она о том, что сама хорошо знала. Она была неременной участницей всех спортивных соревнований (лыжи, плавание, легкая атлетика, велосипед, стрельба), играла в клубе в самодеятельных спектаклях и пела в хоре.

Ей ли не знать, что чувствует спортсмен на тренировке и на дистанции, какие переживания волнуют актера на сцене? Ей ли не понимать обиду сельской молодежи, если долго не приезжает концертная бригада?

Вместе со своим школьным товарищем, редакционным художником Пенти Кемпайненом, научившимся гравировать рисунки на дереве, Настя объездила все деревни и поселки большого района, приобрела сотни новых знакомых и друзей, которые писали ей письма, звонили по телефону, заходили запросто в редакцию.

Анастасия Звездина подавала хорошие надежды. Вероятно, в нашей карельской журналистике она стала бы звездой первой величины, если бы ее жизнь не оборвалась так рано.

...Из редакции Настя ушла в июле 1941 года, когда ее избрали секретарем райкома комсомола.

— Продолжайте считать меня своим сотрудником,— сказала она, переселившись в соседнее с редакцией здание.— Газета все равно останется моим родным домом.

Но события развивались так, что Анастасии все реже и реже удавалось заходить в редакцию. Фронт дошел до нашего района. У Звездиной хватало дел чисто райкомовских. Кроме того, она была политруком санитарной дружины и бойцом истребительного батальона. В истребительный батальон вошли все работники редакции (кроме старушки-корректора), а редактор был еще комиссаром строительного батальона, возводившего оборонные сооружения, и исполнял обязанности заведующего отделом пропаганды райкома партии. Трудно сейчас понять, как мы тогда делали газету, но она все же выходила вплоть до захвата Олонца фашистами...

В 1942 году меня отозвали из партизанского отряда и снова вернули к журналистской деятельности. Тогда в Беломорске, ставшем временной столицей Карелии, я вновь встретил Анастасию. Она была в военной форме с пистолетом на боку. Попытался было пошутить по поводу ее воинственного вида, но девушка была необычно серьезна и на шутки не отвечала.

— Я не имею права, но вам скажу, уверена, что не подведете. Скоро я иду на задание в тыл противника... В известные нам с вами места. Пенти уже где-то там¹.

¹ Пенти Кемпайнен тоже погиб при выполнении специального задания командования.

— Верю, что ты справишься. Верю, что после войны напишешь книгу о военном времени. До встречи в Олонце!

...Встреча так и не состоялась. В июне 1944 года в качестве военного корреспондента я вместе с войсками 7-й армии Карельского фронта вошел в Олонец. От первых же встреченных знакомых узнал трагическую новость: Анастасия Михайловна Звезда погубила от рук фашистских палачей!

В июле 1942 года ее назначили секретарем подпольного райкома комсомола и сбросили с самолета на территорию родного Олонецкого района. Секретарем райкома партии был хороший ее знакомый Михаил Деляев, тоже местный житель, а радисткой — комсомолка Ольга Филиппова.

Подпольщики хорошо знали каждую деревню, каждую тропку в лесах и чуть ли не каждого жителя, знали, с кем связаться, кому довериться, на кого опереться. И скоро фашистские оккупанты почувствовали первые ощутительные удары.

В сентябре взлетел на воздух мост через реку Видлицу, на дороге, по которой оккупанты перевозили из тыла боеприпасы на фронт. В Салми был взорван состав с горючим и снарядами. Той же осенью сгорел Ильинский лесозавод, продукцию которого оккупанты собрались вывозить в Финляндию. В Олонце ночью вдруг вспыхнул гараж, и фашисты потеряли около трех десятков автомашин. Все чаще и чаще взрывались на дорогах мины.

Все это — дело рук патриотических групп, созданных райкомом. Особенно активно действуют комсомольцы. Иван Чонгиев сконструировал радиоприемник и стал принимать и распространять сводки Совинформбюро. Он же начертил карту Ладожского озера, снабдил ею группу военнопленных, бежавших из лагеря. Комсомольца тракториста Богданова фашисты мобилизовали строить аэродром. Он вывел из строя машину и скрылся в лесу. Комсомолец Рухтоев поджег интендантский склад. Учитель Савин, вошедший в доверие к оккупантам, работал связным подпольного райкома.

Олонецкий район для оккупантов имел очень важное значение. Это основной сельскохозяйственный район Карелии, к тому же богатый лесом. Возле Олонца находился штаб армейской группы финских войск, стремившихся от Свири прорвать линию нашей обороны и окружить Ленинград вторым кольцом, чтобы ликвидировать «дорогу жизни», связывавшую блокированный город с «Большой землей».

Подпольщики не только вели пропагандистскую работу среди населения, они добывали для советского командования ценные сведения о войсках противника, его оборонительных сооружениях на Свири, о его коммуникациях. Однажды Настя Звездина проплыла около километра по реке Мегреге, подошла к самой дороге, ведущей к Свири, и целую ночь наблюдала. Утром Оля Филиппова радировала в штаб: «Прошли направлении Лодейное Поле танков — 44, автомашин — 297, орудий тяжелых — 19, среднего калибра — 61, движение солдат непрерывное».

Фашисты скоро поняли, что у них в тылу действует какая-то подпольная организация, и усилили поиски. В деревнях появились объявления с обещанием большой награды тому, кто сообщит военным властям о партизанах и парашютистах или о других подозрительных лицах. Военное командование выделило специальные подразделения для охраны дорог, прочесывания лесов. На дверях каждого дома появились списки жильцов, и если при участвовавших облавах полицейские находили «лишних», всех жильцов уводили в комендатуру, а оттуда чаще всего в концлагерь.

Наступила осень. Подпольщикам стало все труднее скрываться. Знакомых в районе было много. Это и хорошо и плохо. Друг всегда укроет в час опасности, но у Деляева и Звездиной были и недруги. Нашелся предатель, который за тридцать сребреников указал фашистам дом лесника, где холодной октябрьской ночью укрылись подпольщики.

Деляев, Звездина и Филиппова отстреливались от окруживших дом гитлеровцев, отбивались от них гранатами. Тогда фашисты подожгли дом. Подпольщики попытались пробиться через кольцо окружения, но не смогли. Раненных (фашисты стреляли по ногам), их взяли в плен.

Полгода мук и жестоких страданий выдержали коммунисты в фашистской тюрьме, но не выдали врагу ни одной тайны.

17 февраля 1943 года фашисты расстреляли их на окраине Олонца. Насте тогда было 22 года.

От журналистки Звездиной осталось очень скромное литературное наследство. Сохранились статьи в газете да написанная ею листовка, распространявшаяся среди молодежи района, которую финское командование хотело завербовать в свою армию:

«Товарищи карелы! Наша свободная Родина никогда не станет вотчиной финских помещиков. Карелы не будут ра-

бами. Наши отцы отдавали жизнь за счастье народа. Дети должны быть достойны отцов. Никто не возьмет оружия, никто не пойдет против правды, против своей земли, против Красной Армии! Смерть предателям!»

Сестра Анастасии до сих пор хранит письмо, написанное ею за день до казни. В нем есть такие строки:

«Пусть меня расстреляют, но останутся сотни, тысячи, миллионы таких, как я. Они отомстят за кровь моего народа. Да, отомстят. Не сомневайтесь, настанет такой день, и опять засияет над нашей землей солнце счастливой жизни».

И еще одна реликвия. В историко-краеведческом музее в Петрозаводске хранится алюминиевое колечко, подаренное Насте одним из пленных красноармейцев, содержавшихся в лагере вместе с подпольщиками. На внутренней стороне кольца нацарапано: «17. 2. ОТЗАМ». Эту надпись сделала сама Настя.

— Цифры — это дата расстрела. Буквы расшифровываются по-разному. Одни читают: «От Звездиной Анастасии Михайловны». Другие: «Отомстите за меня».

Советские воины отомстили за гибель мужественной патриотки. 25 июня 1944 года ее родной город был освобожден от фашистских захватчиков.

Советский народ оценил ее подвиг. А. М. Звездина посмертно награждена орденом Красной Звезды.

В Олонце одна из улиц названа именем Анастасии Звездиной. Ее имя носит пионерская дружина в школе, где Настя училась. Спортсмены района ежегодно разыгрывают приз бывшей чемпионки района по лыжам журналистки Анастасии Звездиной.

Виктор Портнов

СОЛДАТ — ВСЕГДА СОЛДАТ

Фронтальная фотография — на ней трое, а в живых остался только один — побудила взяться за перо и рассказать о Сергее Николаевиче Сретенском, душевном товарище, талантливом журналисте, прирожденном солдате. И может быть, эти заметки о буднях фронтовых газетчиков помогут молодым журналистам, если наступит грозный час испытания огнем, лучше понять и с наименьшими трудностями найти свое место в боевом строю.

* * *

...В то памятное воскресенье на юго-западе Москвы с утра шел дождь. Намеченную накануне поездку за город отложили, и раздавшийся в 10 часов телефонный звонок застал меня дома. Знакомый голос: «Говорит дежурный. Немедленно явитесь в редакцию».

Москва еще жила своей обычной жизнью. Однако в редакции «Красного воина» уже знали, что войска гитлеровской Германии вторглись в пределы нашей Родины. О начавшейся войне сообщил мне капитан Сретенский: я столкнулся с ним у дверей редакторского кабинета. Ему также было известно, что больше половины сотрудников — старшие инструкторы, все начальники отделов во главе с редактором Михаилом Владимировичем Погарским срочно едут в Винницу: они составят костяк редакции фронтовой красноармейской газеты «Во славу Родины».

— Понимаешь,— с нескрываемой обидой сказал Сретенский,— в редакции я один из немногих строевых командиров, а меня не берут на фронт. Но в тылу я отсиживаться не могу...

Он не знал, что с такой же просьбой к редактору уже обращались почти все сотрудники, оставшиеся в Москве.

В тот же день мы провожали товарищей.

В редакционной комнатухе, каким-то чудом вмещавшей четыре стола, осталось двое «стариков» — Сретенский и я. Здесь и началась наша дружба.

Читатели «Красного воина» конца 30-х годов нередко встречали материалы за подписью военкора С. Сретенского. Сергей с детства увлекался фотографией. Обучаясь в кавалерийском училище, часто присылал в редакцию снимки об учебе и быте курсантов. Став командиром взвода, он начал писать небольшие зарисовки об отличниках, сопровождая их фотографиями. Позже, уже будучи начальником штаба батальона, а впоследствии слушателем Военной академии имени М. В. Фрунзе, Сергей выкраивал время на корреспонденции о стрелковой, тактической подготовке, рассказывал о положительном опыте, критиковал недостатки в обучении.

Окончив академию, капитан Сретенский получил блестящую перспективу продвижения по строевой службе. Но его увлечение журналистикой не осталось незамеченным. Красноармейской печати нужны были журналисты с хорошей военной подготовкой. И выпускника академии, не без нажима со стороны редакции, назначили в окружную газету сначала инструктором, а затем начальником отдела боевой подготовки.

Всесторонне развитый офицер, любивший театр, живопись, спорт, быстро освоил все премудрости газетного мастерства, работал четко, продуктивно. Его репортажи с полей тактических учений неизменно получали высокую оценку. Преобразились даже «методички» — статьи в помощь командирам отделений и взводов. Раньше мы эти методички не без основания называли «дерущими горло сухарями». Теперь они строились на живом, конкретном материале и вызывали большой интерес у читателей.

И вот — война... Внешне, казалось, Сретенский смирился с тем, что его оставили в тылу. Новая обстановка, новые задачи, огромные трудности перестройки на военный лад заставили напрягать все силы, работать без отдыха. «Загон»

материалов мирного времени безнадежно устарел. Командировки в части следовали одна за другой. Привезем материал, отпишемся — и снова в путь.

Сретенский не только оперативно выполнял задания редакции, но часто по своей инициативе ставил и решал важные темы. Однажды он предложил в управлении боевой подготовки штаба округа тему тактического занятия, не предусмотренную учебными планами. Получив разрешение, Сретенский выехал в мотоциклетный батальон. Там в роли инструктора-методиста помог провести показательное занятие «Контратака и преследование противника». Материал пошел в номер. В войсках статью читали с большим интересом, а командиры полков просили у штаба разрешение организовать у себя такие же занятия.

14 августа, находясь в командировке в артиллерийском полку, я получил телеграмму: «Немедленно выехать в Москву». В редакции ждала новость, которую и на этот раз сообщил мне Сретенский.

— Едем на фронт!

Редакцию фронтовой газеты «На разгром врага» сформировали в течение двух суток. Одну треть составили военные журналисты, остальные — призванные из московских газет и журналов офицеры запаса и люди, впервые надевшие военное обмундирование.

В назначенный час мы собрались на Курском вокзале. Нам предстояло следовать в Брянск. Новобранцы-газетчики, словно дыплята вокруг клушки, толклись вокруг Сретенского, сразу пленившего их своей общительностью и добродушием. Подкупала и внешность Сергея Николаевича. Был он высоким, стройным, широкоплечим. Открытое русское лицо, глаза с веселой искоркой. Гимнастерка, туго пережатая широким ремнем, ладно сидела на нем. Справа — пистолет, слева — полевая сумка. Сапоги начищены до блеска. Движения быстрые и четкие. Говорил он не громко, но твердо.

В купе жесткого вагона, где расположился Сретенский, до глубокой ночи теснились журналисты. Расспросы, без конца расспросы. Беседуя о тактике ближнего боя, капитан вспоминал интересные эпизоды похода на Западную Украину, в котором участвовал сам. Терпеливо отвечал на подчас наивные вопросы. Даже показывал, как надо обертывать ногу портянкой.

Редакция с ходу приступила к делу. Вот запись из дневника того времени.

«17 августа. Брянск. Вокзал. Много военных. Девушки из трудовой армии. Беженцы. Разместились в скверике у вокзала. Сложили вещи. Выставили дневального. Умылись у фонтанчика. Объявлена тревога. Ушли на луг. Заместитель редактора Иван Акимович Березин и ответственный секретарь Арон Яковлевич Митлин, распаковав пишущую машинку, печатают заявки на оружие, снаряжение, обмундирование для тех, кого не успели экипировать в Москве. Наш редактор Александр Михайлович Воловец и С. Н. Сретенский уехали в штаб фронта.

Через час Воловец прислал автобус, грузовик и приказ немедленно выехать к месту расквартирования в Брянский лес.

Расположились в сосновом бору на опушке, где кем-то уже были сооружены шалаши.

Минут через тридцать капитан Сретенский по приказанию Воловца построил весь личный состав — офицеров, младших командиров, рядовых и вольнонаемных. Редактор проинформировал:

— Сегодня начинаем делать газету. Первый номер приказано выпустить завтра. Часть материала нам уже организовали.

Воловец сообщил план номера. Распределил по отделам темы основных статей. Дал другие задания.

Разместились по-походному на пеньках, чемоданах. В центре поляны, возле машинистки Аины Яковлевой, поставили ящик — импровизированный буфет с хлебом, колбасой и огурцами.

— Будем работать 24 часа «без абзаца», — сказал старший наборщик Толкачев.

В оперативном отделе штаба узнали, что вблизи дислоцируются батальон связи, подразделения штаба танкового корпуса и некоторые другие, выведенные из боя, части. Товарищи, не занятые правкой, отправились за материалом.

Редактор, заместитель ответственного секретаря Александр Байбиков и наборщики уехали в Брянск. Наша полиграфическая база прибудет позже, и поэтому газету пока будем выпускать в типографии «Брянского рабочего».

Одного из корреспондентов фронтового отдела, отправившегося в часть, постигла неудача. Он вернулся с пустым блокнотом и доложил Сретенскому — задание не выполнил.

— Понятно, — спокойно, с улыбкой сказал Сергей Николаевич. — Сходим туда вместе.

— Но я сильно устал.

— Рановато устали. Ведь мы на войне, и слово «устал» придется забыть.

Отдав выправленную статью машинистке, Сретенский уже тоном приказа сказал: «Пошли!». Подчиненному ничего не оставалось делать, как покорно следовать за начальником. Вернулись оба удовлетворенные.

К вечеру последние материалы были вычитаны и отправлены в город. Начали располагаться на ночлег: кто в шалашах, кто под кустиком, завернувшись в плащ-палатку, положив под голову чемодан или вещевой мешок.

18 августа. Первый номер рождался в муках. Основное полиграфическое оборудование городской газеты демонтировано, упаковано, подготовлено к эвакуации. На остатках делаются две газеты — местная и наша. Не хватает текстовых и заголовочных шрифтов. Однако приказ мы выполнили. Номер газеты, датированный 18 августа, вышел из печати, и значительная часть тиража вечером ушла в части».

Газета ежедневно требовала много материала. С огромными трудностями мы готовили нужные по времени и задачам статьи, корреспонденции, заметки, иллюстрации. Естественно, что основная тяжесть организации материалов о боевых действиях войск легла на плечи работников отдела фронтовой жизни, укомплектованного опытными журналистами. На первых порах ему помогали все остальные отделы.

Член Военного совета фронта приказал готовить специальный номер к предстоящей большой наступательной операции. Разумеется, дня наступления мы не знали. И редактор назначал минимальные сроки выполнения заданий.

22 августа первая бригада — старший Сретенский, начальник отдела партийной и комсомольской жизни — автор этих строк, инструктор Кочкуров, водитель Сабаненко — выехала в Действующую армию под Почеп.

К вечеру добрались на газике до Пьяного Рога. По многим признакам чувствовалась близость передовой. В воздухе непрерывно барражировали вражеские самолеты. Впереди слышались глухие артиллерийские взрывы.

В деревне встретили комиссара стрелковой дивизии. Комиссар сообщил, что противник перед Пьяным Рогом, в пяти километрах отсюда, на опушке леса. Наши части

готовятся к наступлению. А в просьбе — помочь добраться до подразделений — отказал.

— Никуда я вас дальше политотдела не пущу. Почитайте оперативные материалы штаба, политдонесения из полков, побеседуйте с нашими инструкторами.

Накануне в дивизии был тяжело ранен корреспондент столичной газеты, и начальник политотдела получил нагоняй за то, что не уберег журналиста.

— Нам нужны люди с передовой, — настаивал Сретенский, — а времени у нас в обрез.

В конце концов он добился, чтобы нас в сопровождении инструктора политотдела направили на передний край.

Без прикличений добрались до штаба полка. Поздно вечером присутствовали на допросе пленного, молодого, нагловатого, но до смерти перепуганного солдата.

Сретенский, владевший немецким языком, помогал начальнику полковой разведки вести допрос, старался вникнуть в детали действий вражеских мелких подразделений, интересовался задачами, которые ставили пулеметчикам, автоматчикам, пехотинцам.

— Это важно знать, — разъяснил нам свой замысел Сергей, — чтобы по-настоящему учить воевать сержантов и бойцов, противопоставляя тактике врага нашу тактику.

Ночью зарядил дождь. Спали, сидя в машине. Чуть рассветело, и мы по составленному с вечера маршруту отправились в подразделения.

На пути к командному пункту батальона остановились на огневой позиции артиллерийской батареи. Ее комиссар, политрук Матвеев, встретил нас радушно, досыта накормил горячей кашей, помог собрать материал о мастерстве и мужестве оружейных расчетов, в недавнем бою громивших вражеские танки прямой наводкой. Сретенский дотошно расспрашивал артиллеристов о тактике борьбы с танками противника.

На околице деревни Золотая Ветка повстречали саперов, разминировавших дорогу. Командир взвода, безусый лейтенант, час назад был ранен в ногу. Он сам вынул осколок из икры, сохранив его «на память», и сам же перевязал себе рану. Саша Кочуров тут же написал заметку о работе саперов.

— Дальше вам ехать некуда, — резонно заметил лейтенант. — КП засекли и обстреляли; он переместился куда-то влево.

— Газик оставляем в деревне,— принял решение Сре-тенский,— и шагом марш на поиски командного пункта.

Командный пункт батальона мы не нашли. Зато в ло-щине, на опушке березовой рощицы, повстречали стрелковую роту, выведенную на исходный рубеж для наступления. Нам повезло. Рота уже участвовала в боях. Наш старшой и здесь работал как исследователь. Беседуя со взводными и отделенными командирами, интересовался, какие положения Боевого устава пехоты они применяли в бою, вместе с ними чертил схему боевых порядков в наступлении.

В редакцию мы вернулись в срок. Из нашего запаса в спецномер срочно подготовили три материала. Воловец решил коллективно обсудить первый опыт. Но это сразу осу-ществить не удалось.

В ночь на 31 августа вражеская авиация совершила мас-сированный налет на Брянск и дотла уничтожила центр го-рода. Прямым попаданием фугаски разрушена и сожжена типография. Старший на дежурстве Байбиков успел увести всех работавших на выпуске газеты в укрытие, но в огне погиб набор специального и очередного номеров. Удалось спасти лишь заголовок.

Специальный номер решено было делать в Орле, куда самолетом и автомашинами перебросили оперативную груп-пу. За несколько часов по рукописям и черновикам восста-новили утраченные материалы. Наборщики, корректоры, печатники, невзирая на ежечасные тревоги, работали «без абзаца». И все же в срок не уложились. Тираж запаздывал. Дивизионный, так мы звали между собой начальника По-литуправления, требовал во что бы то ни стало отправить газету в войска. Доставка обычными почтовыми каналами исключалась. Тираж развезли в части своими силами, мо-билизовав на это почти всех работников редакции.

В начале сентября редакция получила наконец долго-жданную полиграфическую технику, смонтированную на автомашинах. Жизнь постепенно входила в нормальную колею. Пришла пора подвести некоторые итоги работы. 9 сентября провели первую редакционную летучку. Обсу-дили вышедшие номера, их содержание и оформление, акту-альность и доходчивость. В частности, высокую оценку по-лучили материалы отдела фронтовой жизни.

...Положение на фронте с каждым днем усложнялось. Танки Гудериана лезли напролом. Наши войска отсту-пали, отбивая атаки превосходящих вражеских сил. У нас

не хватало артиллерии, еще меньше было авиации. Нужно было преодолевать вспыхнувшую среди молодых бойцов эпидемию танкобоязни.

«Не так страшен черт, как его малюют» — так называл одну из своих корреспонденций С. Сретенский. В ней детально рассказывалось о действиях расчета противотанкового ружья, метким огнем подбившего два танка. Появилась в газете и памятка бойцу о наиболее уязвимых местах вражеской техники. Газета призывала стоять насмерть, звала следовать примеру героев.

Помнится, вернулся Сретенский из командировки под Тулу, где шли особенно ожесточенные бои.

— Привез то, что сейчас особенно нужно, — говорил он. — Сам не верил, что бутылка с горючим может быть грозным оружием. Теперь убедился.

Рассказ о бойце, который зажигательной смесью вывел из строя три фашистских танка, был «гвоздем» номера.

Сретенский и сотрудники его отдела больше, чем другие, находились в командировках. Перебираясь с одного участка на другой, они нередко попадали в сложные переплеты.

Нас всегда поражало спокойствие Сретенского, и мы чувствовали себя увереннее, находясь рядом с ним.

В начале зимы на одном из участков фронта наметился перелом. Наши части перешли в наступление и освободили Елец.

У отдела фронтовой жизни редакции были отличные связи с оперативным отделом штаба фронта, командующими армиями, командирами соединений. Поэтому Сретенский и другие корреспонденты получили возможность к началу операции попасть на передний край. Передвигаясь вместе с подразделениями либо в пешем строю, либо в штабном броневике, они великолепно выполнили поставленную перед ними задачу. В нескольких номерах газета опубликовала ряд репортажей о ходе боев за город, интервью с генералом, под командованием которого были разгромлены две пехотные дивизии и освобожден Елец, статью командира и политработника дивизии о боевом опыте наступления, корреспонденцию сержанта о маневре стрелкового отделения, две статьи майора С. Сретенского под краткими, но выразительными заголовками — «Преследование» и «Бой на окружение».

Из донесений, поступивших в Политуправление фронта, стало известно, что политработники без подсказки сверху

провели коллективные читки статей Сретенского. Неожиданно для нас материалы, казалось бы, сугубо тактического характера приобрели большое звучание. Бойцы, измученные оборонительными боями, увидели, что врага можно не только остановить, но и в три шеи гнать с родной земли.

Размышляя о месте корреспондента в бою, приходишь к убеждению, что порой мы поступаем не совсем правильно, отражая лишь героическую сторону работы журналистов — скромных тружеников войны. В жизни все было и проще и значительно сложнее. Многие, уезжая в командировку, оставляли письма родным, понимая, что могут не вернуться в редакцию. Трусов среди нас не было, но смерть подстерегала на каждом шагу: на фронтовой дороге, в блиндаже командира батальона, при переходе по заминированному участку в роту и даже в глубоком тылу.

Помнится, на привокзальной площади тыловой станции мы видели, как вражеский самолет-разведчик повесил в районе железнодорожного узла осветительные ракеты на парашютах — ориентир для бомбардировщиков. А затем, пользуясь отсутствием противозенитного прикрытия, на бреющем полете прошел над крышами зданий и дал длинную очередь из пулемета.

— Ложись! — крикнул Сретенский, но сам не показал пример. Мы стояли по колено в грязи и у нас не было никакого желания бросаться наземь. Мы видели, как пули прострочили черную жижу буквально в нескольких сантиметрах от наших ног.

— Мазила! Хреновый стрелок! — крикнул Сергей и дал несколько выстрелов из пистолета в хвост уходящему самолету, чтобы, видимо, сбить нервное напряжение.

Так было в жизни.

С тревогой и нетерпением всегда ждали мы возвращения товарищей с переднего края. Меньше всего говорили о личных переживаниях. Однажды ночью мы приехали из командировки, промерзшие до костей, чертовски усталые, голодные. Сергей быстро поднялся с постели. Поставил на стол кастрюлю с тушеной картошкой, которую хранил, обернув газетами и одеялом, принес чайник с кипятком.

— Молодцы, что прибыли невредимыми.

Набросившись на еду, мы, кажется, даже не поблагодарили Сергея за внимание и заботу. А он уже расспрашивал, что привезли интересного для первой и второй полос, на которых шли материалы фронтового отдела.

В газете систематически публиковались приказы Военного совета о награждении орденами и медалями бойцов, командиров и политработников нашего фронта. Первые награждения состоялись в дни, когда мы еще отступали. В скупые наградные списки включались имена храбрейших из храбрых. В их числе был и майор Сергей Николаевич Сретенский, удостоенный ордена Красной Звезды. Коллектив гордился первыми журналистами-орденоносцами. Приятно было сознавать, что тяжелый труд фронтового газетчика приравнен к ратному подвигу солдата.

В парткабинете Ельца 1 января 1942 года состоялось вручение наград летчикам и журналистам. Я помог привинтить Сергею орден к гимнастерке, сердечно поздравил его, выразил уверенность в том, что эта награда не последняя. В тот вечер после скромного праздничного ужина Сергей высказал мне свою сокровенную думу:

— Пойми, не могу я больше в редакции работать. Мне воевать положено, а я тут собираю и правлю заметки...

— Твои военные знания очень нужны газете,— доказывал я.

— Ничего, теперь все уже научились писать о войне. Обойдетесь и без «академика».

— Убежден, что ты больше приносишь пользы фронту, обобщая и распространяя боевой опыт.

Несколько позже об этом же Сретенский разговаривал с редактором, в Политуправлении, но ни у кого не получил поддержки. Подчинившись военной и партийной дисциплине, он с головой ушел в редакционную бучу, по-прежнему энергично вел самый «горячий» отдел газеты.

Вскоре по инициативе Сретенского у нас появилась «Фронтовая библиотечка красноармейца». С ярой настойчивостью он обосновывал ее необходимость.

— Газета прочитана,— говорил он,— а потом идет на сигарки. Она сделала свое дело. Но ведь ее страницы впитали фронтовой опыт, запечатлели подвиги героев, учили искусству воевать, презирая смерть во имя победы. На смену павшим и раненым приходит пополнение. Как передать новобранцам накопленный опыт? Может быть, следует издать наиболее ценные статьи...

Идею создания библиотечки начальство одобрило. Задумали выпустить несколько малоформатных брошюр (чтобы можно было хранить их в нагрудном кармане), посвященных боевому опыту отделений, расчетов, бойцов. Например,

в книжечке «Одиночный боец в наступлении» собрали газетные статьи красноармейцев и сержантов о различных сторонах действий в ближнем бою стрелка, пулеметчика, бойца-наблюдателя, связного. Короткие статейки сопровождались ссылками на Боевой устав пехоты, иллюстрировались несложными схемами, таблицами.

Первую серию библиотечки набрали и отпечатали в типографии областной газеты «Тамбовская правда». Рабочий коллектив выполнил фронтовой заказ в очень короткий срок.

В марте 1942 года я был назначен редактором газеты «В бой, кавалеристы!» 8-го кавалерийского корпуса, который спешно формировался для глубокого рейда по тылам врага.

Вечером прощался со Сретенским. В комнате, где мы жили, я застал Сергея за необычным для фронтового быта занятием. В самодельную картонную коробку он аккуратно укладывал незатейливую деревянную игрушку, несколько пачек галет и кубики «какао с молоком» — этим деликатесом нас изредка снабжал фронтовой военторг. Посылочку он готовил для отправки в далекую Кировскую область, в деревню Булычи, где жили в эвакуации его мать, жена и сынишка.

Беседа затянулась далеко за полночь. Сергей, начинавший военную службу кавалеристом, дал много ценных советов. Как все это пригодилось журналисту, которому впервые в жизни пришлось садиться на боевого коня!

Поддержку друзей я ощущал всегда, хотя нас и разделяли десятки километров.

Однажды поздно ночью, когда в своем малолощадном хозяйстве, выполняя функции радиста, я сидел с наушниками у ради и сквозь свистопляску помех принимал сообщение «От Советского информбюро», посыльный с узла связи принес телеграмму: «ИЗ САМОРОДОК НЕВА ПРИГЛАСИТЕ К АППАРАТУ в 16-30 16/4 42 ГОДА РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ В БОЙ КАВАЛЕРИСТЫ ПОРТНОВА ПРОСИТ СРЕТЕНСКИЙ».

К назначенному часу я был в хате, где размещался корпусной узел связи. Солдат-телеграфист, поколдовав на клавишах, выбил фразу «У АППАРАТА ПОРТНОВ». После небольшой паузы старенький «Бодо» застрекотал, и под этот аккомпанемент медленно поползла узкая лента: «МАЙОР СРЕТЕНСКИЙ У АППАРАТА ПРИВЕТ ТЕБЕ ОТ МЕНЯ

И ШУМИЛОВА МЫ НАХОДИМСЯ В САМОРОДКЕ СПЕЦКОРИМ ОТСЮДА УЖЕ ДВЕ НЕДЕЛИ ХОТЕЛИ ПОПАСТЬ К ТЕБЕ НО ДОРОГИ НЕ ПУСКАЮТ РАС-СКАЖИ КАК ТЫ ЖИВЕШЬ И ВЫПУСКАЕШЬ ГАЗЕТУ».

Под диктовку телеграфист выбил ответ: «ЖИВУ ХОРОШО УСЛОВИЯ РАБОТЫ НЕВАЖНЫЕ РЕБЯТА БОЕВЫЕ НЕТ СЕКРЕТАРЯ РЕДАКЦИИ ВЫХОДИМ РЕГУЛЯРНО ЧЕРЕЗ ДЕНЬ».

Аппарат умолк. Будничный эпизод. А сколько прибавил сил и влил бодрости этот неожиданный разговор по прямому проводу!

Кончилась весенняя распутица. Сергей выполнил обещание, приехал в корпус.

— Решил заглянуть к тебе, хотя и пришлось сделать крюк.

Удивился, что нашел редакцию в первом эшелоне управления корпуса.

— Тебе положено быть во втором эшелоне, вместе с подразделениями тыла.

— Здесь лучше кормят,— отшутился я.— А серьезно говоря,— безопаснее, надежнее охрана, полнее информация о положении дел в подразделениях, и начальство рядом. Правда, комиссар взял с меня слово, что по тревоге я раньше других снимусь с места.

Расспросив о редакционных делах, поделившись новостями, отругав за то, что не пишу во фронтовую газету, Сергей умолк. После небольшой паузы сказал:

— А все же я уйду в строй...

Я не стал его переубеждать.

Еще раз мы встретились со Сретенским в городе Ефремове 18 августа на праздновании годовщины со дня выхода первого номера газеты «На разгром врага». Поднимая первую солдатскую чарку за победу в войне, Сергей радостно шепнул: «А рапорт мой кадровики уважили».

Через неделю в связи с обострением туберкулеза меня откомандировали в тыл на лечение. Снова встреча в Ефремове, и на этот раз последняя. Сергей на трофейном мотоцикле, подаренном ему командармом Беловым, отвез меня на вокзал. Мы по-солдатски обнялись, дали слово писать друг другу.

В начале зимы товарищи из фронтовой газеты сообщили мне, что майор Сретенский назначен командиром стрелкового полка.

О последнем этапе жизни Сретенского рассказал Саша Байбиков, сменивший его на посту начальника отдела.

...Уезжая к месту нового назначения, Сергей Николаевич признался в кругу друзей:

— Все-таки больно расставаться с газетой. Ведь частицу своей души оставляю здесь. Уговор, братцы,— не забывайте о тех, кто ушел от вас. Милости прошу в полк.

Редакция не теряла связи с товарищем, сменившим перо на штык. Спустя месяц журналисты побывали у Сретенского. Сергей Николаевич рассказал им:

— Представился я командиру дивизии, и вижу тень недовольства на его лице. В откровенной беседе выяснилась причина. «Вы, газетчики, народ вольнолюбивый, а нам нужна твердая дисциплина. Беспокоюсь, сумеете ли вы скоро перестроиться». Через неделю комдив приехал в полк. Придирчиво осмотрел все хозяйство — от наблюдательных пунктов до полевых кухонь, зорко следил за моими действиями. Под конец сказал: «Рад, что вы успели уже многое сделать...»

Газетчики тоже внимательно присматривались ко всему, что делалось в его полку, и увидели немало поучительного.

На фронте стояло затишье, но затишье перед бурей. И командир полка делал все необходимое, чтобы люди не размагничивались. Приказал продолжать совершенствовать оборону, организовал тренировки только что прибывшего пополнения. По распоряжению командира полка лучших стрелков отобрали в команду снайперов. И фашисты не знали покоя. Изю дня в день рос в полку снайперский счет мести.

— Воюем помаленьку,— говорил Сретенский друзьям-газетчикам,— и готовимся к большому делу. Вот тогда приезжайте брать интервью.

К сожалению, никому из редакции не пришлось побывать на этом участке фронта, когда полк Сретенского пошел в атаку. Но вся редакция радовалась, публикуя очередной список награжденных, в котором значился и подполковник Сретенский Сергей Николаевич. Он был награжден орденом Красного Знамени. Спустя некоторое время в редакции стали известны подробности боевой деятельности Сретенского.

Враг предпринял контратаку. Сил у него тогда было больше, чем у нас. Полк Сретенского попал в окружение. Жестокий бой сопровождался огромными потерями, но

люди не дрогнули. Командир появлялся там, где создавалось наиболее опасное положение. Полк с честью вышел из окружения. Бойцы долго вспоминали о том бое, тепло отзываясь о своем командире. «Тут снаряды рвутся, мины воют, пули свистят, а он подползет к пулеметчику, обнимет и скажет: «Держись, друг, наша возьмет!» Да разве после этого на сердце не станет легче!»

В февральскую стужу 1943 года пришло известие о гибели Сретенского. Вместе с его однополчанами редакционный коллектив тяжело переживал это горе.

Шло наступление наших войск. Полк Сретенского продвигался вперед. Командир выбыл из строя в тот момент, когда менял свой наблюдательный пункт. Вот рассказ очевидца — начальника штаба полка Павла Федоровича Пальянова.

— Мы наступали в направлении Ивань-Вторая. 17 февраля передовые подразделения ворвались в деревню и с ходу заняли одну улицу, а на второй противнику удалось закрепиться. Попытки захватить другую половину деревни или хотя бы вклиниться в нее успеха не имели. Сретенский предложил мне зайти в одну из хат и там наметить дальнейший план действий. В хате я достал карту, разложил ее на столе, и мы стали уточнять обстановку. Вдруг за стеной раздался взрыв. Сретенский медленно склонился над картой и сказал: «Пальянов, меня ранило». С группой разведчиков я быстро отправил его в медсанбат, а затем в полевой госпиталь, однако ранение было тяжелым. Через двое суток Сергей Николаевич умер на госпитальной койке...

Сретенский покоится в братской могиле рядом с солдатами, которых он водил в бой... Его сын Валерий (ему было всего два года, когда погиб отец), пошел по стопам отца. Сретенский-младший стал офицером, служит в ракетных войсках.

Наталия Толстова 24 ГОДА СПУСТЯ

Время —
вещь
необычайно длинная...

В. Маяковский

Строгое здание Центрального выставочного зала. У входа — огромных размеров плакат «Родина-мать зовет», памятный каждому, кто пережил годы Великой Отечественной войны. Здесь открыта выставка, посвященная 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой.

В залах полумрак. Ярko освещены только экспонаты. Один за другим возникают они перед нами, знакомые и незнакомые: вот страшная в своей неумолимой простоте картина Пластова «Фашист пролетел»; до боли сжимается сердце при взгляде на лаконичный плакат Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!», трудно оторвать глаза от скульптурного портрета мужинской партизанки, этой «русской Ники Отечественной войны».

Откуда-то негромко доносятся песни военных лет, их сменяет инструментальная музыка.

В глубине зала мы издали замечаем большую доску ослепительной белизны. Луч прожектора падает на длинные списки фамилий, начертанных на доске, на облетевшие, темные ветки подмосковной березки, приникшие к скорбным спискам. Это фамилии московских журналистов и писателей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Сколько знакомых и незнакомых имен! Писатели Аркадий Гайдар и Евгений Петров, работники Всесоюзного радио Григорий Нилов и Георгий Стуков, поэт Иосиф Уткин, а это...

У меня темнеет в глазах. Зажмуриваюсь, снова смотрю.

Нет, я не ошиблась: четко черным по белому написано «Г. А. Толстов». Сомнения быть не может: это он, Глеб Александрович, Глебушка, мой младший брат, журналист, редактор газеты 221-й стрелковой дивизии, погибший 20 февраля 1943 года.

Муж осторожно берет меня под руку:

— Вот и встретились наконец,— тихо говорит он.

— Да, да, встретились,— машинально повторяю я.

Мы покупаем корзину цветов и, поставив ее у Мемориальной доски, молча смотрим на дорогое имя.

Брат любил повторять, что «время — вещь необычайно длинная». А какое же оно длинное? Не видели, как пролетело, и вот встретились 24 года спустя.

* *
*

Расставание было в Свердловске 29 мая 1942 года.

Собственно, никто — ни мама, ни мой сын Кирилл, ни я не думали о долгой разлуке, потому что привыкли к приездам и отъездам Глеба.

Вечер был ясный, теплый.

Мы с сыном, юношей 16 лет, пошли проводить Глеба до улицы Хохрякова (есть в Свердловске такая светлая, веселая улица). Шли, смеялись, шутили.

Неожиданно Глеб остановился и сказал:

— Дальше меня не провожайте. Идите домой. Да, если от меня долго писем не будет, тревожиться нет смысла.

— А разве ты...

— Да, уезжаю. Куда — пока неизвестно. Буду работать, как всегда газетчиком. Маме не говорите ничего. Слышишь, мужчина,— обратился он к Кириллу,— умеешь хранить военные тайны?

— Дядя Глеб! Слово комсомольца!

— Не сомневаюсь. Маме и бабушке помогай. А главная твоя забота — учись хорошо, и стенгазету свою не запускай. Потом мне на смену придешь. Ну, до скорой встречи!

— Глеб милый, будь жив и здоров...

Мы смотрели ему вслед, пока он, помахав нам рукой, не скрылся за поворотом.

Нет, мы не думали, что это навсегда. Уж слишком простыми, почти будничными были проводы.

Глеб Толстов был заядлым газетчиком, со школьной скамьи. Он быстро вырвался из рамок классной стенгазеты и стал посылать свои заметки в районные, областные и даже центральные газеты.

— Печатают,— говорил он,— просят писать еще.

Сейчас они лежат передо мной, вырезанные из разных газет и вклеенные в толстые тетради, статьи, информации, очерки юнкора, корреспондента центральных газет, члена редколлегии Глеба Толстова.

Какая у него изумительная зоркость, какое умение видеть жизнь во всем ее многообразии!

В рязанской газете «Рабочий клич», в центральных — «Крестьянской газете», «Учительской газете», в «Бедноте» Глеб писал о сельской школе, о пионерских организациях на селе, тревожно сигнализировал о том, что детям трудно приходится в страдную пору, когда они остаются без присмотра, а подчас и работают наравне со взрослыми. После его заметок в район был назначен инструктор по работе с детьми.

В «Комсомольской правде» появился очерк об экскурсии сельских школьников в Крым и на Кавказ.

Когда Глебу было всего 17 лет, «Известия» напечатали его письмо о том, как плохо охраняются памятные места. Вот что писал он о комнате, в которой умер Лев Толстой на станции Астапово: «Комната заперта. Приходится смотреть из прихожей через стеклянную дверь. В прихожей нельзя находиться без отвращения: грязь, вонь, все стены и даже потолок исписаны «литературными упражнениями» посетителей. В комнате все покрыто пылью.

Не в лучшем состоянии и монумент, выстроенный в память Куликовской битвы. Как видно, никто не заботится о памятнике. Роща вокруг него вырублена... Меткими ударами камней сбиты буквы надписи.

В селе Урусово, Троекуровской волости, Рязанской губернии, запущены и могила и памятник первой русской поэтессы Анны Буниной, которую Пушкин называл «русской Сафо».

Не ускользнули от его острого слуха и радиопередачи того времени:

— Ты посмотри,— заявил мне однажды брат (я тогда только что начинала работать диктором Союзного радио),—

ты посмотри, что у вас делается! Сейчас в концерте «Рабочего полдня» лектор пояснял «Камаринскую» Глинки такими словами (я нарочно их записал): «гебраическая тематика», «динамическое сооружение сюжетного содержания». Ты что-нибудь понимаешь?

Я созналась, что нет.

Вскоре после нашего разговора в «Вечерней Москве» появилась статья Глеба «Радио — под контроль рабочей общественности».

С большим теплом писал Глеб в «Новостях радио» и «Рабочем и искусстве» о том, как слушают радио на селе, как «старики не очень-то верят, что с Москвой можно говорить без проволоки», как вечерами, после работы, едут из деревень в пристанционный поселок, где установлен первый громкоговоритель, как мечтают «у себя в хозяйстве завести радио».

Когда брата призвали на действительную службу в Красную Армию, Глеб и там нашел применение своему корреспондентскому перу: в газете «Советское искусство» мы прочли его большую статью — «Армии энтузиазма и техники дать новые песни». В ней он призывал композиторов и всех работников искусств стать ближе к Красной Армии: «В казармы, в палатки лагерей — вот лозунг для работников искусств!» (Таким плакатным языком писалось большинство статей начала 30-х годов.)

В полковой многотиражке «Канонада», где он был ответственным секретарем, Глеб писал и под своей фамилией, и под псевдонимами, и просто без подписи, писал о лагерной жизни, об учебных стрельбах, об уходе за конем, о том, как лихо умеют плясать «казачка» в 9-й батарее, о том, что мало внимания уделяется художественной самодеятельности, и о том, что в полковом клубе бывает скучновато. О многом писал военкор Толстов.

Не написал только об одном, не совсем обычном концерте. Когда его спрашивали почему, он отшучивался:

— Не имею права в газете разводить семейственность.

А было вот что.

Их полк стоял в летних лагерях под Курском. Однажды к ним приехала шефская бригада артистов Всесоюзного радиокомитета. В составе этой бригады была и я.

Встретили нас радушно, с широким русским гостеприимством.

— Бойцы ждут вас не дождутся,— сказал нам за завтраком комиссар,— а одному вашему товарищу будет здесь сюрприз.

Мы принялись расспрашивать: кому? какой? Но комиссар только загадочно улыбнулся и предложил нам пойти познакомиться с концертной площадкой. «Зрительный зал» оказался прелестной лужайкой, окаймленной молодой порослью частого березняка.

Наступил вечер. Мы стали готовиться к концерту. А сюрприза все еще не было.

Я присела на скамеечке за сценой и мысленно повторяла пушкинские строки, с которых начинала свое выступление.

Высокий военный быстро шел по полянке. Я не обратила на него внимания: тут все военные. Продолжала репетировать. Как вдруг:

— Разрешите обратиться! По приказанию комиссара такого-то прибыл в ваше распоряжение.

Я так и ахнула: «Глебонька! Братишка! Вот встреча! Ты это или не ты?»

К нам бежали мои товарищи. Кто-то громко запел:
«Во-от неожиданный сюрприз!»

Глеба окружили, целовали, обнимали, как родного, хоть некоторые видели его в первый раз. Все равно, радость была общей.

Концерт шел с большим успехом. Во время антракта Глеб появился у нас за кулисами и сказал:

— Всем очень нравится. Всех вас знают по радиопередачам. И многим хочется сейчас послушать песни, которые они слышали по радио. Если бы это был концерт по заявкам!

Мы тут же снарядили делегацию к командованию с просьбой разрешить провести второе отделение в форме концерта по заявкам. Разрешение было дано.

Глеб опрашивал бойцов, приносил от них записки с просьбой исполнить любимое произведение.

В заключение все вместе — слушатели и артисты спели «Вдоль по улице метелица метет». Расходясь, говорили: «Хорошо было. Надолго запомнится нам этот вечер».

В июне 41-го Глеб напишет мне из Действующей армии: «Под сенью развесистого дуба пишу это коротенькое письмо из лагерей, знакомых тебе по тому памяtnому концерту».

А двумя месяцами позже — другое письмо: «Враг вступил на курскую землю. Он в том лесу, где были наши лагерь и эстрада, с которой ты читала Пушкина».

Но все это будет потом, а пока мы живем мирной, творческой жизнью.

* *
*

Демобилизовавшись из Красной Армии, Глеб снова вернулся к журналистской работе. На этот раз в газете «За пищевую индустрию», или, как ее любовно называли сотрудники, «Пищевка».

Интересные и полезные мероприятия проводили сотрудники газеты «За пищевую индустрию». Глеб Толстов — всегда среди инициаторов и организаторов этих мероприятий.

«Пищевка» организовала, например, встречу работников искусств с представителями парфюмерно-косметической промышленности. Эту встречу в редакции называли «дегустацией парфюмерной продукции».

В другой такой встрече участвовали школьники 1—3-х классов некоторых московских и подмосковных школ. Редакция газеты собрала их, чтобы дети посмотрели и оценили елочные украшения, изготовленные московскими кондитерскими фабриками.

— Видишь, — тихонько говорил мне Глеб, кивая на ребят, которые придирчиво рассматривали игрушки, — они в этом хозяйстве разбираются не хуже нас, взрослых.

* *
*

Но время шло неумолимо, и он наступил, этот день. Грозный день 22 июня 1941 года...

26 июня Глеб, как записано в его трудовой книжке, был «освобожден от работы в редакции по мобилизации в РККА».

Его направили в Курск редактором дивизионной газеты.

Меня в числе других сотрудников Всесоюзного радио послали на работу в Свердловский радиокомитет.

Связь с Глебом временно прервалась. Он тревожился за нас, пока не услышал меня по Свердловскому радио: «Эфир доносит твои передачи. Сейчас, в тревожные дни войны очень хорошо, что можно, находясь где угодно, слышать твой родной голос».

О том, как слушали радио на фронте, Глеб писал неоднократно: «Вчера вечером, после того как наши штурмовики дали немцам очередной вечерний концерт и после сольных выступлений «катюш» и «андрюш», оставивших у «слушателей» неизгладимое впечатление, я сел у приемника и сразу поймал Свердловск. Ты читала пояснения к концерту из филармонии. Поспешил собрать к приемнику однополчан-уральцев. С заметным волнением слушали они голос своей столицы».

«...Ночами просиживаю у редакционного приемника — записываю сводку Информбюро. Часто безрезультатно: то эфирные разряды, то... наземные. Одно слово пропустишь, и весь труд идет насмарку».

«Если бы ты знала, как мы слушаем вас,— читала я в письме, полученном мною по возвращении в Москву.— В минуты передышки между боевыми операциями собираемся в нашей редакционной землянке и ловим Москву. Вы там в тиши ваших студий даже представить не можете, какой живой водой являются для нас ваши передачи. А у меня гордое преимущество перед другими: я часто слышу голос своей сестры».

* * *

Письма из Курска, куда поначалу был направлен Глеб, приходили часто и носили полуэпический, описательный характер. В одном из них он обрисовал нам подлинную обстановку: «Моя редакция теперь имеет несколько необычный вид: кроме необходимых редакционных атрибутов — пишмашинки, клея и проч., — автоматы, винтовки, гранаты, патроны. Сотрудник, уходя по заданию, кроме карандаша и блокнота берет с собой автомат и патроны. Это не то, что в тиши Рыбного переулка, в «Рыбной» газете¹.

После этого письма долго не было никаких вестей.

И вдруг однажды вечером, когда я, включив микрофон, начала очередную передачу — «Фронт и тыл едины», в радиостудию, нарушая все правила внутреннего распорядка, вошел диспетчер и положил мне на стол телеграмму.

Первым движением было: вскрыть ее немедленно, но сдержалась. Лишь закончив передачу и выключив микро-

¹ «Рыбной» газетой Глеб полусхотливо называл помещавшуюся в Рыбном переулке газету «Рыбная промышленность», из редакции которой он ушел на фронт.

фон, я схватила телеграмму и прочла: «Глеб будет Свердловские подготовьте маму». Подписи не было.

Когда будет? К чему подготовить? Может быть, он ранен?

Уж не помню, как мы сумели подготовить маму, но появление в нашей комнате Глеба — здорового и невредимого не явилось для мамы неожиданностью: она всегда ждала его. Она ждала сына и тогда, когда уже некого было ждать...

Появление Глеба в Свердловске объяснилось просто: после занятия Курска гитлеровскими войсками часть, в которой служил брат, была отведена для переформирования на Урал.

Всего несколько десятков самых мирных километров отделяло его от нас. Но виделись мы редко. Глеба не пускали дела: выпуск радиогазеты, который был поручен ему, полковая многотиражка и корреспонденция в газету Уральского военного округа занимали все время. Даже на праздники он не мог вырваться из редакции.

Зато его полковые друзья бывали нашими частыми гостями. Глеб просил приютить их, приветить, предоставить ночлег.

Из порошинских писем Глеба мы узнавали о его успехах и настроениях:

«Приказом Военного совета Уральского военного округа мне присвоено звание политрука».

«Я — коммунист. Мое место в строю. Туда мне нужно возвращаться».

«Мои московские коллеги успешно подвизаются на военно-журналистском поприще. Вот только мне этого не удастся сделать».

И наконец удалось.

Дорога на фронт была долгой.

Напряженная редакторская работа не прекращалась ни на минуту. Дивизионная газета «Родина зовет!» выходила ежедневно. Настроение и у газетчиков и у читателей было бодрое, веселое, и вдруг, как поется в песне «ехали мы ехали селами, станицами» и вместо фронта попали в Аткарск — тихий, незатемненный городок, где много зелени, пыли и овощей на колхозном рынке.

В Аткарске Глеб пробыл месяца два, по-прежнему выпускал свою газетку, как он любовно называл ее.

* *
*

А через два месяца «снова дым, свистки, толкотня на вокзале»... «Куда пойдет поезд — на север или на юг — вот в чем вопрос».

Поезд пошел на юг. «Мы едем защищать от врага донские степи, Сталинград. Путь наш пролегает мимо утопающих в зелени придонских сел, по широким просторам южных степей. И подумать только, что всю эту красоту, все это богатство топчут, мнут, жгут, грабят фашисты в занятых ими районах!

А степи донские — до чего же хороши, особенно ночью! Луна такая, что не опишешь. Правда, в нынешней ситуации приходится иной раз и пожалеть, почему гоголевский чёрт ее в зародыше не ворует. Вчера ночью при луне нас подкараулил фриц-летчик и сбросил несколько бомб».

* *
*

«Вот мы и приехали на фронт.

На новом месте — первое дело не прописка, а закапывание в землю. В своей щели устроил перекрытие и теперь могу спокойно писать при «свете» самокрутки — попробуй фриц увидеть с воздуха! А сводку наловчился принимать впотьмах.

Газетка наша с сообщениями Информбюро выходит бесперебойно и пользуется популярностью.

Работа идет на полный ход. Иногда, правда, кабинет редактора перемещается под грузовую машину, и принимаю я посетителей, лежа на брюхе. Но дело от этого не страдает. Газетка как будто неплохая: стараемся делать ее интересней, боевитей, чтобы точным прицелом меткого слова помогать бить немцев, которые засиделись на нашей земле.

Читают ее здесь куда с большим, просто с несравненно большим интересом, чем в тылу. Солдаты и начальство наше и высшее довольны».

В одном письме пишет о том, какие хорошие люди подобрались в редакции; есть среди них бывшие газетчики, и все, как один, энтузиасты своего дела. «Наш адрес легко запомнить: ППС 1969, а номер ящика можно не писать, меня и так все знают. Как-никак «маленький, но редактор»». Какая-то озорная, почти ребячья гордость звучит в последней фразе.

А следующее письмо было серьезным:

«Шлю привет с фронта под грохот артиллерийской канонады, шум моторов, перестрелку самолетов, в день, который быть может станет историческим.

Мне присвоено звание старшего лейтенанта.

Твой брат Глеб-фронтовик».

*** * ***

Но дожидаться исторического дня в этих исторических местах старшему лейтенанту Толстову не пришлось.

Их часть перебросили на другой участок фронта. «Со стремительной быстротой мчимся мы к месту своего нового назначения. Мчимся на броневиках, на грузовиках — где на чем.

Живем роскошной жизнью: едим мясные консервы, питательные крекеры, шоколад, курим душистые сигареты. Пригласил бы я вас на званый ужин, да видно придется отложить его до победы.

Писать вам буду редко. А поэтому при длительном отсутствии писем прошу не беспокоиться.

Писем по радио мне не посылайте: мы не можем систематически слушать эту передачу».

Это было его последнее письмо.

Мы так и сделали: первое время не волновались, потом убеждали друг друга не волноваться, а потом тревога нарастала с каждым днем.

В одной из передач «Писем на фронт» я все же написала и прочла ему свое письмо с просьбой откликнуться.

Откликнулись многие: военные, раненные из госпиталей, женщины-матери, сестры. Много теплых, успокаивающих слов, адресованных нам, содержали эти письма.

Не отозвался только Глеб. Первый раз за мою жизнь брат мне не ответил.

Вместо его письма на имя мамы пришло извещение: «Ваш сын... в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге...»

Мы не знали ни где он погиб, ни где похоронен.

Все наши старания узнать о последних минутах его жизни ни к чему не привели. Только из отдельных фраз в письмах его товарищей можно было догадываться, что Глеба постигла трагическая судьба многих, попавших в окружение под Павлоградом...

Анатолий Белошеев

ПОСЛЕДНИЙ СНИМОК

Газета 63-й армии «За Отечество» просуществовала немногим более года. Но навсегда оставила в нашей памяти глубокий след. С нею мы впервые познали радость наступления — радость при виде пусть разрушенных, сожженных, но очищенных от фашистских захватчиков русских и белорусских городов и сел.

* * *

Суровой осенью 42-го года наша армия формировалась в таежном северном краю, готовилась к отправке на фронт. Недостатка в материалах для газеты не было. Из командировок журналисты возвращались с блокнотами, полными интересных фактов о жизни, боевой учебе войск. Единственный редакционный телефон не знал покоя даже ночью. Из гарнизонов сообщали: там батальон отлично провел стрельбы, там состоялся вечер боевого содружества пехотинцев с артиллеристами, там бывалый фронтовик побеседовал с молодым пополнением на тему «Лопата — друг солдата»...

В эти дни в редакции и появился новичок, щеголеватый капитан-москвич.

— Боркин! — дружески пожимая руку дежурному по редакции, отрекомендовался он, тут же добавив:

— Можно просто Ленья.

Представившись затем редактору, перезнакомившись с товарищами и не успев еще как следует осмотреться, встать на все виды учета и довольствия, «просто Ленья» принялся оборудовать походную фотолабораторию, а как только она была готова, махнул в командировку.

Север... Осенние дни там короче воробьиного носа: не успевает начаться рассвет, уже темнеет. Дороги, наоборот, длинные, как полярная ночь. Чтобы добраться до отдаленного гарнизона, приходилось сутками трястись по размытым дождями проселкам на попутных грузовиках. Боркина не пугали эти трудности. «Еще до войны репортером Фотохроники ТАСС исколесил страну вдоль и поперек, бывал и не в таких переплетах», — говаривал он и быстро входил в новую обстановку и армейскую тематику. Он снимал учебные атаки и стрельбы, теплые встречи воинов с местными лесорубами, хлебобородами, снова полевые занятия пехотинцев, артиллеристов, саперов, и газета с его фотографиями сразу стала как-то краше, интересней.

Один из многочисленных фотозтудов Лени, помнится, назывался «Варежки». История снимка такова.

Морозным декабрьским вечером усталый, озябший фотокорреспондент вместе с ротой возвращался со стрельбища, как вдруг на улицу поселка выпорхнула стайка девушек — работниц местного льнокомбината.

— Товарищ командир! — обратилась самая бойкая из них к Боркину, приняв его за старшего. — Дозвольте бойцам два слова сказать.

— Я не командир. Вот командир...

Младший лейтенант, шедший рядом с Боркиным, сперва и слышать ничего не хотел: не положено, дескать, нарушать дисциплину строя. Девушки не отступали. Каждый день они видят солдат, в лютую стужу идущих на учебное поле и обратно в казенных «на рыбьем меху» рукавицах. Можно подарить ребятам вот эти? — и каждая достала новенькие, теплые шерстяные варежки.

— Самы вязали. Всем, конечно, не хватит, но мы от души...

Когда Ленья успел прицелиться и щелкнуть несколько кадров, как получились эти снимки, сделанные без всякого «блика» в густых вечерних сумерках, — загадка мастера. Но этюд отменный. Озорные девчата обступили солдат, примеряющих добротные варежки, и даже сердитый лейтенант «оттаял», счастливо улыбался вместе со всеми.

В январе 43-го редакция вместе с войсками армии выехала на фронт.

Кущуба. Череповец. Бологое.

«Куда-то под Ленинград», — гадали мы.

Леня и в пути не сидел без дела. На коротких стоянках из распахнутых дверей теплушки он без усталости фотографировал следы войны. «Зачем ты пленку тратишь?» — донимали мы его. «Пригодится», — отвечал он, верный привычке снимать впрок, на всякий случай. И верно, пригодилось. Позднее под рубрикой «Ты это видел, боец!» — кстати, предложенной самим же Боркиным — газета использовала большинство снимков, призывая воинов мстить фашистским захватчикам за все преступления, совершенные ими на нашей земле.

Не могу не сказать еще об одной хорошей привычке Лени. Что там скрывать, работа над подписями была ахиллесовой пятой многих наших фронтовых друзей-фотокорреспондентов. Отважные, неутомимые, инициативные в поисках интересного снимка, они, как только дело касалось подтекстовки, шли за помощью к журналистам. Леня писал тексты сам. Пусть потом их капитально правил взыскательный секретарь редакции Ларионов, но Боркин писал сам.

...В составе Северо-Западного фронта 63-я армия была всего два месяца и активных боевых действий, по сути, не вела. Тем не менее у журналистов работы было хоть отбавляй. Первые соприкосновения с передовой, встречи с бывалыми фронтовиками. В Пено, а затем в Заево и Большие Язвища, где базировалась редакция, мы наезжали лишь для того, чтобы разгрузить блокноты, продлить командировки, — и снова за Ловать, на передовую.

Боркина в ту пору мы почти не видели. Днем в войсках, а ночью колдует в фотолаборатории, утром кладет готовые снимки на стол секретарю, и снова в путь — когда он только спал! Зато фронтовые фотонаходки Лени радовали коллектив и украшали газету. Вот по лесной дороге на пополнение танкистам М. Е. Катукова идут новенькие, построенные на добровольные пожертвования хлеборобов Тамбовщины «тридцатьчетверки» с надписью на башнях: «Тамбовский колхозник». Вот бойцы переднего края с любопытством рассматривают только что сбитый, еще горящий фашистский «Ме-109». Вот воздушные десантники читают приказ Верховного главнокомандующего, посвященный 25-й годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота; землянка, сна-

рядная гильза-светильник на столе и лица бойцов, склонившиеся над свежим номером «Правды».

Мы порой от души завидовали Лене: в характере его была поистине неумная страсть первооткрывателя, он всюду поспевал раньше других. Заметив в пути что-либо значительное, первым соскакивал с машины, и, случалось, мы подолгу ждали, пока он вернется. Первым при встрече замечал он на груди знакомого снайпера или бронебойщика еще одну боевую награду, и тотчас «щелкал» героя на пленку: «Пригодится!» Раньше всех отыскивал в лабиринтах траншей и ходов сообщения переднего края пулеметчика, который вчера метким огнем скосил три десятка гитлеровцев, и говорил ему, как старому другу: «Ну-ка, братец, прихорашивайся! Тебя для газеты фотографировали?..»

Леня умел пристально всматриваться в детали и решать темы большого публицистического звучания по-журналистски цепко, вдумчиво, взволнованно.

Весной нашу армию перебросили под Орел.

Помню, однажды, вернувшись с передовой, я между прочим рассказал Лене о том, что в Новосиле, маленьком, безлюдном городке, который подвергался непрерывному и бессмысленному артиллерийско-минометному обстрелу противника, среди бела дня кукует кукушка. Леня выслушал, не проронив ни слова. Потом что-то быстро записал себе в блокнот и заметил: «Надо обязательно подсмотреть и щелкнуть ее. Ты представляешь, какой это будет снимок?! В городе ни души, сплошные пепелища — и кукушка...»

Однако сделать этот действительно редкостный снимок он так и не успел.

5 июля немцы начали мощное наступление на Курской дуге. Завязались ожесточенные бои, и Боркин оказался в самой гуще событий. За одну только эту, без преувеличения говоря, огненную командировку он отснял сотни кадров пленки. Тут были отличившиеся в боях истребители танков, пулеметчики, саперы, сожженные метким огнем новинки фашистской военной техники — «тигры», «пантеры» и «фердинанды», грозные залпы «катюш» по врагу, отправляющиеся на штурмовку противника фронтовые работяги «Илы»...

Уже по разнообразию сюжетов можно представить, сколь вездесущим был в эти дни наш друг — от переднего края до полевого аэродрома. А какой ценой он добывал каждый сюжет!

Вернувшись в редакцию, Леня, обычно не любивший хвалиться, рассказал: чтобы отснять горящий, уткнувшийся длинным стволом орудия в землю здоровенный «тигр», он потратил полдня. С одной стороны к танку нельзя было подобраться, потому что немцы вели непрерывный огонь — головы не поднять. С другой — дым горящего танка застилал и бронированную машину и поле боя. Попросил у комбата двух автоматчиков — на всякий случай — и пополз на ничейную территорию. Да и там пришлось орудовать, не очень-то выставляя объектив фотоаппарата, чтобы солнечные блики от него не выдали противнику «точку лежания».

Голосуя на пыльных фронтовых дорогах — кому охота подбирать многочисленных попутчиков? — пересаживаясь с одной машины на другую, добирался Боркин в редакцию. Он вернулся в ночь на 10 июля. К этому времени наши войска успешно отразили все атаки врага и начали скрытную подготовку к решительному контрнаступлению.

Было ясно: замышляется что-то серьезное. Восторженно говорил об этом и вернувшийся Леня. Ночные бомбардировщики усилили бомбовые удары по скоплениям живой силы и техники противника на железнодорожных станциях Орел, Малоархангельск, Золотарево, Оптуха. Нескончаемые танковые колонны из прифронтовых рощ и балок потянулись к переднему краю. Чтобы заглушить гул их могучих двигателей в ночной степи, бесстрашные «У-2» буквально с вечера до утра «висели» над позициями гитлеровцев. Зайдут на бреющем полете, сбросят несколько мелких противопехотных бомб, наделают переполоха и, выключив моторы, возвращаются за линию фронта. Только уляжется беспорядочная стрельба немцев, «кукурузники» опять за свое.

Мы видели, как всюду по соседству с противотанковыми артиллерийскими полками занимали огневые позиции мощные орудия прорыва — полки РГК. В помощь медсанбатам спешно разворачивались отдельные роты медицинского усиления. Минеры и разведчики без устали утюжили передний край, охотясь за «языками», снимая сотни своих и вражеских мин, проделывая проходы в проволочных заграждениях. Я сам слышал, как замполит батальона Коля Букреев осторожно нацеливал подчиненных не только на стойкую оборону занимаемых рубежей, но и на активные наступательные действия, бои за крупные населенные пункты.

Наступление!.. Пожалуй, лишь редактор газеты Александр Владимирович Колобов в те дни знал о его сроках и

масштабах что-то определенное. Во всяком случае, когда Леня подал ему пухлую пачку снимков, он с интересом перелистал их и заметил:

— Все это хорошо. Но... это уже вчерашний день. Отправляйтесь-ка обратно и привозите то, что будет завтра.

Уезжая вместе с Боркиным, ни Ваня Андреев, ни Наум Железняк, ни я не думали, что вернемся без него.

На рассвете 12 июля войска армии перешли в наступление, а 22 июля редактору позвонили и сообщили, что капитан Боркин погиб. Погиб при выполнении задания газеты.

Мы знали: Леня давно мечтал сфотографировать танковую атаку. Еще на Северо-Западном он не раз подстерегал такой случай. Но лесисто-болотистая местность в тех краях не позволяла танкам атаковать широко, развернутой боевой линией. А одна машина в кадре — какая же это атака!

Степи Орловщины были привольны для любых панорамных снимков. Леня убедился в этом, фотографируя горящий «тигр». И теперь, когда в бой за опорный пункт противника Большой Малиновец устремились наши танки, он, ни минуты не раздумывая, пристроился с десантом автоматчиков на броне одной из машин и приготовился снимать.

Ржаным полем танки подошли к позициям гитлеровцев и открыли огонь. Вместе с первыми десантниками-автоматчиками соскочил с машины и Боркин. Те бросились в атаку, а он припал на колени и начал снимать. Пули свистели над головой, секи спелую рожь. Мины с глухим треском рвались то тут, то там. Надо было знать Ленью в деле — он видел и слышал только мчавшиеся мимо него танки...

После боя его нашли там же, во ржи, с чудом уцелевшей «лейкой» в остывших руках. Осколок мины...

Он похоронен в деревне Ямская Моховского района Орловской области. Приказом по армии капитан Леонид Федорович Боркин посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени.

В войну не принято было печатать некрологи. Мы молча и тяжело переживали гибель друга. А его «Атака» была напечатана в газете — бойцы доставили в редакцию фотоаппарат и документы капитана из газеты.

Как и задумал Леня, в кадре было все: и мчавшиеся, стреляющие на ходу танки, и автоматчики, и кромка чистого неба над примятыми колосьями ржи, и горящая вдаль степь...

Под снимком, как всегда, стояла короткая подпись: «Фото Л. Боркина».

И только мы знали, что это последний его снимок.

Товий Карельштейн

ЧЕЛОВЕК СПОКОЙНОГО МУЖЕСТВА

В редакционном коллективе «Комсомольской правды» старейшего фотокорреспондента Бориса Прокопьевича Иваницкого часто называли коротко — Боб, но в этом нельзя было усматривать и намека на фамильярность, все шло от почтительной ласковости. Он был немногословен, не мог терпеть рисовки, по-ребячьи смущался, когда отмечали его удачу, не выносил малейшей фальши в отношениях между товарищами, вел себя одинаково просто со всеми, с кем его сталкивала газетная судьба, будь то подросток-фабзавученик или нарком, прославленный Коккинаки или начинающий курсант аэроклуба, красноармеец или командующий фронтом.

Задолго до войны мне довелось работать с Иваницким в редакции «Комсомолки», но близко я узнал его, когда мы вместе колесили, а точнее сказать, шагали с частями Действующей армии в первые фронтовые осень, зиму и весну.

Август 1941 года. Враг у ворот Киева. Сюда мы получили первую фронтовую командировку. Здесь уже работала группа военных корреспондентов «Комсомолки» с ее признанным правофланговым Аркадием Гайдаром. То были обстрелянные люди. Двум фотокорреспондентам — Борису Иваницкому, Семену Васильниченко и мне, корреспонденту, предстояло пополнить группу нашей газеты на Юго-Западном направлении.

Фронтовое крещение, очевидно, никогда не тускнеет в памяти. Накануне в гостинице «Континенталь» — штаб-квар-

тире военных корреспондентов всех центральных газет,— сидя на матрасе на полу номера, Аркадий Петрович читал тихим, глуховатым голосом свой очерк «Мост», вскоре напечатанный в «Комсомольской правде» и получивший столь широкую известность. Первыми слушателями были корреспонденты «Комсомолки» — старослужащие Михаил Котов, Владимир Ляковский и новоприбывшие. Под впечатлением этого очерка мы были и утром, когда собрались с Иваницким на передовую.

— Иду с вами,— сказал Гайдар, когда Иваницкий и я, взяв свои пилотки, покидали комнату. Он прихватил винтовку, стоявшую в углу, и стал спускаться по лестнице. На улице нас поджидала грузовая машина. Мы забрались в кузов, и машина покатила по старому Крещатику и дальше по Красноармейской улице. Ехали молча. Смотрели, не могли наглядеться. Строгая и мужественная краса города-сада, ставшего городом-фронтом, надрывала сердце. Залитый утренним солнцем Крещатик во всю ширь перегородила баррикада. Промелькнула девушка в красной косынке у пулемета, ребята с винтовками. В ярко-голубом небе гудели самолеты, от Днепра доносились взрывы. У последней трамвайной остановки мы покинули машину и, предводительствуемые Гайдаром, пошли к Голосеевскому лесу, откуда доносились короткие пулеметные очереди.

— Разрешите мне понести винтовку,— деликатно попросил было я Гайдара, рассудив, что писатель может довольствоваться пистолетом в потертой кобуре, оттягивавшим его пояс. Аркадий Петрович не согласился:

— Нет уж, свою винтовку я привык сам носить.

По пути я рассказал, что мы идем по знакомым с детства местам. Гайдар внимательно, не прерывая, слушал, чуть наклонив голову. Иваницкий заметил:

— Изранили землю. Глядеть тяжело...

Уж много месяцев спустя, после долгих совместных странствий с Иваницким, я узнал, что Борис Прокопьевич учился на агронома, был землеустроителем, потом пристрастился к фотографии, стал работать в газете «Беднота». Оттуда пришел в «Комсомольскую правду».

Гайдар успел коротко объяснить обстановку в районе Голосеевского леса, куда мы шли. Здесь у Сельскохозяйственного института держала оборону 5-я воздушнодесантная бригада полковника Александра Ильича Родимцева, героя боев в Испании, старого друга «Комсомольской правды».

Несколько дней назад десантники нанесли чувствительный удар по врагу на юго-западных подступах к Киеву. Вместе с частями стрелковой дивизии и ополченцами они выбили фашистов с их позиций. Бои были тяжелые, и положение оставалось напряженным.

Чем ближе к Сельскохозяйственному институту, тем заметнее становились следы недавнего сражения. Вековые сосны и дубы изломаны, посерели. Там, где любили располагаться веселые компании отдыхающих киевлян, теперь пролегли окопы. Мы спустились в один из ходов сообщения, показали свои корреспондентские билеты товарищам с голубыми петлицами на пропыленных гимнастерках. К нам подошел подтянутый, худощавый человек с четырьмя прямоугольниками на таких же голубых петлицах. Полковник поздоровался с Гайдаром как с добрым знакомым, пригласил нас всех в «свой уголок».

Родимцев и его бойцы прежде всего стали расспрашивать, когда мы выехали из Москвы, как выглядит Красная площадь, Таганка, Замоскворечье. Насели на Гайдара: намерен ли он после войны писать продолжение «Тимура и его команды», чем был вооружен полк, которым он командовал в гражданскую войну, действительно ли командиру было только 16 лет...

Тем временем Иваницкий с «лейкой» в руке тихо выскользнул из траншеи и ушел с командиром батареи Киселевым. Пока продолжалась беседа, он успел вернуться и шепнул мне, что сфотографировал чудесного комсомольца. «Вы с ним обязательно потолкуйте. Парень первым бросился спасать ящики со снарядами, когда в них угодила немецкая мина и начался пожар»...

Командиру бригады передали трубку полевого телефона. Он послушал и с озабоченным лицом предложил корреспондентам уйти в укрытие. Тут же вокруг стали рваться мины.

— Огневой налет лучше переждать здесь,— сказал Родимцев.

Когда мы возвращались вечером к себе, Аркадий Петрович заметил: «Я спросил Родимцева, что ему пишут из дому. Оказалось, он давно ничего не получал из Москвы от семьи. Я записал его домашний адрес».

На другой день, перед тем как продиктовать стенографистке по телефону корреспонденцию, я передал просьбу всех нас троих: пусть кто-нибудь из девушек отдела писем редакции побывает дома у Родимцева и при очередной передаче

сообщит нам, что там слышно. Не помню, кто из отдела писем выполнил нашу просьбу, но мы смогли сообщить Александру Ильичу последние новости из дома. С этой вестью Борис Прокопьевич помчался в окопы к Родимцеву. Он не стал дожидаться машины, которая уехала на другой участок фронта.

Через некоторое время, когда воздушнодесантная бригада по приказу командования покидала Киев, полковник Родимцев с группой офицеров пришел в нашу штаб-квартиру попрощаться с военными корреспондентами «Комсомолки». Он сожалел, что не застал Аркадия Петровича, просил передать ему сердечный привет от бойцов бригады и выразил надежду, что еще встретится с ним на фронте. Этой надежде не суждено было сбыться.

В очерк Гайдара «У переднего края», напечатанный в «Комсомольской правде», вверстан фотоснимок Иваницкого. Это очерк из той части, куда поехал Гайдар, а снимок — из бригады Родимцева.

Не раз я наблюдал на фронте, как Борис Прокопьевич умел внушить с первого знакомства уважение к себе и своему делу. И это объяснялось не только его возрастом и не только тем, что на огневой позиции минометной батареи или в траншее сразу было видно, что фотокорреспондент обладает изрядной отвагой. Нет. Люди переднего края быстро проникались уважением к новому человеку, видя его углубленным в свою работу, а не демонстрирующим показное презрение к опасности.

Развернув иную газету, где во всю ширь страницы помещена красочная панорама: лавина всадников с клинками, поднятыми над головами, или тесная шеренга бойцов, высушивших винтовки и головы из траншеи, Борис Прокопьевич только усмехался и бросал короткое: «Представление!»

В военных мемуарах бывшего командира 1-го гвардейского конного корпуса генерала Белова я нашел иронические строки о снимке, увиденном им в печати с подписью: «Конная атака конногвардейцев генерала Белова». На снимке были изображены всадники, которые во всю прыть неслись, размахивая клинками. «У меня сразу возник вопрос: как фотокорреспондент ухитрился снять мчащуюся на него конную лавину? — спрашивал автор мемуаров и продолжал: — Для этого надо было оказаться вместе с немцами, которых атаковали гвардейцы. Фальшь была явная. В погоне за эффектным материалом фотокорреспондент, скорее всего,

попросил изобразить для него конную атаку вдаль от поля боя. А какой-нибудь командир полка, посмеиваясь в душе, выделил для этой цели «эскадрон».

Борис Прокопьевич не жаловал инсценированных атак. И если, скажем, в газете появлялся его снимок автоматчиков, пробирающихся вдоль стены разрушенного дома, с надписью: «Они выбивают фашистов из населенного пункта Н», то это был запечатлен подлинный момент боя на улице Нальчика, куда корреспондент вступил с первыми батальонами. Если в редакции получали снимок Иваницкого, на котором изображены связисты, занятые прокладкой линии, и в приложенной записке говорилось, что связисты работали под огнем противника, значит, с ними рядом находился и фотокорреспондент. Мне довелось быть свидетелем, как через железнодорожный переезд только что освобожденной от врага станции Измалково на проходившее артиллерийское подразделение спикировали вражеские самолеты. Они вели огонь из пулеметов, швыряли бомбы. На фашистов ринулись наши истребители. Ездовые и расчеты орудий по команде укрылись за каменным сараем, а Иваницкий вытащил фотоаппарат, который согрел под шинелью на груди, поднял голову и, зная себе, щелкал. Он не мог упустить неожиданную возможность снять этот бой.

На передовой Иваницкий нередко оказывался в самом аду, в обстановке, когда хозяевам окопа или дзота было не до фотографирования. Но и там он занимался своим обычным делом, а случалось, и необычным. Один из участков Юго-Западного фронта пролегал тогда на полпути от Полтавы к Харькову. Не забыть душный, не по-осеннему знойный день. Мы попали в дивизию, которая понесла большие потери, но стойко отражала атаки фашистов. Борис Прокопьевич сделал несколько снимков героев дня. Среди отличившихся, попавших в объектив его фотоаппарата, помню, была женщина-врач, самоотверженно под огнем перевязывавшая раненых. Иваницкий пошел затем на огневую позицию к артиллеристам, и там ему сообщили, что врач, которую он только что сфотографировал, тяжело ранена.

Грустные, мы вышли к дороге и увидели, как с соседнего участка движется какая-то пыльная завеса. А на середине дороги, размахивая пистолетом, стоял взволнованный батальонный комиссар и пытался остановить людей, появившихся в облаках пыли. В ту же минуту рядом с батальонным комиссаром оказался Иваницкий. Он целил

в покинувших позиции своим фотоаппаратом и срывающимся голосом кричал:

— Назад, назад!.. Из «Комсомолки» я... снимал героев, сейчас сниму трусов... В газету пошлю... Что скажут родные?!

Что и говорить, корпус фотокорреспондентов богат был отважными, инициативными людьми, умевшими появиться там, где горячее. У иного и внешний вид говорил о лихости. Мне не хотелось бы повторять уже ставшие стереотипными фразы о гимнастерке, висевшей мешком на плечах фронтового газетчика, о примятой пилотке или ушанке, надвинутой на затылок. Но как быть, если именно таким я видел своего старшего друга? У него и очки-то были с сильно увеличивающими стеклами... Но бывалые фронтовики, умевшие отличать подлинно героическое, высказывали Иваницкому высшее доверие уже тем, что не опекали его излишне. А у него самого просто не было времени на страхи.

Иваницкий умел работать одинаково сосредоточенно и в залитом жидкой грязью окопе, и в считанных шагах от вражеского дзота, когда диалог вели станковые пулеметы, и на ветру в жгучий мороз, когда столько хлопот доставляют промерзшая камера и... стекла очков. Он чувствовал себя в своей тарелке и с расчетом противотанковой батареи и на мониторе у разбитой днепровской пристани во время дуэли с артиллерией противника.

Его снимки — это свидетельство не только очевидца, но и участника многих битв. Недаром спустя два десятка лет Совет ветеранов Воронежского добровольческого коммунистического полка прислал письмо в «Комсомольскую правду», в котором Бориса Прокопьевича называли гвардейцем и однопольчанином. Ветераны писали, что приступают к работе над летописью полка, хотят, не преувеличивая, рассказать о его боевых делах. «Военные корреспонденты «Комсомольской правды» в конце 1941 года участвовали с оружием в руках в наступательных боях, которые вел наш полк в составе 1-й гвардейской дивизии,— говорилось в письме.— Фотокорреспондент Иваницкий запечатлел многие моменты боев».

Если вы развернете подшивку «Комсомольской правды» за декабрь 1941 года, то найдете на одной из страниц выразительное свидетельство разгрома немецко-фашистской дивизии — вражеские пушки и автомобили, сваленные у речушки. Присел на одну такую пушку наш солдат, видно

утомился, собирая трофейное оружие, но улыбается. Можно представить себе, как подобные картины радовали читателей газеты. То было начало разгрома немцев под Москвой! Одна из трудных фронтовых командировок. Стоял сорокаградусный мороз, полк неотступно преследовал противника. Надо было не отставать от наступающих, делать снимки и успевать пересылать пленку в редакцию. И Иваницкий успевал!

Сегодня в Воронежском краеведческом музее можно увидеть большую фотографию командира гвардейского полка полковника Михаила Емельяновича Вайцеховского. Он стоит в шинели и шапке-ушанке, чуть прижав к себе паренька в полушубке, с автоматом на груди,— сына, лихого разведчика, которого по молодости лет называли Мишей. Я видел, с каким удовольствием фотографировал их Иваницкий в считанные минуты привала. Михаил Емельянович погиб в бою два месяца спустя, нет в живых и его сына. А сотни комсомольцев и пионеров смотрят теперь в музее на снимок, и перед ними встает из дали лет облик первых гвардейцев, тех, кто заставил трепетать фашистских оккупантов, кто первым добывал победу.

Воспоминания о фронтовых днях и ночах, проведенных бок о бок с Борисом Прокопьевичем, ведут меня к Штеповке, ставшей известной осенью первого военного года после блестящей операции кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова, проведенной совместно с танкистами. Два фотокорреспондента «Комсомолки» — Борис Иваницкий и Семен Васильнический разрывались на части, стремясь зафиксировать на пленке подлинные, отнюдь не инсценированные атаки кавалеристов и в конном и пешем строю, сотни немецких автомашин и орудий, застрявших в густой грязи, толпы пленных. Фотокорреспонденты не только засняли панораму разгрома штаба немецкой дивизии, площадь, усеянную бумагами, брошенными пишущими машинками. Мы с Иваницким туго набили свои вещевые мешки офицерскими дневниками, снимками, письмами фашистских солдат. Вместе подготовили страницу из привезенных документов, которая увидела свет под заголовком «Найдено на поле боя».

Весну 1942 года мы встретили на Северном Донце. Много героического и трагического видели в ту пору эти места. Перед глазами, словно кинокадры на экране, проходит высокий, крутой берег, внизу плещется по весеннему многоводная река. В старом блокноте я нашел полустертую запись,

сделанную при мерцании звезд. Буквы прыгают вкривь и вкось. Читаю: «Ночь тает. Пулеметы не утихают. Иваницкий лежит рядом с командиром минометной батареи, шепотом убеждает его взять утром с собой в бой... Утром Борис Прокопьевич увязался за минометчиками. Мы встретились позже, как условились, на переправе, где я задержался у понтонеров».

Это уже потом в распоряжении военных корреспондентов центральных газет появились «эмки». В первую же военную весну Борис Прокопьевич, как и многие наши коллеги, мерил шагами десятки километров по жирной, твердеющей грязи с вещевым мешком за спиной от роты к роте, от полка к полку. То была идея Иваницкого — побывать в частях перед большими боями на Северном Донце. Это были тяжелые, неудачные дни. Много солдат полегло тогда в боях за родную землю. Поредело и наше, журналистское войско. Редакция «Комсомольской правды» потеряла на том берегу Северного Донца своего военного корреспондента Ивана Наганова, до этого выдержавшего осаду Одессы и Севастополя...

Иваницкий с винтовкой в руках сражался вместе с солдатами. Отряд этот сумел перебраться на другой берег. Борис Прокопьевич приехал в Воронеж, где находился тогда штаб фронта. У нас уже было мало надежд увидеть Иваницкого в живых, и тем радостнее была встреча...

Он умел видеть доброе, сердечное, патристичное и запечатлеть увиденное. Борис Прокопьевич донес до читателей газеты много трогательных проявлений любви к воину. Боец получил теплые варежки. В варежке лежала записка от тех, кто их связал. Фотокорреспондент идет по следам записки, находит девочку Юлю, ее маму и бабушку. Оказывается, они вяжут для бойцов вторую сотню варежек. В мастерских Сельскохозяйственного института он знакомится с маститым профессором, который рядом со своим студентом обтачивает детали для автоматов, в лаборатории медицинского института отыскивает двух доноров: мать-профессора и дочь-студентку, отдающих кровь раненым воинам.

Когда ему хотелось отдохнуть душой, если позволяла обстановка, он шел к детям. Своих у Иваницкого не было. И всю неистраченную нежность он отдавал чужим ребятишкам, встреченным в пути. Борис Прокопьевич мог слушать ребят часами, глаза у него светлели под стеклами очков. На подбородке появлялась ямочка, совсем как у тех ребят, которых он слушал. Школьные здания, классные комнаты он

снимал везде, где только мог. Это была его страсть. Военный фотокорреспондент находил время пойти в школу во фронтовом Киеве и в только что освобожденном от фашистов Моздоке. Ребят он снимал и у трофейных пушек под Штеповкой, чем доставлял мальчишкам огромное удовольствие, и в освобожденных селах тургеневских мест.

В освобожденном Краснодаре, куда Иваницкий вошел с первыми подразделениями, он через несколько дней отправился в школу, чтобы запечатлеть начало занятий. В Прохладном он снимал бойцов и школьников у сожженной фашистами школы имени Пушкина. Такой снимок не требовал пояснений.

Сохранился документ, приказ редактора, в котором говорится: «Военный корреспондент Б. Иваницкий проявил высокую работоспособность в период напряженных боев...»

В одном из последних своих писем из Действующей армии Иваницкий мимоходом обрисовал обстановку, в которой работал: «Вчера вернулся с передовой, сижу, подбираю негативы для отправки в Москву, но все время мешают фашисты — уже часа два, как летают и бомбят. Их, должно быть, до 50 самолетов. Сегодня воскресенье, а для меня нет отдыха. Какой ущерб принесли они городу, я еще не знаю, но дыма и шуму много... Мне передали, что где-то в штабе лежит мне телеграмма, зовут в Москву. Но я все же остаюсь здесь. Уедешь, и все самое интересное прозеваешь»... Дважды начальник отдела фронта Юрий Жуков посылал телеграммы, вызывал Иваницкого в Москву, но он не торопился. И не в редакцию, а на боевое задание на военном самолете вылетел фотокорреспондент. А потом в Москву пришла телеграмма из авиационного полка:

«При исполнении служебных обязанностей, во время воздушного боя, 14 июля 1943 года погиб военный корреспондент газеты «Комсомольская правда» Борис Прокопьевич Иваницкий. Личный состав полка скорбит вместе с вами»...

А через некоторое время было получено письмо Военного совета Северо-Кавказского фронта. Сообщалось, что за проявленные доблесть и мужество в борьбе с немецкими захватчиками Б. П. Иваницкий посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

...Идут годы. На смену одному поколению молодых журналистов «Комсомолки» приходит другое. Но из уст в уста передают в редакции рассказы о тех фронтовых корреспондентах, кто не дожил до Победы.

Петр Скуратов

«МОЯ ДОЛЖНОСТЬ НА ЗЕМЛЕ»

Из армии селькоров «Крестьянской газеты» вышли десятки и сотни людей высокой трудовой ценности.

А. М. Горький

По сумрачному низовью плыл белесый густой туман и нес с собой от реки влажную, как легкая изморось, прохладу. Окаймив стога, расплывался по всей пойме до отлогого взгорья.

Нам кажется, что мы парим над облаками. Нос щекочут запахи высушенных трав, пока еще сохранившие тепло знойного дня. Ничто не нарушает тишины.

В эту пору года наше гнездо на вершине стога — превосходный ночлег.

Над нами безоблачное иссиня-черное небо.

От желания курить Николай приглушенно кашляет, но воздерживается от самокрутки, и не только потому, что можно нечаянно поджечь пересушенное сено. В пятом и семнадцатом в этих местах полыхали помещичьи поместья, а потом кулацкие банды жгли Советы, стреляли в коммунистов, поднимали восстания. Еще и теперь раздаются выстрелы из обрезов: кулаки мстят колхозникам.

Мы устали за день, пройдя не один десяток километров от колхоза к колхозу. Мы — это я, заведующий отделом Сараевской газеты «Колхозный путь», и Николай Козырев — литературный сотрудник газеты.

Козырев был блестящим рассказчиком. Он обладал необыкновенной, феноменальной памятью. И слушать его было легко, интересно. Знал он очень много и стремился знать еще больше. Все окружающее интересовало его.

Николай делал многочисленные записи в блокнотах, от которых топорщились карманы куртки и брюк.

— Несколько столетий назад,—негромко рассказывал Николай,— вот эти места вокруг нас назывались «диким полем», так как не были освоены человеком. Из «дикого поля» совершали набеги на Московское государство крымские татары. Многие из окрестных сел носят татарские названия, например Сараи, то есть дворец, Алгасово, Красный Бузулук и другие. Защищаясь, русские сооружали укрепленные селения. Самым первым селом, основанным на границе между Московским государством и началом «дикого поля», было село Борец как пограничный пункт...

Я люблю этот край и его историю. Но я ни в одной книге не читал этого.

— Откуда ты все это знаешь? — спрашиваю я.

— В Мордове я случайно повстречал учителя-краеоведа Голицына. Этот старик — великолепнейший знаток края. Ходячая энциклопедия... Ты не спишь еще?

— Пока нет,—медленно цежу сквозь зубы, но глаз открыть не могу. Вот-вот усну.

После короткой паузы:

— Недалекое пензенское село Вадинск на реке Вадь при Временном правительстве называлось Керенское.

Еще пауза, более длительная.

Я завидую необыкновенной способности Николая накапливать знания, его умению брать не все, что попадает под руку, а выбирать самое интересное.

* * *

Козырев был «найден» редакцией так.

Только что созданные районные газеты не имели более или менее сносных редакторов и литературных работников. На работу в редакции брали просто грамотных людей, преимущественно из числа начинающих авторов или любителей литературы. Учителя без энтузиазма принимали предложения пойти на работу в редакцию. Все это способствовало большой текучести кадров.

Сараевская газета имела некоторые особенности. Ее первый номер вышел 20 января 1931 года. Если во многих других районах газеты выходили раз или два раза в неделю на двух полосах, то наша газета выходила 18 раз в месяц на четырех полосах, очень большим по тому времени

тиражом — свыше 5 тысяч экземпляров. Это объяснялось тем, что в те годы Сараевский район был, пожалуй, одним из самых крупных в нашей области. По количеству сдаваемого ежегодно государству зерна у этого района не было соперников.

Среди первых редакторов газеты был Порфирий Николаевич Кононов, погибший в годы войны с немецко-фашистскими захватчиками. Он постоянно напоминал нам, чтобы мы были внимательны к пишущим в газету селькорам, присматривались к ним. В селькорах видел он своих будущих сотрудников.

По долгу службы я ежедневно просматривал поступающие в редакцию письма, прежде чем передать их редактору. Многие писали скупое. Предельно кратко излагали факт, подписывались и ставили точку.

Таким был и Николай Козырев. Только он писал чаще других.

Читая его заметки-коротышки, я и радовался и сердился. Приятно было, что он постоянно нам писал, но очень хотелось увидеть написанную им настоящую корреспонденцию.

Не дождавшись, я послал Николаю об этом письмо и вскоре сам оказался на его родине, в селе Алексеевке.

— Мне и самому хотелось бы написать что-нибудь по-крупнее, да некогда. Вы вот видели, как работает наша бригада. Она передовая в колхозе имени Буденного. Каждый день после работы, когда все уходят спать, я готовлю по итогам дня листок-«молнию». И еженедельно выпускаем бригадную стенную газету. Так что ждите длинные письма зимой.

Говорил он энергично, звонким голосом, чуть покашливая: уж слишком много курил.

Вскоре его утвердили редактором общеколхозной стенной газеты, но от должности бригадира не освободили.

Были у Козырева-редактора неприятности своеобразного характера. В одном из номеров колхозной газеты он остро критиковал некоего косца, изо дня в день не выполняющего норму. Прочитав о себе заметку, тот раскричался:

— Больно много грамотеев у нас развелось. Каждый писарем хочет быть... Писать легко, а ты вот попробуй, стань рядом со мной, да сумей выполнить норму... Хлеб хлебу рознь...

На рассвете следующего дня Козырев снял рубашку, вернулся к обиженному и добродушно сказал:

— Иди за мной следом, не отставай.

И начал косить.

С наступлением ночной прохлады учетчик замерил участок. Двое скосили два гектара. Норма на каждого — 0,75 гектара.

Такой же случай с Николаем произошел и в другом колхозе, когда Козырев был уже сотрудником районной газеты.

Козырев умел и любил работать. Он не терпел людей, у которых слово расходилось с делом, или тех, кто, начав работу, не заканчивал ее.

Если к нему приходил жалобщик и предъявлял претензии на непорядки, он первым долгом спрашивал:

— А вы что сделали, чтобы этого недостатка не было?

Это были годы коллективизации и суровой борьбы с кулачеством. Недруги Козырева пророчили:

— Этот парень головы не сносит... Своей смертью не умрет...

Угроз он не боялся. Был смел, решителен, и если уж что задумал — обязательно сделает.

Три года наша газета следила за творческим ростом своего селькора, помогала ему добрым советом. Первого июня 1934 года газета «Колхозный путь» дала большой положительный обзор газеты колхоза имени Буденного.

Вскоре Козырев был выдвинут на работу в редакцию районной газеты.

* * *

В свободное от работы время Николай читал, читал и читал. Он быстро «проглотил» книги редакционной библиотеки, свободно помещавшейся в одном книжном шкафу. Читал с упоением, засиживаясь в редакции до позднего часа.

— Коля, я исчезну, а ты посмотри, пожалуйста, за выпуском номера, — очень часто просили его дежурные, особенно холостые ребята.

И он «присматривал» за всех, кто его просил об этом.

Каждый день он читал «Крестьянскую газету» и московскую областную газету «За коллективизацию», селькором которых был уже много лет. Они регулярно печатали его корреспонденции.

Я поражался его трудоспособности, удивлялся тому, как он успевает много писать и много читать. И очень часто слышал от него:

— Сколько интересного материала гибнет в блокнотах... Не успеваю... Новые факты захлестывают.

В редакции все были довольны его работой. Но примерно через год Николай все чаще стал говорить, сначала мне, а потом и редактору, что ему трудно работать...

— Не могу... Надо учиться... Журналистику изучать...

Но вырваться на учебу было не просто. Редактор пока не хотел об этом слушать. Тем более что готовилось решение об увеличении периодичности газеты — предполагалось, что она будет выходить пять раз в неделю на четырех полосах.

20 января 1936 года в связи с пятилетием вышел на шести страницах юбилейный номер «Колхозного пути». Вкладка была полностью посвящена творчеству наших литкружковцев. Много места было отведено откликам читателей о газете и лучшим селькорам, выращенным газетой за эти годы. Среди других была напечатана фотография комсомольца Николая Козырева.

Трудолюбие Козырева редактор П. Н. Кононов любил ставить всем нам в пример. Действительно, Козырев много ездил по району, часто выступая в «Колхозном пути», продолжал сотрудничать в областных и центральных периодических изданиях. Они присылали ему задания, и он с поразительной точностью и быстротой выполнял их.

* * *

С той минуты, когда Козырев получил письмо из «Крестьянской газеты» с официальным сообщением о том, что принят на Высшие курсы журналистов при «Крестьянской газете», сияющая улыбка не сходила с его лица. Козырев с присущим ему юмором окрестил их «курсами журналистов-моменталистов».

Прибыв в Москву, Николай страстно набросился на книги. Занимались слушатели курсов в Москве, а жили в поселке Пушкино, на Крыловской улице в деревянном дачном домике. Я не раз бывал у Николая, и всегда заставлял его за книгой. Он ходил в театры, кино, посещал литературные вечера, слушал лекции на самые различные темы.

В одном из первых писем Николай писал мне, что «днем в театре имени Вахтангова смотрел «Интервенцию», потом в парке культуры и отдыха имени М. Горького был на вечере, посвященном В. Маяковскому, и в этот же день увидел кинофильм «Цирк». А в следующем письме сообщал, что кинокартина о предстоящей войне «Родина зовет» по силе своего воздействия не уступит картинам «Мы из Кронштадта» и «Партийный билет».

«Купил билеты на прослушивание курса лекций о Пушкине в лекционном зале МГУ».

«Штурмую селедку и серый хлеб».

«Теперь мне стало легче. Стипендию дают по успеваемости от 200 до 275 рублей. Я получаю 275. Кроме этого за практику в газете дают по 100 рублей».

«Второй год в зачетной книжке неизменный штамп: «отлично»... Зачислен в штатные лауреаты всех премий и поощрений по поводу и без повода...»

«Если бы ты знал, с каким энтузиазмом я начал изучать английский! Трудно жить без иностранного языка. Но какой-то дурень вычеркнул его из программы».

Когда занятия на курсах окончились, Николая Козырева, как наиболее способного и энергичного работника, оставили в «Крестьянской газете». Сначала он работал инструктором по трем автономным республикам: Чувашской, Удмуртской и Марийской, потом по Кировской и Рязанской областям.

«Пишу резкое письмо секретарю Кировского обкома партии о волоките, бюрократизме с разбором жалоб и писем трудящихся в области. Не поможет письмо, выеду сам. Буду драться на месте».

Вскоре он выехал в Киров. А через некоторое время опубликовал в «Крестьянской газете» резкую статью, бичующую областных бюрократов и их покровителей.

В газете он работал с упоением. Одновременно выполнял большие общественные нагрузки — временные и постоянные. Он комсорг, редактор стенной газеты отдела.

Учеба на Высших курсах журналистов не утолила его жажды знаний. Николай по-прежнему стремится к учебе. По совету товарищей он поступил на учебу в Литературный институт имени М. Горького при Союзе советских писателей СССР на отделение прозаиков-очеркистов.

«Очень тяжело,— писал он мне.— Сутки чертовски коротки. Все уплотнено до предела... Сплю, как заяц. Аппетит потерян... Но как радостно на душе от сознания того, что дни не проходят бесследно, что ты идешь вперед... Я не знаю большей радости, чем делать людям счастье! В этом моя должность на земле».

В одном из писем Козырев с возмущением писал о своем товарище-курсанте, который все силы и средства направляет на собственное материальное обогащение.

«Он не знает дороги ни в книжный магазин, ни в театр. Я его не понимаю. Я согласился работать в Москве только

ради того, чтобы учиться дальше. Здесь блестящие возможности для всесторонней и глубокой учебы каждого, только не ленись».

Из Пушкино он переехал на станцию Мамонтовка. Здесь и жил с женой Марией Петровной и сынишкой Виктором. «И как это я не замечал до сих пор,— писал он,— что здесь в любое время года прекрасно. Вот сейчас перед окнами буйно цветет сирень, раскрываются волшебные пионы, скоро зацветут розы... Рядом теннисная и волейбольная площадки, река, лодочная станция... Только некогда наслаждаться этой удивительной красотой...»

Осенью от него долго не было писем. Потом я получил воинское послание. «Ход истории поломал мои личные планы. Прохожу военную подготовку, получаю воинскую специальность. Учеба в Литературном институте заброшена. Многое еще кое-что заброшено... Веление времени».

В январе мы отмечали 10-летний юбилей своей газеты. Попросили Козырева в связи с этим написать нам что-нибудь. Он прислал небольшую статейку с сопроводительной запиской на мое имя: «Я не мог отказать вам, так как «Колхозному пути» многим обязан. Делайте из статьи, что хотите... Бы бедь хорошо знаете весь мой жизненный путь».

«Крестьянская газета» закрылась, и Козырев работал в многотиражной газете Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. 18 мая 1941 года он писал мне: «Могу обрадовать, что ваша газета «Колхозный путь» вновь утверждена участником выставки. Вы также утверждены участником выставки и вместе с вами три ваших товарища. Выставка откроется 25 мая. Милости просим к нам».

За пять дней до начала войны с душевной болью и волнением сообщал: «Наша газета вместо ежедневной стала еженедельной. В редакции вместо 11 человек остался один... Очень многих берут в РККА на переподготовку. Ожидаю своей очереди... Мы сейчас живем в тревожное время. Кто знает, что может произойти завтра?»

Война не напугала его. Она просто была для него «незапланированным событием». Сын своего времени, своего народа, рядовой партии, он сразу же определил свое место.

«Был в райкоме партии, подал заявление о посылке на фронт... Меня предупредили, чтобы я был готов, ожидал вызова. А я без предупреждения всегда готов...»

Частенько бывают воздушные тревоги... Создаются дивизии народного ополчения. Там много знакомых...

Выставка закрылась, газета тоже. Меня послали в «Животноводство». Пока я добирался, и ее закрыли в числе других отраслевых газет. В «Правде» упразднены, реорганизованы и объединены многие отделы... Не знаю, застанет ли тебя это письмо?»

Следующее его письмо было со штампом «Просмотрено военной цензурой». Случилось так, что мы оба уже находились в армии.

До сентября Николай проходил ускоренные курсы под Москвой, в сентябре был откомандирован в Грузию. А потом, в конце февраля 1942 года, писал: «Живем среди гор. До снежных вершин, кажется, рукой подать. Стремлюсь на фронт или хотя бы ближе к фронту, но не пускают... Жена и сын из Мамонтовки уехали на Рязанщину, в Алексеевку».

Его письмо от 5 июня 1942 года было из станицы Ново-Александровской. В нем он просил впредь адресовать письма на жену в Алексеевку, так как выехал в Действующую армию. Несколько месяцев Николай сражался с немецко-фашистскими захватчиками в Причерноморье и предгорьях Кавказа. После разгрома врага на Кубани за успехи в боях политрук Николай Козырев был представлен к правительственной награде и к внеочередному повышению в воинском звании. Но ни того, ни другого получить не успел. Перебросили на другой фронт.

В начале 1943 года Козырев ездил в командировку, был в Москве, заезжал в Алексеевку, а позже был послан в Тамбов на формирование новой танковой части. Он писал, что попал в новый коллектив. «Кругом новые люди. Изучаю технику и людей. Я все должен знать, ведь я не только старший политрук, но и секретарь партийной организации».

Надо было знать беспокойную душу этого человека, чтобы понять, как тяготило его «сидение на привязи» в Тамбове. Опаленный огнем, он вновь рвался в жаркую схватку, зная, что многие, очень многие не выходят из боя. О себе он не думал. Некогда было. Но в одном письме (из многих полученных мною от него за время войны) он писал в июне 1943 года (полевая почта № 29879): «Если буду жив, то после войны опять постараюсь попасть в ряды славной армии газетчиков... Пока это мечта...»

И если по воле судьбы Козырев, как и многие другие, не был в годы войны непосредственно связан с «большой» газетой, то в душе своей он продолжал оставаться журналистом. Слово для него всегда было оружием. И политработник

Козырев умело пользовался им в статьях фронтовых и дивизионных газет, на митингах, в беседе с бойцами, в выпуске «Боевых листков», «молний», обращений.

В августе 1943 года он уже находился в воинской части, полевая почта № 36872. 11-го числа торопливо писал: «Жив ли ты?.. Опять еду на фронт. Я давно хотел этого... Жду твоих писем. Будь здоров!»

Это было последнее письмо. Оборвалась его переписка с семьей — женой Марией Петровной Козыревой и сыновьями Виктором и Николаем, со всеми близкими и друзьями.

Позднее я узнал, в какой обстановке было написано это письмо.

Только что закончилась тяжелая битва на Курской дуге. Немецко-фашистские войска потерпели серьезное поражение, понесли значительные потери. Но враг был еще силен и упорно сопротивлялся.

Войска Западного фронта, в которых находился Козырев, предприняли своими силами 11 августа прорыв обороны противника в направлении на Смоленск.

Завязалось ожесточенное сражение. После прорыва укрепленной полосы противника в бой вступили наши танки.

Танковая часть Козырева завязала бой на холмистом междуречье, в районе селения Кирсаново-Пятница, которое находится примерно в десяти километрах северо-восточнее города Борятино, Калужской области.

Тяжелые бои развернулись за рекой Неручь в направлении местечка Ерши, что расположено на перекрестке железной и шоссейной дорог. За ним в двух с половиной десятках километров город Спас-Деменск, который и был взят в результате ожесточенных боев с 11 по 13 августа.

Из танкового сражения Козырев не вернулся.

В дни затишья товарищи по оружию искали на поле боя своего командира. Среди изуродованных и сожженных танков опознать машину старшего политрука Козырева не представлялось возможным. Специальная комиссия обследовала поле танкового сражения и пришла к заключению, что Николай Козырев сгорел в танке. Но жена до конца войны не получила об этом официального сообщения...

И теперь, много лет спустя, когда заходит речь о величии советского народа и его бессмертном подвиге в годы Великой Отечественной войны, передо мной встает образ коммуниста Николая Ивановича Козырева — одного из тех, кто спас Отечество.

Сидор Кононов

В АТАКЕ

В моем фронтовом блокноте сохранилась такая запись: «5 октября 1943 года. Погиб Николай Иванович Родионов... Возглавил штурмовую группу в бою за село Страхолесье...»

Кто такой Родионов — командир роты, батальона? Нет, это был ответственный секретарь редакции нашей дивизионной газеты «В атаку».

Судьба свела нас за год до его смерти. Это было под Ливнами. В начале октября 1942 года я прибыл в стрелковую дивизию на должность литературного работника. И сразу как-то привязался к Николаю, подружился с ним. Это был душевный товарищ, интересный человек, уже успевший к тому времени пройти огни и воды войны.

Шли мы с ним однажды на передний край. Родионов — высокий, широкоплечий, настоящий русский богатырь — шагал широко, вразвалку. На правом боку — пистолет, на левом болталась выдавшая виды полевая сумка. Я, тогда еще новичок во фронтовой печати, расспрашивал его об истории дивизии, о работе редакции в боевой обстановке, о том, как он сам стал журналистом.

Николай рассказывал обо всем просто, дружески. Я узнал, что родом он из Ельца, там кончал среднюю школу, работал немного в городской газете. В 1939 году был призван на действительную службу. Попал на Полтавщину, где на базе 88-го Красноуфимского стрелкового полка была сформирована новая, 132-я стрелковая дивизия. В годы гражданской войны красноуфимцы сражались в составе легендарной

30-й Иркутской. Так что у новой дивизии была замечательная родословная. Организатором и первым командиром 132-й был Сергей Семенович Бирюзов, впоследствии ставший маршалом Советского Союза.

Родионов, будучи рядовым красноармейцем, курсантом полковой школы, младшим командиром, часто писал в газету. Физическая сила и выносливостьгодились Николаю, когда он вместе с другими воинами в 1941 году выходил из вражеского окружения, выносил на носилках из брянских лесов тяжело раненного С. С. Бирюзова. Как и все ветераны дивизии, Родионов помогал молодым бойцам, мужественно преодолевал все невзгоды. Части с боями прорвали вражеское кольцо, ценой больших усилий и крови вынесли боевое знамя, под которым дрались в годы гражданской войны бойцы Красноуфимского полка.

Родионов очень гордился этим, радовался, что ему посчастливилось дожить до того времени, когда наша армия сбילה спесь с фашистов, дала им крепкого пинка под Москвой, вышибла их из его родного Ельца. Злодеяния гитлеровцев видел он своими глазами, многих товарищей успел похоронить. Доверчивый и добрый человек, очень стеснительный, он как-то весь преображался, когда говорил о гитлеровцах.

«Видишь фашиста — убей! Не видишь — найди и убей!» — это была его шапка в газете. Родионов писал коротко, как штыком колот, любил называть нашу «дивизионку» оружием ближнего боя. Работал он без устали, знал одно: завтра должна выйти газета — стало быть, сегодня во что бы то ни стало надо организовать и написать материалы.

Часто нам доводилось вытаскивать корреспонденции буквально из огня. Помню, во время зимнего наступления 1943 года наши подразделения окопались под городом Дмитриев-Льговский. Лунной ночью ползем с Родионовым к окопу боевого охранения. Кругом чистое поле. Противник, должно быть, заметил нас, открыл пулеметный огонь.

— Погибнешь тут из-за заметки, — подумал я вслух.

— Заметка маленькая, а дело большое, — серьезно отвечает мне Николай. — Большое дело! Большое дело! — приговаривает он и ловко переползает по-пластунски вперед, вперед.

Перелистывая сейчас пожелтевшие страницы газеты «В атаку», я убеждаюсь, что это название не только отвечало ее основному содержанию, но и действиям таких корреспондентов, как Николай Родионов.

У него, как и у каждого из нас, были свои любимые герои. Их он растил, прославлял, всячески распространял их опыт.

Приходит он однажды — это было осенью 1942 года — с переднего края и говорит:

— Как бы это помочь Ивану Хромым? У него «зуб» на немецкие танки. Просит принести ему что-нибудь почитать, как лучше их истреблять.

Находим в газетах две-три подходящих статьи, и на другой день Родионов относит их командиру стрелкового взвода младшему лейтенанту Ивану Хромым. Вместе они проводят беседу с бойцами-бронбойщиками, зачитывают эти статьи. Вскоре в газете появилось выступление Ивана Хромых «Готовы к бою», организованное Родионовым.

Часто потом приходил корреспондент к бронбойщикам. Настало время вступить им в бой. Снова Николай у своих друзей — истребителей танков. В газете появляется небольшая заметка, подписанная Н. Родионовым. Ее заголовок: «Отлично бьет советская бронбойка!» И подзаголовок: «Иван Хромым подбил три немецких танка». За этот подвиг младший лейтенант Хромым был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. А сколько в этот подвиг было вложено стараний и души газетчика!

В ходе битвы на Орловско-Курской дуге Родионов снова вернулся к Ивану Хромым. В газете появился подробный рассказ офицера о своем опыте борьбы с танками противника. У Хромых нашлось много последователей. Бронбойщики дивизии действовали умело и героически. Об этом писал Родионов в своей корреспонденции «Люди против «тигров»».

Николая Ивановича знали в лицо сотни бойцов и командиров. В ротах и батареях он чувствовал себя, как в родной семье. Постоянно был в курсе всех событий в подразделениях, мог без долгих размышлений порекомендовать приехавшему в дивизию корреспонденту армейской или фронтовой газеты, где взять нужный материал, о ком и о чем написать.

С рядовыми бойцами Николай обращался по-дружески. Никогда не подчеркивал перед ними своего офицерского звания, шутил, смеялся, рассказывал им интересные истории. В то же время это был заботливый командир, который повседневно вникал во все детали солдатской жизни и быта. Это ему принадлежали ставшие в нашей дивизии крылатыми слова: «Заглянем в красноармейский котел», то есть «посмотрим, как варят солдатам пищу», сытную ли, вкусную ли.

Хорошо ли фронтовик одет и обут? Есть ли на передовой баня? Приходят ли письма, газеты? Есть ли возможность бойцу побриться, постричься? Николай писал о хороших старшинах, поварах, санитарях, от работы которых во многом зависел боевой успех подразделений.

Журналист жил одной жизнью, одной судьбой с бойцами переднего края. Везде его встречали как старого друга.

Военные корреспонденты, в особенности работники самых близких к переднему краю дивизионных газет, нередко попадали в тяжелые переpleты, когда нужно было действовать и пером и штыком одновременно. Сколько вспоминается таких случаев, когда тому же Родионову приходилось выступать и в роли корреспондента и в роли бойца или командира. При этом он действовал, как солдат, и наблюдал за ходом боя, как журналист, успевал делать записи в блокноте. Иногда это вызывало даже недоумение участников боя: что это за чудак такой, тут смерть кругом гуляет, а он записывает!..

А что же поделаешь, если так складывается обстановка? Вспоминается Днепровская битва. Вместе с частями, с командным составом полков под сильным артиллерийско-минометным и ружейно-пулеметным обстрелом переправлялись через Днепр и работники дивизионной газеты («и все представители», как сказал, глядя на меня, командир полка Я. А. Коржилов, отдавая приказ о начале переправы).

Отправился за Днепр и Родионов. Обстановка в подразделениях была крайне тяжелая. Людей мало, боеприпасов мало. Противник все время контратакует...

Николай Иванович находился в полку, который вел бой за село Страхоlesье. Формировались боевые группы из оставшихся в полку связистов, разведчиков, ездовых и других бойцов. Старший лейтенант Родионов взял на себя командование одной из таких групп. Он вооружился автоматом, гранатами и повел бойцов в атаку. Под прикрытием огня артиллерийских батарей наши подразделения обошли село по заросшему болоту и обрушились на гитлеровцев, окопавшихся на песчаной высотке. Начался жестокий рукопашный бой. Наши бойцы в упор расстреливали фашистов из автоматов, забрасывали их гранатами. Родионов был впереди всех, уничтожил нескольких вражеских солдат. В немецком окопе выстрелом в упор он был сражен...

Атака увенчалась успехом. Страхоlesье было освобождено.

Анатолий Рожнов **РЕДАКТОР ДИВИЗИОННОЙ**

СТИХИ В ДОРОГЕ

Георгием Александровичем Барановым я познакомился в 1942 году в политотделе одной из армий на Воронежском фронте. После госпиталя политотдел направил меня работать секретарем редакции газеты «Родина зовет», которая выходила в 62-й гвардейской стрелковой дивизии.

— Дивизией командует Герой Советского Союза Иван Мошляк, знаменитый дальневосточник, — рассказывал мне один из работников политотдела. — Дивизия не раз отличалась в боях, заслужила звание гвардейской. Гвардейцы любят свою газету. Редактирует ее поэт Георгий Баранов. Интереснейший человек!

Инструктор политотдела глянул в окно и продолжал разговор:

— Вот и он, легок на помине! Капитан Баранов приехал и сейчас идет к нам. Познакомьтесь с ним и вместе доберетесь до редакции.

В комнату вошел невысокого роста голубоглазый капитан с добрым русским лицом.

— Рад знакомству, значит, нашего полку прибыло, — пожимая мне руку, говорил Георгий Баранов.

Вскоре мы с Барановым выехали на попутном грузовике к прифронтовой линии. В большом селе мы поблагодарили хозяев машины — артиллеристов и направились на контрольно-пропускной пункт. Село это, видимо, было недавно освобождено от фашистских захватчиков.

Отсюда нам нужно было добираться до деревни Старая Гнилица, где в ту пору находилась редакция и типография нашей газеты. Но туда, как на грех, не шла ни одна машина. Мы с капитаном Барановым сели на траву. Георгий расстегнул полевую сумку, достал из нее толстый блокнот и карандаш. На блокнотном листе я заметил стихотворные строчки. Редактор склонился над блокнотом и что-то набрасывал в нем.

К контрольно-пропускному пункту подошла группа крестьянок. В ту военную пору жители прифронтовых деревень ездили на попутных военных машинах. Молодые и пожилые колхозницы расселись с кошелками у шлагбаума. Георгий быстро поднялся с земли и пошел к ним. Разговорился и вскоре стал читать им свои стихи о войне. Вообще Баранов читал стихи очень хорошо, а в этот раз просто необыкновенно. Вот начальная строфа его стихотворения:

То было в первый год войны,
В начале декабря.
Мы били недругов страны,
Отвагою горя!

Капитана, читавшего стихи, окружили не только крестьянки, но и бойцы и командиры, собравшиеся на контрольно-пропускном пункте. Они внимательно слушали стихотворный «Рассказ фронтовика, освобождавшего село от гитлеровцев».

— Товарищ капитан, машина! — крикнула девушка-регулирующая, остановившая попутный грузовик.

Георгий сунул блокнот в полевую сумку. К нему подошел бородатый сержант.

— Товарищ капитан, спасибо за душевные стихи! — сказал он. — Видно, что вы сами все это пережили, как и мы. Пишите и дальше так же, чтобы за сердце брало.

Это стихотворение Баранова вскоре было напечатано в нашей газете под названием «Рассказ бойца». Поэтические строки были помещены рядом с актом о зверствах немецко-фашистских мерзавцев и их итальянских сообщников в селе Цапково, Воронежской области, и с рассказами гвардейцев Селиванова и Лебского о злодеяниях гитлеровских палачей в населенных пунктах, освобожденных нашей дивизией. Стихи были поставлены вместо передовой статьи, и они очень хорошо выполнили свою задачу. Свидетельством тому были письма гвардейцев с клятвой мстить фашистским палачам.

Героями стихов Баранова часто были конкретные люди, отличившиеся в жарких схватках с врагом. Поэтому стихи воспринимались бойцами как нечто естественное и необходимое. А тот, о ком рассказывалось в стихотворных строках, боец, младший командир или офицер, — тот был именинником всей гвардейской дивизии.

Вот только один пример: поэма, посвященная героям штурма вражеских укреплений на Дону. В ней названы бойцы и командиры, взявшие высоты Фигурную и Меловую. Стихотворные строки прославляли пулеметчика Халима Ахтямова. Это был настоящий советский богатырь — он лично уничтожил свыше 400 фашистов. Григорий Алексеев, о котором упоминается в поэме, — разведчик, удостоенный высокого звания Героя Советского Союза. Офицеры Бугров и Брагин, о которых писал Баранов, пали смертью героев.

Редактора и поэта хорошо знали бойцы и командиры в окопах. И где бы ни появлялся Баранов с пачкой свежих газет или листовок, везде его встречали приветливо.

Однажды Баранов исчез из редакции надолго. Оказалось, что редактор ушел с разведчиками на тот берег Дона, в ближний тыл противника. Потом разведчики говорили, что капитан Баранов действовал с ними «как положено». Это была высшая оценка, какую давали разведчики новичку. А Георгий вернулся полный впечатлений о мастерстве, мужестве и отваге гвардейцев, проявленных за линией вражеской обороны. О них, героях разведки, у поэта родились хорошие стихи.

Был случай, когда Георгию пришлось непосредственно руководить боем, и редактор дивизионной газеты неплохо справился с этой задачей. Часть, где находился в ту пору Баранов, выходила из окружения под Харьковом. Редактору пришлось взять в руки винтовку, и в ближнем бою он уничтожил нескольких гитлеровцев.

ЛИСТОВКИ В ЭШЕЛОНЕ

Наша гвардейская дивизия по приказу командования была переброшена с Дона на Украину. Предстоял штурм Днепра — сильно укрепленного гитлеровского рубежа обороны. Наши полки разместились в нескольких железнодорожных эшелонах и двинулись в путь. В одном из таких составов ехали и мы. На железнодорожную платформу

погрузили две редакционные автомашины. В одной из них трудились наборщики, в другой стояла печатная машина.

Громыхая на стыках рельсов, состав мчался на юго-запад. Как и обычно, мы принимали по радио сводки Совинформбюро. Но можно ли на ходу поезда печатать листовки с этими сводками, не говоря уже о газете?

Тогда-то Георгий и высказал мысль о том, чтобы попытаться печатать листовки во время движения эшелона. Редактор со старшиной Петром Косых, опытным наборщиком и печатником, который у нас заведовал типографией, на одной из стоянок поезда пошли на платформу к нашим машинам. Эшелон тронулся. Косых взял в руки верстатку и стал набирать принятую по радио сводку Совинформбюро.

— Набирать на ходу поезда можно, а вот печатать нельзя — ломаем печатную машину, — вскоре сказал старшина Косых.

— А вы печатайте во время остановок эшелона, используйте для этого каждую минуту, — посоветовал Баранов.

Вскоре появилась первая такая листовка. Георгий дал к ней стихотворный эпиграф:

Пусть грозно гремят батареи.
Мы знаем — победа за нами!
В Донбассе родном снова реет
Советское Красное знамя!

Сводки Совинформбюро мы стали выпускать почти каждый день.

Как-то, дело было уже на Украине, две наших редакционных автомашины, израсходовав последний бензин, застряли в непролазной грязи в небольшом леске. Пришлось ожидать горючее.

Георгий Баранов узнал, что в другом конце этого же леска стоят танкисты, и решил пойти к ним.

— Дайте мне сотню листовок, — сказал редактор старшине Косых, который упаковывал в пачки только что отпечатанные листовки с очередной сводкой Совинформбюро.

Политработник танковой части был несказанно обрадован свежей сводке и тут же распределил листовки по подразделениям. А Георгий Баранов уже читал стихи танкистам. Возник своеобразный митинг. Читал Георгий, как обычно, очень хорошо. После него выступил танкист, старший лейтенант, недавно прибывший из госпиталя. Георгий узнал, что танкист родом из Москвы, и пригласил его к нам в редакцию.

У Георгия была особая любовь к москвичам. Как именинник ходил наш редактор, когда узнал, что в дивизию приехала агитбригада Московского автозавода.

— Понимаешь, это же тот самый завод, на котором я работал точильщиком в инструментальном цехе, завод, где я писал стихи, печатался в заводской газете,— говорил он, светясь от счастливых воспоминаний.

О фронтовой встрече с автозаводцами Баранов так писал семье: «Вчера повстречался со своими земляками. У нас был торжественный вечер. На вечере выступала бригада артистов — ребята и девчата с нашего автозавода. Был здесь баянист Курдюков...»

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЭМА

Наши гвардейцы стремительно шли с боями вперед, освобождая от фашистских захватчиков украинские села и города. В ту пору мы печатали в газете короткие заметки об отваге и воинском мастерстве солдат и офицеров и стихи о героях. Авторами их были сами бойцы. Наш редактор нашел таки нескольких гвардейцев, пишущих стихи. Помню, прислал свое первое стихотворение гвардеец солдат Яковлев. Георгий кропотливо работал над стихотворением, и его напечатали в нашей газете. Это была первая ласточка. Потом в газете стали появляться стихи других гвардейцев.

Наступательный подъем советских воинов, освобождение от гитлеровских захватчиков родной земли — все это воодушевляло поэта, и Георгий писал стихи каждую свободную минуту. В те дни создал Баранов свою поэму «Заднепровье зовет». Она была как бы продолжением его поэмы о подвигах гвардейцев во время штурма Дона.

Октябрь 1943 года. Нашим гвардейцам была оказана честь первыми форсировать Днепр на одном из участков фронта. Штурм Днепра! Это был настоящий подвиг гвардейской дивизии. Вот тогда-то в нашей газете и была напечатана поэма Георгия Баранова «Заднепровье зовет».

Как и в прежних его произведениях, в этой поэме действуют герои нашей гвардейской дивизии. Это и бронбойщик Мокрушин, и бойцы офицера Данько, это и командир Зубалов, награжденный двумя орденами Красного Знамени.

Поэма полюбилась гвардейцам, полюбилась потому, что в ее строках было ярко запечатлено незабываемое: как шли

через сто смертей, как, теряя боевых товарищей, на том берегу врывались во вражеские доты и окопы, как раненые до последнего дыхания продолжали драться с врагом. Газетные вырезки с этой поэмой находили в карманах гимнастеров рядом с партийными и комсомольскими билетами у погибших гвардейцев, а агитаторы читали ее в подразделениях после приказа Верховного главнокомандующего. Георгий мечтал написать поэму о штурме Берлина, но увидеть Победу поэту не удалось...

Ранним утром по временной переправе, наведенной саперами через реку, стали переправляться первые «катюши». Они спешили на «пятачок», где наши гвардейцы отбивали контратаки фашистов, решивших любой ценой сбросить советских воинов с плацдарма на днепровском берегу.

— Едем и мы на тот берег! — прибежал к нам взволнованный редактор. — Там, на «пятачке», будем выпускать листовки.

Две наши типографские автомашины, внешне похожие на машины с боеприпасами для «катюш», подъехали к переправе.

Вскоре мы были уже на правом берегу реки. Разместились в отроге оврага и замаскировали машины ветками. Быстро установили рацию в кате, единственной уцелевшей на взгорье. И сразу же начали готовить очередной выпуск газеты и листовку.

Немцы, пытаясь вернуть утерянную ими важную позицию, бросали на наш «пятачок» на правом берегу Днепра сотни самолетов. Каждый день было по три-четыре массированных налета. Мы продолжали работать, и в полки ежедневно шли листовки. Но в один из октябрьских дней они не были доставлены в окопы. В тот день фашистские стервятники сбросили бомбовый груз прямо на нашу типографию...

Геorgia Баранова, поэта-автозаводца, редактора дивизионной газеты, похоронили с воинскими почестями в селе Солошино в братской могиле вместе с гвардейцами, погибшими в тот день в бою.

Георгий Баранов не дожил до Победы, но стихи его и сегодня живы. Их помнят и рабочие-автозаводцы, и бывшие фронтовики нашей гвардейской дивизии, которым поэтические строки редактора и поэта в трудную военную годину помогали бить ненавистного врага.

Дмитрий Дажин

А СТРОКИ ПРОДОЛЖАЛИ ЖИТЬ

Если бы каждому фронтовому дню давать определения, то этот августовский, пронизанный солнцем день 1943 года можно было бы смело называть днем радости.

Командир 140-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор А. Я. Киселев вручал ордена офицерам-политработникам, отличившимся в Курской битве. До этого он побывал в полках, где отметил наградами многих бойцов и командиров, отважных и мужественных людей, подвигами которых настоящему гордился. Этот внешне суровый и обычно мало-разговорчивый человек сегодня чаще, чем всегда, улыбался и шутил.

Работник политотдела называл фамилию награжденного, а генерал подходил к названному и прикреплял к гимнастерке орден или медаль.

— Старший лейтенант Зачесов Николай Николаевич — сотрудник редакции дивизионной газеты — награждается орденом Красной Звезды.

Генерал подошел к худощавому, небольшого роста офицеру, с моложавыми, почти мальчишескими чертами лица, с застенчивой улыбкой.

— Ну вот, — улыбнувшись, проговорил генерал, — и до газетчиков очередь дошла. А что? Они, я вам скажу, большое дело делают. На своем посту — они солдаты. И все мы это знаем и потому ценим...

Он ловко привинтил орден к гимнастерке смутившегося Зачесова и добавил:

— Места еще много и для новых наград. Поздравляю...

— Служу Советскому Союзу! — звонко отчеканил Николай и сам удивился той лихости, с которой вырвалась у него эта фраза.

«Все потому, — подумал он, — что это моя первая в жизни награда».

Первая награда... В сознании промелькнули картины его фронтовой жизни, его пока еще небольшой журналистской биографии.

В дивизионную газету Николай Зачесов пришел недавно, в декабре 1942 года. И вообще только здесь, на фронте, приобщился к журналистике. До войны он учительствовал. А теперь вот пришлось на двадцать шестом году жизни перестраиваться, осваивать новое для него дело.

Поначалу было непривычно. Газета казалась уж очень маленькой. И просто непостижимо, как на столь небольшой площади помещались и сводка Совинформбюро, и сообщения из частей, и короткие зарисовки о лучших воинах, и даже стихи. Но когда Зачесов понаблюдал, как тянутся к «дивизионке» солдаты, как ласково называют ее «нашей малюткой», он постиг, что дело не в том, большая или малая газета, а в ее контакте с читателем, в силе ее партийного слова. И ему полюбилась суматошная редакционная жизнь, необычные условия, в которых приходилось работать: и в землянках, и в каких-то полуподвальных помещениях, и в лесных сторожках, и просто в оврагах под натянутым на колья брезентом. И перво-наперво все заботились, чтобы хорошо пристроить и замаскировать грузовик, на котором находилась печатная машина «американка», кассы со шрифтами и радиоприемник. Нравился Зачесову и напряженный стиль работы, частые выходы в полки, на передовые позиции, встречи с различными людьми, беседы с ними прямо в окопах.

Ходили обычно в ночное время, чтобы утром вернуться в редакцию, сдать материал в очередной номер, передохнуть, подремать немного — и снова в путь. Да еще каждый брал с собой, когда уходил, — такое было правило — по пачке газет и листовок, чтоб прямо на месте раздать их солдатам.

Одно огорчало Зачесова — не умел он пока еще писать лаконично, сжато. Сядет, бывало, у снарядного ящика и на тетрадных страничках аккуратным круглым почерком подробнейшим образом описывает: и какое небо было, и как

лес побило снарядами, и кто из солдат откуда родом, да еще и подробности о тех местах прибавит. Смотришь, пока до существования дела дойдет, до подвига то есть, уже не одна страничка исписана.

— Коля,— ворчал редактор,— расточительный вы человек. Любите излишества всякие. Пишите так, будто телеграмму посылаете, а денег у вас в обрез, и каждое слово должно выразить то, на что в обычном письме уходит двадцать слов...

И редактор подзывал к себе Зачесова и начинал при нем же беспощадно сокращать его заметку. А он стоял рядом, щеки его покрывались в эти минуты румянцем. Ему казалось, что это не по тетрадочному листу быстро чиркает редакторский карандаш, а по его сердцу. В подобные минуты хотелось вспылить, хотелось сказать, что журналиста из него не выйдет, что пусть редактор откомандирует его в строевую часть. Но редактор будто чувствовал состояние начинающего корреспондента, его переживания, и как бы между делом замечал:

— А знаете, Коля есть тут у вас изюминка. Вот ведь схватили суть... Нашли стерженек...

И постепенно Зачесов все яснее понимал, сколь полезна и необходима во фронтовой обстановке вот эта телеграфная точность и краткость стиля, эти рубленые, короткие фразы, это уважение к факту. И вот однажды редактор даже не потянулся к карандашу, а передал заметку старшему наборщику и сказал:

— Набирайте. Поставим на первую полосу.

А это уже удача, потому что на первую ставились самые оперативные и самые «гвоздевые» корреспонденции.

Но больше всего Зачесов любил не сам писать, а организовывать материал, находить людей, которые должны были выступить в газете, рассказать о своих боевых товарищах, об их мужестве и героизме.

В потертой, выцветшей планшетке Зачесов всегда носил с собой стопку чистых листов бумаги, и когда возвращался из полка, то почти все листки были исписаны.

— Вот заметок сколько написали,— не без гордости говорил он.— Тут и парторг роты, и снайпер, и командир орудия. Хороший все народ! «Товарищ корреспондент, говорят, пишите сами, мы вам все расскажем». А я им в ответ: «Нет, друзья дорогие, у вас лучше получится. Вы уж потрудитесь для родной газеты»...

Как-то, уже после Курской битвы, Зачесов привел с собой в редакцию солдата. Был солдат ранен, голова забинтована, рука на перевязи. Шел в медсанбат, но захотел прежде всего зайти в редакцию. И по пути встретил Зачесова. «Мне,— говорит,— лично командир орудия приказал передать вам вот это». И протянул небольшой, обернутый газетой сверток. Разные нам, дивизионным газетчикам, приходилось видеть заметки. Иные из них были написаны на оберточной бумаге, иные на обрывках газет, на полях страничек из старых школьных учебников, на блокнотных листках. Но строк, написанных на этикетках от консервных банок, еще не доводилось встречать. Да и строки эти особые были!

— Командир орудия,— рассказывал солдат,— на этих листочках сразу после боя записи делал... Вроде бы дневника... Ты, говорит, передай в редакцию. Может, им пригодится.

Солдат отдохнул немного, попил чайку, послушал радио (а это было самое дорогое и приятное угощение), рассказал о своем сержанте, распрощался и отправился «средний ремонт делать». А мы склонились над строками фронтового дневничка командира орудия сержанта Ивана Пономарева, которые потом появились в газете под заголовком «Сегодня вел огонь».

Строки, запечатлевшие горячее дыхание боя, всегда были праздником для редакции, для ее журналистов, а главное, они, эти строки, показывали, как ценят фронтовики печатное слово, как дорожат газетой, если даже в моменты тяжелейшего напряжения, смертельной опасности выкраивают время, чтобы рассказать об итогах боя.

Но надо уметь работать с такими людьми, находить их, надо, если можно так выразиться, иметь чутье на военкора. Зачесов умел и любил это делать. Он был организатор по складу души. Внешне мягкий, уступчивый, вроде бы медлительный, он обладал исключительной настойчивостью, когда дело касалось газеты.

— Ладно, ладно,— говорил ему парторг батальона Трибунский,— напишу. Будет тебе материал. Ведь все равно не отстанешь, заставишь писать.

— Не отстану,— улыбается Зачесов,— потому что надо. Заслужили вы, чтоб о вас всей дивизии стало известно. Да что дивизии, может, и в армии заинтересуются. Так что не скупитесь, пишите, да об опыте побольше...

Так родилась содержательная корреспонденция об опыте партийной работы в наступлении, о мужестве коммунистов,

о том, как действуют агитаторы взводов, парторги рот, как перед боями коммунисты собираются накоротке, а потом, получив установку, беседуют с бойцами, воодушевляют их.

Хорошо помогал газете командир батальона связи капитан Александр Гаркавенко. Высокий, подтянутый и энергичный офицер, он всегда был рад встрече с работниками редакции. Как бы ни был занят Гаркавенко, он находил время, чтобы «проинформировать прессу».

— Здорово, нашкорр! — гудел его баритон навстречу Зачесову. — С чем пожаловал?

— Не с чем, а зачем, — по учительской привычке поправлял Зачесов. — Будто не знаете, капитан. Будто это не вашим связистам комдив благодарность объявил.

И капитан с гордостью рассказал о бойцах батальона, о том, как они обеспечивали связь под ураганным огнем врага во время переправы через Десну под Новгородом-Северским, как часты были обрывы на линии, и все же связисты не подкачали.

Разные были встречи, разные люди.

В один из выходов в полку у Зачесова произошла такая история. Командир пулеметной роты, человек храбрый, но горячий, временами заносчивый, отказался с ним беседовать. «Вы, говорит, ходите здесь, только отвлекаете от дела». И деликатный, сверхвежливый Коля не сдержался, вспылил.

— Я пришел к вам сюда не от себя, товарищ капитан, а от газеты. С вами вместе, вы видели, и бомбежку перенес, и артналет; и когда шел бой, я вас ни о чем не спрашивал. Но у вас своя задача, а у меня своя! Бойцы должны знать о подвигах товарищей!

Этот монолог, очевидно, убедил командира. Тот извинился и подробно рассказал о событиях минувшего боя, о первом опыте уличных боев в городе, действиях штурмовых групп.

Но не только на поле боя добывалась та руда, из которой потом выплавлялись газетные строки. Выпадали короткие и быстротечные дни затишья, когда дивизия находилась во втором эшелоне или отводилась для того, чтобы пополнить личным составом поредевшие в боях полки и батальоны.

И тогда беседы корреспондента с бойцами и командирами проходили не накоротке, не на ходу, а становились более обстоятельными и душевными, с тем налетом лиричности, которая так свойственна русской душе.

...Вьется дымок над костром. Разговор неторопливый и степенный. И что заметил Зачесов, в такие минуты

не любят солдаты говорить о том, что было в бою, а возвращаются мыслью к родным краям, к мирной своей профессии, к своим близким и любимым.

Кто о Волге, об Алтае,
О Сибири держит речь...

Эти две стихотворные строчки родились и попали в блокнот именно во время такой вот беседы у костра, и жаль, что они остались неоконченными. Николай слушал бойцов и сам начинал вспоминать село Васильево, Ярославской области, где прошло его детство, просеки, пронизанные светом, сочные прибрежные луга, волны колосащей ржи и волжскую, чуть подернутую дымкой гладь. В такие редкие минуты Зачесов позволял себе, как он говорил, декламировать стихи своего любимого поэта Некрасова:

...Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме...

Шаг за шагом постигал Николай Зачесов все, что необходимо журналисту, набирался опыта и обретал ту творческую смелость, которая позволяет свободно и уверенно распоряжаться собранными фактами, обобщать, осмысливать их. И главное, к чему теперь постоянно стремился Николай, чтобы в его корреспонденциях прежде всего был виден человек, наш советский воин, живущий одной думой — скорее одолеть, разгромить врага.

Подлинным университетом фронтовой журналистики, пусть суровым, пусть выматывающим силы до отказа, были дни и ночи гигантской Курской битвы. 140-я Сибирская, впоследствии Новгород-Северская, ордена Ленина, дважды Краснознаменная, орденов Суворова 2-й степени и Кутузова 2-й степени, стрелковая дивизия сражалась на очень важном рубеже — сдерживала бешеный натиск танков врага в районе Самодуровка — Ольховатка, на Молотычинских высотах. С 7 по 11 июля здесь шли особенно ожесточенные схватки. Одна за другой следовали вражеские атаки. Земля была изрыта снарядами. Стоял невообразимый грохот. Дым стлался над холмистой степью.

Так получилось, что в первых же июльских боях был серьезно ранен один из оперативных работников редакции, очеркист, мастер коротких, публицистически взволнованных зарисовок — лейтенант Эмиль Кардин. Контузило во время

бомбежки переднего края и на несколько дней вывело из строя и заместителя редактора старшего лейтенанта Прокопа Гороховцева. То, что делали обычно четыре журналиста, теперь приходилось делать двоим — редактору и литературному сотруднику Николаю Зачесову.

А газета выходила не через сутки, как обычно, а ежедневно. И чего только не приходилось выполнять фронтовому газетчику! Сбирать и обрабатывать материалы для номера, переписывать их разборчиво и четким почерком, так как машинистки не было. Иной раз даже диктовать текст наборщику. После набора сами вычитывали гранки и полосы, вели корректуру, помогали печатать и фальцевать газету, распределять ее по полкам. Чтобы газета скорее попала на передовую, часть тиража не отправляли на полевую почту, а сами, совместно с работниками политотдела, а также с помощью офицеров связи, доставляли на передний край.

Тут уж некогда было думать о сне, об отдыхе. Только успевай побывать и на переднем крае, и в политотделе, и в редакции, только успевай собирать боевую информацию. И как помогала в эти дни дружба редакции с военкорами, с активом! Офицеры связи вместе с боевыми донесениями приносили в политотдел небольшие сообщения для газеты — писали парторги рот, батальонов, комсорги, политработники, командиры, писали все те, с кем в период обороны не раз встречались работники редакции.

И каждый день в газете появлялись сообщения непосредственно из гущи боя. Сами заголовки этих сообщений говорили о накале борьбы: ««Тигры» горят», «Железная стойкость», «Танки не прошли», «Немецкий самолет врезался в землю», «Счастье битвы», «Родина благодарит», «Подвиг артиллеристов», «Коммунисты ведут». Всего по тридцать — сорок строк занимала в «дивизионке» каждая такая информация, но с каким мужеством и риском добывались эти строки!

Об отважном наводчике орудийного расчета Корякине Николай Зачесов узнал еще по пути в батальон, в момент, когда вместе с группой бойцов в глубокой воронке от бомбы дожидался окончания вражеского артонала. Тут впервые ему рассказали, как храбро ведет себя этот воин, как метко стреляет по вражеским танкам. На позиции батареи Зачесов добрался во второй половине дня, уже тогда, когда артиллеристы отбили четыре массированные атаки врага.

Запыленные, усталые, но неунывающие солдаты сразу же заметили его.

— Смотри-ка,— сказал один из них,— летописец пришел...

Словечко это пошло в ход с легкой руки комсомольского работника дивизии Романа Кудряшова, который называл корреспондентов летописцами. И вкладывалось в это слово теплое отношение солдат к товарищам из газеты.

— Товарищ старшой, ползите к нам, у нас укрытие хорошее. А то как фриц бомбить начнет, так все взроет...

Зачесов подполз к артиллеристам, поздоровался, передал им несколько номеров газеты и попросил познакомить его с наводчиком Корякиным.

— А я самый и есть Корякин,— хрипловато сказал сидевший рядом солдат. Весь он был в пыли. Лицо чумазое от пороховой гари, одни зубы да белки глаз блестят. Да еще заметил Зачесов, что наводчик рыжеволосый, его вздернутый нос обильно покрыт веснушками.

— Мы, товарищ старшой, уже три танка подожгли.

Но Зачесов даже не успел спросить, как были подбиты танки. Снова тревога. Снова на батарее все пришло в движение. И снова расчет, в котором наводчиком орудия был Корякин, первым же снарядом поджег немецкий танк.

— Это уже четвертый за сегодня,— заметил сидевший рядом с Зачесовым санинструктор батареи.

А бой продолжался. Горели танки. Горела трава на поле. Рвались снаряды. Свистели пули. Где-то стонали раненые. Стало известно, что Корякин снова отличился и подбил пятый танк, а всего батарея уничтожила уже более двадцати бронированных гадин. Когда вражеская атака была отбита и наступило короткое затишье, Зачесов снова захотел повидать Корякина.

— Вряд ли он что вам скажет,— хмуро, с какой-то непередаваемой болью ответил на его просьбу командир орудия.— Ранен наш Миша, тяжело ранен...

В это время санитары на носилках пронесли к укрытию наводчика. Тот с трудом, устало и отрешенно открыл глаза, посмотрел на Зачесова, на своих товарищей, еле раздвинул губы и произнес: «Прощайте, хлопцы... Тяжко мне... Отомстите...» И замолк.

И все это было по сердцу и требовало: писать, писать, чтоб все прочитали и чтоб еще яростнее громили врага, громили так, как делали это Корякин, Симаков, Ерипалов, Чмут, Кузяков, Пода, Патов и многие, многие другие бойцы и командиры дивизии, о которых рассказывала в эти дни газета.

Началось наступление. Полки вступали в освобожденные села и города, газета запестрела заголовками, зовущими неотступно преследовать врага... Переправа через Десну, через Сож... А затем через Днепр. И километры, километры фронтовых дорог. И все в пути, все в частях, все новые и новые встречи, новые корреспонденции. В дневнике, который вел в этот период комсомольский работник капитан Роман Кудряшов, есть такая запись, сделанная в ноябре 1943 года:

«Находимся в Белоруссии. Трудные бои идут. Упорные. А тут еще чертово бездорожье задерживает продвижение. Был в 94-м полку, встретил там Зачесова. Устал, но вида не подает. Улыбается и деликатничает, как обычно. Он человек внешне мешковатый и тихий. Но без материала в редакцию никогда не возвращается. И все норовит о солдатах, сержантах написать, с ними потолковать. И меня вот заставил. Пришлось статейку о комсоре с ним передать. Одно слово, он, как и другие работники редакции, скромный труженик войны. Я так понимаю. И так ему об этом сказал».

В тот ноябрьский день условились, что все сотрудники соберутся к вечеру из полков в редакцию, разместившуюся в полуразрушенной хате на краю разбитого гитлеровцами села. И вот прибыли с большим запасом новостей редакционные работники, и наборщики уже склонились над кассами и торопливо набирали статьи очередного номера, а редактор писал передовую. Лишь Зачесов где-то задерживался.

— Что-то наш Николай завяз. А жаль. В том полку, где он был, нынче много бойцов отличилось... — как бы между делом сказал редактор, взглядываясь в темные, исполосованные дождем стекла окна.

В это время на улице слышалось шлепанье копыт по дороге. Потом кто-то осадил коня у хаты.

Затем дверь редакционной избы распахнулась, и через сбитый полусгнивший порог переступил коренастый, широкий в плечах солдат. Сапоги и плащ-палатка были у него забрызганы и заляпаны грязью.

— Это и будет редакция? — басовито спросил солдат, отряхиваясь и сбрасывая с плеч набухшую от дождя плащ-палатку.

— Да, редакция... А в чем дело, товарищ?

— В том, что искал долго... Темно, понимаешь, и дождь окаянный всю душу вымотал. А мне велено, чтоб срочно. Командир, понимаешь, коня дал, скачи, говорит, передай... А где тут по этой грязюке поскачешь?

— А что вам приказано передать? — спросил старший лейтенант Гороховцев.

— Да вот планшетку от корреспондента. От вашего, — солдат протянул знакомую всем выцветшую и побуревшую планшетку Николая Зачесова и добавил: — Очень он просил командира нашего, чтоб поскорее доставить. Там, мол, в планшетке, материал в номер. Так и сказал.

— Ну, а сам-то Зачесов где? Что с ним?

— Сам... — солдат переступил с ноги на ногу. — Увезли его. На медпункт увезли. Это при мне еще. Жив был... Планшетку вот успел передать. Срочно, говорит, в редакцию... Тяжело ему. На мину напоролись они. Один, его напарник, значит, враз погиб, а он еще жив был... Срочно, говорит... А сам еле дышит... Вот какое дело...

Наступила гнетущая тишина. Солдат ничего не смог добавить к тому, что уже рассказал. Полк наступал, бойцу нужно было скорее возвращаться. Он назвал место, где до его отъезда находился медпункт, и показал это место на карте. Потом добавил, что ему надо торопиться. Тихо сказал: «До свидания...» И уже через минуту слышно было, как он сердито понукает уставшего коня...

Старший лейтенант Гороховцев в тот же час поехал в политотдел и оттуда уже поздно ночью добрался до медпункта. Все ждали, какие вести он принесет. И в то же время, как и всегда, работали над номером. Ведь газета должна быть к утру отпечатана... А потом пришел приказ двигаться дальше. И лишь через сутки стало известно, что Коля Зачесов умер от ран 17 ноября 1943 года, умер в помещении батальонного медпункта и тогда же был похоронен, так как батальон продолжал наступление...

Погиб журналист, скромный труженик войны, так и не получив своей второй награды — ордена Отечественной войны 2-й степени, к которой он был представлен за отличия в боях и образцовое выполнение заданий командования. Известие об этой награде пришло в дивизию уже после того, как Николай Зачесов покоился в белорусской земле.

Погиб журналист. Но продолжали жить его строки. Записи, сделанные в полевой книжке, последние записи о тех, кто преследовал врага, кто первым врвался на вражьи высоты и вступал в населенные пункты, теперь уже приняли форму репортажа с поля боя. Ровные, пахнущие свежей типографской краской, стояли они, как солдаты в колонне, строка к строке. «Наш корреспондент сообщает...»

Юрий Чернов
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
КОНСТАНТИНА ГРИШИНА

не рассказали о нем в Виннице. Рассказ был сбивчивый и неполный — эхо, долетевшее почти через четверть века после событий. Да и события развертывались за линией фронта, во вражеском тылу. Но в руках моих оказалась тонкая ниточка. Предстояло осторожно, бережно распутать ее, не оборвать.

Мне, как и любому, пришедшему в газету на войне, известно, что иные статьи оплачены жизнью. Среди моих товарищей по перу есть и меченные осколками, есть и не вернувшиеся в редакцию. Но нас, когда мы падали под огнем, подхватывали дружеские руки; а если суждена была смерть, то это была смерть на миру, среди своих.

Журналист-подпольщик жил во вражеском тылу по-иному. В любую минуту его могли схватить, бросить в застенки, сгноить в каменном мешке тюремного каземата...

Мне захотелось рассказать о жизни и смерти Константина Сергеевича Гришина. Поиски привели меня из Винницы в Жмеринку. Беспощадное время уничтожило многое. Но я искал, и на помощь мне пришли люди и документы.

Жива Наталья Алексеевна Шевелева, у которой снимал комнату Константин Гришин; живы его друзья и соратники по работе в подполье Василий Васильевич Киняев, Елена Анисимовна Добровольская, Виктор Лиздин; с неубывающим энтузиазмом разыскивает документы, связанные с Гришиным, научный сотрудник Винницкого партархива Ангелина Алексеевна Созыкина.

Все они — мои соавторы.

...А сейчас давайте перенесемся в Жмеринку, в июль 1943 года. Место действия — улица Одесская, 37, двор перед домом Натальи Алексеевны Шевелевой.

— Жандармы не торопились, — рассказывает Виктор Лиздин. — Шестерых арестованных они связали попарно, заломив им руки назад. Мне, седьмому, пары не нашлось. Я стоял один, замыкая строй.

Провал был явный. Жандармы нашли под койкой Константина Гришина лаз в подвал. Там были пистолеты, гранаты, шрифты. Жандарм высыпал на ладонь маленькие, поблескивающие металлические буквы, поиграл ими и бросил в коробку. Другой включил радиоприемник. Вспыхнула шкала, что-то захрипело, и вдруг хлынула русская речь. Жандарм вздрогнул от неожиданно громкого голоса и тут же выдернул вилку...

Мы молча стояли перед вымершим домом. Из низины, из глубины сада тянуло сыровой прохладой. Старший докуривал папиросу. А я все поглядывал на густые заросли старого сада и наконец шепнул Гришину:

— Костя, я убегу.

Костя чуть заметно кивнул:

— Беги!

Я бросился к кустам, к откосу. Помню только, как ветки прошуршали, как прыгнул я и, не удержав равновесия, плюхнулся на землю.

Что приключилось потом, я узнал со слов товарищей много дней спустя. А дело было так.

Вскочил я со связанными руками, ловкость не ахти какая, а жандарм меня на мушке держит. Не убежать бы, конечно, да тут случилось непредвиденное.

Гришин, увлекая напарника, с силой толкнул жандарма. Выстрел прогремел, но пуля ушла в сторону. Я метнулся в кусты.

Сами понимаете, Гришину не поздоровилось: жандарм схватил с земли лопату и рассек ему щеку. Дернулись связанные руки. Кровь потекла по лицу, по шее, зачервонел ворот рубахи.

Словом, принял он на себя всю их ярость. А я тем временем садами и огородами скрылся...

Чтобы больше не возвращаться на Одесскую, 37 (ныне улица имени Жданова), я коротко расскажу о судьбе этого дома и о его хозяйке Наталье Алексеевне Шевелевой. Дом сохранился. Он стоит — приземистый, кирпичный, побеленный. У стен под желобами, по которым стекает дождевая вода, бочонок и чан. Они были и тогда.

В комнате мне показали старую железную койку — на ней спал Гришин. И лаз в погреб показали. А в погребе горит маленькая лампочка — электричество сюда провели Константин Гришин и братья Лиздины, Виктор и Герберт. Здесь по ночам они принимали по радио сводки Совинформбюро, заполняли тесные колонки газеты «Красный партизан».

В тот день, когда схватили подпольщиков, арестовали и Наталью Алексеевну. Жандармы, видимо, решили, что если будет молчать мужчины, то женщина заговорит.

— Привели меня на допрос, — вспоминает Шевелева, — а я про себя зарок дала: молчать. Пусть хоть кол на голове тешут — ни слова. Тогда не собьют, не запутают, ничего от меня не узнают.

Так и вышло. Следовательно вопрос, а я только головой мотаю. Он заорал:

— Онемела, оглохла?!

Молчу.

— А ну, — приказал он, — прочистите ей уши!

Батюшки, что тут началось! Били меня по голове, по ушам. На пол бросили и опять били. В сознание я в больнице пришла. Врачи меня выходили, а вот слуха лишилась. Глухая я.

У входа в дом Н. А. Шевелевой — Мемориальная доска: «Здесь в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. находилась партизанская подпольная типография и радиосвязь».

Наталья Алексеевна провожает меня до порога. Она пытается понять мои вопросы по движению губ, но это не удается ей.

— Вы уж лучше потолкуйте с Василь Васильичем Киняевым. Он про Костю больше расскажет, — советует Шевелева.

Я направляюсь к Киняеву.

II

Передаю почти дословную запись рассказа В. В. Киняева.

— Когда Гриша пришел к жмеринским подпольщикам? Пожалуй, точно дату не скажу. То ли в конце сорок второго,

то ли в начале сорок третьего. Хорошо помню, что зимой. Он бежал из немецкого концлагеря. Знаю, что помогли ему рабочие паровозного депо, куда пленных гоняли на работу. И документы ему достали на имя Грищенко.

Официально Костя работал в немецких мастерских. Занимались эти мастерские ремонтом железнодорожных зданий и сооружений. Представляете это хозяйство?

Привели Костю в подпольную организацию братья Лиздины, с которыми он жил у Шевелевой. Привели, а он сразу — быка за рога.

— Я слышал, вы радиоприемник можете достать. Обязательно достаньте. Наладим выпуск листовок. Ведь люди живут, как слепые. Что на белом свете делается, не знают. Мы глаза им откроем.

Могу похвалиться — приемник достали быстро. Собственно, достал его Макс Фарбер, живший в гетто. Днем его выводили на работу в город и на станцию. Связист он был знающий, немцы не спешили с расправой. А Макс в рюкзаке унес приемник и передал нам.

В подвале Натальи Алексеевны заговорила Москва. Листовки со сводками появились на заборах, на стенах домов, в окрестных селах. Железнодорожники повезли их в Казатин, Нежин, Вапнярку.

Лиха беда начало. Поняли мы: листовки — дело хорошее, но газета — еще лучше. За ее создание и взялся Костя Гришин.

К тому времени наша организация окончательно оформилась. Дали ей имя — «Советские патриоты». Утвердили подпольный комитет. А газету называли «Красный партизан». Выпускали ее в подвале Натальи Алексеевны. И была она рукописная. Посмотрите, от типографской не отличишь. Буквы печатные писаны тушью, строчки — одна в одну. И все на месте: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», название, дата, номер, чей орган...

— В газете нет мелочей, — объяснял нам Костя. — Ошибешься в мелочи — не поверят в большом.

Ночами напролет просиживал он над газетой.

Мы сначала спорили:

— Слушай, Костя, стоит ли рисковать жизнью, передавая газету из рук в руки, а в ней бог весть что: открытие филиала консерватории в Ленинграде, стройка гидростанции в Казахстане...

Костя с сожалением смотрел на меня.

— Пойми, читатель не дурак. Прочитает, что в Союзе консерватории открывают, гидростанции строят, и скажет: есть у нас порох в пороховницах. Живет страна! Выстоит!

— Как Костя писал? О, это особый разговор. Жаль, не собрать написанного. Помню, начался массовый угон нашей молодежи в неметчину. «Красный партизан», конечно, выступил. И сразу мы Костино перо узнали. Был у него такой секрет: когда пишет, обращается к тебе лично. Доверительно, по-свойски. Вот, мол, машинист, ты ведешь состав, а в телячьем вагоне брошена на доски твоя дочь, твой сын. Увозят их в рабство, вражью блевотину отмывать или пули отливать, чтоб тебя же и убить. Так не быть этому! Останови поезд в лесу, раскрой двери вагонов, отломи краюху хлеба убегающему от рабства брату...

Всего, конечно, не перескажешь. А как читали нашу газету? Иной семь, а то и десять километров пройдет, чтоб добратся в лесную сторожку или в сарай, какой на окраине села, и почитать «Красного партизана».

И все же рукописная газета не могла полностью заменить печатную. Привезли мы из Киева шрифты. Помогли нам киевляне Надежда Фурс, Анатолий Дмуховский, Георгий Китин. Земляки наши подпольщики Яков Лойзнер и Абрам Винер изготовили заголовок газеты на резине, наборные линейки, кассы для шрифта. Костя Гришин спал и видел новую газету — настоящую, печатную, пахнущую типографской краской. Все было готово. Да вот не успели...

Василий Васильевич Киняев замолчал, вспомнил, наверное, день провала, когда жмеринские подпольщики были брошены в застенки.

Тут началась новая страница и в жизни Константина Гришина.

III

«Здравствуй, Леночка!

Сегодня 2-й день, как я смотрю на ворота тюрьмы и улицу. Каждую минуту мне кажется, что ты подошла к воротам, и я бегу к окну.

Кроме этого, стараюсь чаще выходить на прогулку, чтобы увидеть тебя, но тебя нет. Я беспокоюсь, что тебе не удастся приехать. Я знаю, что с пропуском не ладится.

Не знаю, удалось ли тебе встретиться с человеком. Если удастся приехать — знай, что я тебя встречаю с «Цыгане а ин бетренит»¹.

Привет всем. Пытайся взять пропуск на свидание, это возможно.

Целую «крошку» и тебя

К.

Тирасполь, понедельник, 30 августа 43 г.»

«Здравствуй, Леночка!

Последние дни настроение значительно улучшилось. Объясняется это тем, что последнее время привело меня к такому убеждению, что вырваться по «милости»... приобретенной... не удастся. Отсюда следует, что вопрос этот должен быть решен так, как он решается в гимне... Собственной рукой... решительной.

Жизнь закончить можно двояко. Из этой двоякости я предпочитаю тот случай, который связан с борьбой, который даст шансы на жизнь, на который никто из честных и преданных людей не покажет пальцем...

Ты знаешь, Леночка, что я всегда с иронией относился к славе, но славная смерть — великая честь человека.

Настроение хорошее потому, что жизнь свою прожил я честно и с честью решил ее закончить.

Тирасполь — тюрьма, камера смертников. 1. X 43 г.»

«Здравствуйте, милые!

Послезавтра будет неделя моего пребывания в камере смертников. За все это время я не имел удрученного состояния, как это бывало в первые дни моего ареста. В те дни мой мозг был сильно перегружен. Я переживал за вас, за Сашу, за товарищей, за многое другое. Теперь все это освободило мою голову. Вы же теперь радуете мое сердце.

О себе я не думаю, потому что за меня подумали немного враги. Надежды на то, что они еще будут думать за меня и помилуют, я не имею. Иногда надеюсь на себя, но эти надежды чрезвычайно малы.

Вот почему я эти дни провел спокойно. Настроение хорошее не только у меня, а у всех 18-ти — поем, танцуем, устраиваем борьбу, как 18 шаловливых ребят, часто дискутируем...

¹ Название румынского танго.

Маруся еще не была. Ночью очень жарко. Не сплю, говорю с вами. Два образа не покидают меня целыми ночами.

Ириночка, поцелуй за меня мамочку; Леночка, поцелуй за меня Ириночку.

Ваш К».

Записки Константина Гришина из тираспольской тюрьмы показала мне Елена Анисимовна Добровольская. Написаны они на папиросной бумаге. Слова вполне различимы, хотя клочки бумаги протерлись, обветшали на сгибах.

Гришин умудрялся просунуть записку в каемку носового платка. Платки и другие вещи отдавались в стирку при свиданиях.

У Елены Анисимовны хранятся еще две записки от Гришина. Они особенно важны, без них трудно было бы понять внутренний мир Константина Сергеевича.

Я приведу их полностью. Но прежде всего я расскажу об истории знакомства и дружбы Константина Гришина с Еленой Добровольской, которой адресованы записки из камеры смертников.

IV

Елена Анисимовна Добровольская говорит не спеша, негромко, вспоминая пережитое:

— В годы оккупации Жмеринки я работала в ресторане Смолянского. «Ресторан» — это слишком громко сказано. Скорее это был кабачок в одноэтажном домике, с пятью-шестью столиками вдоль стен.

Смолянский был делец предприимчивый. Где-то он умудрялся доставать продукты, пиво, даже спирт. Но главной притягательной силой кабачка был оркестр.

До войны я преподавала в музшколе, и в кабачок устроилась пианисткой; в оркестр входили скрипач Александр Исаков и старик контрабасист Михаил Халепа.

Послушать музыку, выпить по кружке пива заходили к Смолянскому немецкие и румынские офицеры, солдаты. Бывали и жители Жмеринки. Однажды в кабачок зашел широкоплечий, высокий мужчина, лет тридцати. Он сел за столик, стоявший ближе к оркестру, заказал кружку пива.

Пил он не спеша, маленькими глотками.

Я видела этого посетителя впервые. Временами мне казалось, что он всецело поглощен музыкой. А порой чудилось,

что он прислушивается к разговору офицеров за соседним столиком.

За долгие недели работы в кабачке я научилась угадывать состояние посетителей. Так, во всяком случае, мне казалось. Несколько раз я ловила взгляд незнакомца и на себе. У него были внимательные серые глаза. Очень внимательные. Это я, хотя и мельком, но заметила. Позже выяснилось, что Александр Исаков знает нового посетителя. Он и познакомил меня с Константином Гришиным.

Гришин стал бывать у нас в кабачке. Иногда он заказывал:

— Не сыграете ли «Есть на Волге утес» или «Во поле березонька стояла»?

Как-то вечером предложил мне:

— Разрешите, я провожу вас?

Провожая, говорил о музыке, говорил, что она — мостик в ту, довоенную жизнь, мостик, соединяющий с Родиной.

И неожиданно припомнил:

— Вы сегодня по-особенному играли «Во поле березонька стояла».

В тот вечер Константин Гришин предложил мне сотрудничать с подпольщиками. Я ждала этого, предчувствовала это, но предупредила:

— У меня дочь Ирочка. Ей десять лет.

— Знаю, — кивнул Гришин.

Я стала корректором «Красного партизана».

▼

Елена Анисимовна стала не только соратницей Гришина по газете, она стала его близким и надежным другом. Когда Гришина схватили жандармы, Добровольская не раз пробиравась в Тирасполь, добивалась в тюрьме встреч с Константином Сергеевичем, приносила ему весточки из Жмеринки, продукты, белье, а главное — ощущение связи с волей, с теми, кто продолжает борьбу.

В доме Добровольской хранятся вещи, связанные с памятью Гришина, среди них и книга Владимира Маяковского «Сочинения», в одном томе. Это массивная, тяжелая книга, выпущенная за два-три месяца до начала войны. На титуле — портрет поэта, молодого, задиристого, с папироской в зубах.

Свои очерки она подписывала А. Тяхтинен (в переводе с карельского — звездочка). Анастасию Звездину и ее товарищ-разведчиков расстреляли фашисты 17 февраля 1943 года. Насе было 22 года...

Июнь 1942 года. К редактору газеты 8-го кавалерийского корпуса Виктору Портнову (слева) приехали дорогие гости — сотрудники фронтовой газеты «На разгром врага» Сергей Сретенский и Петр Зорев. Зорев погиб через месяц после этой встречи, а Сретенский пережил Петра всего на полгода...

Таким 26 июня 1941 года ушел на фронт московский журналист Глеб Толстов.

Редакционные и типографские работники дивизионной газеты «Родина зовет». Глеб Толстов сидит первый слева.

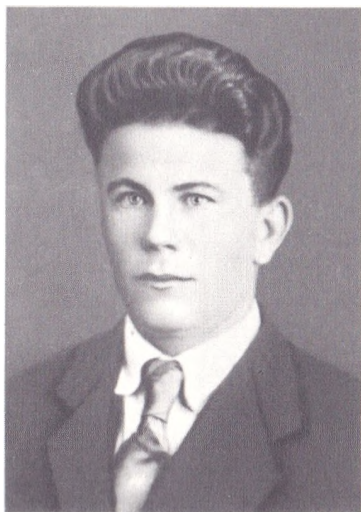
Осенью 1942 года в редакции газеты 63-й армии «За Отечество» появился новичок — фотокорреспондент капитан Леонид Боркин...

Человек спокойного мужества, Борис Прокопьевич Иваницкий — фотокорреспондент «Комсомольской правды».

«Изучаю технику и людей. Я все должен знать, ведь я не только старший политрук, но и секретарь партийной организации», — писал Николай Козырев с фронта. Журналист Козырев погиб во время ожесточенного танкового сражения в августе 1943 года.

Ответственный секретарь дивизионной газеты «В атаку» Николай Иванович Родионов. Вместе с бойцами он жил, воевал, вместе с погибшими героями похоронен в братской могиле на берегу Днепра.

**Георгий Баранов с
дочерью Наташей.**

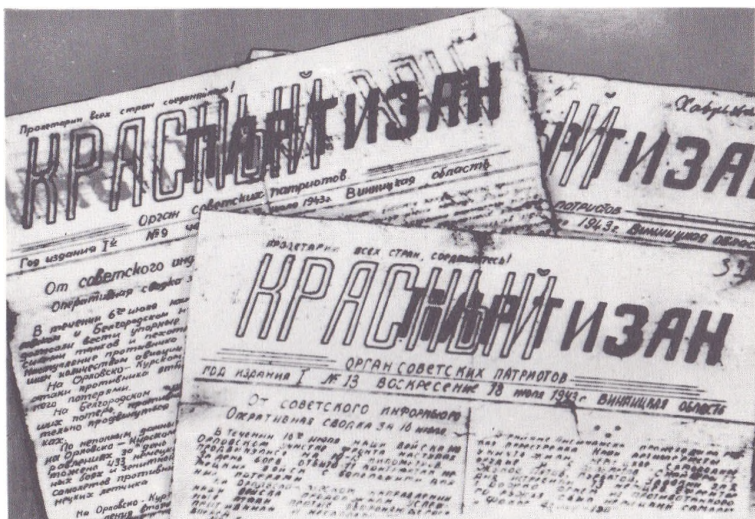
**1938 год. На праздник литературного объединения автозаводцев
приехал Джамбул (в центре). Второй слева — Георгий Баранов. Справа —
Леонид Соболев. Это, одно из старейших в Москве, заводское литера-
турное объединение существует до сих пор.**

Солдаты любовно и шуточно называли его летописцем. И эта любовь была обоюдной. До последнего часа Николай Зачесов был на передовой и умер от ран в батальонном медпункте, успев передать свою планшетку с материалами в номер.

«...Настроение хорошее потому, что жизнь свою прожил честно...» — писал из тираспольской тюрьмы Костя Гришин.

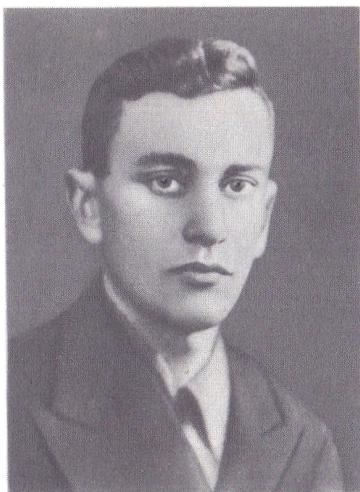
Газета «Красный партизан», которую редактировал Константин Гришин.

Дом Н. А. Шевелевой в Жмеринке, где помещались подпольная типография и радиосвязь.

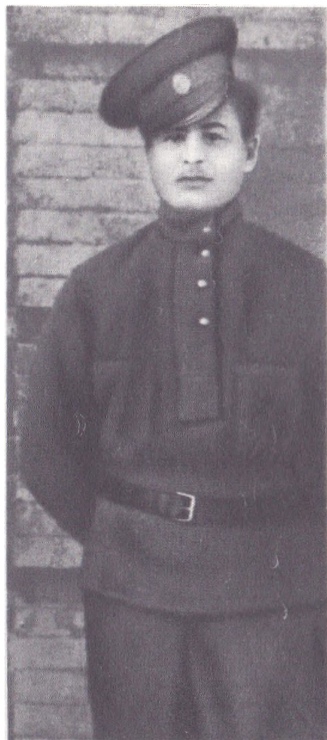

Мемориальная доска на доме Н. А. Шевелевой.

Яша Бабушкин — душа блокадного Ленинградского радио.

Аргунский казак Зиновий Алексеевич Зверев, отец Героя Советского Союза Ивана Зверева. Красный казак Зиновий Зверев был расстрелян в 1919 году бандитами атамана Семенова.

В марте 1941 года Рая и Иван Зверевы справили свою скромную свадьбу.

С О Ю З
С О В Е Т С К И Х
С О Ц И А Л И -
С Т И Ч Е С К И Х
Р Е С П У Б Л И К

Москва - Кремль, 7 июля 1967 г.

ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

П

РЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

УКАЗОМ от 13-го сентября 1944 г.

за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм

присвоил *Звереву*

Ивану Зиновьевичу

ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Член Президиума Верховного Совета СССР

Член Президиума Верховного Совета СССР

Грамота о присвоении звания Героя Советского Союза Ивану Звереву.

Ленинград, ноябрь 1941 года. Уходя из редакции «Красной звезды» в Действующую армию, корреспондент Петр Назаренко (на снимке — в центре) сфотографировался с друзьями-журналистами Валентином Хейстером (слева) и Павлом Араповым.

Февраль 1944 года. Полковник П. Назаренко (второй слева) ставит задачу командирам подразделений.

— Теперь мы погоним их до Карпат и дальше...— это были последние слова полковника Петра Назаренко, командующего артиллерией 161-й стрелковой дивизии. Имя Героя Советского Союза П. Д. Назаренко носят колхоз и пионерский отряд в селе Чертовец Ивано-Франковской области.

Добрый, талантливый и смелый человек — таким был Николай Саратовский, заведующий отделом газеты «Экономическая жизнь».

**Капитан Юрий Севрук
во время боев за Днепр.**

**Январь 1944 года. Капи-
тан Юрий Севрук с сыновья-
ми Андреем (слева) и Оле-
гом. Теперь Андрей — инже-
нер и преподает точные нау-
ки в далеком Алжире, а
Олег — доктор биологиче-
ских наук.**

Торжественная пионерская линейка на могиле Юрия Севрука в г. Выру
в день 50-летия ВЛКСМ.

— Красивый город,— сказал
Серафим Александрович Проко-
фьев, когда наши войска освободи-
ли Краков,— как хорошо, что
он совсем не пострадал...

Редактор армейской газеты
«На разгром врага» С. А. Про-
кофьев похоронен в Кракове, на
площади Барбакан.

Капитан Павел Михайлович Бесов.
Погиб, освобождая Китай от японских
милитаристов.

Обелиск на могиле, в которой похоронен военный журналист П. М. Бесов вместе с экипажем боевого самолета.

Книгу Гришин подарил Елене Анисимовне. Где и как он ее достал в оккупированной Жмеринке — сказать трудно.

Гришин «открыл» поэта Добровольской. Он помог ей почувствовать остроту и темперамент его поэзии. Он гордился словами Маяковского: «В работе сознательно перевожу себя на газетчика».

Когда Гришина заточили в камеру смертников, он написал ей:

«Дорогая Лена!

Ты просила меня сделать надпись на «Маяковском». Писать о том, что это мой подарок тебе в память обо мне, я не хочу. Потому что это память все же о Маяковском.

Правда, иногда ты можешь вспомнить о том, что я его любил, о том, что я хотел бы хоть немного быть похожим на него.

Да, в немногом я ему пытался подражать. С 1929 г. я полюбил работу со стенными газетами. Потом, в дни коллективизации, увлекся живой газетой и выпуском многотиражек.

Моя работа в «Коллективном труде»¹ научила меня многому в смысле технического издания газет. И наконец, «Втузовец»² оформил меня как редактора.

«Красный партизан» был для меня родным детищем. Каким он был бы большим и сильным, этот детеныш, сейчас?!

Для его силы было все приготовлено. И только предательство погубило меня и вместе со мной и его.

Ты хочешь иметь память обо мне, а я хотел бы, чтоб ты выполнила мое последнее желание: возьми вторую мою красную книжечку³. Оставить ее в память обо мне нельзя, а обменять на другую, такую же — это есть мое последнее желание...

Ваш Гришин».

* * *

Блокнот невелик, он легко уместится в кармане. Страницы его аккуратно расчерчены нотами.

Здесь «Венгерский танец» Брамса, «Итальянская полька» Рахманинова, «Музыкальный момент» Шуберта, «Турецкий

¹ «Коллективный труд» — цимлянская районная газета.

² «Втузовец» — многотиражка Ростовского машиностроительного института, где К. С. Гришин учился перед войной.

³ Красная книжечка — партийный билет К. С. Гришина, спрятанный в стене дома Н. А. Шевелевой.

марш» Моцарта, здесь русские народные песни «Есть на Волге утес», «Во поле березонька стояла», «Дубинушка», «Понапрасну, Ваня, ходишь», румынское танго «Цыгане а ин бетренит». Все вещи перечислить трудно. Между тем в блокнот попало только то, что любил Константин Гришин. И подарила ему этот блокнот Елена Добровольская.

Тогда, до ареста Гришина, казалось, что у него впереди долгая жизнь. В продаже нот не было. Елена Анисимовна от руки переписала любимые вещи Кости. И вот эта «музыкальная книжица» возвратилась к своей создательнице. Возвратилась с припиской:

«Леночка, с этим блокнотом я хотел прожить свою жизнь, вспоминая всюду милые для меня три образа. Теперь пусть он останется памятью для двух об одном.

Тирасполь. 18.IX 43 г. Гришин».

И вот какие еще слова написал в тот день Константин Гришин:

«Человек — это замечательная форма существования материи, одаренная сознанием, а следовательно, способностью мыслить, творить, создавать себе блага, подчиняя себе законы природы.

Жизнь человека — борьба.

Борьба моего народа — моя борьба, борьба справедливая.

Что замечательно в борьбе моего народа — так это то, что всю свою борьбу он неразлучен с песней, с музыкой, в которой заключены чувства радости, любви, несчастье, его воля, его страдания, где изображен героизм его борьбы.

Всю свою жизнь я был неразлучен с музыкой. С ней я не разлучен и сейчас, в то время, когда я сижу в тюрьме с товарищами, когда меня, как и многих из нас, ожидает смерть. Мы поем, поем песни, которые тревожат наши сердца, поднимают в нас ненависть и готовность при первой возможности к схватке за жизнь...

Единственным моим желанием является закончить мой блокнот пролетарским гимном, который особенно тревожит сейчас наши сердца. Им мы закончим последние минуты нашей жизни, когда дула вражеского оружия глянут нам в лицо.

К. Гришин. 18. IX 43 г. Тирасполь».

В декабре по Жмеринке пополз тревожный слух: заключенные, бежавшие из тираспольской тюрьмы, рассказывали о расправе над узниками 38-й камеры.

38-я — камера смертников, где сидели жмеринские подпольщики, где сидел Константин Гришин. Говорили, будто осужденные потребовали, чтобы их расстреливали днем, чтобы провели через город и чтобы все видели, как идут они на смерть.

В ночь на 2 декабря тюрьма проснулась от выстрелов. Из 38-й камеры доносились крики. Потом послышался «Интернационал».

Гулко и дробно ударил пулемет. Тюремщики расстреливали песню. Она оборвалась не сразу, но скоро все затихло.

Елена Добровольская послала Гришину открытку. Открытка возвратилась из тюрьмы с припиской: «Адресат был».

Тайны недолговечны. Освободители Тирасполя на стене одной из камер обнаружили надпись:

«2.XII 43 г. восемнадцать жмеринских партизан расстреляны из пулемета».

И все-таки подробности гибели подпольщиков оставались невыясненными. Поиски продолжались. Только через двадцать с лишним лет после трагической зимней ночи научный сотрудник Винницкого партархива Ангелина Алексеевна Созыкина среди документов румынской сигуранцы обнаружила то, что искала.

О последних минутах подпольщиков говорили враги. Вот краткие выписки из страшного документа, подписанного военным прокурором, гарнизонным священником, комендантом тюрьмы.

...2 декабря 1943 года, в 5 час. 30 мин., военный прокурор распорядился перевести жмеринских подпольщиков сверху в канцелярию для ознакомления с приговором и сопровождения арестованных для расстрела.

Представители тюрьмы, поднявшись в камеру № 38 второго этажа, где находились 18 осужденных, возвратились без арестованных, так как они отказались выйти оттуда. Попытка разделить арестованных на малые группы не удалась.

Требованию военного прокурора выйти из камеры они не подчинились.

Военный прокурор (Франк Георге) пробовал построить в ряд осужденных. Для этого потребовались самые сильные охранники и полицейские.

После этого арестованные, державшиеся в глубине камеры, оказали сопротивление. Они швыряли золу из печки в глаза полицейским, один даже вырвал железный прут из решетки окна.

Полицейские начали отступать.

Военный прокурор распорядился выстрелить вверх. Однако группа арестованных, собравшись с силами, все-таки попыталась вырваться в дверь.

Тогда прокурор приказал стрелять по заключенным.

Военный прокурор вместе с медиком гарнизона проверил результат...

Жмеринские партизаны — измученные и безоружные — дали последний бой своим палачам в камере. Нам известны имена 18-ти. Среди них Константин Гришин.

Я думаю о его короткой, на полуслове оборванной жизни. Пока мы узнали о ней очень и очень мало. Мы знаем, что его слово стало частью его жизни.

Листовки, написанные его рукой, номера газет, рожденные в тайнике жмеринского подвала, были людям нужнее хлеба.

Константин Гришин был молодым журналистом. Наверное, ему не хватало мастерства, не хватало опыта. Но у него мы можем учиться защищать свои убеждения на самых крутых поворотах жизни.

Вот почему в Тирасполе не зарастает тропа к скромному памятнику, где погребены 18 жмеринских подпольщиков. Если будете в этом тихом молдавском городе, приходите и вы поклониться праху героев, праху молодого журналиста, редактора «Красного партизана» Константина Гришина.

**Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли...
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы все сложили в жизни, что могли.**

Сергей Орлов

Елена Вечтомова
ЭТО НЕ ПРОШЛОЕ

В детстве Яша Бабушкин гонял голубей, рисовал, великолепно плавал, азартно играл в баскетбол, решал сложнейшие шахматные гамбиты, прыгал с шестом в высоту и был неутомимым пешеходом. Яша читал Пушкина, Маяковского, Светлова так, будто говорил с ними, мечтал, спорил, соглашался. Жизнь его до семнадцати лет прошла в Евпатории, а о племени прокаленных солнцем, просоленных морем, задумчивых и неистовых евпаторийцев написано много.

Радостный фантазер, Яша тут же стремился практически осуществить свои фантазии; заводила и командир, он умел быть выносливым и точным рядовым.

Окончил школу он в 1930 году и уехал в Москву работать на завод АМО, потому что считал: нужно сначала узнать жизнь, а потом уже получать образование. Но Москва не Евпатория, хотя и не такой уж север. Южанину Яше пришлось плоховато. Жилось трудно. Начался туберкулез, пришлось вернуться домой подлечиться. Вуз он окончил с отличием в Ленинграде. Был направлен в Радиокomitee на должность начальника художественного вещания.

Литература для него была делом жизни. Он написал интересную работу о генерале Лукаче. Мы были уверены, что Яша станет незаурядным литературоведом, исследователем, историком советской литературы. Острые литературные проблемы становились проблемами его собственной жизни. К ним он относился воинственно, беспокойно. Последнюю

книгу «Тихого Дона» он принял восторженно. Яша решил, что радиослушатели должны разделить с ним эту радость — встречу с хорошей книгой. Ленинградцы помнят, как всю книгу прочитал по радио Антон Шварц.

Время выбирали позднее — вечер или ночь, чтобы слышали все. Такие чтения с продолжением на радио стали традицией и сослужили хорошую службу.

...Все мы жили в предчувствии «последнего решительного».

Тучи собирались. Мы писали о том, что готовы встретить удар. И вот заместитель Бабушкина — ответственный редактор, вечно беспокойный Валерий Гурвич заявил, что нужна поэма, которая соединила бы в себе наши предчувствия войны, готовность к борьбе. Бабушкин поддержал его. Поэму написал Юрий Инге, и в первый день войны, вслед за правительственным сообщением о вероломном нападении гитлеровцев на Советский Союз, Ленинград слушал ее по радио.

Работники радио занимались строевой подготовкой в скверах и на улицах до поздней осени 41-го года. Зимой военнизированные сотрудники радио несли охрану своего объекта, дежурили с винтовками в проходной.

В сентябре 41-го года было организовано вещание на Москву. Руководил этой работой Бабушкин. Для оперативных материалов использовали полученный от военного командования радиоавтобус с магнитофонным оборудованием. Из фронтовых записей, из корреспонденций, бесед с героями, из выступлений писателей и не писателей начала складываться летопись военного Ленинграда. Не будь этого, мы не обладали бы теперь уникальными записями великих лет, не могли бы восстановить голоса Ленинграда в борьбе.

Радиокомитет стал как бы огромной фронтовой газетой. В нее стекались творческие силы города. Из нее расходились (реже разъезжались) корреспонденты по всем соединениям и объектам на передний край — к Пулкову, за Богатый, к Мясокомбинату, на заводы и ГЭС, в которых были цеха менее простреливаемые и более простреливаемые. Люди не всегда возвращались. Ася Васильева, дававшая отличные репортажи с фронта зимой 41/42 года для «Последних известий», попала в бомбежку на Волховском фронте. Она находилась в избе вместе с корреспондентом «Правды» Даниилом Рудневым. Промерзнув, он стоял и отогревался у печи. Ася торопливо писала, сидя у стола.

Прямое попадание не ранит.

Рухнула крыша, осели стены. Ася была убита наповал. Бревна образовали косой шатер над остовом печи. Руднев остался жив...

Яша Бабушкин был душой коллектива работников ленинградского радио. Он собрал актив, способный действовать в любой обстановке. Город жив! Полнокровна его оборона. Отлично работают летчики, артиллеристы, моряки. Воюют и работают прекрасные люди — вот они! Это важно было показать всему миру.

Зазвучали передачи: «Слушай, страна!» Город Ленина обращался не только к своим фронтам. Он говорил с Москвой, жил, поддерживал других. Настало время, когда радио оказалось единственной возможностью «печататься». В городе не стало света. Не стало воды. В городе все же действовали школы, даже детские сады (тогда их называли «очагами») для немногих застрявших в Ленинграде ребят. Работали Союз писателей, Дом ученых, Театр музыкальной комедии, театр Балтфлота.

Те, кто был уже не в силах работать, кто лежал на остывших постелях, укрытый всем, что можно было найти дома теплого, вслушивались в стук метронома, который вот-вот грозил перейти в лихорадочное биение воздушной тревоги. И вдруг они слышали не только сводки Совинформбюро, которых жаждали, от которых ждали вести о прорыве блокады, а глубокий женский голос, читавший... Тургенева!

Люди приподнимались, ловили слова любви, горечи, гнева, протеста, видели картины мирной природы, уводившие от мыслей о хлебе.

Нужно было даже обессиленных людей заставить почувствовать, что они живы вместе со своим городом. И неважно, что, окончив передачу, Кузнер, или Чернявская, или Маша Петрова, только что так «легко», так проникновенно обращавшиеся к согражданам, не могли подняться со стула.

Все это припоминается сейчас. Тогда же мы казались себе не такими уж слабыми. Я, например, считала, что выгляжу «хоть куда». А однажды вдруг услышала на улице: «Вот скоро и мы такими будем».

Может быть, тому, кто завидно юн сейчас, покажется неправдоподобным, что возобновившиеся чтения с продолжением, желание услышать, что дальше, поддерживало едва теплившуюся жизнь не меньше, чем почти символические

125 граммов хлеба. Снова звучал твердый голос диктора Ирины Головань, и снова прибывали силы.

Строки стихов Николая Тихонова, пламенная речь Всеволода Вишневского, проникновенные слова Ольги Берггольц, микрорассказы, очерки корреспондентов «Радиохроники», музыка звучали в каждом доме. Иногда — в опустевших комнатах.

На казарменном положении в Доме радио находилась группа писателей, журналистов, редакторов, режиссеры, актеры. Коллектив не делился на редакции, на отделы. Общественно-политическим вещанием командовал Арон Наумович Пази; группой чтецов — Владимир Серафимович Ермагов. Работали режиссеры И. А. Горин, К. К. Миронов, еще молодой, но с такой дремучей патриаршей бородой, что мы думали: ему с нею теплее... Читали актеры Янковский, Честных, Петрова.

В большом кабинете начальника Радиокomiteта на бесконечном узком диване, огибающем стены, обосновались самые оперативные бойцы радио.

В «Радиохронике» я была корреспондентом по флоту. Писала и на городские темы. Как-то, придя в этот «хорош блиндаж — жаль, что седьмой этаж», не нашла редактора. С улыбкой мне сказали: «Здесь он, здесь!» И действительно, из стенового шкафа появился Валерий Гурвич. Там он переодевался.

Укладывались на ночь гуськом: актриса Миронова, ее муж режиссер Миронов, дальше — Яша Бабушкин, за ним Валерий Макогоненко, Берггольц...

Налажен был железный быт. С утра уходили на передовую. Шли по большей части пешком, и многое успевали по дороге обдумать. Возвращались — читали друг другу записи, монтировали передачи. Находили и приводили с собой героев. Люди ткнулись на радио сами, испытывая необходимость поделиться, высказаться, тем более что случались дни, когда даже «Ленинградская правда» печаталась вручную и выходила на одной полосе.

Для гостей, или, как мы тогда говорили, «для непостоянного состава», была выделена раскладушка. Случалось ночевать на ней и Лидии Гинзбург, и Жежеленко, и журналисту Правдичу — первой жертве голода на радио. Ему стало настолько плохо, что добросердечные женщины из «блиндажа» свезли его на санках в госпиталь. Но было поздно. Он умер.

Частой гостьей, сотрудницей радио была Галя Снимщикова. Писали и выступали Александр Штейн — до отъезда из Ленинграда, Анатолий Мариенгоф, балтийская группа: Азаров, Крон, Тарасенков — во главе с Вишневским. Представители сухопутных войск: Виссарион Саянов, Борис Лихарев, Александр Прокофьев, Илья Авраменко, Флит, Дмитрий Левоневский; после переброски гарнизона с Ханко появился Михаил Дудин. До эвакуации работал в литературно-драматическом вещании А. П. Половников. Все время оставались на посту редакторы Нисон Ходза, Владимир Дружнин, Надя Орлова, Фаня Гоухберг и другие.

Затихший, в натеках черных от дыма сосуллек, Ленинград жил, работал, не терял чувства юмора, старался быть «впереди самого себя». Ранней весной ленинградцы услышали однажды из репродукторов: «Гражданин, опустите воротник!»

Ослабленный организм требовал тепла. Люди только-только вышли на улицы убирать снег, разрубать окаменевшие сугробы. Лопаты едва могли удержаться в руках. И вдруг: «Опустите воротник!» — и веселенькие стишки, о которых позаботился Яша Бабушкин. Значит, кто-то смог преодолеть слабость, и воротники опускались. Вид становился бодрее. И чувствовалось лучше.

«Радиохроника» вещала обо всем: и об уничтоженных сугробах; и об ателье «Смерть мужьям», сохраняющем свое мирное мастерство, несмотря на то что от дистрофии слепли лучшие мастерицы; и об устных альманахах писателей; и передавало «Письмо бойцу, которому не от кого получать писем». Помню, принесла я рассказ о часовщике, чинившем часы за кусок хлеба. Никого не застала и оставила рукопись на столе. Через несколько дней услышала рассказ. Его передали без фамилии автора: то ли я забыла подписаться, то ли потеряли последнюю короткую страничку, а может быть, решили, что автора уже нет в живых. Но критический материал был нужен. И он прозвучал.

Полуживой от голода, Яша Бабушкин загорелся идеей создать симфонический оркестр.

Оркестр к тому времени распался. Кто умер, кто уехал на «Большую землю». Яша добился для оркестрантов рабочих карточек. Раздобыл недостающие инструменты. Он отыскал музыкантов в армии, убедил командование направить их на радио. Это был общий патриотический долг. И люди с радостью шли на зов, хотя условия существования были

в городе хуже, чем на фронте,— и голоднее, и, как мы шутили, «отсыпаться нужно ездить на передний край». Враг стоял так близко, что его артиллерия, бывшая по нашим улицам, не задевала кольца обороны.

Тогда же бывший руководитель хореографической студии Дворца пионеров имени А. А. Жданова офицер Обрандт получил от командования приказ создать... балет. И он со своими прежними помощниками, ставшими бойцами ПВО, на салазках свез ребятишек-дистрофиков в Рыбачье, где стояла его часть (ребят потом так и прозвали рыбацатами). Там детей подкормили в госпитале, вылечили, и они стали основой великолепного ансамбля «Юность».

Высок был моральный дух Ленинграда.

Стараниями Бабушкина и его товарищей стал жить блокадный симфонический оркестр. Мы никогда не забудем Большого зала филармонии, каким он был в тот день. Его заполнили люди в гимнастерках, в скромных костюмах, полученных по промтоварным ордерам. Растерянные от переполнявшей сердце гордости лица, светлые улыбки говорили о том, что Ленинград победить невозможно.

Седьмая симфония Шостаковича гремела, утверждая жизнь в осажденном городе. И самым скромным, самым незаметным слушателем был Яша Бабушкин, чьим невероятным трудом был создан этот оркестр.

Яша создал и радиотеатр, первым поставивший пьесу Константина Симонова «Русские люди».

Если было нужно, Яша поднимал нас с постели среди ночи, вызывал к микрофону. Так было и в ночь прорыва блокады, когда даже стихи писались тут же, в студии. А на рассвете — получай направление в полк или в госпиталь, бери интервью у раненых бойцов «оттуда», где совершился прорыв. Тех корреспондентов, которые участвовали в прорыве, усаживали в тихие комнаты — писать! А они засыпали. Но к сроку все было написано.

Бабушкин во всякое дело ввязывался сам. Он не любил «руководить сверху», он любил «руководить изнутри». Много в нем было от первых комсомольцев. Уезжал на передовую, на Невскую Дубровку, под Колпино, где у него были боевые друзья в дивизии бывших ополченцев, и присылал корреспонденции — острые, с интересными деталями.

Радиокорреспондентский корпус нес потери, переформировывался. Нужно было заменять ушедших. Отправившийся на Волховский фронт Гурвич, непривычно отогревшись

у «буржуйки», отек и угодил в госпиталь. Оттуда, чуть поправившись, ушел в газету «Форпост Балтики», был контужен на Лавенсаари.

А. Н. Пази перебросили в Лениздат.

В. Н. Дружинин стал работать в седьмом отделе штаба фронта.

А в середине 1943 года Яша стал солдатом 90-й дивизии. Ему довелось участвовать в снятии блокады Ленинграда!

В двадцатых числах января 1944 года он получил назначение в политотдел, в редакцию «На страже!». Вышел на выполнение задания — и в редакцию не вернулся. Прямое попадание. Другьям не осталось даже печальной возможности похоронить товарища.

В 1967 году в Ленинградском доме журналистов открыли две Мемориальные доски. На волнистом и сером, как воды Балтики, мраморе, словно из далекого прошлого, выступают ряды золотых имен.

Но это не прошлое. То, что совершили ушедшие, продолжает жить.

Александр Алешкин

НАСЛЕДНИК КРАСНОГО КАЗАКА

Иван Зверев с трудом поднимался по склону балки. Сапоги скользили в липком черноземе, ноги разъезжались. Каждый шаг давался с трудом: грязь, словно крутое тесто, засасывала по колено, налипала на голенища, и не было сил и смысла очищать их.

По пятам Зверева, стараясь попадать в его следы, шел связной — по возрасту совсем еще мальчишка, а по опыту бывалый солдат: как и лейтенант, он участвовал в недавно закончившейся Корсунь-Шевченковской битве. Лейтенант поднялся на гребень балки и остановился. Вид открывшейся панорамы больно сдавил сердце.

Комбат Шувалов, назначая его командиром роты вместо выбывшего по ранению Тимофея Швецова, коротко обрисовал обстановку. Зверев понимал уже всю сложность предстоящего боя. Но то, что он увидел, превзошло его самые худшие опасения.

До Рыжановки, которую предстояло взять, было чуть более километра. Село большое, в несколько сот домов. Оборону — об этом лейтенант узнал также от комбата — немцы построили по всем правилам. Но дело не в обороне. Мало ли укреплений приходилось брать!

Самый страшный враг для наступающих — ровное вспаханное поле, лежащее между селом и балкой. Мартовское солнце растопило глубокий снег и превратило чернозем в липкое месиво.

— Да-а... Танкам тут, конечно, делать нечего,— сказал Иван, осматривая открывшуюся панораму.

— Какое там танки, товарищ лейтенант! — охотно включился в разговор связной. — Некоторые совсем не могли выкарабкаться из оврага. Скользко. А которые вылезли, на поле застряли. Немцы их сразу подбили. Ни скорости, ни маневра, вроде мишеней на полигоне.

Чавкая сапогами, сержант обошел Зверева.

— Теперь я пойду впереди, товарищ лейтенант. Вы тут пока человек новый, а мне эта Рыжановка снится будет.

— Что, досталось?

— Обидно не то, что досталось. На то и война. Обидно, что мы беспомощны. Ватники в грязи, тяжелые. На сапогах — по пуду. Бегом в атаку не побежишь. Тоже вроде мишени для немецких пулеметчиков.

Связной неожиданно рассмеялся.

— Чему смеетесь? — удивился Зверев.

— Вспомнил, как он нас контратаковал. И ему досталось на орехи.

— Именно?

— Ну, нас он хотя и сильно колотил, мы понемногу продвигались вперед. А когда осталось метров двести — триста до его передней траншеи — наступление остановилось. Потери очень большие, идти вперед совсем стало невозможно. Окопались немного, лежим. Тогда немец смелеть начал. В контратаку пошел. А грязь — она для всех грязь. Тут уж они для нас мишенями были. Три раза совался, пока не успокоился. Так и лежим теперь друг против друга. Может, ночь что покажет?

— Ночь покажет,— уверенно сказал Зверев.

Вжикнули несколько пуль. Связной повернул к Ивану озабоченное лицо.

— Взяли, гады, на мушку! Теперь не отстанут. Придется, товарищ лейтенант, в грязи поваляться.

Еще через несколько мгновений Зверев убедился, что немцы по всем правилам построили оборону: система огня контролировала каждый клочок земли. Чертыхаясь, он то и дело падал вслед за сержантом в грязь, переползал на места посуше, делал перебежки.

Зверев пополз вдоль цепи роты. На правом фланге в неглубокой, по пояс, ячейке сидел на корточках средних лет мужчина, небритый, осунувшийся, но спокойный, уверенный в себе.

— Я ваш новый командир роты, — сказал Иван. — Зверев. Что тут у вас?

— Сержант Гордеев. Командир первого взвода.

— Давно командуете?

— Час, товарищ лейтенант. Взводного убило, двух отделенных тоже. Ну, я старшим остался, принял на себя командование.

— Коммунист?

— Так точно.

— Ночью атакуем. Команда будет подана по цепи. Гранаты есть?

— Есть.

— Готовьтесь к атаке. Пойдем по возможности без шума. Огонь не открывать, пока нас не обнаружат.

Лейтенант прополз вдоль всей цепи залегшей перед последним броском роты, поговорил с каждым солдатом.

Опустились сумерки. Под покровом темноты раненые были вынесены в балку.

— Чего же ротный тянет? Брать надо Рыжановку. Теперь в самый раз на печи поспать, душу согреть. Вон какая большая деревня, а мы будем ночевать в этой грязюке!..

Кончался пятый день марта 44 года. Для войск 2-го Украинского фронта, в составе которого воевала и 294-я Черкасская Краснознаменная, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия, это было начало нового большого наступления.

Позади осталась Корсунь-Шевченковская битва.

Теперь только вперед! Зверев знает, что этим настроем живут бойцы, и потому, когда приходит назначенное время, отдает по цепи уверенную команду:

— В атаку, вперед!

Молча, без криков «ура», рота бросилась к передней траншее противника. Через несколько секунд ракеты осветили атакующих. Заговорили пулеметы, автоматы. Но рота уже не залегла. Впереди ее бежал высокий, плечистый лейтенант Зверев. В одной руке он держал автомат, другой сжимал гранату.

Иван первым ворвался в траншею. Сильным броском послал гранату в захлебывающийся огнем вражеский пулемет. Взрыв. Пулемет замолчал. Бросив гранату, Зверев по привычке присел на дно траншеи. Это оказалось кстати вдвойне: его миновали не только осколки от собственной гранаты, но и штык, вонзившийся над головой в бруствер.

Рота уже вся была в траншее. Редкие выстрелы, взрывы гранат, удары штыков, прикладов, предсмертные крики и стоны раненых в течение нескольких минут наполняли этот глубокий, длинный ров, ставший могилой для многих из тех, кто сошелся в рукопашной. Зверев уничтожил в ней двенадцать вражеских солдат.

Солдаты его роты остаток ночи 5 марта и в самом деле отогревались у теплых печек в хатах Рыжановки.

Отогревались, раскуривали самокрутки, вспоминали эпизоды горячей схватки. Мелькало в разговорах и имя Зверева.

— Храбрый человек, — говорили о нем одни, — в штыковой ведет себя смело.

— Откуда родом наш новый командир? — спрашивали другие.

— Говорят, сибиряк...

Да, Зверев — сибиряк. Он родился и вырос в Забайкалье, в селе Дамасово, что стоит на берегу стремительной Аргуни. Отец, дед и прадед его были казаками. Отец, Зиновий Зверев, нес охранную службу при русском посольстве в Пекине. Он вернулся со службы как раз в канун первой мировой войны и потряс близких поступком, немыслимым по своей дерзости.

Зиновий полез в сундук за новыми шароварами и увидел приклеенный изнутри к крышке сундука портрет царя. Зиновий в кровь изодрал ногти, яростно сдирая изображение самодержца.

Через четыре года белобандиты атамана Семенова на станции Даурия расстреляли красного казака Зиновия Алексеевича Зверева. Он сражался за новую власть под командованием легендарного героя гражданской войны Сергея Лазо. Беляки замучили в тюрьме и отца Зиновия Зверева.

Ванюшке было тогда три года.

Старший брат Павел, Ванюшка и сестра Катерина воспитывались у родного дяди Прокопа, на иждивении которого было десять своих ребятишек.

Хватало в жизни Ивана печальных, грустных событий. И казалось бы, должен он вырасти человеком молчаливым, замкнутым. А он остался в памяти всех, кто его знал, весельчаком, балагуром, песенником. Любил работать, характер имел твердый и решительный. К газете Иван прирос сердцем.

Приход Зверева в газету был логичным для паренька

30-х годов. В пятнадцать лет стал комсомольцем, в шестнадцать возглавил ячейку в родном колхозе. Участвовал в «красных обозах» — агитировал единоличников сдавать хлеб государству. Хорошо агитировал. Позже забрали в райком комсомола. Из райкома направили в Нерчинско-Заводскую районную газету «На советском рубеже»: там нужны были смелые, инициативные, принципиальные люди. Все это было у Зверева. Не было одного: не знал он, что такое газета, как она делается.

— Научись! — бодро сказали ему. — Социализм строить — посложнее, чем газету выпускать. А мы — строим.

Через два месяца после того, как Зверев переступил порог редакции, редактор назначил его ответственным секретарем.

— Но, Михаил Дмитриевич! — разволновался Иван, и его круглое веснушчатое лицо покраснело до ушей. — Я же еще ничего не могу! Я же совершенно не представляю, как макет делать, как верстать полосу.

— Научись! Писать научился, макет рисовать тоже научись.

Писать Зверев научился действительно очень быстро. Причем сразу определились и любимый жанр, и манера письма Ивана. Он почти не писал репортажей и того, что мы называем теперь зарисовками.

Почти в каждом номере появлялись одна, две, а то и три гневные критические статьи Зверева. Бичевал дикость, невежество, комчванство.

Ивану казалось, что без газеты он и дня не проживет. Но в 39 году, отслужив срочную службу, он приехал в Нерчинский Завод лишь для того, чтобы повидаться с друзьями по газете перед расставанием.

— Послушай, Иван, — говорил ему его давний друг Илья Голятин, с которым они вместе ходили еще в школу, — зачем тебе армия? Ты газете позарез нужен. Подучись — еще каким журналистом станешь!

— Нет, Илья, я все обдумал. Хорошие солдаты сейчас тоже нужны. Халхин-Гол — это разведка. Могут быть и посерьезнее события. Подал рапорт о зачислении на курсы младших политруков — там и газетному делу подучусь.

Газетчик Иван Зверев, как и многие его ровесники, жил ощущением неизбежного столкновения нашей страны с наглеющим день ото дня фашизмом. И он сознательно отложил на время перо и взял в руки винтовку.

В 41-м, накануне войны, он закончил курсы младших политруков. Партийная организация и командование курсов дали молодому офицеру самую высокую оценку.

Воевал Зверев немного. До 43-го он был на Забайкальском фронте. Даже в самые тяжелые для страны дни, даже в конце 41-го, когда фашисты разглядывали в бинокль Москву, — даже тогда в необозримых Даурских степях, продуваемых насквозь ледяными ветрами, жила, училась тактике, меткой стрельбе могучая армия. Она сдерживала захватнические аппетиты Японии, кормившей на материке хорошо обученную и вооруженную миллионную Квантунскую армию.

Зверев трижды подавал рапорты с просьбой направить его в действующую армию, но попал он туда только в начале 44-го. И сразу же стал участником одной из самых кровопролитных битв войны — Корсунь-Шевченковской.

Судьба удивительным образом объединила жизнь отца и сына Зверевых. Зиновий Зверев сражался за новую жизнь под командованием Сергея Лазо — молдаванина, который прибыл в Забайкалье, чтобы очистить его от белогвардейской нечисти.

Сын красного казака Зиновия Зверева лейтенант Иван Зверев в 44-м пришел на землю Молдавии, чтобы освободить ее от фашизма.

Командир стрелковой роты коммунист Иван Зиновьевич Зверев погиб смертью храбрых 29 марта 1944 года у села Новые Зазулены, Молдавской ССР. Без малого десять тысяч километров отсюда до его родного села. И лишь десять — до пограничной реки Прут.

Враг ожесточенно сражался на этих последних для него километрах советской земли.

Одно из подразделений 15-й бригады дрогнуло под натиском врага и оставило позиции. Рота Зверева получила задачу заменить подразделение и во что бы то ни стало удержать позиции.

Четыре контратаки превосходящих сил противника отбила рота Зверева. Сходились в рукопашной, но не отступили. Около 150 солдат противника нашли свой конец у небольшого молдавского села. В этом бою погиб Иван Зверев. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза...

Летом 68-го я проехал по пути боев 294-й стрелковой дивизии, по Украине и Молдавии, по тем дорогам, кото-

рыми четверть века назад шел мой собрат по перу, мой земляк.

В Кишиневе встретился с его однополчанами: бывшим парторгом батальона Михаилом Матвеевичем Милашкиным, командиром роты связи Николаем Егоровичем Еремичевым и бывшим заместителем командира батальона Иваном Николаевичем Бирюковым. Первые специально приехали на эту встречу из Подмосковья, Бирюков — из старинного русского города Муром.

Нам была предоставлена возможность выступить по молдавскому телевидению. Оказалось, что никто из бывших воинов не выступал перед камерой, все они волновались, а более других — Михаил Матвеевич. Глаза его увлажнились, когда он произнес простые и прекрасные слова:

— Я помню эту землю весной 44-го. Помню виноградники, изрытые воронками от взрывов бомб. Я снова увидел эту землю — ухоженную, богатую и счастливую. Давайте беречь эту землю. Это будет лучшей памятью тех, кто пролил на ней свою кровь.

Василий Воронецкий

УШЕЛ ЖУРНАЛИСТ НА ВОЙНУ...

В один из дней пришло в редакцию «Красной звезды» письмо. Юные следопыты села Чертовец, Городенковского района, Ивано-Франковской области, просили рассказать о Герое Советского Союза полковнике Назаренко Петре Даниловиче. Он погиб в их краях. Именем его названы пионерский отряд и колхоз... В редакции решили рассказать пионерам о боевом пути товарища. Как и где воевал Петр Назаренко?

У его жены Полины Антоновны сохранились фронтовые письма. Как самую большую ценность, берегла она их все эти годы. Разные даты. На потертых фотографиях надписи: «Невский пяточок», «Синявино», места ожесточенных боев с врагом, рвавшимся к Ленинграду. Пожелтевшие листы, как последние лучи вечернего солнца, освещают во весь рост человека яркой судьбы — его любовь к родной земле, его горячее стремление быть достойным сыном Отчизны.

«20 ноября 41 г. ...Итак, мое желание сбылось, просьба направить на фронт в действующую часть удовлетворена. Слов нет, работа военного журналиста очень почетна, необходима и интересна. Она все больше увлекала меня. Однако последнее время я чувствовал себя как-то в стороне от главных событий. Это угнетало. Ведь я артиллерист, окончил два курса Военной академии. Мое место на передовой. Иначе поступить не мог: совесть не позволила.

Здесь, конечно, труднее и опаснее. День и ночь гремит канонада, идут жестокие бои с гитлеровскими бандами.

Но зато я имею возможность непосредственно мстить проклятым фашистам за опозоренную священную русскую землю, за слезы детей и женщин.

Работаю теперь начальником штаба артиллерийского полка. Приходится много производить расчетов по планированию артиллерийского огня и управлять им. Это очень сложно, но вместе с тем интересно. Несмотря на суровый северный климат, чувствую себя хорошо. Словом, получается так, что мне вредно спать в мягкой постели, сидеть в тепле.

Когда будешь читать в газете о действиях федюнинских войск, знай — это наша работа...

8 марта 42 г. ...В годовщину Красной Армии за хорошую работу приказом по соединению мне объявлена благодарность. Недавно к нам приезжали делегаты с Урала. Мы им показали, как наши батареи ведут огонь по фашистам. Гости остались очень довольны.

23 марта 42 г. ...Милая, я очень доволен, что ты стала в ряды защитников нашей Родины и помогаешь самоотверженной работой громить ненавистных фашистов. Меня радуют твои успехи. Ведь отличная работа медицинской сестры — это залог быстрого восстановления здоровья раненых бойцов и командиров.

Правильно поступила, пустив на квартиру семью полковника Тищенко. Будет, правда, тесновато, но ничего. Живите дружно.

У меня дела тоже идут неплохо. За хорошее планирование и управление артиллерийским огнем от командования соединения получил благодарность. По сути дела, мы с тобой, Полинка, вступили в боевое соревнование на лучшее выполнение общенародного дела. Надеюсь, что скоро разгромим ненавистных бандитов и встретимся победителями — счастливые, радостные...

10 мая 42 г. ...Из твоего письма чувствуется, что у тебя стали сдавать нервы. Моя дорогая! Крепись, будь верной дочерью своего народа. Конечно, грустно бывает даже самым закаленным бойцам, но нужно отвлекать себя от нехороших мыслей.

Обо мне нечего особенно беспокоиться. Что бы ни случилось со мной, верю: мы обязательно побьем фашистов. Скоро настанет час расплаты.

18 мая 42 г. ...У нас ожила природа. После дождя зазеленели луга и перелески покрылись цветами. Несмотря

на то что с Ладожского озера дуют холодные ветры, все благоухает. Я только что пришел с наблюдательного пункта в землянку. Но в ней не сидится. Вышел, прищурясь, на свежий воздух. Внизу ручеек журчит, птички поют в лесу. Ну, знаешь, моя родная, точно мы в лагере «Друть». Только вот рвущиеся снаряды да стервятники в небе напоминают о затеянной бандитом-Гитлером кровавой бойне.

17 июля 42 г. ...Я недавно возвратился из медсанбата. Все хорошо, только вот после сильного разрыва у меня левое ухо внутри стало болеть. Боль не острая, а какая-то тупая, ноющая. Так и работаю полуглухой. Спроси у профессора, какие меры принять, чтобы из строя не выйти. Ведь теперь каждый человек на фронте дорог.

26 октября 42 г. ...Сегодня у меня большая радость: получил ваше письмо с фотокарточкой и прочитал в газете, что меня правительство наградило орденом Красного Знамени. Я уже писал вам, как мне пришлось драться с фашистским зверьем в рукопашной схватке. Я тогда из отбитого у немчуры пулемета стал расстреливать их в упор, а после того, как они начали меня обходить, забросал фашистских мерзавцев гранатами. В этом бою только я один уложил 46 гитлеровцев. Другие тоже лупили бандитов крепко. Несмотря на то что враг был в три раза сильнее нас, мы так отчаянно бились, что он дрогнул. Этого только мы и ждали. С криками «ура!» бойцы бросились на гитлеровцев, ворвались в важный населенный пункт на плечах фашистов и закрепились. Утром нам пришла помощь. Много еще было боевых эпизодов за последние два месяца. Наш полк уничтожил свыше трех тысяч немецких солдат и офицеров, десятки орудий, пулеметов, поджег 16 танков. В пылу боя я не думал о жизни, а только старался, как бы больше истребить ненавистных гитлеровцев.

10 ноября 42 г. ...Я чувствую себя хорошо, но здорово устал от непрерывных боев. Обещают послать в медсанбат на отдых.

16 февраля 43 г. ...У меня дела идут хорошо, только немножко царапнуло, и я лечился. Когда начался прорыв блокады, ушел из госпиталя. Вы ведь должны понять старика. Не вытерпело сердце, поспешил скорее в бой. А теперь меня, вероятно, опять положат немножко подлечиться.

29 марта 43 г. Родные мои, Леша и Гена! Как хочется повидать вас... Уже второй год я на фронте. За это время

ваш папа вырос, он теперь командир полка. На боевом счету наших артиллеристов тысячи уничтоженных фашистов, десятки подбитых танков, много другой техники врага. В боях мы с каждым днем приумножаем наш боевой счет и славу русской артиллерии. Я был тяжело ранен и контужен. Скоро снова вернусь в свой родной полк...

Вы подросли и стали умными мальчиками. Вы уже хорошо понимаете, что такое фашисты и какое несчастье они принесли нашему народу. Чтобы быть достойными сынами Родины, вы должны хорошо учиться и слушаться маму и учителей. Помните, кто плохо учится, тот плохо помогает нам бить фашистов. Знаю, вы не из таких ребят, и надеюсь, что услышу о вас только хорошие отзывы и буду гордиться вами».

Любовь к Родине, ненависть к врагу. Два этих чувства всегда были в сердце Петра Даниловича Назаренко. Чем глубже знакомишься с его фронтовой биографией, тем ярче встает перед глазами образ человека, жизнь которого как одно дыхание, как песня о верности Родине. И в этой песне ни одного лишнего слова, ни одной фальшивой ноты.

Петру Назаренко было одиннадцать лет, когда в дом пришла тяжелая весть: в бою с врангелевцами смертью героя погиб отец. Вскоре сыпной тиф сразил мать. Шел голодный 1922 год.

Назаренко разделил судьбу тысяч беспризорных детей, которых молодая Советская республика вырвала из цепких рук голода, воспитала, вырастила. После детского дома юноша работал на Борисовском деревообделочном комбинате. Заочно учился на рабфаке, в совпартшколе. В пятнадцать лет он комсомолец, в восемнадцать — коммунист. Сильный, подвижный, неутомимый, жадный к знаниям, Петр Назаренко смело брался за любое дело, которое поручала ему партия: возглавлял райком комсомола, руководил школой профсоюзного просвещения, вел политкружок.

В 1929 году, когда на Дальнем Востоке запахло порохом, Назаренко пошел добровольно в армию. Он приехал в Читу. Но события на КВЖД к этому времени уже закончились. Учеба в военной школе имени М. И. Калинина. И вот он командир-артиллерист. Командовал взводом, батареей. Был членом партбюро части, секретарем партийной ячейки подразделения, редактировал солдатскую газету. В свободное от службы время участвовал в художественной самодеятельности. Энергии его, казалось, не было границ.

Знание военного дела, высокая партийность, острое перо военкора открыли Назаренко дорогу в редакцию «Красной звезды». В конце 1938 года его назначили постоянным корреспондентом газеты по Среднеазиатскому военному округу. Нелегко пришлось молодому журналисту, но он настойчиво овладевал новым делом. Каждая его корреспонденция была проникнута поэзией мужества, идеей служения Родине, готовностью защищать ее до последнего дыхания.

Главной темой творчества капитана Назаренко была боевая подготовка войск. Он присылал в редакцию яркие репортажи об учениях и тактических занятиях. Он глубоко вникал в боевую учебу артиллеристов, пехотинцев, кавалеристов, писал об умном, знающем дело и людей комиссаре, о воспитании младших командиров.

Всю страсть своей пламенной души журналист Назаренко обрушивал на тех, кто допускал послабления в боевой учебе воинов. «Вместо того чтобы вывести командиров в поле,— говорится в одной из его корреспонденций,— создать на местности поучительную обстановку, которая заставила бы думать, проявлять смелость, находчивость, инициативу, здесь упрощают учебу, превращая занятия по тактике в пустое кабинетное времяпрепровождение».

В другой корреспонденции острое критики направлено против некоторых молодых политработников, не проявляющих настойчивости в изучении военного дела: «Они все еще не дают себе отчета в том, что им придется вместе с войсками совершать длительные и трудные марши, бок о бок с бойцами сражаться против опытного врага».

В каждой корреспонденции капитана Назаренко чувствовалось знание воинской службы, боевой техники, быта красноармейцев. Газета влила в него дух политической страстности, научила его точности, конкретности, оперативности. Молодой военный журналист быстро рос. Вот что записано в его аттестации от 15 апреля 1940 года:

«Волевой, энергичный и инициативный командир. Пользуется большим авторитетом среди командного и начальствующего состава частей округа. Дисциплинирован. С работой военного корреспондента справляется. Много и серьезно работает над повышением своей военной квалификации. Является слушателем вечернего отделения Военной академии имени М. В. Фрунзе».

...Грянула Великая Отечественная война. Назаренко не мог усидеть в Ташкенте. «Прошу направить на фронт!» —

эту фразу он повторял при каждом телефонном разговоре с редакцией.

Его послали корреспондентом в Ленинград. Все туже стягивалось кольцо вражеской блокады. С каждым днем защитникам города становилось трудней. Назаренко решил сменить перо на пушку. Начальник штаба артиллерийского полка, командир части, командующий артиллерией дивизии — таков послужной список Петра Даниловича Назаренко. За два года боевых действий он вырос от капитана до полковника.

Документы свидетельствуют:

«В боях с немецко-фашистскими захватчиками товарищ Назаренко проявляет доблесть и мужество. Работая командующим артиллерией дивизии, показал себя инициативным и грамотным артиллеристом.

Когда части дивизии вышли к Днепру, подполковник Назаренко организовал переправу полковой и дивизионной артиллерии на подручных средствах через реку. В ночь на 24 сентября 1943 года под сильным огнем противника одним из первых был переброшен через Днепр отдельный истребительный противотанковый дивизион. Артиллеристы, возглавляемые Назаренко, немедленно вступили в бой с подошедшими силами противника, успешно отразили многочисленные атаки вражеских танков, пехоты. Это обеспечило захват и удержание плацдарма на правом берегу Днепра, дало возможность переправить другие части дивизии...»

Скупые слова наградного листа на присвоение Назаренко звания Героя Советского Союза дополняет бывший командир соединения генерал-лейтенант в отставке П. В. Тертышный:

— Это было в первые дни боев за плацдарм. Около ста вражеских бомбардировщиков сбросили свой груз на небольшом участке, занимаемом частями дивизии. Еще рвались бомбы, а на правом фланге гитлеровцы перешли в контратаку. Примерно на километровом участке появилось более 50 вражеских танков. Некоторые наши подразделения стали отходить к реке. Положение создалось отчаянное. Выручил Назаренко со своими артиллеристами. Находясь в самом пекле, он умело руководил боем. Массированным огнем вражеская пехота была отрезана от танков, которые вспыхивали, как факелы. Фашисты были отброшены.

Бывший командир артиллерийского дивизиона подполковник запаса С. П. Юрковский вспоминает:

— Петр Назаренко прибыл в нашу дивизию накануне боев под Белгородом. Но больше я запомнил его на Днепре. В первые дни орудия и тяжелые минометы мы переправляли на самодельных паромках. Противник вел по ним сильный огонь. Порой опасно было поднять голову. Случалось и так, что вражеские снаряды прямым попаданием разрушали переправочные средства и пушки шли ко дну. Оставшиеся в живых артиллеристы вплавь достигали противоположного берега и вступали в бой вместе с пехотными подразделениями. Наша часть находилась на острие главного удара, одной из первых с ходу форсировала реку. Плацдарм мы захватили, а развить наступление не удалось. Местность холмистая, глубокие овраги. На каждой высоте вражеский опорный пункт. Гитлеровцы успели подтянуть крупные силы. Особенно досаждала авиация. Бывали дни, когда фашистские стервятники совершали до тысячи и больше самолето-вылетов. Горели небо и земля. Высоты, населенные пункты, от которых остались одни названия, по несколько раз переходили из рук в руки.

В первых боях погибли командир нашего полка, многие офицеры штаба. Вся сложность управления подразделениями легла на плечи командующего артиллерией дивизии подполковника Назаренко. Высокий, стройный, он часто появлялся в дивизионах, на батареях. Было у него какое-то чутье угадывать настроение людей, умение поднимать его шуткой, метким словом, улыбкой. В такие минуты мы становились смелее, спокойнее. Его появление в окопах окрыляло бойцов.

Помню, при подходе к Днепру, в наши руки попал вражеский эшелон со снарядами. Во время боев на плацдарме возникла острая нужда в боеприпасах. У Назаренко родилась дерзкая мысль: смелым налетом напасть на гаубичную батарею гитлеровцев и захватить ее. Он лично отобрал добровольцев и разработал с ними все детали операции. Мы провели ее успешно.

Командующий артиллерией научил нескольких офицеров пользоваться вражескими таблицами стрельбы. Так мы стали бить фашистов из их же пушек. Здорово они нас выручили.

Однажды наш дивизион и пехотные подразделения, которые мы обеспечивали, оказались во вражеском кольце. Танки и автоматчики противника внезапным ударом отрезали нас от главных сил. Положение сложилось — хуже

некуда. Враг яростно наседали со всех сторон. Как быть, где нанести удар, чтобы вырваться из кольца? Вдруг слышу спокойный голос Назаренко:

— Юрковский? Как дела?

Я доложил обстановку. Внимательно выслушав меня, Назаренко приказал: «Организуем круговую оборону! Позиции не оставлять!» Затем уже другим, мягким голосом добавил: «Держитесь, орлы! Все сделаем, чтобы помочь вам».

Мы воспрянули духом. Вскоре наступавшие на нас гитлеровцы были накрыты сильным артиллерийским огнем. Над полем боя засверкали трассы реактивных снарядов. Потеряв 12 танков, много солдат и офицеров, фашисты отступили.

Прошли годы, многое позабыто, но главное запомнилось. Вспоминая Назаренко, я вижу человека беспредельной храбрости и в то же время душевного, тактичного. Даже в самой трудной обстановке я не слышал от него ни одного грубого слова...

Разные бывают подвиги. Одни бросаются с гранатой под вражеский танк, другие закрывают грудью амбразуру дота, третьи идут на таран. Но есть подвиги и другого рода, когда всю жизнь ровно и сильно горит душа человека, и пламень этот не остывает. Волны света и тепла идут от этого человека ко многим людям, зажигая у них стремление к добру, к мужеству, к борьбе за светлые идеалы. Таким остался в памяти сослуживцев журналист и боец Петр Назаренко. Он никогда не прятался за спины других. Он добровольно пошел в самое пекло войны с немецко-фашистскими захватчиками. Сильный и смелый, подвижной и неутомимый, он всегда был впереди.

— Мне, как начальнику разведки дивизии, порой от Назаренко попадало,— говорит С. М. Хуторянский.— Планируя огонь артиллерии, он всегда стремился знать о противнике как можно больше, а добыть необходимые данные не всегда удавалось. Чаще всего Назаренко можно было найти на наблюдательных пунктах. Он никогда не заставлял себя ждать. Оторвется от бинокля, достанет из планшета карту и тут же нанесет обстановку. Сведения подробные и важные почему-то вызывали у него улыбку, за которой следовала фраза: «Сейчас мы их вверх тормашками».

— Как-то,— вспоминает бывший командир артиллерийского полка И. И. Бирюков,— гитлеровцы потеснили нашу

пехоту. В это время Назаренко находился на батарее, которая оказалась лицом к лицу с наступавшими фашистами. Справа на холме строчил пулемет, прижимая вражеских автоматчиков к земле. Но вдруг он умолк. У артиллеристов снаряды были на исходе. Назаренко побежал к пулемету, который вскоре вновь застрочил, но пули ложились с недолетом, поднимая пыль перед вражеской цепью. Чувствовалось, гашетку нажимали чьи-то неумелые руки. На огневой точке Назаренко застал девушку-связистку. Это она, перевязав тяжело раненного сержанта, продолжала бить врага. Назаренко сменил героиню, приказав девушке занять место второго номера.

Меткие пулеметные очереди заставили гитлеровцев надолго залечь. Вражеская атака захлебнулась. Вскоре к нам подоспела подмога. Фашисты были отброшены.

Фронтовые дороги... Ленинград, Курская дуга, Днепр, Буг, Днестр, десятки других городов и водных преград — и всюду бои.

Шел 1944 год. Захватив плацдарм на правом берегу Днестра, наши войска стремительно развивали наступление. И вдруг — большой силы контрудар. Гитлеровцы потеснили наши части. Положение создалось критическое: надо было любой ценой остановить вражеские танки. В создавшейся обстановке это могли сделать только артиллеристы.

Всю ночь перед боем полковник Назаренко не сомкнул глаз. Он уехал с передовой поздно. Затем раза три звонил по телефону. А на рассвете вновь прибыл на наблюдательный пункт командира артиллерийского полка.

Над полем стояла дымка. Село, откуда ожидалась вражеская атака, еле виднелось.

— У вас ближе что-нибудь есть? — спросил Назаренко командира полка.

Тот показал рукой в сторону наблюдательного пункта командира дивизиона.

— Живо туда! — приказал Назаренко и, уловив вопросительный взгляд командира полка, добавил: — Поймите, так надо. Этот бой необходимо выиграть во что бы то ни стало, а командовать отсюда трудно: местность плохо просматривается.

Офицеры перебрались ближе к селу, которое наши бойцы оставили накануне. Его невозможно было узнать: непонятные строения заполнили улицы, дворы.

— Это замаскированные танки,— сказал Назаренко, опустив бинокль, и приказал открыть огонь.

После первых же выстрелов «скирды» и «дома» зашевелились. Один за другим из села стали выскакивать танки. Разворачиваясь в боевой порядок, около 70 вражеских машин устремились на позиции артиллеристов.

За танками шла пехота. Все это рядом. Назаренко приказал ударить по врагу из «катюш», отсеять автоматчиков от танков. Точные команды, и перед фашистами выросла стена огня. Гитлеровцы заметались, как в мышеловке.

Видя умелые и решительные действия полковника, артиллеристы дрались как львы. Повсюду вспыхивали факелы горящих машин. Гитлеровцы дрогнули, повернули назад.

— Теперь мы погоним их до Карпат и дальше,— сказал полковник.

Это были последние слова Петра Даниловича Назаренко. Осколок снаряда, выпущенного вражеским танком, угодил ему в голову. Так погиб командующий артиллерией 161-й стрелковой дивизии. Это случилось 19 апреля 1944 года.

...У памятника Петру Даниловичу Назаренко всегда цветы. Здесь, перед бюстом героя, принимают детей в пионеры. Здесь колхозники подводят итоги своего труда, которые с каждым годом все радостнее. Неузнаваемо преобразилось после войны старинное село Чертовец. Новые дома усеяны мачтами телевизионных антенн. Широким шагом уходят вдаль столбы электролинии. Бегут по шоссе автомашины и мотоциклы.

И невольно приходит мысль, что лучший памятник павшим воинам люди создают своим трудом.

Я смотрю на скульптурный портрет героя, и кажется, что его бронзовые губы шепчут: «Спасибо, люди, за память и дела ваши».

Иосиф Юдович

БАТЯ

Незнакомый юноша вошел в редакционную комнату, остановился у стола, за которым я сидел, и робко промолвил:

— Простите, пожалуйста, за беспокойство. Мне говорили, что вы были дружны с моим отцом, а я его совсем не знал. Моя фамилия — Саратовский, зовут Вовой.

— Вова? — я почти вскрикнул от неожиданности, и тут же поправился: — Владимир Николаевич? — неудобно было называть уменьшительным именем этого уже вполне взрослого человека.

Я знал, что у моего погибшего друга остался малолетний сын Вова. Попытки разыскать его оказались тщетными. Тем приятней был этот внезапный визит. Я забросал юношу вопросами. Все еще застенчиво поглядывая на меня, он сказал, что окончил институт, работает в Москве инженером на заводе, женился, вот-вот получит новую квартиру, — и смущенно развел руками, должно быть извиняясь за свою столь краткую биографию. Чуть помедлив, добавил:

— В Ростов приехал главным образом для разговора с вами. Уже несколько лет разыскиваю друзей и сослуживцев отца. Все пытаюсь себе представить, каким же был мой батя. — Последние слова он произнес особенно душевно, с затаенной гордостью и незатаенной печалью. «Мой батя»...

Я задумался. С чего начать? Мы работали вместе с Николаем Сергеевичем Саратовским около десяти лет. Поразительно ясно, вплоть до мельчайших деталей, увидел я своего друга. Широкоплечий, высокого роста, носил он до войны

френч защитного цвета, синие галифе, остроносые сапоги. Такой костюм, хоть и очень шел к нему, как-то не вязался с той сугубо гражданской должностью, которую он занимал. Коля Саратовский заведовал отделом Государственного банка редакции «Экономической жизни» (позднее она была преобразована в «Финансовую газету»). Я в то время был собкором редакции в Ростове-на-Дону.

Из каких-то неведомых глубин моей памяти бесконечной лентой тянулись всевозможные истории, длинные и короткие, значительные и совсем пустяковые, неизвестно даже почему так прочно осевшие в сознании. И удивляясь тому, что происходившее 30 лет назад в доме на Покровке помнится гораздо лучше, чем недавние события, я рассказывал Владимиру Николаевичу о его отце.

Он жадно слушал. Было что-то очень трогательное в его сосредоточенном внимании. Поблескивали устремленные на меня небольшие светло-серые глаза. Синеватая жилка, точь в точь, как у отца, мерно билась в уголке крутого лба, прячась в русых волосах.

Рассказывал я бессистемно...

То вспоминал его командировку в Ростов. Услышав от меня, что в местном аэроклубе на соревнованиях парашютисток отличилась Женя Межмал — счетовод областной конторы Госбанка, Саратовский страшно обрадовался: «Во, какая! А многие уверены, что банковцы — сухари-сухаревики, способны только барабанить костяшками счетов, скрипеть перьями и трещать арифмометрами». Он отложил все дела, встретился с Женей Межмал и написал о ней теплый очерк.

То переносился в театр, где мы вместе смотрели булгаковскую пьесу «Дни Турбиных». После спектакля Саратовский заметил: «Турбиных-белогвардейцев мне, конечно, нисколько не жалко, а вот Турбиных-«человеков», ей-богу, жалковато»...

То припоминал, что как-то в Москве, редактируя мою корреспонденцию, Николай споткнулся уже на первом абзаце. В нем шла речь о станице Великокняжеской. «Что это ты, — укоризненно спросил Саратовский, — безоговорочно принимаешь такую «географию»? Я был чем-то взвинчен в тот день и раздраженно ответил, что всеями Ставропольщины не ведаю и поэтому не вправе менять их названия. Он запротестовал: «Нет, старикан, надо все-таки что-то придумать». Посидел, запрокинув голову, несколько минут, вдруг просиял: «Нашел!» И выправил оригинал так: «В станице,

которая до сих пор чудом сохранила свое архаическое название — Великокняжеская»... Редактором он был отменным.

Я замолчал, взбудораженный горестными воспоминаниями. Из большой редакции «Экономической жизни» многие не вернулись с фронта. С кинематографической быстротой промелькнули образы убитых на войне друзей-журналистов. Неторопливый и обстоятельный Яша Дубнов, с громадной черной шевелюрой. Свирепый на вид, но милейший Коля Воробей. Всегда элегантный Лева Гольдин. Стремительный и добродушный Миша Гушанский, полноватый для своих лет...

— Расскажите, пожалуйста, что-нибудь еще, — тихо попросил Владимир Николаевич. — Право же, меня интересует каждая черточка. Хочется знать все.

— Однажды вечером, — после паузы продолжал я, — позвонил мне ваш отец в Ростов и устроил разнос. «Старикан, — так он часто называл меня и других молодых газетчиков, — ты правильно критикуешь в своей корреспонденции письмо правления Госбанка Ростовской конторе, но почему-то не указываешь, кем оно подписано». Я ответил, что там подпись самого председателя правления, и назвал очень уважаемого в то время человека. Поэтому, сказал, неудобно называть фамилию. «Это ты брось, — разозлился Саратовский, — неудобно только надевать брюки через голову. Надо обязательно указать фамилию. Для пользы дела...» Был он смелым, принципиальным человеком, одаренным журналистом. Знаете, тогда иные газетчики считали тематику «Экономической жизни», а тем более «Финансовой газеты» скучнейшей материей. Но посмотрели бы вы, с каким публицистическим блеском писал ваш отец о кредитовании товарооборота, сохранении оборотных средств или о выполнении кассового плана Государственного банка! А его фельетон «Декабрьские трюки»! Он был посвящен тем хозяйственникам, которые в последние дни года развивают бешеную активность, спешно закупают все, что нужно и не нужно, лишь бы «не пропали» деньги, лишь бы полностью «освоить» смету.

— Об этом и сейчас немало пишут, — заметил Владимир Николаевич.

— Да, — согласился я. — Есть явления очень живучие. Но первым открыл эту «декабрьскую» тему Николай Саратовский.

— А он часто писал фельетоны?

— Не очень. Предпочитал экономическую публицистику, до тонкости знал банковское дело. Начал свою трудовую жизнь подсобным рабочим на строительстве, а в редакцию пришел, вы это, конечно, знаете, после окончания Плехановского института.

Владимир Николаевич кивнул головой. Да, это ему известно. Мать часто ставила отца в пример: трехлетним ребенком он тоже остался сиротой. Я подумал о схожести судеб. Быть может, когда-то и Николай Саратовский с такой же пытливостью расспрашивал о своем бате.

Сыновний интерес... Вопросы, вопросы, вопросы. Четкими всплесками память рисует картину за картиной, схватывая подробности редакционных будней. В «Экономической жизни» родилась идея — посылать журналистов в командировки без определенного задания. Цель — отыскать что-то новое, актуальное, интересное. Отделам категорически запрещалось давать отъезжающим пресловутые оперативные поручения.

Меня снарядили в Сибирь. Перед выездом я зашел к Саратовскому. «Командировки без задания для поисков свежих тем, — сказал он мне, — это мудрость. Но вот запрет, который получили отделы, увы, не отмечен печатью мудрости. Одно другому не мешает. Прошу тебя по строжайшему секрету — сделай втихаря статью о том, как в Красноярске Госбанк стимулирует кредитами производство товаров ширпотреба. Требуется до зарезу. Пойдет с ходу. Сделаешь? А?» — и подмигнул заговорщически.

Был он веселым, остроумным, жизнерадостным человеком. Любил шутку, «розыгрыши». Заразительно смеялся. Однажды во время соборовского совещания, в перерыве мы целой гурьбой зашли в большой магазин. В толпе, запрудившей его путанные лабиринты, где-то затерялся воронежский собкор И. Бочарников. «Сейчас найдем его», — улыбнулся Саратовский и юркнул в какую-то дверь. Минуты через три мы услышали объявление по радио: «Пропал мальчик Ваня Бочарников из Воронежа. Ванечка, иди к главному выходу, там тебя ждут дядя и тетя»...

Он высоко ценил острое слово. О работниках секретариата полусмешно, полусерьезно говорил: «Наши правящие круги». Основал и редактировал сатирическую стенную газету «Эх-ма, лягнули». Именно от него я впервые услышал не тривиальные поговорки: «Семь лет мак не уродил и голода

не было», «Не бойся врага умного, бойся друга глупого». Любил повторять: «Доброе дело на два века — на этот и на тот».

И еще был он очень справедливым человеком. В 1937 году, к примеру, резко выступил на партийном собрании, защищая журналиста Д., вся «вина» которого заключалась только в том, что он имел несчастье родиться в семье попа. «Сдурели, что ли?» — волновался Саратовский, обращаясь к рьяным обвинителям. И уже спокойней, не без иронии добавил: «Пусть в зале поднимут руки товарищи, выбиравшие себе отцов»...

Я снова умолк. Образ Николая Саратовского сейчас застилал все. Мне стало так горько, что продолжать я не мог, хотя далеко не все еще было сказано. Владимир Николаевич сидел не шевелясь, в прежней позе. Только глаза его закрыты.

Мы долго молчали. За окном буйно цвела развесистая акация. Казалось, что она увешана пышными букетами. Я подошел к сейфу, достал заветную папку и раскрыл ее. Дорогие солдатские треугольники. Синеватые неизменные штампы того времени: «Просмотрено военной цензурой». Вот и письма Николая. Бисерный почерк, выцветшие чернила...

Не помню уже, каким образом весной 1944 года мы нашли друг друга. Он служил в отдельной автороте, которая обслуживала танковую часть. Писал, что судьба прочно связала его с северо-западом: «Леса, болота, озера, бездорожье — вот мое «окружение» с 1942 года». Старший лейтенант Николай Саратовский вел дневники, мечтая создать когда-нибудь, после победы, «крупнокалиберную вещь», как он выражался.

Я показываю письма Владимиру Николаевичу и прошу почитать их вслух. Слушаю до боли знакомые строчки, и вновь оживают картины минувшего. Память моя разворочена, верхние пласты отброшены в сторону, и теперь в ней зияет все выстраданное в те далекие военные годы.

«Очень рад был получить конверт, испачканный твоим характерным почерком. Так и хотелось позвонить курьеру, чтобы сказать: дайте срочно на машинку; пойдет, скажите, в свежий набор. Но, к сожалению, тут не редакция, а берег холодного прибалтийского озера, «курьеры» все с автоматами, и возятся у машин, так что они даже не поняли бы, о чем речь идет. И набора никакого нет, а готовится

очередной «пробор» немцам с нашей стороны, в чем твой почтенный слуга участвует уже скоро три года»...

— А голос у вас, Владимир Николаевич, походит на отцовский,— прервал я его,— такие же басовитые нотки.

Впервые он улыбнулся, скупой, одними краешками губ:

— Называйте меня, пожалуйста, просто Володей. Вы же были на «ты» с батей.

Он читает о суровых фронтовых буднях. Об исключительно упорном сопротивлении врага, у которого приходится дорогой ценой вырывать каждый метр родной земли. О вернувшихся только что с поля боя двух поврежденных танках. Об убитом механике-водителе, славном парне, лежащем сейчас на танке, возле броневой башни. О бредущих по дороге пленных фрицах, которых пока не так много, как бы хотелось видеть... Николай писал еще об успешном очищении Советской Прибалтики от фашистской нечисти, добавляя свое любимое: «Доброе дело на два века — на этот и на тот».

Отложено в сторонку последнее письмо из тех, что хранятся у меня. Да еще чудом уцелел старинный блокнот с записанным Колиным телефоном: К5-52-04, по которому уже не позвонишь. Но на мгновение мне показалось, что в комнате сидит Николай невредимый, улыбающийся.

Чуть погодя Владимир протянул мне бумагу, бережно завернутую в целлофан. Это уже самое последнее письмо семье, и не от Николая Саратовского, а от командира гвардии капитана Назарова.

«Уважаемая Александра Матвеевна! — прочел я. — К великому огорчению вынужден сообщить печальное известие. 16 августа 1944 года в 8 часов вечера, во время налета вражеской авиации, осколком разорвавшейся бомбы, попавшим ему в голову, убит ваш муж Николай Сергеевич Саратовский. Смерть наступила мгновенно...»

Тыльной стороной ладони Вова вытер глаза. Я глядел на него и думал о том, что сейчас он еще моложе отца, но скоро и ему будет тридцать четыре. Потом счет пойдет дальше. У Николая же все прервалось 16 августа 1944 года...

Я провожал Саратовского-младшего в аэропорт. Напоследок сказал ему:

— Будь таким, как твой батя. Только живи, Володя, сто лет.

Марк Лисянский

ЖИЗНЬЮ СВОЕЙ ДОВОЛЕН

Он мог позвонить своей жене, с которой расстался утром, и между ними происходил такой разговор:

- Симочка, скажи мне что-нибудь!
- Юра, ну что тебе сказать?
- Скажи: я тебя люблю.
- Я тебя люблю.
- Благодарю. Я тебя тоже люблю.

Однажды он принес в редакцию журнала «Знамя», где тогда работал, десять экземпляров поваренной книги и, к немалому удивлению сотрудников, подарил по книжке всем женщинам редакции. Это было не в день 8 марта, а в обыкновенный рабочий день. Да что поваренная книга! Он мог добытый с огромным трудом томик Есенина, редко в те годы издаваемого, отдать товарищу. Причем не в день рождения, не по какому-либо поводу подарить, а просто так. Товарищ, увидев книжку, говорил, что это же мечта. И тогда Юра негромко, как бы стесняясь, что у него есть книга, а у товарища нет, предлагал: «Возьми себе».

Незнакомая девушка пришла к Севрукам наниматься в домашние работницы. У Маруси, так звали девушку, была хорошая рекомендация. Отказали ей в предыдущем месте потому, что она страдала эпилепсией.

— Сколько вы там получали? — неожиданно поинтересовался Юра.

- Семьдесят рублей.

— Ладно, живите у нас... Платить будем сто рублей. Жена позвала Юру в соседнюю комнату.

— Ведь нам не нужна сейчас домработница. Олегу уже девять лет. К тому же она эпилептик...

— Понимаешь, Симочка, она больна и поэтому никому не нужна, а жить ей где-то надо. По-моему, это хороший человек. Пусть живет у нас.

Маруся осталась у Севруков, стала их другом, в самые трудные годы войны помогала воспитывать сыновей. И теперь, четверть века спустя, она желанный гость в семье.

Юрий Севрук был бесконечно щедрым, доброжелательным человеком, что не мешало ему быть принципиальным, даже резким с людьми, которые того заслуживали. Он не имел слуха, но всегда напевал вполголоса. И когда один из работников редакции, умевший быть всегда приятным начальству, ехидно заметил, что есть уши, на которые наступил медведь, Юра отрезал: «Лучше иметь фальшивый голос, чем фальшивую душу».

Имя Юрия Поликарповича Севрука часто появлялось на страницах газет и журналов. Страстно влюбленный в поэзию, он вдохновенно и молодо писал о Пушкине и Блоке, Маяковском и Багрицком, Инбер и Прокофьеве, Уткине и Смелякове. Он внимательно следил за поэтическими сборниками, открывал и популяризировал новые имена. Его доброжелательное слово очень многим послужило путевкой в литературу.

Юрий Севрук начал работать в «Знамени» за несколько лет до войны. Там я и увидел его в первый раз. Двери редакции, куда я приехал прямо с Ярославского вокзала, несмотря на ранний час, были открыты. Уборщица сказала, что редакция начнет работать через час. Я повернулся, чтобы уйти, и в дверях столкнулся с человеком. Приветливые, промытые утренним светом глаза на худощавом лице, оценивающий, но добрый взгляд:

— Вы в редакцию? Не москвич?

Через несколько минут мы сидели в небольшой редакционной комнатке. Познакомились. Его фамилия — Севрук — была мне известна. Моя фамилия ему ничего не говорила. Он долго читал мои стихи, делал пометки. Потом поднял от рукописи голову и улыбнулся такой застенчивой, такой извиняющейся улыбкой, будто это не я, а он принес в редакцию столь незрелые сочинения. Не помню нашего разговора, но эту его улыбку вижу и сейчас.

За год до войны вышла моя первая книга стихотворений — «Берег». Я послал ее Севруку с дарственной надписью. В ответ получил записку. В ней Севрук благодарил за книжку и писал, чтобы я следил за журналом. И в «Знамени» действительно появилась рецензия под названием «Начало пути», но к моему удивлению под ней стояла подпись не Юрия Севрука, а Анатолия Тарасенкова, одного из руководителей журнала и известного критика. Конечно, автору первой книжки, вышедшей в Ярославле, было лестно, что в столичном журнале, да еще за подписью самого Тарасенкова, напечатана о нем рецензия. Но я понимал, что ее появлением обязан Юрию Севруку.

Незадолго до войны Севрук начал работать над книгой о поэзии. Он говорил, что основная мысль книги: Маяковский и сегодняшняя поэзия. Судя по нескольким напечатанным главам, молодой критик задумал интересно и широко показать советскую поэзию, которую он прекрасно знал и самозабвенно любил. Кто знает, может быть, эта работа и была бы его главной книгой.

Замысел полностью не был осуществлен. В первые же дни войны Юрий твердо решил пойти на фронт. Но он нужен был редакции. К тому же сугубо штатский вид этого мягкого, спокойного, уравновешенного человека, никогда не служившего в армии, казался немыслимым во фронтовой обстановке. Ему дали бронь, пошутили над его заявлением: «Мне не нужна никакая бронь». А в редакцию непрерывно шли писатели попрощаться перед отъездом на фронт. Особенно много среди них было поэтов, Юриных друзей. Одни уже скрипели желтыми ремнями на новеньких гимнастерках, другие показывали направления в Действующую армию. И Юра всем завидовал. Он примерял ремни и планшеты, всерьез предлагал свой портфель в обмен на полевую сумку.

Над осенней Москвой, потонувшей во мраке, гудели самолеты, скрещивались прожекторные лучи, гремели залпы зениток. Редакцию журнала эвакуировали в Красноуфимск. Вместе с другими сотрудниками уезжал и Севрук. Но вскоре он появился в Москве и позвонил с вокзала одному из своих друзей. Тот удивился:

— Откуда вы, Юрий?

— Из Москвы, — как ни в чем не бывало ответил он. — Сбежал из эшелона под Ярославлем. Не хочу в тыл. Добьюсь отправки на фронт.

И он своего добился. В самое трудное время войны — осенью 1941 года Севрук очутился на Волховском фронте в солдатской газете «Боевая красноармейская». Критик Юрий Севрук, влюбленный в поэзию, стал военным журналистом, боевым газетчиком, летописцем великих битв Отечественной войны.

В газете Юра делал все. Он писал и прозу и стихи, заметки и лозунги, фельетоны и поэмы. А его корреспонденции с поля боя, из солдатского окопа, из блиндажа командного пункта были не только оперативны, а и живо написаны, они ярко рисовали картину сражения, точно оценивали сложившуюся обстановку. Среди бойцов особенной популярностью пользовалась его юмористическая поэма «Тридцать три несчастья Степы Петушкова», печатавшаяся из номера в номер в «Боевой красноармейской». Степа Петушков — родной брат Василия Теркина — от пули не бежал, но в отличие от Теркина был непрактичен и бестолков. Севрук просто и естественно, с лукавой улыбкой, характерной для самого автора, рассказывал: «Служил у нас в роте боец-молодец, взрослый мужчина, рослый детина — сажень без пяти вершков, по фамилии Петушков. Был он парень на славу — ладно скроенный, бравый, добродушного нрава и собою красив и в бою не труслив. Но при всем этом Степа был большой недотепа, и почти что всегда с ним случалась беда. Мы его так и прозвали «Тридцать три несчастья»».

Юрий Севрук знал не только поэзию. Еще до войны он всерьез интересовался военной наукой, изучал военную историю, сотрудничал в газете «Красная звезда». Его все больше и больше влекла к себе тема воинского подвига. Он с увлечением работал над рукописью знаменитой летчицы Марины Расковой, отдал очень много времени рукописи бойца Н. Митрофанова, пришедшей в редакцию с финского фронта в 1940 году. «Записки штурмана» М. Расковой и повесть «В снегах Финляндии» Н. Митрофанова, напечатанные в «Знамени», имели большой успех у читателей.

Севрук жил предчувствием войны. Вместе с группой писателей — офицеров запаса он учился на курсах в Академии имени Фрунзе. А так как он любил все делать добротнo, основательно, в полную силу, то не удивительно, что эти курсы дали ему многое. Об этом свидетельствуют толстые тетради-тома конспектов лекций. Если к сказанному добавить, что он был смелым человеком, то станет ясно: в лице

Юрия Севрука газета «Боевая красноармейская» имела надежного и безотказного военного корреспондента.

Когда-то Иван Поддубный, чьи записки Севрук редактировал для «Знамени», заметил ему: «С такой грудной клеткой я из тебя сделал бы спортсмена... В тебе пропал борец». На фронте Юра себя нашел и как выносливый боец и как отважный журналист. Он одинаково хорошо владел пером и оружием. Это сказано не для красного словца. Юра Севрук был неплохим снайпером и даже имел личный счет. На его счету девять фашистов.

Его трудно было удержать в редакции. Он уходил в полки, батальоны, на передний край и оттуда присылал свои корреспонденции. Очень хорошо сказал о нем его друг и однополчанин поэт Павел Железнов, посвятивший ему стихотворение:

Материал для передовой
Он брал на передовой.

На Волховском фронте военный корреспондент Юрий Севрук получил свою первую боевую награду — медаль «За боевые заслуги». Это было в 1942 году. Вскоре Юрий Поликарпович подал заявление в партию и стал коммунистом. Он считал, что теперь имеет право на это высокое звание.

О нем беспокоились друзья. В Москве рассказывали о том, как Севрук был в разведке, привел «языка», несколько раз ходил в атаку. Он хотел видеть все своими глазами, быть рядом с теми, о ком пишет.

Для Юрия было неожиданностью, что его приняли в члены Союза советских писателей. Никаких заявлений он не подавал, да и до этого ли было на фронте! По инициативе и настоянию писателей, хорошо знавших его, он был принят заочно. При приеме оказалось не три рекомендации, как полагалось, а целых восемь. И. Эренбург, А. Твардовский, П. Антокольский, Б. Горбатов, С. Щипачев, Н. Замошкин, А. Исбах, С. Вашенцев — вот кто рекомендовал Юрия Севрука в Союз писателей!

Илья Григорьевич Эренбург писал: «Горячо поддерживаю кандидатуру писателя Ю. П. Севрука, которого знаю как умного литератора, прекрасно работавшего до войны и талантливо работающего сейчас, в дни войны».

При нашей первой встрече Юрий мне сказал, что в детстве был юнкором, писал стихи, а потом, повзрослев, узнав большую поэзию, решил: из него поэта не выйдет. «Иногда

грешу по старой памяти, но это так, между делом, не всерьез»,—прибавил он с той самой смущенной улыбкой, о которой я упоминал раньше. На войне Юра вспомнил свое давнее увлечение. Сначала стихи стали появляться в письмах жене. Он был солдатом, жил одной жизнью с теми, кто шел в сражения, и то, что он писал в письмах, мог повторить любой солдат своим близким. В одном из писем было стихотворение «Твоя фотография». Начиналось оно так:

Чтобы выдержать любое
Испытание в бою,
Я всегда ношу с собою
Фотографию твою.
С нею в яростном сраженье
Вражья пуля не страшна,
Как в зеркальном отражении,
В ней душа твоя видна...

Юра не раз видел, как в блиндаже, за несколько часов до боя, солдаты разглядывали фотографии своих любимых. И он понял, что его, пусть несовершенное стихотворение нужно людям здесь, на войне. И он, смущаясь, прочел его в редакции одному из своих товарищей. Тот схватил стихотворение и побежал к редактору. «Твоя фотография» появилась в газете. Солдаты посылали газету со стихами своим женам, любимым, вырезки из газеты носили в карманах гимнастерки. А в редакцию посыпались письма с просьбой побольше печатать «таких душевных стихов».

Широко распространилось сошедшее со страниц красноармейской газеты стихотворение Севрука «Самая хорошая». Оно быстро завоевало солдатские сердца, кочевало из дивизии в дивизию, его распевали на разные мотивы. Волховский фронт взял на вооружение песню «Самая хорошая».

Собрались за ужином
Наши молодцы —
Удалые, дружные,
Смелые бойцы.
Ночь темна военная,
Огонек зажгли,
Необыкновенные
Речи повели.
Каждый парень хвалится
Девушкой своей:
— У меня красавица.
— А моя — милей.
Спорят, хорохорятся,
Я один молчу:

Понапрасну ссориться
С ними не хочу.
Не отдам задешево
Я своей мечты,
Самая хорошая
Это только ты.
Ясные, счастливые
Очи — как цветы.
Самая красивая.
Это тоже ты.

Наше наступление набирало силу. Мы двигались на запад. Война пошла вспять, по тем дорогам, по которым она пришла в наши города. Поздней осенью развернулись бои за Днепр. Туда была переброшена армия, в которой служил Севрук. Он, как всегда, был в боевых порядках наступающих. Отсюда, из самого пекла, находя всяческие оказии, Юра пересылал свои корреспонденции. В них чувствовалось горячее дыхание солдата, идущего в атаку. И когда, сраженный автоматной очередью, замертво упал командир взвода, журналист, критик, поэт капитан Юрий Севрук заменил командира и повел бойцов. Снайперская пуля угодила ему в предплечье, повисла бессильно рука, но он продолжал вести батальон в атаку.

Бой завершился победой. Юра написал корреспонденцию о взятии первой деревни на днепровском берегу. 21 декабря 1943 года в госпитале Севруку вручили орден Красного Знамени.

Несколько месяцев провел он в госпитале. Всю руку — от предплечья до пальцев — врачи изрезали, сшили сухожилия. Рана стала заживать, но пальцы не слушались, не сгибались. И все же, едва выйдя из госпиталя, он начал добиваться нового назначения на фронт.

Шел 1944 год. «Знамя» уже было в Москве. В редакции уговаривали Севрука вернуться в журнал. Друзья его убеждали: «Ты сделал все, что было в твоих силах. В конце концов, ты инвалид второй группы, у тебя правая рука не действует...»

В мае 1944 года, когда наш 3-й Прибалтийский фронт вел наступательные бои, в редакции красноармейской газеты «За Родину» появился Юра Севрук. Рука — на черной повязке, пилотка — лихо набекрень, на выцветшей гимнастике — орден Красного Знамени. Он вошел в комнату, где я сидел над материалами очередного номера, и, вытянувшись в струнку, шутливо отрапортовал:

— Капитан Севрук привез вам привет из золотой Москвы, воспетой вами!

Юру сразу полюбили в нашем коллективе. Уже через несколько дней он был весь в работе. Казалось, он давным-давно служит вместе с нами. Поначалу его щадили, не посылали в подразделения, засадили за обработку солдатских писем. Однажды я его упросил остаться вместо меня на посту литературного секретаря (я в ту пору после госпиталя тоже был ограниченно годным и работал в секретариате редакции), а сам уехал на недельку в полки.

Уезжал я спешно, на попутной машине, в Юриной пилотке, своей не оказалось под рукой. А возвратился без пилотки. Дело в том, что обратно я летел на «кукурузнике», сидел позади летчика, кабина прикрывала только плечи. Машина поднялась, и пилотку тотчас же снесло.

Юра очень переживал потерю. Оказывается, в этой пилотке он воюет с самого начала, очень дорожит ею, даже сохранил после ранения. Было что-то трогательно детское в его огорчении. Так огорчается ребенок, если отобрать у него любимую игрушку. Я выпросил у наших хозяйственников новую пилотку, но это его не успокоило.

Юра понял, что его оберегают, не хотят посылать на передовую, и заявил протест. Он сказал, что совершенно здоров и должен быть в наступающих частях. Для убедительности он снял повязку. Но я-то видел, как он украдкой, тренируя руку, сжимает и разжимает плохо повинующиеся пальцы, как сгребает карандаш со стола, помогает здоровой рукой взять карандаш в пальцы правой руки.

Он начал ездить в полки, и в газете одна за другой стали появляться его корреспонденции. В боевых порядках батальона, который первым вступил на эстонскую землю, был Севрук. А бои шли жестокие. Черные дни наступили для фашистской армии. Войска 1-го Прибалтийского фронта перерезали все пути, ведущие из Прибалтики в Восточную Пруссию. Немецкая группировка, застрявшая в Латвии и Эстонии, была прижата к морю и отчаянно сопротивлялась.

Севрук приезжал в редакцию на денек-два, чтобы отписаться. Его блокнот был «набит» до отказа наблюдениями, заметками, фактами, фамилиями, цифрами. Переполненный самыми последними событиями и новостями, он садился сам за машинку и далеко за полночь одним пальцем левой руки все стучал и стучал, печатая очередную корреспонденцию.

А из Москвы, из журнала «Знамя», шли письма, в которых настоятельно просили Юрия дать согласие на отзыв его с фронта. Севрук нужен был журналу, да и сам он любил журнал. За два дня до гибели он отправил ответные письма Анатолию Тарасенкову и Всеволоду Вишневскому. В первом он писал: «Вообще-то говоря, я не устал еще воевать, и рука у меня зажила. И время сейчас интересное, и места мы проходим несколько необычные. Но «Знамя» для меня больше чем просто место работы, со «Знаменем» я связан кровно...»

В письме Вишневскому он благодарил за внимание и общался: «Жизнью своей я доволен. Мы здесь хорошо воюем, проходим по совершенно новым для меня местам, здесь все интересно. Мы идем к Балтике, и я надеюсь, что успею еще побывать на Рижском взморье до того, как получу возможность двигаться в противоположном направлении. Еще раз благодарю за внимание. Надеюсь принести пользу литературе».

В тот же день, под вечер 14 сентября, Юра пришел ко мне обедать. Он получил боевое задание, на рассвете уезжал в войска. Я нажарил огромное количество картошки, поджарил тщательно каждый ломтик со всех сторон, как любил Юра. Моя хозяйка, добрая эстонка Матэли, поставила на стол кувшин холодного молока. И мы пировали — читали Багрицкого и Пастернака, вспоминали поэтов-друзей, которых война поразбросала по свету, Москву, которую Юра скоро должен был увидеть. Юра говорил о письме, только что отправленном жене. Расставаясь, мы выпили «посошок на дорожку».

Наутро Юра уехал, а 16 сентября 1944 года он вместе с воронежским писателем Борисом Песковым перебирался из дивизии в полк. Они были недалеко от местечка Тырва, от командного пункта полка, когда начался артиллерийский налет. Прямым попаданием снаряда был убит Песков. Юра был смертельно ранен. Более двадцати осколков пробило его тело...

Мы стояли в почетном карауле у гроба, утопающего в осенних цветах. Один из последних очерков Севрука начинался так: «Хороша эстонская земля. Мы на высоте. Отсюда видны бесконечные сосновые леса, серебряно-синие озера, золотые поля вокруг хуторов и деревень».

Он погиб 32-летним, не дописав своей главной книги, полный замыслов и планов, до конца выполнив свой долг

журналиста. Посмертная награда — орден Отечественной войны 1-й степени — увенчала его солдатский подвиг.

Я пишу о Юрии Севруке спустя четверть века. Недавно его жена Серафима Леонидовна показала мне письмо, которое я написал матери Юры двадцать пять лет назад. Мне кажется, оно вернее всего передает ту боль, ту любовь, те непосредственные чувства, которые владели нами, его друзьями и товарищами в те печальные дни.

«Дорогая Валентина Леонтьевна!

Я хорошо знаю, что нет на свете слов, которые могли бы утешить мать, потерявшую сына, да еще такого сына, как Юрочка. Я его друг. Я его любил. Чудесный товарищ, прекрасный до наивности, честнейший Юра Севрук. Мы плакали, когда узнали о его гибели.

Я никогда не забуду его улыбки, чистой, как у ребенка.

Сейчас на могиле ограда, рядом скамейка, деревья. Я шлю вам текст надгробной надписи. Точно такая у Юры на могиле.

Валентина Леонтьевна, передайте его жене Серафиме Леонидовне, что Юра перед своей последней поездкой обедал у меня. Он много говорил о Симе, очень хорошо и тепло, говорил, что послал ей письмо, которого она заслуживает, как он выразился, «хорошее письмо».

Пусть Серафима Леонидовна знает, что Юра ее любил и говорил о ней как о лучшем своем друге»...

По-прежнему прекрасна эстонская земля. Бесконечны ее сосновые леса, серебрятся синие озера, шумят золотые поля. В зеленом городе Выру на могиле Юрия Севрука растут цветы, лежат венки и букеты. Ребята школы имени Крейцвальда, эстонского писателя-просветителя и врача, постоянно заботятся о последнем пристанище воина-писателя. Они переписываются с Юриными родными. Каждое лето школьники Выру навещают в Москве родных и близких Севрука, привозят эстонские сувениры. Сменяются поколения пионеров, но эту традицию, как эстафету, ребята передают друг другу. В школе есть уголок памяти Юрия Севрука. Лучший пионерский отряд носит его имя.

Всегда свежа зелень над могилой у памятника. На русском и эстонском языках написано на белом мраморе имя воина и поэта. Его сын — Андрей Севрук, поразительно похожий на отца, приезжает в город Выру и подолгу стоит у могилы, которую бережно хранит эстонская земля.

Сыновья, стали старше вы павших отцов,
Потому что на марше — любой из бойцов,
Потому что привалы годам не даны.
Вы о нас, сыновья, забывать не должны.

Расул Гамзатов

Виктор Сытин
В КРАКОВЕ,
НА ПЛОЩАДИ БАРБАКАН

от такая же погода, как сейчас в Москве, когда я пишу эти строки, была тогда, в конце января 1945 года, в Южной Польше. Легкий морозец. Немного снега. Утрами туманы. Днем иногда проглянет неяркое солнце. Запомнилось это все потому, что в те дни большого наступления наших войск с Сандомирского плацдарма на левом берегу Вислы все мы — от солдата до генерала ночью и днем находились в походе, в движении, в бою.

Итак, мы наступаем! После нескольких месяцев затишья оборона врага прорвана. Танки Рыбалко и Полубоярова идут вперед. За ними стрелковые дивизии и артиллерия нашей 59-й армии. Прямо на запад. Точно по широте. С ходу ломаются заслоны на удобных для арьергардных боев рубежах, форсируются речки. И вперед, вперед, только вперед!

На десятый день передовые части армии выходят к городку Мехув, освобождают его и отсюда делают крутой поворот к югу. Этот неожиданный для врага маневр спасает древнюю столицу Польши — Краков. Противник не успевает построить оборону с фланга, не успевает даже взорвать заминированные лучшие здания города, в том числе исторический замок Вавель. Гитлеровцы вынуждены удирать, бросив почти всю технику. Иначе неизбежно окружение и плен.

...В первые же часы после освобождения Кракова редактор нашей армейской газеты «На разгром врага» Серафим Александрович Прокофьев сам решил отвезти в части, освободившие город, только что напечатанные первые экземпляры газеты. На перекрестке дорог, недалеко от Мехува он встретил нас — поэта Анатолия Чивилихина и меня. Здесь только-только закончился короткий бой с несколькими немецкими танками, которые пытались прорваться на запад, но были уничтожены «истребителями», противотанковым артиллерийским полком.

Выслушав наш рассказ об этом, Серафим Александрович (он сразу же перебрался из кабины к нам в кузов машины) улыбнулся.

— Славно, что их прищучили! Ночью они чуть было не пожаловали к нам в редакцию. Но, видно, побоялись выходить к большой дороге. А то пришлось бы для этого номера искать типографию в Кракове.

Потом он вынул блокнот, что-то чиркнул в нем и добавил:

— Записываю вам задание, майор Чивилихин, — стихи стихами, они за вами. Даже в рифму получилось! А кроме — напишите, как поймали в ловушку эти заблудшие немецкие танки, расскажите, как теперь умеют наши офицеры и бойцы воевать...

Расшифровывать это задание ему было совсем не нужно! Так он заканчивал свои редакторские приказы-задания почти всегда, с первых дней своего прибытия в нашу армейскую газету. Начальники отделов и корреспонденты ее еще на Волховском фронте со времени боев за освобождение Новгорода, а затем в боях под станцией Батецкой, на реке Нарове и на Карельском перешейке в составе Ленинградского фронта постоянно слышали от Серафима Александровича:

— Расскажите, как наши воины проявляют умение в бою. Это — главное сейчас: вооружать их опытом. День за днем, в каждом номере газеты нужно на конкретных примерах показывать, что могут и должны они бить врага не только смелостью, но и умением...

Помнится, перед боями за Новгород он попросил меня написать серию очерков о действиях наших разведчиков и, принимая их в печать, дотошно добивался, чтобы в каждом,

помимо рассказа о храбрости и даже героизме наших лучших ребят — разведчиков, обязательно было «рациональное зерно», хотя бы немного о том, как они, учитывая конкретную обстановку, готовились к поиску, как выбирали маршрут, как маскировались, как условливались о взаимодействии и т. д.

Теперь, через много лет вспоминая об этих наказах, особенно хорошо понимаешь, как важно было именно армейской газете собирать по крупицам и пропагандировать опыт наших воинов.

Конечно, задачи армейской газеты этим не ограничивались, они, естественно, были шире. Но, думаю, мне, именно то, чего добивался Прокофьев в газете «На разгром врага», в немалой степени помогало боевым успехам нашей 59-й армии и на Волховском фронте и потом в составе 1-го Украинского.

Серафим Александрович приехал к нам из Москвы, где был заместителем редактора газеты «Московский большевик». Обычно штатский человек не сразу осваивается в семье фронтовиков, уже видевших и перевидевших все то и страшное и возвышенное, что составляет их постоянное бытие перед лицом смерти. Очевидно, новый наш редактор понимал это и, чтобы поскорее войти в боевую семью, сразу же решил «окрестить» себя огнем. Каждый день он забирал с собой свежие номера отпечатанной ночью газеты, садился в полуторку и ехал до КП той или иной дивизии, а потом шагал в батальоны, державшие оборону на плацдарме за Волховом, около Спасской Полисти или в районе Хутины, ближе к Новгороду.

От линии этой обороны до траншей противника в тех местах было от пятидесяти до двухсот метров — не более. А в одном батальоне полка, которым командовал старый вояка полковник Кузнецов, всего тридцать метров!

Я слышал от многих, что почти двухлетнее стояние фронта на Волхове считалось периодом отдыха для частей, которые эту оборону держали, и не имело стратегического значения. На самом деле совсем это не так. На нашем фронте были большие кровопролитные бои и в тот период.

Вспомните бои в районе Синявина — Мги, южнее Ладоги...

Лишь теперь, когда опубликованы секретные документы генерального штаба гитлеровской армии, стало ясно, какое

большое значение придавал наш враг этим районам военных действий и как путали ему карты стойкая оборона и удары по внешнему кольцу блокады Ленинграда в трудные 1942—1943 годы.

А если вспомнить о «небольших» боях — а они происходили у нас почти ежедневно, — то немцы пытались оттеснить полк Кузнецова хотя бы на километр, то мы бились за высотку около Званки — села, где когда-то родился поэт Гавриил Державин!

...Серафим Александрович возвращался в редакцию с передовой уже затемно, усталый, в сапогах и шинели, измазанных желтой глиной, и сразу же садился за правку гранок очередного номера. Потом уезжал в политотдел или к члену Военного совета генералу Лебедеву «за новостями общего порядка», а глубокой ночью читал сверстанные полосы, и вестовой Пахомов, проклиная войну, грел ему чай...

Однажды, когда он шел по траншее в одном из батальонов, немецкий снайпер пробил ему верх шапки-ушанки. Об этом узнал генерал Лебедев и запретил Прокофьеву его «вылазки» на передний край.

— Вот когда будем наступать — тогда еще риск оправдан. А сейчас — дальше КП полка не ходите...

Впрочем, сам Лебедев тоже частенько лазал по траншеям в нескольких десятках метров от вражеской линии обороны.

Но так или иначе, а «штатский» редактор Прокофьев очень скоро стал настоящим фронтовиком, а главное, прекрасно понял обстановку, в которой приходилось работать основному костяку редакции армейской газеты — ее корреспондентам, проводившим почти все время в частях. Это дало ему возможность конкретнее ставить задания своим сотрудникам, подсказывать важные темы, интереснее планировать работу газеты.

И как-то незаметно все политотдельцы и сотрудники редакции «На разгром врага» полюбили спокойного, светлогоглазого подполковника.

...Анатолий Чивилихин поднял руку и полусерьезно-полушутливо повторил задание: «Есть написать, как умеют воевать...»

Тем временем полуторка домчалась до предместий Кракова. Еще дымился подбитый «тигр» на обочине. Около валялись трупы в черных шинелях эсэсовцев. Дальше были разметанные по сторонам машины, груженные каким-то барахлом. Но дома стояли целыми. Лишь многие без стекол и с красными оспинами от пуль и осколков на стенах.

Вот перекресток, на котором уже стоит девушка с флажками. Направо от нее, на небольшой площади, артиллеристы готовят орудия к маршу. Они только что отстрелялись — в воздухе еще чувствуется горький запах пороха.

А вот и центральная часть города — площадь Барбакан. Многоэтажные дома — каждый по-своему красив. На старинной башне — красный флаг. Далее бульвар. Чудесные деревья одеты инеем. Здесь даже мины не рвались.

— Красивый город! — тихо говорит Серафим Александрович. — После войны надо будет обязательно сюда приехать. — А сейчас — сдадим газету и... разрешаю два часа на его осмотр!

...Мы идем по освобожденному Кракову, наслаждаясь тишиной и радостью. Эта радость на лицах первых робких прохожих, на лицах ребятишек, глазеющих в окна, в смехе девушки, которая вывела здорового полосатого бульдога и заставляет его здороваться с двумя нашими парнями с миноискателем.

— Красивый город, — снова повторяет Серафим Александрович, — как хорошо, что он совсем не пострадал!

Мы выходим на большую площадь. Углом в нее вдается массивное здание. Над фронтоном его буквы — «Дзеник Краковски».

— О, это дом газеты! Зайдемте?

Двери не заперты. В доме ни души. Гулко звучат наши шаги в пустынных широких коридорах, на лестницах. В комнатах сотрудников на столах и подоконниках, как и в любой редакции, — подшивки, гранки, рукописи, огрызки карандашей, склянки из-под чернил...

Вдруг до нас доносится звук шагов: кто-то спускается вниз с верхнего этажа. Это высокий, очень худой человек в длинной шинели и четырехугольной фуражке-конфедератке польской армии. Он козыряет подполковнику Прокофьеву и представляется:

— Поручик Путрамент Ежи. — И, усмехнувшись, добавляет по-русски, с легким акцентом:

— Обхожу свои владения. Се день я редактор этой газеты. Пока один здесь.

— Поздравляю. Я тоже редактор,— жмет ему руку Серафим Александрович.— К счастью для вас, все здесь в целости!

— Может, вам что-нибудь нужно? — спрашивает Путрамент.— Тут есть запас шрифта, краски, картон...

Серафим Александрович вдруг густо краснеет. Неужели Путрамент подумал, что он пришел сюда, чтобы, грубо говоря, чем нибудь поживиться!

Путрамент смеется.

— Да разве можно что-нибудь пожалеть для вас в Польше? — говорит он потом серьезно...— Тем более мне, для которого война уже кончена. А вам еще идти. Впереди ведь перед вами Силезия...

— Да, Силезия,— соглашается Прокофьев. И это было не разглашением военной тайны. Всем нам и врагу тоже было ясно, что после Кракова мы пойдем на Катовицы...

— Если задержитесь здесь, прошу бардзо, навестите еще. Буду очень рад коллегам.

Серафим Александрович пообещал заехать завтра под вечер, после того как передислоцирует свою редакцию к западу от Кракова.

Наша 59-я пошла дальше, действительно на Катовицы, освободила Силезский промышленный район, и уже к концу января передовые части ее дивизий вышли на Одер. А весной наши дивизии форсировали эту реку, громили группировки врага на левом фланге битвы за Берлин и уже после капитуляции фашистской Германии стремительно шли к Праге через горный район и освободили чехословацкие города Наход, Градец Кралов и многие другие.

Но тогда, когда враг был разгромлен, Серафим Александрович уже не редактировал газету «На разгром врага»...

...Назавтра, 21 января 1945 года, Прокофьев, как и обещал Путраменту, решил заехать в Краков. Вез его на мотоцикле начальник отдела армейской жизни редакции майор Григорий Иванович Козлачков. Вернуться они обещали к полуночи, когда обычно номер газеты подписывался в печать.

Но они не вернулись. Шел снежок, и шоссе было скользким. На полном ходу на их мотоцикл наскочила тяжелая грузовая машина...

Козлачков был убит сразу, Прокофьев, не приходя в сознание, скончался 23 января.

Подполковник Серафим Александрович Прокофьев похоронен в Кракове на площади Барбакан, у начала бульвара.

Осенью некоторые части 59-й, ее штаб и политотдел возвращались на Родину почти тем же путем по польской земле, который был пройден с боями.

В Кракове была дневка. Мы пошли на площадь Барбакан еще раз попрощаться со своими товарищами.

На серых гранитных надмогильных плитах с именем Прокофьева, Козлачкова и других советских воинов лежали охапки алых и белых осенних астр. Цветами польского национального флага украсили краковчане последнее прибежище тех, кто участвовал в освобождении польской земли.

Могучие платаны и вязы роняли бурые листья на аллеи, где играли, может быть, те самые ребята, которые улыбались Серафиму Александровичу, когда мы с ним впервые увидели улицы Кракова и вот эту самую площадь.

— Красивый город,— сказал он тогда.— После войны надо будет обязательно сюда приехать...

Степан Елагин
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
КАПИТАНА БЕСОВА

Журналистом Павел Бесов был недолго. А запомнили мы его навсегда. Службу он нес в Забайкалье. В шести тысячах километров от переднего края Великой Отечественной войны. Но душой и сердцем Павел Бесов, командир взвода тяжелых танков, был там, где кипели ожесточенные бои с ненавистным врагом.

С волнением слушал радиосводки Советского информационного бюро. И на стол командира части ложился рапорт за рапортом: «Прошу отправить на фронт».

— Здесь тоже фронт,— отказывал в просьбе полковник. Открыв оперативную карту, он показывал на группировки японской Квантунской армии, грозившей с правобережья Аргуни и Амура вторжением на советский Дальний Восток и в Забайкалье.

Шли дни, недели, месяцы, заполненные напряженной боевой учебой на стрельбище и танкодроме. Офицер сколачивал экипажи боевых машин. Работал с каждым солдатом, командиром танка. Показ — тренировка — разбор,— так терпеливо и настойчиво вел командир своих подчиненных к боевому мастерству. И, когда пришла проверка на зрелость, экипажи показали высокую слаженность. Танки водили безукоризненно, стреляли метко. Павел Бесов был рад успехам своих учеников и решил написать о них во фронтовую газету «На боевом посту».

— Пусть о них знают бойцы,— думал командир.

Неторопливо, отбирая слово за словом, Бесов рассказывал о том, как танкисты овладевали техникой, писал о войсковом товариществе, выручавшем в трудные минуты, о взаимозаменяемости, которая удваивает силы экипажа.

Первым прочитал письмо Бесова майор Юдин, начальник отдела фронтовой жизни редакции.

— Это же готовый очерк! — обрадовался новому автору Алексей Иванович.

Получив еще несколько корреспонденций Бесова, Алексей Иванович решил: надо пригласить его на работу в редакцию — службу знает, в технике разбирается, командирский опыт есть...

Но Павел Бесов отказался:

— Я танкист, в кабинете сидеть не привык...

Долго убеждали Бесова и в конце концов доказали ему, что в редакции он будет приносить больше пользы. Напомнили пословицу: «Пулей попадешь в одного, а метким словом — в тысячу».

Убедили. И вот первая командировка. На многое поинему взглянул теперь Бесов. Он поехал в пограничные части, расположенные за станцией Мациевской. Войны здесь не было, но японская военщина не скупилась на провокации, и приходилось порох держать сухим.

Воины-забайкальцы закрыли границу на крепкий замок, бдительно следили за происками противника, занимались боевой и политической подготовкой. Одно подразделение стояло на посту, а другое выходило на тыловые пади и тренировалось в стрельбе, училось наступать, атаковать, закреплять взятые рубежи.

Павел Бесов неутомимо, как и бойцы, совершал с ними перебежки, броски в атаку. Опытным глазом он подмечал успехи и промахи сержантов и солдат. Листки блокнота заполнялись заметками о виденном, слышанном, записывались имена командиров и бойцов...

— Как съездил, какие задумки? — спросил майор Юдин корреспондента.

— Хорошо. Побывал на передовой, — делился Бесов, — японцев своими глазами видел. Смотри да смотри за ними... На занятиях был. Что о них сказать? Бойцы упорно овладевают тактикой боя. Что заметил? Слабое взаимодействие огня и движения. Много щелканья затворами. Без выбора цели, без определения расстояний. А некоторые сержанты этого словно не замечают.

— Пробел серьезный,— поддержал Алексей Юдин.— Сделай, Павел Михайлович, обстоятельный разбор, выступи против послаблений в боевой учебе...

Нелегко приходилось строевому командиру осваивать новую специальность. Но Павел Бесов был из тех, у кого душа рвется навстречу трудностям. Он старательно учился у товарищей по работе. Писатели Георгий Марков и Борис Костюковский тоже охотно делились профессиональными секретами со способным учеником.

Как-то случайная встреча подсказала Бесову, что боевой опыт фронтовиков, который активно пропагандировала газета, можно пополнить рассказами бойцов, находившихся на излечении в госпиталях. И с тех пор газета систематически печатала рассказы о боевом опыте бойцов — участников Великой Отечественной войны.

Отгремели в столице нашей Родины — Москве залпы салюта победы над фашистской Германией. Состоялся и вошедший в историю парад Победы на Красной площади.

А Забайкальский фронт, отпраздновав победоносное окончание войны в Европе, жил напряженно. Степные просторы без усталости принимали днем и ночью эшелон за эшелонам гвардейские полки и дивизии. Все мы, люди военные, понимали, что не на отдых прибыли в Забайкалье герои великих сражений за Москву и Сталинград, Прагу и Берлин.

9 августа 1945 года начались боевые действия Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке. Редакция собралась быстро по тревоге. Через сутки газета выпускалась в подземном бункере на берегу Голубого Хирулена под новым названием — «Суворовский натиск». Название привезли с собой ветераны 2-го Украинского фронта. Через два дня, совершив 300-километровый марш по пустынной степи, редакция прибыла в Тамцак-Булак. Отсюда, получив боевое задание, корреспонденты на попутных машинах отправились на исходные рубежи частей, готовых к мощному удару по противнику.

Капитан Павел Бесов с офицером из оперативного управления штаба фронта поехал к танкистам генерала Волкова. Колонны замаскированных боевых машин были нацелены к броску на Большой Хинган.

Сгустились сумерки. Притихла степь. Последние часы перед боем. Павел Бесов вместе с заместителем командира по политчасти обходит танкистов. В разговорах уточняются детали боевого задания.

Подошедший командир роты предупредил, что придется совершить бросок километров на сто.

— Если выйдем за линию озер, заболоченных участков и солончаков, то сорвем замысел японцев остановить нас в чистом поле под дулами орудий своей обороны,— заключил командир.— Поэтому, как войдем в прорыв, двигаться на предельных скоростях до Хингана. Во что бы то ни стало.

— И Хинган возьмем и до Порт-Артура дойдем,— ответили командиру бывалые танкисты.

— Добро.

В 4 часа 30 минут границу перешли главные силы фронта, они расширили прорыв вражеской обороны. В него при поддержке авиации устремились танкисты.

Павел Бесов был на командирской машине и видел, как стремительно двинулись колонны стальных крепостей. Степь задрожала под могучей поступью прославленных «тридцатьчетверок». Японские пикировщики-смертники попытались нанести по ним удар. Но господствующая в воздухе советская авиация и отлично действующие зенитчики не допустили противника в район массированного наступления танков. Сметая огнем и гусеницами японские части, наши воины в первый же день продвинулись на 150 километров. Рубеж озер и болот остался далеко позади.

Весть о первом боевом успехе танкистов Павел Бесов поспешил передать в редакцию.

Танкисты готовились к новому броску, теперь уже на штурм Большого Хингана. Разразились августовские проливные дожди. Горные ручьи и речки превратились в бурные потоки. Уровень воды в них поднялся на несколько метров. Низины и ущелья были затоплены. Дальнейшее продвижение танков без дорог, по компасу, казалось невозможным. А гвардейцы пробивались к Хинганскому хребту. Экипажи закрывали люки, задраивали их и преодолевали стремнины вброд. Где это не удавалось, строили из камней дамбы. Работали под ливневым дождем, сутками не смыкая глаз. Мостил проходы, как все солдаты, и Павел Бесов. Ведь тут каждая пара сильных рук была дороже золота.

В одном районе построили дамбу трехметровой высоты, чтобы преодолеть болотистую низину. Только направился к ней головной танк, дамба провалилась в трясину. Пришлось искать обход. Нашли — и вышли на хребет Большого Хингана.

Японское командование было уверено, что Большой Хинган непроходим. Начальник штаба Квантунской армии генерал Хата, взятый в плен танкистами, признавался: «Я не поверил, что русские танки прошли через этот высокогорный хребет».

А советская гвардия шла вперед! Уже 12 августа, на четвертый день наступления, передовые танковые части заняли город Ту-цюань и ставку князя Тушату-Вана. А вслед за этим овладели городом Таонанем и железной дорогой Цицикар — Мукден. В трудных условиях с боями было пройдено 800 километров.

Редакция остановилась в городке Ваньмяо (Улан-Хото). Но Павел Михайлович не успел написать очерк, запечатлеть увиденное на бумаге. События на фронте развивались стремительно. Разгромленная Квантунская армия спешила к портам Ляодунского полуострова, чтобы не оказаться в полном окружении. Поэтому советское командование приняло решение выбросить на Чанчунь, Мукден и Порт-Артур воздушные десанты и таким образом сорвать планы японцев.

Резкий поворот в характере боевых действий фронта требовал и от редакции нового напряжения сил. Со срочными заданиями журналисты отправились туда, где решался исход дальневосточной войны. Капитан Бесов полетел в Чанчунь...

...Офицер, фамилии которого мы так и не узнали, доставил в редакцию пакет с пометкой: «Вручить немедленно». Это была корреспонденция Павла Бесова о подвиге воздушного десанта, овладевшего городом Чанчунь, о капитуляции японского гарнизона.

— А капитан погиб,— сказал офицер, передавая пакет редактору.

— Как погиб?!

Вопрос прозвучал, как протест: такое не могло случиться! Случилось. 22 августа 1945 года.

Капитан Павел Михайлович Бесов до конца выполнил свой долг воина и журналиста. Посмертно П. М. Бесов был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

...В вестибюле редакции газеты Забайкальского военного округа «На боевом посту» установлен бюст капитана Бесова. И теперь каждое утро, заступая на журналистский пост, мы встречаемся с Павлом Михайловичем Бесовым.

Его жизнь продолжается.

СОДЕРЖАНИЕ

К. Симонов. О ТЕХ, КТО НЕ ВЕРНУЛСЯ	5
Ю. Зельеенский. ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ...	11
Л. Самойлов. ПЕСНЯ ОСТАЕТСЯ В СТРОЮ	16
Н. Кружков. НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДРУГ	26
А. Бельская. ТАКИМ ОН БЫЛ	28
А. Щелоков. В СТЕПИ ПОД ПИРЯТИНОМ	33
В. Азаров. ЗАВЕЩАНИЕ	44
Л. Гурунц. «Я КОРОТКИЙ ВЕК ПРОВЕДУ В БОЯХ...»	54
Н. Тихонов. ВОСХОЖДЕНИЕ	59
Л. Макеев. ЗА СТРАНУ, ЧТО ЗОВУТ РОССИЕЙ	61
Е. Каменецкий. ПАМЯТЬ И ВОЛЬ	69
А. Целикова. ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ КОСТИ ШИШОВА	72
Б. Котельников. МАТ В ДВА ХОДА	85
М. Мержанов. «СЕРДЦЕ МОЕ КРЕПКОЕ...»	94
М. Поляновский. ВСЕГО ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА	97
В. Лясковский. СТРЕЛЯЮЩАЯ ФАМИЛИЯ	106
И. Крисковец. АРКАДИЙ МАНЬКОВ, ГАЗЕТЧИК	117
М. Бабушкин. ЕГО ДОБРОЕ ИМЯ	126
Н. Коротков. ПО ДОЛГУ КОММУНИСТА	134

М. Архарова. РАССКАЖУ ВАМ О ДРУГЕ...	140
А. Палажченко. ВСЕГДА НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ	146
Д. Холендро. ПОД ГРОХОТ ПУШЕК	154
М. Шибалис. БОЙ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ	160
А. Барышников. «ЧЕСТЬ БЫТЬ УЧАСТНИКОМ ВЕЛИКОЙ ВОРЬВЫ»	167
Ф. Кондратьев. ЗВЕЗДОЧКА	175
В. Портнов. СОЛДАТ — ВСЕГДА СОЛДАТ	181
Н. Толстова. 24 ГОДА СПУСТЯ	195
А. Белошеев. ПОСЛЕДНИЙ СНИМОК	205
Т. Карельштейн. ЧЕЛОВЕК СПОКОЙНОГО МУЖЕСТВА	211
П. Скурагов. «МОЯ ДОЛЖНОСТЬ НА ЗЕМЛЕ»	220
С. Кононов. В АТАКЕ	229
А. Рожнов. РЕДАКТОР ДИВИЗИОННОЙ	233
Д. Дажин. А СТРОКИ ПРОДОЛЖАЛИ ЖИТЬ	239
Ю. Чернов. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КОНСТАНТИНА ГРИШИНА	249
Е. Вечтомова. ЭТО НЕ ПРОШЛОЕ	263
А. Алешкин. НАСЛЕДНИК КРАСНОГО КАЗАКА	270
В. Воронецкий. УШЕЛ ЖУРНАЛИСТ НА ВОЙНУ...	277
И. Юдович. БАТЯ	287
М. Лисянский. ЖИЗНЬЮ СВОЕЙ ДОВОЛЕН	293
В. Сыгин. В КРАКОВЕ. НА ПЛОЩАДИ ВАРВАКАН	305
С. Елагин. ВТОРАЯ ЖИЗНЬ КАПИТАНА ВЕСОВА	312

**В редакцию не вернулся... Кн. 3-я. Изд. 2-е. М.,
В11 Политиздат, 1973.**

318 с. с илл.

На обороте тит. л. ред.-сост.: П. Д. Корзинкин.

Дорога, дымная дорога

Из боя в бой, из боя в бой...

Вместе с солдатами шли по этой дороге военные журналисты. Вместе сражались и гибли, не дописав последней корреспонденции.

Как и две первые, третья книга «В редакцию не вернулся...» рассказывает о журналистах, до конца выполнивших свой воинский долг. Сборник содержит воспоминания писателей и газетчиков о товарищах по оружию, приведены отрывки из дневников и писем тех, кто не увидел Дня Победы.

Книга адресована массовому читателю.

Заведующая редакцией А. Т. Шаповалова

Редактор Р. В. Короленко

Младший редактор Л. В. Окатьева

Художник Ю. А. Цишевский

Художественный редактор С. И. Сергеев

Технический редактор Н. П. Межеричкая

Сдано в набор 15 сентября 1972 г. Подписано в печать 14 декабря 1972 г. Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 20,46. Учетно-изд. л. 17,33. Тираж 100 тыс. экз. А00245. Заказ № 1767. Цена 67 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

**Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.**